

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ministry of Culture of the Russian Federation
State Historical, Cultural and Nature Museum-Reserve
Named after A.S. Griboedov “Khmelita”
A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences

ALEKSANDR GRIBOEDOV AND HIS EPOCH

Khmelitsky Sbornik (Khmelita Proceedings)

No. 18

MOSCOW – 2023

Министерство культуры Российской Федерации
Государственный историко-культурный
и природный музей-заповедник А.С. Грибоедова
«Хмелита»

Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук

А.С. ГРИБОЕДОВ И ЕГО ЭПОХА

Хмелитский сборник № 18

МОСКВА – 2023

УДК 069:82.09(06)
ББК 83.3(2)лб:83.3(2)1-8 Грибоедов А.С.
А11

<https://elibrary.ru/ysihcw>

Утверждено к печати Ученым советом ИМЛИ РАН

Редакционная коллегия:

*Е.В. Аблогина (отв. ред.), Н.В. Кулакова (председ.),
М.В. Скороходов (отв. ред.), А.С. Шолохова*

Рецензенты:

*С.Н. Пяткин – профессор, доктор филологических наук
(Арзамасский филиал Национального исследовательского
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского);
В.Г. Андреева – доктор филологических наук
(Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук)*

А.С. Грибоедов и его эпоха : Хмелитский сборник № 18 /
А11 отв. ред. Е.В. Аблогина, М.В. Скороходов. – Москва : МАКС
Пресс, 2023. – 384 с.
ISBN 978-5-317-07099-1
<https://doi.org/10.29003/m3652.khmelita-18>

Книга посвящена актуальным вопросам изучения биографии и творчества А.С. Грибоедова, отдельным аспектам его дипломатической службы, родственным и дружеским контактам, родословию Грибоедовых. Также в поле зрения авторов издания входят вопросы рецепции литературного наследия драматурга, музеефикации памятных грибоедовских мест, рассмотрения исторических контекстов грибоедовской эпохи, другие актуальные вопросы современного грибоедоведения.

Сборник адресован широкому кругу любителей отечественной словесности, исследователям русской культуры, музееведам, историкам.

Ключевые слова: А.С. Грибоедов, русская литература, драматургия, «Горе от ума», рецепция, перевод, дипломатия, генеалогия, музей-заповедник «Хмелита», наследие.

УДК 069:82.09(06)
ББК 83.3(2)лб:83.3(2)1-8 Грибоедов А.С.

ISBN 978-5-317-07099-1

© Музей-заповедник «Хмелита», 2023
© ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, 2023
© Авторы статей, 2023
© Оформление. ООО «МАКС Пресс», 2023

Editorial Board:

E.V. Ablogina (Executive Editor), *N.V. Kulakova* (Managing Editor),
M.V. Skorokhodov (Executive Editor), *A.S. Sholokhova*

Reviewers:

S.N. Pyatkin – Professor, Doctor of Philology, National Research
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Arzamas Branch);
V.G. Andreeva – Doctor of Philology, A.M. Gorky Institute of World Literature
of The Russian Academy of Science

Aleksandr Griboedov and His Epoch: Khmelitsky Sbornik
(Khmelita Proceedings) No. 18 / ed. E.V. Ablogina, M.V. Skorokhodov. – Moscow: MAKS Press, 2023. – 392 p. (In Russian)

ISBN 978-5-317-07099-1

<https://doi.org/10.29003/m3652.khmelita-18>

The book represents the collective study of Aleksandr Griboedov's personality and legacy, certain aspects of his diplomatic service, his kindred and friends, as well as his genealogy. The authors also contribute to the reception of the playwright's heritage, the museumisation of Griboedov-related memorable sites, the discussion of historical contexts at that time, and other focuses of modern Griboedov studies. Khmelita Proceedings aim to be of interest to a diverse group of audiences, including Slavacists, museologists and historians.

Keywords: Aleksandr Griboedov, Russian Literature, drama, “Gore ot Ouma”, reception, translation, diplomacy, genealogy, Museum-Reserve “Khmelita”, heritage.

ISBN 978-5-317-07099-1

© Museum-Reserve “Khmelita”, 2023

© IWL RAS, 2023

© Contributors, 2023

© MAKS Press LLC (design), 2023

СОДЕРЖАНИЕ

От редакционной коллегии 10

I. Творчество Грибоедова и его рецепция

Никишов Ю.М. Следы сценической поэмы в «Горе от ума» 15

Терешкина Д.Б. Частная переписка Грибоедова 39

Аблогина Е.В. Русский ум: генезис и национальное своеобразие
концепта *ум* в драматургии Грибоедова 53

Жужгина-Аллахвердян Т.Н. Личность и судьба А.С. Грибоедова
в элегическом творчестве В.К. Кюхельбекера и А.И. Одоевского 68

Бутеев Д.В. Художественные особенности пьесы Е.П. Ростопчиной
«Возврат Чацкого в Москву» 87

Шолохова А.С. Комедия «Горе от ума» в переводе Н.Д. Бенардаки:
особенности интерпретации текста 96

Каратоццо М. Итальянские переводы комедии «Горе от ума» 106

Букреева Е.М. Эскизы костюмов художника Николая Зарецкого
к комедии Грибоедова «Горе от ума» 120

Федоров М.Л. «Что за горе уму Грибоедова – режиссерские
горе-чудачества». Спектакль Вс. Мейерхольда «Горе уму»
в оценке Демьяна Бедного
(по архивным материалам ОР ИМЛИ РАН) 131

Талалай М.Г. Переосмысление Грибоедова публицистами
«второй волны» эмиграции 141

II. Грибоедов-дипломат

Мелвилл Ф.И. Восприятие личности Грибоедова и его наследия
в России, Иране, на Кавказе и в Великобритании 153

Короткова О.А. Азиатский департамент при Грибоедове 177

Калаши Н. К вопросу о рецепции Грибоедова в Иране 189

III. Бытовое окружение Грибоедова

Егерева Т.А. Допожарная Москва по неопубликованным письмам
1805–1806 годов княжны Е.А. Вяземской брату П.А. Вяземскому 197

Гурская Н.Г. Владения дворян Белкиных в Вяземском уезде 211

<i>Фролова Э.В.</i> Из истории владимирской ветви рода Грибоедовых.....	230
<i>Макаров А.И.</i> О родственных связях смоленского окружения Грибоедовых	240
<i>Леонтьев Я.В.</i> Дела III Отделения об оппозиционном смоленском дворянстве грибоедовского времени	258

IV. Грибоедов и музейное дело

<i>Кулакова Н.В.</i> Жизнь музея-заповедника А.С. Грибоедова «Хмелита» как российская и семейная история	283
<i>Скороходов М.В.</i> Усадебный мир Грибоедова и его рецепция в литературном пространстве Хмелиты	305
<i>Мертенс Е.С.</i> Культурная среда музея-заповедника А.С. Грибоедова «Хмелита»	321

V. In memoriam

<i>Леонидов В.В.</i> О Викторе Евгеньевиче Кулакове (1944–2019)	335
<i>Аблогина Е.В.</i> Памяти Вячеслава Анатольевича Кошелева (1950–2020)	356
<i>Аблогина Е.В., Мелвилл Ф.И.</i> Памяти Мэри Хобсон (1926–2020)	360

Указатель имен	369
-----------------------------	-----

CONTENTS

<i>Preface</i>	10
I. Griboedov's Works and Forms of Their Reception	
Traces of a Stage Poem in "Woe from Wit" (<i>Yury M. Nikishov</i>)	15
Private Correspondence of Griboedov (<i>Darja B. Tereshkina</i>)	39
Russian <i>Um</i> : Genesis and National Distinctions of the Concept in Griboedov's Comedy (<i>Evgeniia V. Ablogina</i>).....	53
Griboedov's Personality and Fate in the Elegies of W.K. Kukhelbecker and A.I. Odoyevsky (<i>Tamara N. Zhuzhgina-Allahverdian</i>)	68
Artistic Features of the Play "Chatsky's Return to Moscow" by E.P. Rostopchina (<i>Dmitry V. Buteev</i>).....	87
"Gore ot Ouma" Translated by Nicolas Benardaky: Aspects of Text Interpretation (<i>Anna S. Sholokhova</i>)	96
Italian Translations of the Comedy "Woe from Wit" (<i>Marco Caratuzzolo</i>)	106
Costume Sketches for the Comedy of Griboedov "Woe from Wit" by the Artist Nikolay Zaretsky (<i>Elena M. Bukreeva</i>)	120
"What a Woe to the Mind of Griboedov – Director's Woe-Oddities". Vs. Meyerhold's Performance "Woe to the Mind" Reviewed by Demyan Bedny (Based on Archival Material of IWL RAS) (<i>Maksim L. Fedorov</i>)	131
Rethinking Griboedov by the Publicists of the Second Wave of Emigration (<i>Michail G. Talalay</i>).....	141
II. Griboedov the Diplomat	
Perception of Aleksandr Griboedov's Persona and His Legacy in Russia, Iran, the Caucasus and Britain (<i>Firuza Melville</i>).....	153
The Asiatic Department in the Times of Griboedov (<i>Olga A. Korotkova</i>)	177
On the Issue of Griboedov's Reception in Iran (<i>Nahideh Kalashi</i>).....	189
III. Griboedov's Everyday Environment	
Pre-Fire Moscow in Princess E.A. Vyazemskaya's Unpublished Letters to her Brother P.A. Vyazemsky in 1805–1806 (<i>Tatyana A. Egereva</i>)	197

The Property of the Belkin Nobles in the Vyazemsky Uyezd (<i>Natalia G. Gurskaya</i>).....	211
From the History of the Vladimir Branch of the Griboedov Family (<i>Ella V. Frolova</i>).....	230
About Kinship Relations of the Smolensk Milieu of the Griboedovs (<i>Andrey I. Makarov</i>).....	240
Cases of the Third Section of His Imperial Majesty’s Own Chancery on the Opposition Smolensk Nobility of Griboedov’s Time (<i>Yaroslav V. Leontiev</i>).....	258

IV. Griboedov and Museum Studies

Life at the Museum-Reserve “Khmelita” as a Russian and Family History (<i>Nadezhda V. Kulakova</i>)	283
The Estate World of Griboedov and Its Reception in the Literary Space of Khmelita (<i>Maxim V. Skorokhodov</i>).....	305
Cultural Environment of the Museum-Reserve “Khmelita” (<i>Elena S. Mertens</i>).....	321

V. In memoriam

About Victor Ye. Kulakov (1944–2019) (<i>Victor V. Leonidov</i>).....	335
In Memory of Viacheslav A. Koshelev (1950–2020) (<i>Evgeniia V. Ablogina</i>).....	356
In Memory of Mary Hobson (1926–2020) (<i>Evgeniia V. Ablogina, Firuza Melville</i>).....	360

<i>Name Index</i>	369
-------------------------	-----

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

В очередной выпуск «Хмелитского сборника» включены статьи литературоведов, лингвистов, историков, культурологов, искусствоведов, музеологов, объединенные общим интересом к русской литературе и истории, вниманием к личности и деятельности знаменитого русского поэта, драматурга, музыканта, общественного деятеля, дипломата Александра Сергеевича Грибоедова. Все его дела неразрывно связаны с той исторической эпохой, в которую он жил, с литературным процессом первой трети XIX столетия, с установлением добрососедских отношений с окружающими Россию народами.

Грибоедов был яркой фигурой своего времени, эрудированным и разносторонне одаренным человеком, во многом опередившим свое время, истинным гражданином и патриотом России. В круг его общения входили многие современники, в числе которых писатели, поэты, общественные и политические деятели, военачальники. Сфера деятельности Грибоедова была чрезвычайно широка, многие аспекты его биографии до настоящего времени не получили всестороннего освещения, что отчасти объясняется скудостью документальных свидетельств, в том числе о рождении, детстве, юности, трагической гибели.

Масштабная личность Грибоедова, классика русской литературы, энциклопедически образованного человека, талантливого дипломата, страстного путешественника, до сих пор привлекает внимание как широкой общественности, читателей его произведений, зрителей поставленных по его пьесам спектаклей, так и специалистов. Одним из подтверждений исследовательского интереса к Грибоедову и его эпохе служит эта книга.

Значительная часть статей подготовлена на основе докладов, прозвучавших на международной научно-практической конференции «А.С. Грибоедов и его эпоха», которая проходила с 15 по 17 янва-

ря 2020 г. в с. Хмелита Вяземского района Смоленской области и была организована Государственным историко-культурным и природным музеем-заповедником А.С. Грибоедова «Хмелита» и Институтом мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук.

Помимо членов редакционной коллегии в редактировании целого ряда статей принимал участие М.В. Строганов, которому мы выражаем искреннюю признательность.

Хмелитский сборник состоит из пяти разделов, статьи в которых объединены по тематике.

Первый наиболее объемный раздел посвящен рассмотрению творчества Грибоедова и его рецепции. Характеризуются следы сценической поэмы в «Горе от ума» (Ю.М. Никишов), частная переписка драматурга (Д.Б. Терешкина), генезис и национальное своеобразие концепта *ум* в драматургии Грибоедова (Е.В. Аблогина). Рассматривается влияние наследия Грибоедова на творчество В.К. Кюхельбекера, А.И. Одоевского (Т.Н. Жужгина-Аллахвердян) и Е.П. Ростопчиной (Д.В. Бутеев). Уделяется внимание переводам грибоедовских произведений, которые привлекают внимание представителей разных национальных культур, в том числе первому переводу комедии «Горе от ума» на английский язык, выполненному Н.Д. Бенардаки (А.С. Шолохова), и переводам этой комедии на итальянский язык (М. Каратоццо). Пьеса, написанная почти 200 лет назад, все это время волнует художников (статья Е.М. Букреевой посвящена рассмотрению эскизов костюмов Н. Зарецкого), режиссеров (М.Л. Федоров описывает реакцию Демьяна Бедного на спектакль Вс. Мейерхольда «Горе уму»). М.Г. Талалай характеризует восприятие Грибоедова публицистами «второй волны» эмиграции.

Второй раздел посвящен дипломатической службе Грибоедова и основан на архивных и других редких материалах. Открывает его обзорная статья Ф.И. Мелвилл, характеризующая особенности восприятия деятельности Грибоедова в контексте разных культурных традиций (в России, Иране, на Кавказе и в Великобритании). Характеризуется деятельность Азиатского департамента Министерства иностранных дел Российской империи при Грибоедове (О.А. Короткова) и рецепция его образа в Иране (Н. Калашин).

Всестороннее изучение Грибоедовской эпохи невозможно без рассмотрения литературного и бытового окружения Грибоедова,

его личных связей, без обращения к истории его рода и к родословию дворянских семей, с которыми общались Грибоедовы в годы жизни во Владимирской и Смоленской губерниях. В третьем разделе есть статьи, посвященные Е.А. Вяземской и П.А. Вяземскому (их неопубликованные письма 1805–1806 гг. – основа исследования Т.А. Егеревой), соседям Грибоедовых по Вяземскому уезду Белкиным (Н.Г. Гурская), представителям владимирской ветви рода Грибоедовых (Э.В. Фролова), родственным связям смоленского окружения Грибоедовых (А.И. Макаров), представителям оппозиционного смоленского дворянства грибоедовского времени (Я.В. Леонтьев).

Четвертый раздел связан с историей села Хмелита, в котором в детстве и юности жил Грибоедов и в котором работает теперь единственный посвященный ему музей – Государственный историко-культурный и природный музей-заповедник А.С. Грибоедова «Хмелита». Историю усадьбы и сформировавшегося на ее базе музея рассматривает Н.В. Кулакова, биографию и творчество драматурга с учетом его раннего приобщения к усадебной культуре – М.В. Скороходов. Культурная среда музея-заповедника привлекает внимание Е.С. Мертенс.

Заключительный раздел «Хмелитского сборника» посвящен памяти ушедших коллег и учителей – Виктора Евгеньевича Кулакова, создателя и первого директора музея-заповедника «Хмелита», Вячеслава Анатольевича Кошелева, блестящего филолога, посвятившего многие свои исследования Грибоедову и его эпохе, и Мэри Хобсон, известному слависту, автору переводов произведений Грибоедова на английский язык. Мы также скорбим о безвременной кончине Натальи Геннадьевны Комар (1978–2022). Славист, кандидат филологических наук, доцент Казанского (Приволжского) федерального университета и Казанской православной духовной семинарии, основатель и первый директор «Культурного центра имени А.С. Пушкина» в Казани, Наталья Геннадьевна запомнилась участникам конференции 2020 г. в Хмелите как деятельный и исключительно светлый человек. Ее последняя научная публикация была посвящена теме семьи и воспитания в комедии Грибоедова.

Справочный аппарат включает указатель имен.

Книга адресована широкому кругу любителей отечественной словесности, исследователям русской культуры, музеоведам, историкам.

I. ТВОРЧЕСТВО ГРИБОЕДОВА И ЕГО РЕЦЕПЦИЯ

<https://doi.org/10.29003/m3653.khmelita-18/15-38>

<https://elibrary.ru/zyhpuq>

Научная статья / Research Article

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2 Рос=Рус)

This is an open access book
Distributed under the Creative
Commons Attribution-NoDerivatives
4.0 (CC BY-ND)

СЛЕДЫ СЦЕНИЧЕСКОЙ ПОЭМЫ В «ГОРЕ ОТ УМА»

© 2023. Ю.М. Никушов

Аннотация: А.С. Грибоедов засвидетельствовал, что первоначально «Горе от ума» задумывалось в жанре сценической поэмы, потом замысел театрализован. Полностью восстановить начальный замысел невозможно, но в статье делается попытка выделить хотя бы его следы. Помогает аналогия: на Грибоедова оказал влияние Гёте своим «Фаустом». От драматургических сочинений сценическая поэма наиболее заметно отличается организацией сценического действия, системой образов, степенью условности изображения. Грибоедов проявил и мастерство драматурга, а все-таки завершил «Горе от ума» не типично для комедии открытым финалом. Традиция видеть в Чацком фигуру борца-победителя помешала оценить глубину откровения. Нужно действительно обладать незаурядным умом, чтобы увидеть неизбежность одиночества человека в разобщенном мире. «Я как живу, так и пишу свободно и свободно», – отвечал Грибоедов на критику. Сценическая поэма для свободы предоставляла больше простора.

После «Горя от ума» Грибоедов написал трагедию «Грузинская ночь». Здесь задействованы злые духи Грузии. Изобразить их на сцене было бы затруднительно. Фантазия читателя эффективнее. А фантастический компонент позволяет частный конфликт (князь – его многолетняя служанка-кормилица) вывести на уровень мироздания. К сожалению, от законченной трагедии сохранились лишь два черновых отрывка.

Грибоедов не захотел стать профессиональным литератором. После недолгого периода ученичества он брался за перо, чтобы художественно воплотить для себя мировоззренческие открытия. Смерть художника на взлете – большая потеря для русской литературы.

Ключевые слова: сценическая поэма, организация сценического действия, система образов, степень условности изображения, замысел и его воплощение.

Информация об авторе: Юрий Михайлович Никишов – доктор филол. наук, профессор, независимый исследователь, Тверь, Россия.

E-mail: yunik1932@mail.ru.

Для цитирования: *Никишов Ю.М.* Следы сценической поэмы в «Горе от ума» // А.С. Грибоедов и его эпоха: Хмелитский сборник № 18 / отв. ред. Е.В. Аблогина, М.В. Скороходов. М.: ООО «МАКС Пресс», 2023. С. 15–38. <https://doi.org/10.29003/m3653.khmelita-18/15-38>.

TRACES OF A STAGE POEM IN “Woe FROM WIT”

© 2023. *Yury M. Nikishov*

Abstract: A.S. Griboedov said that “Woe from Wit” was conceived in the genre of a stage poem but then the idea became more theatrical. The initial concept being impossible to reconstruct, the article attempts to highlight at least its traces.

An analogy helps here: Griboedov was influenced by Goethe’s “Faust”. The stage poem most noticeably differs from dramatic compositions by the organization of the stage action, by the system of images, and by the degree of the conventionality of the image.

Griboedov also showed the playwright’s mastery; however, he completed “Woe from Wit” in a nontypical way for a comedy – with an open ending. Traditional seeing Chatskii as a victorious fighter neglects the depth of the revelation. It takes an extraordinary mind to see the inevitability of human loneliness in a divided world.

“I live and I write both freely and freely,” Griboedov replied to criticism. The stage poem provided more place for freedom.

After “Woe from Wit” he wrote the tragedy “Georgian Night”, the evil spirits of Georgia involved. Portraying them on stage would be difficult, the readers’ imagination is more effective. The fantastic component allows an individual conflict (of the prince and his long-term wet-nurse) to be brought to the level of the universe. Unfortunately, only two fragment drafts of the finished tragedy remained.

Griboedov did not want to become a professional writer. After a short period of apprenticeship, he took up the pen to commit his worldview discoveries to paper for himself in an artistic form. His death on the rise is a great loss for Russian literature.

Key words: stage poem, organization of stage action, system of characters, degree of conventionality in representation, plan and its implementation.

Information about the author: Yury M. Nikishov – DSc in Philology, Professor. Independent Researcher. Tver, Russia.

E-mail: yunik1932@mail.ru

For citation: Nikishov, Yury M. Traces of a Stage Poem in “Woe from Wit”. *Aleksandr Griboedov and His Epoch: Khmelitsky Sbornik No. 18*. Ex. ed. Evgeniia V. Ablogina, Maxim V. Skorokhodov. Moscow: MAX Press Publ., 2023. pp. 15–38. (In Russian). <https://doi.org/10.29003/m3653.khmelita-18/15-38>.

Сохранилось размышление писателя, которое, предполагают, было приготовлено для предисловия к «Горю от ума» (в этой роли оно не понадобилось, поскольку комедию автору не удалось напечатать):

Первое начертание этой сценической поэмы, как оно родилось во мне, было гораздо великолепнее и высшего значения, чем теперь в суетном наряде, в который я принужден был облечь его. Ребяческое удовольствие слышать стихи мои в театре, желание им успеха заставили меня портить мое создание сколько можно было. Такова судьба всякому, кто пишет для сцены... [Грибоедов, 1988, с. 371].

Признание Грибоедова в ходу у исследователей, но обычно высказывается лишь сожаление, что нам не суждено узреть грандиозного замысла. Возможно ли хоть как-нибудь проникнуть в него? А.А. Лебедев даже четко и внятно поставил задачу: «Странно... предположить, что в “Горе от ума” невозможно отыскать *никаких следов* “первоначального начертания этой сценической поэмы”, как она родилась в сознании Грибоедова» [Лебедев, 1982, с. 116]. Действительно странно, что автор четко поставил реальную задачу, но от решения ее уклонился, зато версию о снижении начального замысла поддержал, даже в такой резкой форме: «Грибоедов *рассчитанно* <?> пошел на искажение <?> своего первоначального замысла, пошел на компромиссное снижение его» [Лебедев, 1980, с. 134].

При этом допускается серьезная логическая ошибка: подменяется предмет размышления. К тому подталкивает выражение «первое начертание», как будто уже воплощенное. Но практическая работа вряд ли далеко продвинулась, речь шла только о замысле нового творения, а конкретнее – только о *форме* его, о превосходстве великолепия сценической поэмы перед «суетным нарядом» комедии.

Форма влияет на восприятие содержания («Встречают по одежке...»). Но поэт ни словом, ни намеком не говорит о снижении (тем более о целенаправленном снижении) *содержания* своего начального замысла. Прямые потери содержательного плана тут исключены. Косвенные, в связи с изменением формы, неизбежны; тут поэту просто поверим на слово. Но сравнивать нужно не то, что задумывалось, и то, что получилось. Мы этого не сможем сделать, поскольку не знаем, как выглядело первоначально задуманное (это знал только автор). Но можно и нужно сравнивать то, что получилось, и то, что в ту пору было вокруг: тогда и увидим рождение шедевра русской литературы, а в Грибоедове – талант драматурга. «Горе от ума» и в «суетном наряде» грандиозно. Высокому уровню соответствует не только замысел «сценической поэмы», но и реализованный текст комедии.

Разумеется, в полном объеме восстановить первоначальный замысел писателя невозможно, увидеть следы его – задача достижимая. Кое-что можно получить на пути аналогий. Легко назвать произведение, которое волнующим образом было в сознании Грибоедова: это «Фауст» Гёте. Грибоедов переводил пролог к этой сценической поэме. Как ни странно, влияние «Фауста» на Грибоедова не привлекло должного внимания. Оно указано И.Н. Медведевой, причем не в ее монографии, а лишь во вступительной статье к подготовленному ею сборнику произведений Грибоедова в стихах, но никем не было поддержано и развито. И.Н. Медведева замечает, что у Гёте было заимствовано Грибоедовым даже само обозначение жанра первого замысла: «“Фауст” в печати обозначен как трагедия, но Гёте именовал свое произведение “поэмой”, “драматической поэмой”, “сценической поэмой” и даже называл “песнями” отдельные главы-сцены с их заглавиями, характеризующими содержание...» [Медведева, 1967, с. 19].

И.Н. Медведева выделяет достоинства предшественника: в «Фаусте» «умещена грандиозная тема, дано “объяснение всего человеческого” на сравнительно небольшом пространстве повествования, бла-

годаря свободному движению действия, свободной смене мыслей и персонажей, благодаря умолчаниям там, где читатель сам может додумать и дочувствовать то, что дано намеком». Поэтика сценической поэмы «допускала и присутствие лирического авторского я, которое, как бы под сурдинку, проникало в действенное я героя. Вся эта поэтическая система, мечтаемая Грибоедовым для своей «сценической поэмы», являлась высшей смелостью «Фауста»... Она-то, эта поэтика, и противостояла «узкой рамочке» правил французского классицизма, она-то и позволяла поэту, давши волю своему воображению, «расходиться по широкому полю» [Там же, 20].

В «Горе от ума» следы сценической поэмы и комедийные приемы не так-то просто выделить и разложить по разным кучкам: Грибоедов позаботился о целостности своего творения.

Рассмотрим начальные (экспозиционные) явления комедии. Действие начинается на рассвете, но уже позднем, потому что зимнем, того дня, когда Фамусов появляется в гостиной, привлеченный музыкальными звуками. В построении эпизода можно видеть разные тенденции.

Пожалуй, в анализах сцены с Лизой преобладает преувеличение грехопадения Фамусова: «Как барин-помещик он ведет себя с крепостной горничной» [Цимбаева, с. 29]; «Грибоедов в самом начале комедии рисует его как бесцеремонного блудодея и хвастуна» [Медведева, 1974, с. 13]; «Страшный для молодых любовников, Софьи и Молчалина, Фамусов сам не прочь выступить в роли любовника» [Маймин, 1972, с. 136] и т. п. Посмотрим, что в комедии. Лиза поймана за вызывающей удивление проказой с часами, за которую, она предчувствует, ей «будет гонка». А тут сам барин! (Цитируя диалоги, я буду опускать принятое в драматических сочинениях обозначение имен персонажей):

– Нет, сударь, я... лишь невзначай...

– Вот то-то невзначай, за вами примечай;

Так, верно, с умыслом.

(Жметя к ней и заигрывает.)

Ой, зелье, баловница.

– Вы баловник, к лицу ль вам эти лица!

– Скромна, а ничего кромé

Проказ и ветру на уме.

- Пустите, ветреники сами,
Опомнитесь, вы старики...
– Почти.
– Ну, кто придет, куда мы с вами?
– Кому сюда прийти?
Ведь Софья спит?

Положение Лизы труднейшее – попробуйте-ка придумать сколько-нибудь внятный повод явного озорства. Она произносит слова-отговорки («я... лишь невзначай...»). Ага: «невзначай» подставила стул, влезла на него, передвинула стрелки часов... Фамусов иронизирует над этим «невзначай», подсказывает более вероятную версию: «Так, верно, с умыслом». Каким умыслом – Фамусов словом не договаривает, поясняет жестом; он же снимает служанку со стула, фактически обнимая ее, а следом демонстративно «жметя к ней» – и находит это приятным! Так (экспромтом) прерывается детективная линия сюжета, которая привела Фамусова в гостиную, а возникает линия «амурная».

Лизу пугает «и барский гнев, и барская любовь». Барская любовь Лизе не угрожает. «Умысел» Фамусова на слово «любовь» никак не тянет, ближе к истине тут была бы «прихоть». Сама ситуация заигрывания – вот тут уж точно – возникла «невзначай». На игру служанки с часами, неясную для хозяина, внезапно затеялась встречная игра. Лиза неуступчива, и это Фамусова забавляет. Укор: «вы старики» – не обижает, а смешит: Фамусов знает, что он кое на что способен. Но в обмене репликами возникает имя Софьи – и всё: «амурная» линия обрывается: «Фамусов – старый, тертый циник, достаточно вспомнить, как он жметя к Лизе, а спустя несколько минут ставит себя в пример дочери» [Соловьев, с. 157].

Н.К. Пиксанов простому объяснению почему-то не доверяет и поведение Фамусова воспринимает неубедительным: «Странно, что Фамусов, в первый раз появляясь на сцене, так боится разбудить Софью... и крадетя вон из комнаты, услышав голос дочери. <...> Все-таки можно с натяжкой объяснить его торопливое удаление боязнью, как бы Софья не застала его с Лизой» [Пиксанов, 1971, с. 269]. Тут не натяжка, а полноценная разгадка. Перед дочерью Фамусов очень хочет выглядеть образцово-показательным. Он вскоре похвастается: «Монашеским известен поведением!..» Нет оснований

полагать, что Фамусов каким-либо образом выделяет Лизу из многочисленной дворни (а и выделял бы – заводить интимные отношения именно с ней из-за ее близости к дочери поостерегся бы). Так что «амурная» линия Фамусов – Лиза исчерпывается минутной сценой; удовольствий хозяину она доставила крайне мало, но тотчас повлекла за собой чувствительные неприятности и серьезно скривила основную для начала комедии детективную линию.

Софья за дверью окликает Лизу. Фамусов «крадется вон из комнаты на цыпочках». При вторичном появлении в гостиной в дверях сталкивается с Молчалиным. Происходит второй этап расследования.

Все-таки плохой из Фамусова дознаватель. Он пытается быть грозным, но конфузится «при воспоминании о несколько легкомысленном поведении своем с горничной дочери» [Гриневская, с. 134]. И Софья перехватывает инициативу: «Как давиче вы с Лизой были здесь, / Перепугал меня ваш голос чрезвычайно, / И бросилась сюда я со всех ног...» Фамусов почувствовал эту перемену: «Пожалуй, на меня всю суматоху сложит. / Не в пору голос мой наделал им тревог!» Даже само сочетание «вы с Лизой были здесь», нейтральное по содержанию, двусмысленности не предполагающее, неприятно Фамусову, приравнивается к намеку: «Защищаясь, Софья и Молчалин одновременно и нападают: иногда намеренно, чаще – сами того не сознавая. “Нечистая совесть” Фамусова заставляет его даже оправдания воспринимать как упрек в собственный адрес» [Маймин, 1970, с. 52]. «Почувяв, что гнев отца ослабевает», Софья, «вначале путаясь, а потом все более увлекаясь, рассказывает отцу свой знаменитый сон» [Гриневская, с. 134].

Когда после Фамусов переключается на допрос Молчалина («Ну, сударь мой, а ты?»), тот, выкручиваясь, заявляет, что он зашел сюда с прогулки, но именно к начальнику на его голос – с бумагами. Даже находит мотивировку, для чего ему понадобился начальник (правда, служебное рвение с раннего утра остается для Фамусова подозрительным).

Потянешь за ниточку мотивировок поступка (даже иной раз реплики) – вытягивается представление о характере персонажа. Вот и тут. Пишет И.А. Гриневская, заступница Софьи (к Молчалину она относится пренебрежительно):

В минуты большой опасности, когда отец застаёт ее наедине с Молчалиным, и тому грозит большая беда, Софья пытается выгородить его... Когда Фамусов обращается с вопросом к дочери: «Как вас Бог не в пору вместе свел», Софья, видя что Молчалин ни жив, ни мертв – с храбростью отчаяния выручает его...: «Он только что вошел...» Молчалин, ободренный неожиданной поддержкой, прибавляет с лакейским нахальством: «Сейчас с прогулок» (у Грибоедова – «с прогулки»).

А нападает Фамусов на Молчалина – и вновь вмешивается Софья:

«Я гнева вашего никак не растолкую», – говорит тут Софья уже с некоторой твердостью и смелостью. <...> Она чувствует, что ставится на карту самое существование Молчалина. Но Фамусов не унимается; в ответах дочери, ее фигуре, выражении лица – он не находит ничего успокоительного» [Гринеvская, с. 134].

А что если мы чуть-чуть изменим ракурс восприятия? Оставим при себе неприязнь к «робкому» персонажу, а все-таки посмотрим на эпизод глазами ему сочувствующих. Никакой паники не увидим. Разрядку находит именно Молчалин – папкой с бумагами.

А что в папке, оказавшейся в его руках? Даже высказывалось предположение, что там (не для глаз начальника) – ноты [Фомичев, с. 62]. Или Молчалин такой осторожный, что на всякий случай (вот и пригодилось!) на свидание какие-то бумаги прихватил? Фамусов уводит секретаря «бумаги разбирать», «в дверях пропускает его вперед». Тут осторожничает Фамусов: этикет у двери нарушен ради того, чтобы у подчиненного и мысли не возникло сделать за его спиной какой-нибудь знак девушке (хоть прощальной улыбкой ее наградить).

А если бы Фамусов заглянул в папку? Да обнаружил ноты? Тут на Молчалина придется взглянуть другими глазами – как на человека, способного принять неожиданное, очень рискованное, но оправданное удачей смелое решение.

Вот так из мелочи, из пустяка вытягиваются вполне существенные заключения. Но нельзя обольщаться находками, теряя чувство меры: гипотеза не есть истина. К тому же и выбор альтернатив зачастую отнюдь не прост.

О результатах намеченной бумажной разборки ничего не сообщается. Надо заключить, что ее и не было: барского гнева не последовало – значит, «деловой» секретарь вышел сухим из воды. За

Фамусовым тоже не водится «усердя к письменным делам»; может, пресек свидание дочери, невольное или условленное, с человеком, не достойным, по его мнению, ее внимания, – и тем удовольствовался; не заниматься же делами натошак, до завтрака. Может, как-то Молчалин сумел выпутаться. Каким именно способом он этого достиг – не заслужило интереса автора. Любопытству читателей-зрителей пределов не поставлено; но и позицию автора понять можно. Не все сразу: для начала хватило разобраться в логике персонажей, которая, оказывается, у каждого своя, и здесь что ни слово, то и ложь, говорят одно, а думают иное. Для зрителей становится выразительнее текст, когда угадывается подтекст.

Как видим, драматургическое мастерство Грибоедова заслуживает очень высокой оценки. Актерам есть что играть. Сцена психологически насыщена, диапазон колебаний настроений весьма значителен. Оплошность чревата крутой «гонкой», а молодежи, из-за промахов дознавателя, удается отвести опасность. Комедийные приемы высокого уровня могут служить успеху глубокого замысла, ими нельзя пренебрегать. Между тем неполнота сообщаемых сведений – органическое свойство сценической поэмы.

Признано, что в основе эпоса лежит событие (многостороннее постижение бытия), в основе драмы – действие (причинно-следственные связи, ориентация на начальную ситуацию, с разрушением ее в трагедии или подкреплении в комедии). Сценическая поэма делает шаги по сближению с эпосом. Возникает тенденция увеличения числа эпизодов – за счет снижения тщательности их прорисовки.

Самый значительный, но ничуть не броский парадокс «Горя от ума»: приемы художественного изображения, почерпнутые из арсенала сценической поэмы, вводятся не автономно, а в тесном переплетении с приемами комедийными. Тем не менее в «Горе от ума» не трудно увидеть следы сценической поэмы, если четко определим, что хотим найти. Так что прежде всего попробуем обозначить, чем особенно сценическая поэма отличается от драматургических сочинений. Организацией сценического действия. Системой образов. Степенью условности изображения.

«Горе от ума» завершено в годы обострившейся полемики между романтиками и классицистами (романтики первыми осознали

себя как особое литературное направление; классицисты не знали, что они классицисты, они просто делали литературу, но фактически действительно создали первое литературное направление; название ему дали те, кто с ним полемизировал, часто с добавлением уничижительных приставок: «ложноклассицизм», «псевдоклассицизм»; приставки со временем отпали). Активнее всего романтики нападали на правило единства места и времени в драматургии: пятиактное действие совершалось без смены декораций, ему полагалось уместиться в 24 часа. Пушкин в черновом наброске «О трагедии» написал: «...место и время слишком своенравны: от сего происходят какие неудобства, стеснение места действия. Заговоры, изъяснения любовные, государственные совещания, празднества – всё происходит в одной комнате! – Непомерная быстрота и стесненность происшествий, наперсники... а *parte* столь же несообразны с рассудком, принуждены были в двух местах и проч. И всё это ничего не значит» [Пушкин, т. VII, с. 27]. Пушкин отмечает и формализм следования правилам: «Посмотрите, как смело Корнель поступил в “Сиде”: “А, вам угодно соблюдать правило о 24 часах? Извольте”. И тут же он нагромождает событий на 4 месяца» [Там же, с. 521].

Грибоедов – практик, а не теоретик, ему неприятны те, «в ком более вытверженного, приобретенного потом и сидением искусства угождать теоретикам, т. е. делать глупости...»; упрек Катенина «*Дарования более, нежели искусства*» он обращает в комплимент: «Я как живу, так и пишу свободно и свободно» [Грибоедов, 1988, с. 510].

Впрочем, тут не обходится без парадокса. Что касается сюжетных событий в «Горе от ума», они без всякой натуги умещаются в положенные 24 часа. Но встает задача восстановить биографию Чацкого, и она, как и определение возраста героя, оказывается непростой, разноплановой: вместить в эпизоды общения героя с людьми, среди которых он вырос, его три года отсутствия-возмужания. Их иногда наполняют одним словом – путешествовал. Да, и путешествовал, вероятнее – в конце трехлетия, а еще именем поуправлял, с точки зрения Фамусова, «оплошно» (а с точки зрения крепостных, надо полагать, гуманно), и, возможно, какой-то проект сочинил, а, надо полагать, поэтому был в связи с министрами (результата нет – уж, конечно, не по его вине). Поэт свою похвалу

вынужден озвучить голосами неискренними: «славно пишет, переводит» (Фамусов), «в друзьях особенно счастлив» (Софья). Характер показан в действии – это от комедии, желание развернуть вширь – это от сценической поэмы.

Возраст Софьи (на момент действия) указан прямо: семнадцать лет. Стало быть, разлука с Чацким произошла, когда ей было четырнадцать. Не рановато ли говорить о серьезности ее чувства? А Чацкий убежден, что девочка всерьез его полюбила. А дальше он исходит из оценки собственного чувства: если в нем самом любовь не угасла, но утвердилась, то и в Софье произошло то же самое. Чацкому сначала присмотреться бы к выросшей девушке, не подавляя ее своим чувством, а он, наткнувшись на ее холодность, начинает с упрека: «Ни на волос любви!»

Обманчиво выглядит соблюдение правила единства места. Вроде бы оно выполняется. Помечено: «Действие в Москве, в доме Фамусова». Но если, задним числом, представить себе место действия конкретнее, обнаружится и его неправдоподобие; правило соблюдено – лишь формально.

Ремарка к первому действию содержит странность: «Гостиная, в ней большие часы, справа дверь в спальню Софьи». Позже из разговоров будет ясно, что в доме имеются мужская и женская половины; в спальню Софьи не могла вести дверь из гостиной. Молчалину достанется раздраженный вопрос хозяина: «Зачем же *здесь?* и в этот час?» Но быть в гостиной живущему в этом доме не криминал. Так ведь возле спальни девушки...

Е.Н. Цимбаева констатирует: «План любого дворянского дома средней руки был одинаков: парадная анфилада заканчивалась в торцах крайних комнат окнами или зеркалами, которые зрительно расширяли ее протяженность». Исследовательница уверяет: именно это мы наблюдаем в грибоедовской комедии: «Три первых акта проходят в последней комнате парадной анфилады». Далее следует опора на ремарку: «...от которой дверь ведет вправо в комнату Софьи». Но на той же странице исторического комментария в качестве нормы фиксируется иное: от последней комнаты анфилады «вглубь дома уходили личные комнаты и спальни хозяев, отделенные от анфилады узким коридором» [Цимбаева, с. 21]. Топонимика сцены отнюдь не повторяет типичной топонимики дома.

Топонимических ремарок нет во втором и третьем актах – и, вероятно, со смыслом: действие продолжается на той же сценической площадке; это приводит к новым накладкам. По логике вещей действие второго акта должно начинаться в кабинете Фамусова, где под рукой надлежит быть календарю (слуге дается распоряжение: «Достань-ка календарь...», а не «сбегай за календарем»). Но хозяин диктовку слуге переносит в гостиную (как полагал Ю.П. Фесенко, присматривая за дверью в комнату Софьи):

Фамусов зорко охраняет свою дочь. Видимо, поэтому как раз в гостиной, а не в своем кабинете, он диктует Петрушке программу визитов на неделю, обменивается резкими монологами с Чацким, хочет навести Скалозуба на мысль о женитьбе на Софье. <...> Плотная затворенная дверь исподволь намекает на возможность совершенно иного развития и понимания событий, а также бросает ироничный и отчасти тревожный ответ на все происходящее. Фамусовский мир только внешне выглядит устойчивым [Фесенко, с. 141].

Свободное перемещение хотя бы в пространстве усадебного дома – след сценической поэмы.

Чацкий вторично появляется здесь без доклада (хотя о его прибытии совсем недавно докладывалось Софье): дана установка принимать его как своего человека? Зато теперь слуга докладывает о прибытии Скалозуба. Полковник мешкает, хотя слуга должен был бы указать, где хозяин. Фамусов спохватывается: «А! знать, ко мне пошел в другую половину». Отлучается и приводит Скалозуба сюда, хотя желания знакомить его с Чацким у него нет. После, недовольный Чацкий, объявляет: «Сергей Сергеич, я пойду / И буду ждать вас в кабинете», где и следовало бы заниматься деловыми записями. Там же продолжит принимать Скалозуба, но после того, как представит его Чацкому – и публике, конечно, в первую очередь.

Только Скалозуб успел невпопад отреагировать на монолог Чацкого, вбежала Софья с криком: «Упал, убили!» – речь идет об упавшем с лошади Молчалине. Тут логично: девушка не добежала до дверей в свою комнату. Огорченный холодностью к нему Софьи Чацкий уходит, не прощаясь, чтобы вскоре (после антракта) возвратиться к тем же самым дверям.

Место третьего действия комбинирует место двух действий. Вначале несколько явлений камерных – возле всё той же знакомой нам

двери в комнаты Софьи (кроме спальни у нее, без сомнения, был и кабинет). Но вскоре гостиная преобразуется в место сбора гостей и в танцевальный зал.

Подробна ремарка к последнему акту. Описываются парадные сени. Отдельно выделены «чуланчик» Молчалина и швейцарская, которая *пустует* и послужила укрытием Чацкому от назойливого Репетилова (это позволило Чацкому услышать кое-какие вещи о себе), а швейцар обнаруживается не при разъезде гостей, где для него самая работа, а в толпе слуг, прибежавших на шум, сопровождая хозяина.

Задним числом становится очевидным курьез реплики Молчалина: «Я слышал голос ваш». Он его действительно слышал – но из комнаты Софьи. А вот из парадных сеней (якобы возвращаясь с прогулки) он слышать голос хозяина, за дальностью расстояния, никак не мог. Так что молчалинская ложь еще и наглая.

О нестыковках надо говорить потому, что они есть, но ничуть не с целью уязвить писателя за художественное несовершенство его пьесы. Уловить авторскую логику важнее, чем сравнивать изображение с натуральностью фактографии. Жизнеподобие в основе достигается и даже доминирует. А потребовалось автору, чтобы действие шло возле дверей девичьей спальни, он делает спальню и гостиную смежными, ничуть не подсказывая специалистам именно такое архитектурное решение при сооружении барских особняков. Художественный интерес важнее фактографии.

О несогласованностях комедии писал Пиксанов:

...если художественное создание прекрасно в основном, такие несообразности только оттеняют глубокую правдивость целого произведения. Художественная культура зрителя состоит в том, чтобы не шокироваться трепещущей от толчка декорацией, изображающей гранитную стену, входить в условности актерской игры, воспринимать известные данные не по грубой их реальности, а как условности, как символы. Однако та же художественная культура позволяет более чутко воспринимать и недостатки пьесы, что не вредит, а только интимнее делает понимание творчества. ...несообразности не так существенны. Они не нарушают ни психологической правды, ни логической композиционной схемы [Пиксанов, 1971, с. 259].

Ср. (свидетельствует современный критик): «над словами и даже поступками действующих лиц комедии властвует целое – поэтическая

система “Горя от ума”. В художественной системе комедии бытовое и психологическое правдоподобие отодвинуто на задний план и подчинено поэтической правде» [Соловьев, с. 156–157].

Источник отмеченных несоответствий носит жанровый характер. Пусть Грибоедов поменял первоначальный замысел «Горя...» со сценической поэмы на комедию: все равно что-то близкое его душе даже и произвольно скажется и в новом исполнении. В сценической поэме важно тщательно прорисовать опорные эпизоды – и опасаться, чтобы второстепенное не заслоняло главное, да и не затягивало действие.

Грибоедов-поэт любит придавать действию ритмический характер. Велика роль ритмичных повторов в построении комедии. «Горе от ума» уместно воспринимать комедией уходов. В первом действии появившийся в очередной раз в гостинной Фамусов видит беседующим с Софьей нового мужчину. Воспользовавшись приходом отца, уходит к себе Софья и с нею Лиза. У Чацкого, обескураженного холодностью Софьи, разговор с Фамусовым не клеится; гость уходит с намерением побывать у себя дома. Фамусов озадачен: «Что за комиссия, создатель, / Быть взрослой дочери отцом!» Растревоженный, уходит. Сцена остается пустой. Хороший зачин.

Симметрично строится второе действие. Но тут завязывается интрига, добавляет кутерьмы обморок Софьи из-за падения Молчалина с лошади. Софья намеревается заменить обед свиданием с Молчалиным. Тот тоже не против пропустить обед, но ради свидания не с хозяйкой, а с ее служанкой. В финале на сцене остается одна Лиза, досадуя на парадокс: «Она к нему, а он ко мне...» У нее своя забота: «А как не полюбить буфетчика Петрушу!» И как будто спохватывается, пугается своей (хоть и в пустоту) откровенности, убегает. Снова пустеет сцена.

Финал третьего действия контрастен: присутствуют все гости, явившиеся на зов Фамусова. Это для того, чтобы подчеркнуть одиночество Чацкого, что фиксируется прямо: «И в многолюдстве я потерян, сам не свой».

Четвертое, последнее действие все построено на отъездах, но это – явление бытовое. Значимое отнесено к финалу. Здесь не просто отъезд главного горемыки к ночлегу. Здесь разрыв, решительный, бескомпромиссный.

Но комедию-то надо еще доиграть. Есть еще монолог Фамусова – адресный, к дочке, и совсем не грозный, как прежде, а жалостливый: «А ты меня решила уморить?» Последние слова – это уже мысли вслух, для себя, слова поднимающегося по лестнице. А уйдет хозяин – кучками и поодиночке потянутся прочь и слуги. На этот раз сцена не опустеет. Остается безмолвная Софья. Наверное, к ней бросится Лиза. Скульптурный финал. «Чацкий со скандалом покидает сцену, а вопросы – остаются. Они висят в опустевшем пространстве сцены...» [Грекова, с. 9].

В изображении лиц у автора контрастные заботы: ему хочется полнее представить жизненное явление – и внятно обрисовать даже и второстепенных персонажей (вторая задача для драматурга острее, чем для автора сценической поэмы). Чацкий у Грибоедова настолько обескуражен неожиданной для него холодностью Софьи, что теряет способность ориентироваться в ситуации. Софья передает его с рук на руки отцу, а Чацкий не может отвечать на его вопросы, у него одно на уме: «Как Софья Павловна у вас похорошела!» Даже отлучившись побывать у себя дома, возвращается с теми же мыслями: «Уж Софье Павловне какой / Не приключилось ли печали?» Назойливость гостя провоцирует Фамусова задать вопрос: «не хочешь ли жениться?» Чацкий ухитряется отцу невесты ответить вопросом на вопрос: «А вам на что?» У Чацкого не получается наладить отношения с девушкой, так что вопрос о сватовстве для него пока не актуален. Только ведь и сейчас надобно бы вести себя так, чтобы нравиться возможному тестю. Но как думать хладнокровно, когда в душе страсти кипят!

Грибоедов умеет решать сложную психологическую задачу. Графиню-внучку метко характеризует реплика персонажа: «Зла, в девках целый век...» Тонко эта ситуация прорисована в диалоге Чацкого и графини. Оба персонажа недоброжелательны в отношении друг к другу, но неприязнь прикрывают светской вежливостью, а она все равно видна.

В «Горе от ума» портреты создаются штрихами: штрихов достаточно, чтобы портреты были узнаваемыми, а все-таки для воссоздания полной картины оставлена возможность потрудиться и читательскому воображению (перед зрителями часть такой работы возьмут на себя актеры). Обозначается поступок; мотивировка его

опять-таки чаще опускается. Возникает почва для читательских разночтений.

А вот фигура Репетилова осталась недорисованной. На какие-то свои вопросы мы не сможем получить ответы. Есть питерские детали: где же еще мог метить в министры барон фон Клоц? Прямо отмечено: «Он на Фонтанке жил...» Там и Репетилов построил свой дом, «огромный», «с колоннами», очень дорогой. Щедро сорил взятками, замаскированными под карточные проигрыши. «Женился наконец на дочери его, / Приданого взял – шиш, по службе – ничего». Тем карьерное искательство и закончилось. Питерский житель, он вроде и в Москве не гастролер.

Как объяснить, что Репетилов объясняется с избранными им лицами запанибрата? (Впрочем, Репетилов на то разрешения не спрашивает, выбор делает сам). В числе «избранных» – чопорный Скалозуб, «не нынче завтра генерал». И Чацкий! Тут любопытно: другие из прежних знакомых (графиня-внучка, Наталья Дмитриевна) фиксируют трехлетнюю паузу в их отношениях, а Репетилов обращается к Чацкому, как будто они вчера общались, никакого удивления от встречи. Нам о трехлетней отлучке героя забывать нельзя. А ведь Чацкому перед расставанием было всего лет семнадцать (он не может быть значительно старше Софьи: были бы невозможны общие детские впечатления). Прежнее знакомство между ним и Репетиловым в доме Фамусова допустить можно, только панибратские отношения (особенно со стороны младшего) предстают противоестественными. Не будем гадать, откуда они взялись, т. е. дописывать комедию там, где автором оставлен пробел (более характерный для сценической поэмы).

К любому произведению (удачному в первую очередь) надобно относиться именно как к творению искусства, а не слепку с жизни, созданному именно для познания этой жизни. Такая задача тоже стоит перед художником (откуда же и брать впечатления, как не из жизни), но она не должна заслонять собой и другие задачи. Тут важно учитывать требование Пушкина: «Драматического писателя должно судить по законам, им самим над собою признанным» [Пушкин, т. X, с. 96]. А что Грибоедов? «...знаю, что всякое ремесло имеет свои хитрости, но чем их менее, тем спорее дело, и не лучше ли вовсе без хитростей?» [Грибоедов, 1988, с. 510].

«Горе от ума» без «хитростей», т. е. комедийных приемов, не обошлось, и они дело не портят. А как обходиться без них? Изъясняться напрямую? Внимать рассуждениям Чацкого как резонера? Но так понять мысль писателя – значит опозлить ее. Грибоедов имел в виду иное:

В превосходном стихотворении многое должно угадывать; не вполне выраженные мысли или чувства тем более действуют на душу читателя, что в ней, в сокровенной глубине ее, скрываются те струны, которых автор едва коснулся, нередко одним намеком, – но его поняли, всё уже внятно, и ясно, и сильно. Для того с обеих сторон требуется: с одной – дар, искусство; с другой – восприимчивость, внимание [Грибоедов, 1988, с. 371].

И не на все свои вопросы мы можем рассчитывать получить ответ. «Горе от ума» – произведение с открытым финалом. Здесь нет победителей – все проигравшие. Софье, конечно, тяжелее всех, тяжелее даже Чацкого. Мало того, что рухнула ее самоотверженная любовь; это произошло предельно оскорбительным для нее образом: ей, барышне-хозяйке, снизошедшей до безродного человека, предпочли служанку.

Фамусов не застал на месте преступления утреннего подозреваемого: тот еще при появлении Чацкого скрылся к себе.

Фамусов так и не узнал ничего дурного о своем секретаре, а расскажи ему о нем Софья – он не поверил бы ей. Он просто счел бы любое признание дочери попыткой отвести удар от Чацкого («хоть подеритесь – не поверю»). И конечно, Молчалин, подслушав столкновение Чацкого и Фамусова из-за двери своей комнатенки, никуда бы не ушел – зачем? Доказательств его вины нет [Цимбаева, с. 31].

Все равно судьба проштрафившегося никак не проглядывается. Софья ультимативно потребовала от него до зари покинуть дом. Но ведь он служит у Фамусова, хозяйке только подслуживает. Осмелится ли он ждать воли хозяина, надеясь на благоразумие обманутой, которая согласится промолчать? Но каково ей с ним далее жить в одном доме? Не легче ли ей будет погубить себя и его? Меньшим злом счесть путь «в деревню, в глушь, в Саратов»? Что выйдет наружу, а что, может быть, останется в тайне?

А не попробовать ли проверить возможность такой версии: вдруг да Софья по доброте души (да и глубине своего чувства) простит своего проштрафившегося любовника. В этом случае она ри-

скует потерять сочувствие многих своих заступников. Но ей дела нет до мнений современников и потомков, именуемых читателями. Примирение Софьи с Молчалиным проблематично. Но в «Горе от ума» много чего делается вопреки логике.

Все-таки любопытно: казалось бы, лаконична и скоротечна с участием былых любовников последняя сцена, но насколько она динамична. Динамика – в перемене эмоционального состояния персонажей. Увидев перед собой гневную Софью, Молчалин в ужасе *бросается на колена, Софья отталкивает его. Он ползает у ног ее.* Его жалкие оправдания девушка слушать не желает, заставляет его встать и объявляет свой ультиматум. «Как вы прикажете», – неожиданно послушно отзывается смиренник. Ползая, он успел успокоиться! Как бы узнать, какие мысли его осенили. Осознал, что жалким он жалости не вызывает? Нашел способ примирения? Наверное, жить по-прежнему, будто ничего не случилось, не получится. Или промелькнул проблеск нового карьерного зигзага? Фамусов – из-за угрозы шантажа – побоится портить ему карьеру, отпустит мирно. Определил себе нового покровителя (покровительницу), чтобы конфуз обернулся карьерным выигрышем?

Но в эти же секунды что-то происходит и в душе Софьи! Ползал он в ее ногах – и вызывал только брезгливое презренье. А встал, спокойно выслушал приговор, не стал его обжаловать. «Подите...» А он и пошел. Шаг неторопкий, но решительный. Еще один. И совсем близко дверь, которая сейчас откроется и закроется. Навсегда!.. Навсегда? «Стойте...»

Эти две команды, такие разные по содержанию, разделены моим комментарием. В комедии они рядышком, в одной строке. Правда, еще разделенные тире, знаком удлинённой паузы.

И полилось какое-то разъяснение, которое, казалось бы, утрачивало всякий смысл. Но что случилось? Не иначе – обозначилось, что любовь не выветривается одним дуновеньем. Вот почему в списке гипотетических вариантов исхода конфликтов возникает этот примиряющий. А далее названо имя Чацкого, и он (символически!) *бросается между ими.* Между прочим, в своем последнем монологе устроитель скандала издевательски порекомендует поссорившимся помириться «по размышленьи зрелом». Без его вмешательства такой исход был бы не самым вероятным, но все-таки возможным.

Он вмешался. Издевательская ирония Чацкого насчет примирения в зародыше убьет ворохнувшееся в Софье желание простить своего обидчика.

Вопросов изобилие, ответов ни одного. Конкурс на лучшее продолжение «Горя от ума» противопоказан.

Уникальна в своем роде оценка «Горя от ума» – обоснованная и очень высокая, а вместе с тем завершающаяся категорическим отказом зачислить комедию в разряд высших творений; она принадлежит Вл. Ходасевичу:

Мы вечно будем перечитывать «Горе от ума» – этот «истинный подвиг честного человека», гражданский подвиг, мужественный и современный. Мы всегда станем искать в комедии Грибоедова живых и правдивых свидетельств о временах минувших. Мы отдадим справедливость яркости и правдивости изображения. Но в глубокие минуты, когда мы, наедине с собой, ищем в поэзии откровений более необходимых, насущных для самой души нашей, – станем ли, сможем ли мы читать «Горе от ума»? Без откровения, без прорицания нет поэзии [Ходасевич, с. 155].

С того рубежа, на котором остановился Ходасевич, нужно сделать шаг вперед, а не назад. Откровение «Горя от ума» не броское, но оно есть. Оно не выражено словом, но автор, как обещал, намеком касается струн души читателей-зрителей. Таков финал третьего действия. Здесь Чацкий начинает говорить для Софьи, теряет ее из виду, говорит для души своей, а на слове «Глядь...» оглядывается – и видит: его никто не слушает, старики занялись картами, молодежь в танце кружится «с величайшим усердием». И где же тут откровение? *В многолюдье герой осознал свое жуткое одиночество.*

Это частный случай? А наше время криком кричит: мы живем в разобщенном мире. Нас разделяют государственные, национальные, классовые, религиозные, эстетические, психологические, гендерные, возрастные, потребительские различия. Вместе с тем человек – существо общественное, он не может жить один, ему невыносимо одиночество. Эта тяга порождает родственные, дружеские, националистические, патриотические устремления. Но на пути к всеобщему согласию препятствий не счесть.

Масштабность кульминации «Горя от ума» еще не оценена по достоинству. Между тем комедии не угрожает старение именно потому, что она, в других местах отдав дань конкретике, не расшифровывает

содержание откровения и тем самым оставляет место для тех тревожных, которые в **сей** час подбросит быстротекущее время, которое не торопится разрешать старые конфликты, заботливо подновляя их, зато щедро изобретает конфликты новые.

Грибоедов вошел в историю русской литературы как автор одного произведения. Так распорядилась судьба, поскольку его жизненный путь трагически оборвался на взлете. К сожалению, существует версия, что «Горе от ума» исчерпало весь творческий потенциал художника. Тема литературного «однородства» писателя основательно разработана Н.К. Пиксановым в статье «Писательская драма Грибоедова». Знаменитый исследователь грибоедовского шедевра усомнился в том, «что только трагическая случайность смерти помешала поэту создать произведения, равноценные “Горю от ума”» [Пиксанов, 1934, с. 307]. Ученый попытался мотивировать этот суровый вывод. Во-первых, за шесть лет после комедии Грибоедов не создал ничего значительного. Но эти шесть лет оказались очень пестрыми. Они вместили попытки продвинуть «Горе от ума» на сцену и напечатать комедию, а потом трагедию 14 декабря и полгода гауптвахты. А вот первую годовщину восстания на Сенатской площади Грибоедов отметил напряженной работой над трагедией «Грузинская ночь». Трагедия была завершена! Увы, ее судьба оказалась трагичной. Уезжая посланником России в Персию, поэт никому не оставил ее текста. После разгрома посольства в Тегеране никаких бумаг Грибоедова в Россию не вернулось. Сохранились лишь два отрывка в черновой тетради. Н.К. Пиксанов считал, что «новый путь – в сторону от реализма и общественности – заводит Грибоедова в тупик бесплодной архаической мистериальности» [Там же, с. 312]. Тут наглядны издержки реализмоцентристского подхода к истории русской литературы. Да, именно реализму творчество Тургенева, Толстого, Достоевского, Чехова обязано своим мировым значением. «Горе от ума» – заметная и первая по времени веха на этом пути. Но Грибоедов творил в пору, когда понятия «реализм» не было. И поэт не был и не собирался стать профессиональным творцом. А литературу любил самозабвенно! «Горе от ума» вывело его на уровень поиска откровений. Он продолжил этот поиск, в жанровом отношении вернувшись к начальному интересу своего взлета – сценической поэме.

Удивительное письмо в июне 1825 г. Грибоедов написал задушевному другу С.Н. Бегичеву. Вначале он сообщает о несомненном успехе многочисленных чтений своей комедии с только что поправленной концовкой – и светится счастьем авторского удовлетворения. А следом – неожиданная, резкая смена настроения с иронией в адрес тщеславия:

Ты, бесценный друг мой, насквозь знаешь своего Александра, подивись гвоздю, который он вбил себе в голову, мелочной задаче, вовсе не сообразной с ненасытностью души, с пламенной страстью к новым вымыслам, к *новым познаниям*, к перемене места и занятий, к людям и делам необыкновенным. И смею ли здесь думать и говорить об этом? Могут ли принадлежать к чему-нибудь высшему? Как притом, с какой стати, сказать людям, что грошовые их одобрения, ничтожная славушка в их кругу не могут меня утешить? Ах! прилична ли спесь тому, кто хлопочет из дурацких рукоплесканий!! [Грибоедов, 1988, с. 496].

А ведь речь идет не о пестрой театральной публике: чтения происходили в дружественной среде! Но это обстоятельство и помогает понять огорчившую автора ситуацию. Молодежь декабристской ориентации восприняла Чацкого человеком своего круга. Грибоедова звали в тайное общество – он не поверил, что сто прапорщиков сумеют переменить весь государственный быт России. А свой отказ переживал мучительно, вплоть до мыслей о сумасшествии или самоубийстве.

Скептицизм письма к Бегичеву распространился на весь театральный быт. Это явлено в набросках предисловия к комедии: «Но как же требовать» внимания «от толпы народа, более занятого собственной личностью, нежели автором и его произведением? Притом сколько привычек и условий, нимало не связанных с эстетической частью творения, – однако надобно с ними сообразоваться. Суетное желание рукоплескать, не всегда кстати, декламатору, а не стихотворцу; удары смычка после трех-четырех сот стихов; необходимость побегать по коридорам, душу отвести в поучительных разговорах о дожде и снеге, – и все движутся, входят и выходят, и встают и садятся. Все таковы, и я сам таков, и вот что называется публикой! Есть род познания (которым многие кичатся) – искусство угождать ей, то есть делать глупости» [Грибоедов, 1988, с. 371].

Разочаровавшись именно в театральном общении, художник теряет интерес к жанрам для театра, стало быть, иронично воспринимает свое же «ребяческое удовольствие» слышать стихи свои в театре.

Но не перестает быть драматургом! Возрождается интерес к сценической поэме.

«Грузинскую ночь» можно воспринимать прямым продолжением «Горя от ума». Мешает сделать это колорит: «Горе от ума», пусть и с «миллионом терзаний», пишет все-таки веселый человек; в годовщину трагедии 14 декабря сохранять веселье было практически невозможно. Заключительный монолог Чацкого включает широкую программу излить желчь и досаду «на дочь, и на отца, / И на любовника-глупца, / И на весь мир...» Но перечисленным лицам уже выдано то, что они заслужили; картина «всего мира» заслоняется свеженькими лицами гостей Фамусова («старух зловещих, стариков...» и проч.). Откровение комедии – мы живем в разобщенном мире. Бесчеловечие власти: такова тема предельно жестокой по сюжету трагедии. В «Грузинской ночи» частный конфликт князя и кормилицы проецируется на картину мироздания. Картина эта такова, что в русской литературе она становится предшественницей лермонтовского «Демона». Откровение трагедии – добрый и слабый человек живет во враждебном мире, где у него нет заступника.

И что мне в чудесах
И в заклинаниях напрасных!
Нет друга на земле и в небесах,
Ни в Боге помощи, ни в аде для несчастных!

[Грибоедов, 1859, с. 116].

Н.К. Пиксанова удивляло, что в посткомедийных замыслах Грибоедова фигурируют злые духи Грузии (Али), тени усопших и даже хор бесплотных. И в самом деле – что делать театру с такой ремаркой: *Али плавают в тумане у подножия гор?* Конечно, театр может показать какое-то качание этих необычных персонажей, но это будет восприниматься всего лишь акробатическим (цирковым) трюком. Технические возможности сцены ограничены. Но «Грузинская ночь» – это *сценическая поэма*, произведение для чтения, не для сцены. Художнику совершенно необязательно прорисовывать необычное, ему достаточно его назвать; конкретику он отдает на откуп читателям, воображение которых может быть весьма эффективным. Пойдя на потерю количества реципиентов, художник надеется на компенсацию за счет глубины переживания.

В «Горе от ума» Грибоедов не стал прямо высказывать свою заветную мысль, но подвел изображение к черте, за которой неми-

нуемо вызревал горестный итог: мы живем в разобщенном мире; не будешь высказывать заповедные мысли, а и выскажешь – многие ли тебя услышат, а вероятнее, бóльшим числом даже слушать не захотят. В «Грузинской ночи» прямо показано: человек не просто удручающе одинок, он живет во враждебном по отношению к нему мире. И что ему делать? Терпеть? Но всему бывает предел. Бунт отчаяния бессмыслен, но и неизбежен.

В «Грузинской ночи» острота ситуации подталкивает к действию, только результат оказывается совсем не таким, каким был ожидаемый. И возникает колоссальной важности проблема: что может сделать человек, когда попадает в обстоятельства, преодолеть которые у него нет возможности? Когда терпеть неумоготу, но и действовать безнадежно?

Разве это не полная аналогия ситуации, могут ли сто прапорщиков изменить государственный быт России? Она лишь выведена из политической сферы в «безобидную» сферу психологическую (собственных психологических терзаний от своего отказа вступить в тайное общество писатель натерпелся). Так что Грибоедов ничуть не уходит от злобы дня. Он убежден, что искусство не копирует жизнь, но эффективно в ее познании, а достигает этого, прибегая к условности. Так что и «архаичная» мистериальность – не уход от жизни: условный сюжет вибрирует в резонанс с современностью.

Нет надобности сравнивать жанры: у каждого найдутся свои достоинства. Грибоедов отдал больше сердечного тепла сценической поэме? На то его воля, о вкусах не спорят. Зато вывод Н.К. Пиксанова, равный приговору, следует отменить как несправедливый: «А.С. Грибоедов был *литературный однодум*, homo unius libri» [Пиксанов, 1934, с. 312] – человек (автор) единственной (уникальной) книги. Нет! Грибоедов был неуемным в своем поиске. С его безвременной гибелью русская литература (и не только литература) понесла невосполнимую потерю.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грекова Е.В. Еще один прототип Чацкого? // Русская словесность. 1996. № 2. С. 6–10.
2. Грибоедов А.С. Сочинения / вступ. ст., коммент., состав. и подготовка текста С.А. Фомичева. М.: Худож. лит., 1988. 751 с.

3. Грибоедов. Черновая тетрадь // Русское слово. 1859. № 5. С. 85–122.
4. Гриневская И.А. Оклеветанная девушка // Ежемесячные сочинения. 1901. № 10. С. 129–139.
5. Лебедев А.А. Грибоедов: Факты и гипотезы. М. Искусство, 1980. 303 с.
6. Лебедев А.А. Куда влечет тебя свободный ум. М.: Дет. лит., 1982. 175 с.
7. Маймин Е. Заметки о «Горе от ума» Грибоедова (Опыт прочтения текста комедии) // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1970. Т. XXIX. Вып. 1. С. 48–59.
8. Маймин Е.А. Опыты литературного анализа. М.: Просвещение, 1972. 207 с.
9. Медведева И.Н. «Горе от ума» А.С. Грибоедова. 2-е изд. М.: Худож. лит., 1974. 109 с.
10. Медведева И.Н. Творчество Грибоедова // Грибоедов А.С. Сочинения в стихах / вступ. ст., подгот. текста и примеч. И.Н. Медведевой. Л.: Сов. писатель. Ленингр. отд-ние, 1967. С. 5–62.
11. Пиксанов Н.К. Грибоедов: исследования и характеристики. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1934. 333 с.
12. Пиксанов Н.К. Творческая история «Горя от ума» / Подгот. текста и коммент. А.Л. Гришунина М.: Наука, 1971. 400 с.
13. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. 4-е изд. Л.: Наука, 1977–1979.
14. Соловьев В. Живые и жильцы (философия и композиция «Горя от ума») // Воп. лит. 1970. № 11. С. 155–176.
15. Фесенко Ю.П. Времена и пространства «Горя от ума» // А.С. Грибоедов: Хмелитский сборник. Вып. 10. Смоленск, 2012. С. 140–151.
16. Фомичев С.А. Комедия А.С. Грибоедова «Горе от ума»: Комментарий. Кн. для учителя М.: Просвещение, 1983. 208 с.
17. Ходасевич В.Ф. Колеблемый треножник: Избранное / под общ. ред. Н.А. Богомолова. М.: Сов. писатель, 1991. 683 с.
18. Цимбаева Е.Н. Исторический анализ литературного текста. 2-е изд. М.: URSS Ленанд, 2015. 173 с.
19. Яблоновский С.В. В защиту С.П. Фамусовой // «Век нынешний и век минувший»: Комедия А.С. Грибоедова «Горе от ума» в русской критике и литературоведении. СПб. Азбука-классика, 2002. С. 448.

<https://doi.org/10.29003/m3654.khmelita-18/39-52>

<https://elibrary.ru/uitxvo>

Научная статья / Research Article

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2 Рос=Рус)

This is an open access book
Distributed under the Creative
Commons Attribution-NonCommercial
4.0 (CC BY-NC)

ЧАСТНАЯ ПЕРЕПИСКА ГРИБОЕДОВА

© 2023. Д.Б. Терешкина

Аннотация: Письма А.С. Грибоедова как комплексный источник, эго-документы, анализ которых важен для понимания мировоззрения писателя, его коммуникативных стратегий с адресатами, до сих пор не были предметом специального рассмотрения. Несомненно, как личность и писатель Грибоедов ярко выражен не только в литературных произведениях, но и в частных письмах друзьям, сослуживцам, императору, жене и др. В сохранившейся переписке Грибоедова интересен богатый репертуар речевых средств, используемых великим современником Пушкина, а также широкий круг тем (не только бытовых), палитра эмоций, выраженных Грибоедовым по отношению к каждому адресату. Примечательны также внелингвистические параметры создания того или иного письма: время, место написания, обстоятельства, при которых это происходило, разрыв во времени начала и окончания написания послания (это бывало у Грибоедова не однажды). В некоторых письмах находятся развернутые нарративы о событиях, сопровождавших жизнь Грибоедова. Письма, как один из наиболее интимных источников, отражают не только богатство личности писателя, но и многомерность его роли как коммуниканта в письменном общении.

Ключевые слова: А.С. Грибоедов, частные письма, речевые средства, коммуникативные стратегии, индивидуализация эпистолярного канона.

Информация об авторе: Дарья Борисовна Терешкина – доктор филологических наук, доцент, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС) при Президенте РФ (Новгородский филиал), ул. Германа, д. 31, 173003, г. Великий Новгород, Россия.

ORCID ID: 0000-0002-2079-1116.

E-mail: terdb@mail.ru

Для цитирования: *Терешкина Д.Б.* Частная переписка Грибоедова // А.С. Грибоедов и его эпоха: Хмелитский сборник № 18 / отв. ред. Е.В. Аблогина, М.В. Скороходов. М.: ООО «МАКС Пресс», 2023. С. 39–52. <https://doi.org/10.29003/m3654.khmelita-18/39-52>.

PRIVATE CORRESPONDENCE OF GRIBOEDOV

© 2023. *Darja B. Tereshkina*

Abstract: Neither the letters of A.S. Griboedov as a complex source nor his ego-documents, the analysis of which is important for understanding the writer's worldview, nor his communication strategies with recipients have been the subject of a special study until now. Undoubtedly, as a person and writer, Griboedov is clearly expressed not only in his literary works but also in private letters to friends, colleagues, the Emperor, his wife, and others. In the correspondence of this great contemporary of Pushkin, which is preserved to the present day, a rich repertoire of speech tools is of interest, as well as a wide range of topics (not only everyday ones) and the palette of emotions expressed by Griboedov in relation to each recipient. Also noteworthy are the non-linguistic parameters of creating a particular letter: the time and the place of writing, the circumstances, the gap in the time of the beginning and end of writing the message (it took place on several occasions with Griboedov). Some of the letters contain detailed narratives about the events that accompanied Griboedov's life. Being one of the most intimate sources, letters reflect not only the richness of the writer's personality but also the multidimensional nature of his role as a communicant in written communication.

Keywords: A.S. Griboedov, private letters, speech tools, communication strategies, individualization of the epistolary canon.

Information about the author: Darja B. Tereshkina, DSc in Philology, associate professor, Russian presidential Academy of national economy and public administration (RANEPА) (Novgorod branch), Germana Ul. 31, 173003, Veliky Novgorod, Russia.

ORCID ID: 0000-0002-2079-1116.

E-mail: terdb@mail.ru

For citation: Tereshkina, Darja B. –Private Correspondence of Griboedov. *Aleksandr Griboedov and His Epoch: Khmelitsky Sbornik No. 18*. Ex. ed. Evgeniia V. Ablogina, Maxim V. Skorokhodov. Moscow: MAX Press Publ., 2023. pp. 39–52. (In Russian). <https://doi.org/10.29003/m3654.khmelita-18/39-52>.

Письма А.С. Грибоедова не раз привлекали внимание исследователей. И. Ильинская в статье «О языке писем Грибоедова» [Ильинская] подробно проанализировала просторечные элементы в комедии «Горе от ума», сопоставляя их с подобными элементами в письмах Грибоедова, и сделала вывод: «Грибоедов должен был освоить систему просторечия своего времени как художник, для которого это просторечие становилось материалом его творчества; он должен был подойти к нему, так сказать, со стороны, как наблюдатель и собиратель. Письма Грибоедова, которые по сравнению с письмами его литературных современников отличаются большей просторечностью <...>, отражают этот многолетний творческий процесс. Мы видим в них, что Грибоедов фиксировал своё внимание на различных явлениях просторечия, в частности на его лексической стороне, запечатлевая их в памяти и на бумаге, производя своего рода отбор наиболее типичных из них, чтобы потом подчинить их своим творческим намерениям» [Ильинская, с. 296]. Эти наблюдения исследователя позволяют воспринять знаменитый «легкий» язык бессмертной комедии не как исключительно плод творческого труда, но и как естественный язык самого автора. См. также: [Терешкина].

Изучение частных писем невозможно без учета специфики частного письма как такового. Этот вопрос достаточно хорошо освещен в филологии [Бояркина], однако до сих пор ведутся дискуссии не только о типологии частных писем, но и о сути терминов *частное, личное, приватное, интимное, бытовое* письмо. Существует несколько видов классификации частных писем, проведен анализ структурных элементов письма [Нижникова, Григорьева, Беттузия, Акишина].

В той или иной мере изучена переписка пушкинского времени [Степанов, Макогоненко, Бухаркин, Левкович, Тодд, Тесцов, Логунова] – это важно для понимания контекста, в рамках которого необходимо изучать письма Грибоедова.

Настоящее исследование касается несколько иных аспектов изучения писем Грибоедова: не с точки зрения жанров и типологии частных писем, не в рамках отражения эпохи в эпистолярном наследии Грибоедова, а с позиций рассмотрения коммуникативных стратегий адресанта в каждом конкретном случае и общих закономерностей выражения личности в частных письмах Грибоедова.

Опубликовано примерно полторы сотни частных писем Грибоедова [Грибоедов, 1971; далее цитаты приводятся по этому изданию; страницы указываются в тексте в круглых скобках в случае пространного цитирования]; см. также: [Грибоедов, 2006]; о дипломатической переписке Грибоедова см. [Дмитриев]. Большая часть их (известно 20 писем) адресована С.Н. Бегичеву, ближайшему другу Грибоедова, а также П.А. Катенину, Ф.В. Булгарину, Н.А. Каховскому, Н.И. Гречу и др.

Письма Грибоедова отличаются целым рядом специфических особенностей.

Во-первых, чрезвычайным многообразием обращений. Среди них особняком стоят обращения к самому близкому другу Грибоедова – Бегичеву: «любезный Степан», «мой милый», «мой друг», «любезный друг Степан», «любезнейший Степан», «любезный, истинный друг мой Степан», «милый мой Степан», «любезнейший, дорогой мой Степан», «брат любезный, бесценный друг мой», «душа, друг и брат», «бесценнейший друг и брат», «дражайший мой Степан», а также шуточное «Ваше Флегморodie», указывающее на черты характера друга. Прочим персонам адресованы более сдержанные обращения: «Любезный и достойный Семен Иванович», «любезнейший мой начальник» (С.И. Мазаровичу), «Любезный Павел Александрович», «душа моя Катенин» (П.А. Катенину), «Любезный Вильгельм» (В.К. Кюхельбекеру), «Почтеннейший мой покровитель граф Иван Федорович», «почтеннейший, мой дражайший благодетель» (И.Ф. Паскевичу), а также официальное «милостивый государь» (в рапортах).

В письмах Грибоедова очень часто читаются уверения в любви и самых искренних чувствах: «уверен, что меня любишь и следовательно помнишь» (Бегичеву), «очень доволен своей судьбой, одного тебя недостает» (ему же), «Ты знаешь, как я много, много тебя люблю», «Я его как душу люблю, и жалею», «Между тем обнимаю тебя» (Катенину). Катенину Грибоедов адресует в одном из писем арабский стих, в переводе звучащий как «Худшая из стран – место, где нет друга» (с. 203). Дружба была для Грибоедова насущной необходимостью и важнейшей ценностью жизни.

Практически во всех письмах Грибоедов просит своих адресатов писать ему чаще: «обрадуй меня хотя двумя словами», «Пиши ко мне,

почаще и побольше! Я поминутно об тебе думаю, и последние увещания очень помню», «Продолжай, мой милый, писать, а я читать буду», «Прошу у тебя как милостыни: не прерывай со мною переписки», «Письмецо от Вас хоть не велико, да дорого», «Пишите же ко мне. Вот я не ленюсь». В одном из пространных писем он с шуткой обращается к адресату: «Зачем ласковым ответом поощряете на болтовство?» В целом письма Грибоедова отличаются чрезвычайной душевностью по отношению к адресату.

Прерывистость речи – еще одна отличительная черта грибоедовских писем. Адресант часто прерывает сам себя, обращается к разным предметам речи, вводя их словом «кстати» (вариант – «кстати или некстати»). Очень часто встречаются эмоциональные повторы: «Приезжай, приезжай, приезжай скорее» (Бегичеву из Петербурга, 1816).

В письмах Грибоедова постоянно встречаются художественные средства выразительности. Можно сказать, что при всей задушевности, просторечности, свободе и ориентированности на непосредственное общение Грибоедов и в частных письмах остается художником слова. Отметим перифразы («я такой же, какой был и прежде, пасынок здравого рассудка»), цитаты («Вот каково водиться с буйными юношами. Как не вспомнить псалмопевца: “Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых”» (Бегичеву) (с. 180), гиперболы («До меня известия из России доходят как лучи от Сириуса, через шесть лет», «Я в этой дружине всего побыл 4 месяца, а теперь 4-й год, как не могу попасть на путь истинный» и др.), эпитеты («Усердный поклон твоим спутникам Д.С. и А.С. Языковым, Кологривову и даже Поливанову-скомороху»). Широко применяются эмоционально окрашенная лексика («что это за мерзость, ничего не знать друг об друге, это только позволительно двум дуракам, как мы с тобою» (Бегичеву), междометия, самое частое из которых «ах!», игра слов («Христос воскрес, любезнейший Степан, а я со скуки умираю, и вряд ли воскресну», «Однако довольно поговорено о Притворной неверности; теперь объясню тебе непритворную мою печаль»), пословицы и поговорки («да ведь дипломаты на посуле, как на стуле»), уменьшительно-ласкательные суффиксы («Дмитрия, красоту мою, расцелуй так, чтобы еще более зарделись пухлые щечки», «Отзовитесь словечком»).

Ирония в письмах Грибоедова выражается в целом комплексе языковых средств: замечания («Генеральша Крабе по-прежнему родит детей, как печатает»), умозаключения («...ты, надеюсь, как нынче всякий честный человек, служишь из чинов, а не из чести»), литературные и культурные аллюзии на исторические события и реалии собственной жизни: «Нынче мои имянины: благоверный князь, по имени которого я назван, здесь прославился; ты помнишь, что он на возвратном пути из Азии скончался; может и соименного ему секретаря посольства та же участь ожидает, только вряд ли я попаду в святые!» (Бегичеву, с. 185). Некоторые замечания могли бы стать афоризмами: «Это – участь умных людей, мой милый, большую часть жизни своей проводить с дураками, а какая их бездна у нас!» (с. 186).

Письма Грибоедова в целом соответствуют композиционным нормам частного письма: обращения и формулы прощания и подпись (за единичным исключением); основная часть содержит тему письма и многочисленные отвлечения от темы. Однако письма Грибоедова отличаются от писем прочих авторов двумя существенными композиционными особенностями.

Во-первых, почти во всех (за редчайшими исключениями) письмах Грибоедова после формулы прощания следует продолжение, и не в виде постскриптума, а просто, словно продолжение общения с адресатом. И потом прощается вновь. Например, письмо Каховскому от 3 мая 1820 г.: «Мои сотруженики обнимают вас приятно. Покорнейший А. Грибоедов. Фортопьян еще нет. Катоптрик Леташинский постоянно мешкает» (с. 207). Неоднократные прощания Грибоедова в письмах свидетельствуют о постоянном присутствии поэта в ситуации общения, о включении адресанта в акт речи, даже спустя много дней или месяцев, т. е. по получении письма тем, кому оно адресовано: «Прощай, бесценный друг мой, люби меня и помни; скоро ли свидимся, не знаю. Прощай, от души тебя целую. Пиши ко мне, непременно пиши. Стыдно тебе, коли меня забудешь» (С. Бегичеву, с. 181).

Во-вторых, в письмах Грибоедова почти всегда есть указания на обстоятельства, при которых пишется письмо. Грибоедов пишет Бегичеву 4 сентября 1817 г. из Петербурга: «Вот почти месяц как мы с тобою расстались; я с тех пор в первый раз принимаюсь к тебе

писать, и то второпях. Прием на почте продолжается до 12 часов, теперь скоро одиннадцать. Нужды нет, если не узнаешь ничего подробного: по крайней мере не будешь надвое полагать, жив ли я или нет» (с. 180); «Простите мне мое маранье, у нас перья плохо очинены, чернила сквернейшие, и к тому же я тороплюсь, сам, впрочем, не зная почему» (Мазаровичу из Моздока, 12 октября 1818); «Я провожу бессонную ночь, ожидая, пока перепишут мои служебные бумаги, после чего я должен разбудить генерала, чтобы он их подписал. Не правда ли, все это очень весело для человека, который дорожит своей независимостью?» (с. 272; П.Н. Ахвердовой из Нахичевани, 28 июня 1827). Все эти указания чрезвычайно важны для воссоздания биографических фактов жизни поэта. Но Грибоедов в момент написания не делал акцент на обстоятельствах своей жизни и окружающей обстановки, а словно включал адресата в ситуацию речи, описывал момент, когда происходило общение, пусть и разорванное во времени. Эти обстоятельства зачастую были или очень неподходящими для писания писем, либо даже драматичными. «Пишу Вам на открытом воздухе, под прекрасным небом Персии, дует адский ветер, пыль страшнейшая, и что хуже всего, уже смеркается, вполнину не видно, но я не хочу отказываться от удовольствия написать Вам несколько строк» (с. 274); «В прошлый раз, когда я запечатывал письмо к Вам, было уже половина 4-го утра»; «Смертная лень и скука, ни за что приняться не хочется»; «Мухи, пыль и жар, одурь берет на этой проклятой дороге, по которой я в 20-й раз проезжаю без удовольствия, без желания: потому что против воли. Двое суток пробыл я у матушке, двое у Степана, с которым много о тебе толковали» (с. 296); «Я Вам написал бы еще пространнее, милостивый государь, зная что Вы принимаете участие в моем теперешнем положении, но я пишу на полу, облокотиться не на что; куча ядовитых насекомых, которые меня заставляют подпрыгивать каждый раз как они приползают к моему письму, ветер, поминутно тушащий свечу, наконец утомление и бессонная ночь, которую, я провел сейчас, чтобы написать Вам мое донесение, – все это не дает мне и двух мыслей связать, и Вы мне извините мое маранье» (с. 198–199; Мазаровичу 11–13 сентября 1819). Еще из писем: «комнатный товарищ Одоевский сейчас воротился с бала и шумит в передней, два часа ночи» (с. 236); «Пишу тебе в пятом часу утра. Не спится. Нынче день моего рождения,

что же я? На полпути моей жизни, скоро буду стар и глуп, как все мои благородные современники» (с. 237); «Любезный друг, пишу к тебе под открытым небом и благодарность водит моим пером, иначе никак бы не принялся за эту работу после трудного дневного перехода» (с. 305); «Пишу к вам в холод и ветер ужаснейший, палатки едва держатся. Здоровье мое мне еще не позволяло выехать из Тифлиса; но последние известия, полученные мною из Персии, не дозволили мне долее медлить. ... Однако не пишется, и погода и жена мешают. Прощайте, ваше сиятельство, до теплой комнаты, где присесть за перо будет удобнее» (с. 316); «Сейчас, когда пишу Вам, плачу как ребенок» (П.Н. Ермолову 15 февраля 1923). В других письмах: «Пишу тебе из какого-то оврага Тульской губернии, где лежит древнее господское обиталище приятеля моего Бегичева», «Погода пасмурная, сыро, холодно, я на всех зол, все глупы... Мочи нет тошно», «Прощайте, меня прерывают», «Зовут меня, прощай», «Мне так мешали, что не дали порядочно досказать», «Прощайте, пишу и сплю», «Прощайте. Лошади готовы», иногда эти обстоятельства описаны с иронией: «Жена моя по обыкновению смотрит мне в глаза, мешает писать, знает, что пишу к женщине, и ревнует». Создается ощущение, что Грибоедов был востребован ежечасно, даже в короткие периоды досуга.

Многие письма начаты в одно время, а закончены спустя часы, дни, а то и месяцы. Например, письмо Кюхельбекеру из Тифлиса начато в октябре 1822, закончено в январе 1823 г. Продолжение сопровождается словами «Оставляю начатые строки в свидетельство, что не теперь только ты присутствен в моих мыслях». Катенину зимой 1825 г. Грибоедов пишет: «Умнейший, любезнейший Павел Александрович! Вчера я получил твое письмо, и знаешь ли, какое оно действие произвело на меня? Я заперся на целый день, и у огонька моей печки полсутки пожил с тобою, почтенный друг. Прежние года с такою полнотою оживились в моей памяти! Давно я не проводил времени так уединенно и, между тем, так приятно!... <Окончание письма> Те две страницы посылаю тебе недописанные. Они уже месяц как начаты, и что я хотел прибавить, не помню, но вероятно о себе: и так благодарю мою память, что она мне на сей раз изменила» (с. 238–240). Письмо Бегичеву от 18 мая 1825 г. из Петербурга прерывалось несколькими часами, на протяжении которых Грибоедов

осуществлял примирение Кюхельбекера и Льва Пушкина: «Сейчас помирил Вильгельма. С той минуты перебивало у меня 20 человек, голову вскружили. Прощай» (с. 244).

В композицию писем входят прямые вопросы и обращения к адресату, словно он находится рядом, участвует в диалоге: «Знаешь ли, с кем я теперь живу?», «Представь себе, что меня непременно хотят послать, куда бы ты думал?». В некоторых случаях Грибоедов прибегает к моделированию ситуации, в которой Грибоедов не мог быть, но хотел. Таким образом создается эффект присутствия автора письма даже там, где он не был. Бегичеву из Стрельны 31 августа 1824 г.: «Брат любезный. Не еду к тебе, и не пишу тебе, совесть мучит. Слушай. Узнавши о твоей новорожденной, первое мое движение было к тебе лететь, поздравить и обнять крепко-накрепко мать, отца и весь дом; право, ходя по комнате, я уже у вас был, нянчил ребенка, шалил с кормилицей, но проклятый недочет в прогонах всё испортил, взять было неоткуда, ... Не сердись, мой истинный друг, где бы я ни затерялся, первый ты на уме и на языке. Нет у меня ни жены, ни дочери. Душою принадлежу тебе одному. Прощай. Верный друг А. Г.» (с. 231–232).

Грибоедов часто прибегает к передаче подлинных диалогов из жизни: «Через два дня после Ижор встречаюсь я у Лареды с Кавериним. Он говорит мне: “Что? Бегичев уехал? Пошел с кавалергардами в Москву? Тебе верно скучно без него? Я к тебе переезжаю”. – Мы разошлись, я поехал натурально к Шаховскому» (с. 180). Широко известен описанный в одном из писем Бегичеву (1818 г.) диалог с министром иностранных дел:

<...> я третьего дня, по приглашению нашего министра, был у него и объявил, что не решусь иначе (и то не наверно), как если мне дадут два чина, тотчас при назначении меня в Тейеран. Он поморщился, а я представлял ему со всевозможным французским красноречием, что жестоко бы было мне цветущие лета свои провести между дико-образными азиатцами, в добровольной ссылке, на долгое время отлучиться от друзей, от родных, отказаться от литературных успехов, которых я здесь вправе ожидать, от всякого общения с просвещенными людьми, с приятными женщинами, которым я сам могу быть приятен. <примечание: Не смейся: я молод, музыкант, влюбчив и охотно говорю вздор, чего же им еще надобно?>. Словом, невозможно мне собою пожертвовать без хотя несколько соразмерного возмездия.

- Вы в уединении усовершенствуете ваши дарования.
- Нисколько, в<аше> с<иятельство>. Музыканту и поэту нужны слушатели, читатели; их нет в Персии...

Мы еще с ним кое о чем поговорили; всего забавнее, что я ему твердил о том, как сроду не имел ни малейших видов честолюбия, а между тем за два чина предлагал себя в полное его распоряжение (с. 184).

Грибоедов включает в текст диалог с описываемым персонажем (создание эффекта присутствия в ситуации диалога), обращение к адресату с попутными замечаниями, ссылки-примечания к сказанному.

Тематика писем Грибоедова отражает течение его жизни и обстоятельства, связывавшие адресанта с получателем письма. Описание красот окружающей природы, прежде всего экзотической. Перечисление реалий быта, описания забот повседневной жизни Грибоедова: «Вот перечень всего того, что со мной происходило со дня, как мы распростились в Ижорах». Финансовые просьбы и поручения, просьбы за других людей; например, об А. Одоевском, просьба о котором в письме Паскевичу обозначены отдельным разделом «Главное». Сведения о присланных книгах, просьбы о присылке книг и других изданий, известия о родственниках (матери, сестре) и близких, друзьях и знакомых, о службе. Служебные вопросы – в письмах, адресованных вышестоящим лицам (именно в подробных отчетах о служебных делах и поручениях находятся наиболее пространственные нарративы). Обмен информацией об издании комедии «Горе от ума» и его творческой судьбе. Нередки размышления о собственных волнениях и тревогах, душевных кризисах (например, в письме Бегичеву от 12 сентября 1925 г.: «Ты, мой бесценный Степан, любишь меня тоже, как только брат может любить брата, но ты меня старше, опытнее и умнее; сделай одолжение, подай совет, чем мне избавить себя от сумасшествия или пистолета, а я чувствую, что то или другое у меня впереди» (с. 252)). Грибоедов часто прямо выражает свои эмоции, разъясняет их адресату: «Согласись, что твои новости никак не могли мне быть по сердцу, а притом меня взбесило, что их читали те, кому бы вовсе не следовало про это знать. Впрочем, я вообще был не в духе, как писал, и пасмурная осенняя погода немало этому способствовала. Ты может быть не знаешь, как сильно хорошее и дурное время надо мной действуют, спроси у Бегичева» (с. 181),

«Дурак Загоскин в журнале своем намарал на меня ахинею», «грусть моя не проходит, не уменьшается», «Представь себе, что я сделался преужасно слезлив, ничто веселое и в ум не входит, похоже ли это на меня?» Катенину Грибоедов признается: «Я как живу, так и пишу свободно и свободно» (с. 240).

Грибоедов не стесняется выразить адресату свои чувства и свое понимание его роли в своей жизни: «Ты, мой друг, поселил в меня, или, лучше сказать, развернул свойства, любовь к добру, я с тех пор только начал дорожить честностью и всем, что составляет истинную красоту души, с того времени, как с тобою познакомился и ей богу! когда с тобою побываю вместе, становлюсь нравственно лучше, добрее. Мать моя тебя должна благодарить, если ей сделаюсь хорошим сыном» (Бегичеву, с. 188).

Так же, как многообразны у Грибоедова формы приветствия и обращения, разнообразны формулы прощания и подписи: «Прощай, мой друг», «уверен, что никогда не забудешь верного тебе друга. А. Г. Прощай, от души тебя целую», «Прощай, любезный друг, пиши же. Верный друг твой», «Прощай, мой милый, любезный друг», «С чувством совершенного уважения честь имею быть преданным Вам» (подпись Грибоедова по-персидски), «Усердный поклон любезным моим приятелям. Трубецкого целую от души. Грибоедов», «Прощай. Верный друг твой Грибоедов. Жандра поцелуй», «Примите чувства совершенного моего почтения, милостивый государь от Вашего покорнейшего Александра Грибоедова (в рапорте)», «Прощай, кланяйся друзьям и помни о добром приятеле, который тебя душевно любит. А. Г.», «С беспредельным почтением ваш усердный слуга А. Грибоедов», «Прощайте. С чувством полного уважения, любви и благодарности вашего сиятельства всепокорнейший слуга А. Грибоедов», «Прощайте, ваше сиятельство, любите по-прежнему и не оставляйте вашего преданного вам по гроб А. Грибоедова», «С чувством глубочайшего почтения душою вам преданный и покорный А. Грибоедов», «Прощай, дружески тебя обнимаю, крепко», «душою Вам преданный А. Грибоедов», «Верный Вам Грибоедов», «Прощай, мой друг», «Ваш слуга Г.», «Прощай, мое сокровище. Верный твой А. Грибоедов», «Прощайте, милые мои бесценные существа» (Жандру и Миклашевич). Фактически в каждом письме содержится уникальная форма прощания с адресатом.

Письма Грибоедова можно использовать как руководство по созданию писем (частного и делового) в традициях первой трети XIX в., настолько широка палитра применяемых им средств письма. Как личность и писатель он ярко выразил себя не только в литературных произведениях, но и в письмах. В сохранившейся переписке Грибоедова интересен богатый репертуар речевых средств, широкий круг тем (не только бытовых), палитра эмоций по отношению к каждому адресату. Примечательны также внелингвистические параметры создания того или иного письма: время, место написания, обстоятельства, при которых это происходило, разрыв во времени начала и окончания написания послания. В некоторых письмах находятся развернутые рассказы о событиях жизни Грибоедова. Письма отражают не только богатство личности писателя, но и многомерность его роли в письменном общении.

«Среди текстообразующих категориальных признаков, структурно-релевантных и функционально-значимых для текста “частное письмо”, можно выделить адресованность, информативность, целостность, связность, темпоральность и модальность», – пишет, изучая частное письмо как тип текста, А.В. Бояркина [Бояркина, с. 146]. Рассматривая коммуникативные функции частного письма, выделяют информативную, прагматическую, экспрессивную и фактическую функции. «Из всех компонентов коммуникативного акта особое внимание уделяется адресату как определяющему фактору оформления речевого общения между коммуникантами. Статус адресата определяет этикетную рамку, тему (набор тем), словарь, синтаксис, т. е. структурно-семантические характеристики частного письма и реализацию всех основных текстовых категорий» [Бояркина, с. 146–147].

Все описанные признаки частного письма целиком относятся к переписке Грибоедова. Однако личность Грибоедова предстает в его письмах совершенно уникальной. Мы располагаем воспоминаниями современников о Грибоедове [А.С. Грибоедов в воспоминаниях...], но им самим написанные письма не меньше, а иной раз полнее и детальнее раскрывают нам его образ и внутренний мир. Многообразие приемов, легкость и естественность в общении с адресатом, непосредственность и многомерность в организации текста, эффекты присутствия адресата и адресанта в акте речи, летящий и при этом

аккуратный почерк, наблюдающийся в письмах, – всё это позволяет в полной мере отнести к письмам Грибоедова им же самим высказанную мысль про свои художественные творения: «Я как живу, так и пишу свободно и свободно».

Грибоедов во всех своих письмах целиком отдавался тому человеку, кому писал в каждый конкретный момент, и этот человек в данном акте общения был для него главной ценностью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А.С. Грибоедов в воспоминаниях современников / ред. В.Э. Вацуро. М.: Художественная литература, 1980. 448 с.
2. Акишина А.А. Этикет русского письма. М.: Рус. яз., 1989. 191 с.
3. Беттузия Н. Особенности структуры текста русской корреспонденции: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1984. 21 с.
4. Бояркина А.В. Типологические характеристики частного письма (На материале немецкоязычных текстов) // Вестн. Санкт-Петербургского ун-та. Серия 9. СПб., 2009. Вып. 3. С. 145–150.
5. Бухаркин П.Е. Письма русских писателей XVIII в. и развитие прозы (1740-ые–1870-ые гг.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1982. 21 с.
6. Грибоедов А.С. Сочинения в двух томах / Под общ. ред. М.П. Еремина. М.: Правда, 1971. Т. 2. 368 с.
7. Григорьева А.С. Статистическая структура эпистолярного текста (лексика частных писем): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1981. 19 с.
8. Дмитриев С.Н. Неизвестные письма А.С. Грибоедова 1828 г. К истории дипломатической деятельности автора «Горя от ума» и эпопеи с подарками // Александр Грибоедов. Неизвестные страницы великой судьбы. М.: Вече, 2019. С. 305–342.
9. Ильинская И. О языке писем Грибоедова // Литературное наследство. Т. 47/48: А.С. Грибоедов. М.: Изд-во АН СССР, 1946. С. 285–296.
10. Левкович Я.Л. Автобиографическая проза и письма Пушкина. Л.: Наука, 1988. 327 с.
11. Логунова Н.В. Эпистолярный жанр в русской литературе второй половины XVIII – первой трети XIX вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 1999. 19 с.
12. Макогоненко Г.П. Письма русских писателей XVIII в. и литературный процесс // Письма русских писателей XVIII века. Л.: Наука, 1980. С. 3–41.

13. Нижникова Л.В. Письмо как тип текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Одесса, 1991. 17 с.

14. Степанов Н.Л. Дружеское письмо начала XIX в. // Русская проза: Сб. статей / под ред. Б. Эйхенбаума и Ю. Тынянова. Л.: Academia, 1926. С. 74–101.

15. Терешкина Д.Б. «Весь твой А. Гр.»: А.С. Грибоедов как автор писем // Край Смоленский. 2020. № 4. С. 34–37.

16. Тесцов С.В. Переписка Горация Уолпола как литературный документ эпохи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1997. 22 с.

17. Тодд Ш. У.М. Дружеское письмо как литературный жанр в пушкинскую эпоху. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1994. 205 с.

<https://doi.org/10.29003/m3655.khmelita-18/53-67>

<https://elibrary.ru/unulxu>

Научная статья / Research Article

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2 Рос=Рус)

This is an open access book
Distributed under the Creative
Commons Attribution-NonCommercial
4.0 (CC BY-NC)

РУССКИЙ УМ: ГЕНЕЗИС И НАЦИОНАЛЬНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ КОНЦЕПТА УМ В ДРАМАТУРГИИ ГРИБОЕДОВА

© 2023. Е.В. Аблогина

Аннотация: Драматургия А.С. Грибоедова становится предметом специального рассмотрения как некая семиосфера *ума*, концепт *ум* – как её семантическое ядро, антропологическое, гносеологическое и эстетическое основание. Исследуется появление и развитие концепта в переводном и оригинальном творчестве драматурга. В ранних переводных комедиях «Молодые супруги» и «Притворная неверность» прослеживается формирование концепта в виде мотива *ума*, обусловленного французской классицистической эстетикой и получившего значительное переосмысление у Грибоедова. В оригинальном раннем творчестве («Студент») отмечается расширение семантики ментального концепта за счет присоединения новых мотивов (*глупости, хитрости, безумия, смеха*), в зрелом («Пролог в театре», «Горе от ума») – значительное увеличение частотности его лексической репрезентации и выход на качественно новый уровень – концепта. В зрелом творчестве происходит усложнение концепта за счет обогащения новыми мотивами (*шутовства, умничанья, обмана, тьмы, глухоты, болезни, странности, тошноты, скуки, сна, ирреального, смерти* и др.) Находясь в тесной семантической связи, различные смысловые слои концепта образуют уникальное концептуальное единство, делающее «Горе от ума» произведением уникальным в корпусе национальной литературы. Воплощенные в тексте семантические универсалии художественного мышления Грибоедова дают возможность говорить о цельной концептуальной программе в творчестве драматурга, отражающей всеохватность его личности.

Ключевые слова: А.С. Грибоедов, национальное, европейское, драматургия, комедия, ум, концепт, перевод, «Горе от ума», культурный трансфер.

Информация об авторе: Евгения Владимировна Аблогина – кандидат филологических наук, доцент, Национальный исследовательский Томский государственный университет, пр. Ленина, д. 34, 634050 г. Томск, Россия.

ORCID ID: 0000-0001-7213-8955.

E-mail: e.ablogina@mail.tsu.ru

Для цитирования: Аблогина Е.В. Русский ум: генезис и национальное своеобразие концепта ум в драматургии Грибоедова // А.С. Грибоедов и его эпоха: Хмелитский сборник № 18 / отв. ред. Е.В. Аблогина, М.В. Скороходов. М.: ООО «МАКС Пресс», 2023. С. 53–67. <https://doi.org/10.29003/m3655.khmelita-18/53-67>.

RUSSIAN UM: GENESIS AND NATIONAL DISTINCTIONS OF THE CONCEPT IN GRIBOEDOV'S COMEDY

© 2023. *Evgeniia V. Ablogina*

Abstract: The plays of A.S. Griboedov become the subject of a novel study as the semiosphere of *um* (roughly: mind), the title concept of *um* seen as its semantic core, an anthropological, epistemic and aesthetic foundation. The article discusses the origin and the essence of the concept of *um* in the early and mature drama of Griboedov. It argues that in his early loose translations and adaptations from French classical playwrights A.-F.C. Creuzé de Lesser and N.-T. Barthe the concept is being formed as a motif. Originally rooted in the era of French classicism, it receives significant reinterpretation. Similarly and remarkably does the German one as can be seen from Griboedov's adaptation of J.W. Goethe's "Vorspiel auf dem Theater". In original early plays of Griboedov, it expands its semantics by accumulating of new motifs; in mature ones, it significantly increases its frequency and level up by acquiring the status of a concept. Semantic universals of Griboedov's artistic thinking embodied in his text and revealed in the study demonstrate an integral conceptual program.

Keywords: A.S. Griboedov, national, European, play, comedy, *um*, concept, translation, "Gore ot Uma", cultural transfer.

Information about the author: Evgeniia V. Ablogina – PhD in Philology, Associate Professor, National Research Tomsk State University, 34 Lenin Ave., 634050 Tomsk, Russia.

ORCID ID: 0000-0001-7213-8955.

E-mail: e.ablogina@mail.tsu.ru

For citation: Ablogina, Evgeniia V. Russian *Um*: Genesis and National Distinctions of the Concept in Griboedov's Comedy. *Aleksandr Griboedov and His Epoch: Khmelitsky Sbornik No. 18*. Ex. ed. Evgeniia V. Ablogina, Maxim V. Skorokhodov. Moscow: MAX Press Publ., 2023. pp. 53–67. (In Russian). <https://doi.org/10.29003/m3655.khmelita-18/53-67>.

Непосредственно концептологическую интерпретацию наследия А.С. Грибоедова наметил Л.А. Степанов, стремившийся в своей диссертации к достижению «широкого, объёмного восприятия его наследия» [Степанов, 2002, с. 3] и заключивший, что Грибоедова «с классицизмом сближают прежде всего термины-концепты, посредством которых он выражал свои эстетические, литературно-критические представления и понятия» [Там же, с. 10]. Он первым назвал ум концептом, не давая, однако, определения этому термину: «Концепт “ум” в авторском его смысле и значении сам превращается в конструкт, лежащий в основе конфликта и поляризующий характеристики персонажей» [Там же, с. 39].

Проведенное автором статьи диссертационное исследование доказало, что концепт ум определяет внутреннюю последовательность творчества Грибоедова, демонстрирует целостность художественно-философского мирообраза, синтезировавшего европейские традиции и русские культурные коды. Так, его первые драматические произведения, образцы утверждения светской комедии и новых форм психологизма, демонстрируют зарождение этого концепта в виде мотива *ума*.

В комедии «Молодые супруги» (1815 г.) – «переделке» французской пьесы 1809 г. “Le secret du ménage” О.-Ф. Крёзе де Лессера [Creuzé de Lesser] – Грибоедов по-новому обыгрывает традиционные классицистические мотивы, прежде всего мотив *ума*. Во французском оригинале мотив связан, прежде всего, с образом мадам д’Орбей. На лексическом уровне он выражен повторяющейся лексемой *l’esprit*, в оппозиции к которой находится *la folie* – сумасшествие, безумие. В экспозиции комедии месье д’Орбей упрекает жену, что та скры-

вает свои красоту и ум, которые раньше его так в ней привлекали, и называет *безумием* ее затворничество после их свадьбы. В финале комедии рамка замыкается его объяснением с женой, в котором *безумием* он называет свое прежнее равнодушие к мадам д'Орбей. В своем переводе-переделке Грибоедов сохраняет мотив *ума*, но при этом не переводит фразы, в которых он заключен, а воссоздает его заново, расставляя собственные акценты. Если у Крёзе де Лессера *безумие* – это отступление от разумной нормы (потому лексема несет исключительно отрицательную коннотацию), то у Грибоедова оно обретает полисемантическую, соответственно тому, что и *ум* понимается им шире.

Как и в комедии Крёзе де Лессера, в сочинении Н.-Т. Барта “Les Fausses Infidélités” 1768 г. [Barthe] мотив *ума* закономерно присутствует. Он также представлен повторяющейся лексемой *l'esprit* и противопоставленной ей по смыслу *foi* – *безумный, сумасшедший*. У Барта этот мотив доминантен в репликах Мондора, который мнит себя умным, и Вальсена, который в свою очередь находит его глупцом, хотя и опасается, что тот сможет очаровать Доримэну. Барт обыгрывает оппозицию *умный – глупый*, демонстрируя неподдельный ум одних и несомненную глупость других персонажей. Однако некоторые действующие лица не включены в эту оппозицию, они предстают носителями *ума* как абсолютной ценности (например, Анжелика). В своем переводе-адаптации «Притворная неверность» (1818 г.) Грибоедов преимущественно воспроизводит эти мотивы, а в тех случаях, когда опускает отдельные лексические репрезентанты, прибегает к компенсации, вводя их в новых контекстах. Далее Барт усугубляет противопоставление *умный – глупый* до оппозиции *умный – безумный*, где мотив *безумия* соотносится с образом ревнивца Дормили. В переводе-переделке Грибоедова лексема *безумие* часто опускается, в отдельных случаях ее заменяет лексема *глупость*. Однако в целом, мотив *ума* у Грибоедова выражается интенсивнее, нежели у Барта. Ум как ценность, как неоспоримое достоинство неоднократно признается его персонажами. Также Грибоедов вводит понятие *рассудок*. В случае с Рославлевым *потеря ума, безумие* означают, что герой страстно влюблен и *сходит с ума* от любви; в случае же Блёстова *потеря рассудка* означает, что он не способен больше разумно, логически мыслить. Очевидно, что Грибоедов не просто

переводил, но перерабатывал комедию, воссоздавая заново интригу, действующих лиц и систему мотивов. В этой связи Ж. Бонамур отмечал, что «Грибоедов не был под влиянием французского драматурга, а скорее излагал свои уже назревшие идеи всякий раз, когда французский оригинал давал ему такую возможность» [Бонамур, с. 83]. И хотя комедия «Притворная неверность» еще во многом признается ученической, работа Грибоедова над ней имела большое значение в частности для выработки ключевого концепта *ум* в той его специфической роли, которую он получит в «Горе от ума».

Таким образом, в ранних переводных комедиях «Молодые супруги» и «Притворная неверность» происходит зарождение концепта *ум* в виде мотива *ума*. Уходя своими корнями в эпоху французского классицизма, он переосмысливается у Грибоедова, который не просто передает мотив *ума*, но воссоздает его заново, наполняя новыми смыслами.

В оригинальном раннем творчестве драматурга мотив *ума* расширяет свою семантику за счет присоединения новых мотивов – *глупости*, *хитрости*, *безумия* и *смеха*. Комедия «Студент» (1817 г.) возводит *ум* до параметра, которым персонажи определяют и оценивают друг друга. Если Беневольского именуют *дураком*, то *умным* называют того, кто успешен, имеет высокое положение, связи в обществе. Так, например, по словам Звёздова, издатель Прохоров – «человек *очень умный*, со всеми авторами знаком» [Грибоедов, т. 2, с. 172]. Значительную разработку получает мотив *хитрости*. Если ранее в комедиях Грибоедова хитрость в семейных делах как свойство практического ума была присуща персонажам, несущим положительную авторскую оценку, то здесь ни один не может претендовать на авторскую симпатию, а хитрость подчеркивается в тех, кто скорее глуп, чем умен. Например, когда Беневольский напоминает Звёздову о данных когда-то обещаниях, тот отвечает: «Точно! помню, помню, и ты *очень умен*, что это помнишь», «Ступай и подличай», – советует Саблин Полюбину, чтобы добиться руки Вариньки [Грибоедов, т. 2, с. 64, 66]. Полюбин говорит о Звёздовой, которая взялась обхитрить мужа: «Но чего не сделает *умная* женщина, если примется хорошенько, особливо где надобно *хитрить!*» [Там же, с. 83]. Однако, не желая признавать ум сестры, он тут же замечает: «На ее месте всякая другая с *меньшим умом* и с *большим лукавством* делала бы из своего мужа,

что хотела...» [Там же]. Лексема *хитрость* становится маркером в характеристиках Звёздовой, вложенных в уста ее мужа: «Постой-ка, госпожа *хитрая* особа...», «Не станешь *хитрить* со мной...» [Там же, с. 86, 89]. Самого Звёздова, хитрость которого быстро раскрывают, Саблин именует «*плутом*» [Там же, с. 92]. Своеобразное значение в комедии приобретает также уже ставший для Грибоедова привычным мотив *безумия*. Однако в «Студенте» он воплощает не сумасшествие от любви, не страсть или ревность персонажа, как в ранних переводных комедиях, но несоответствие его действий общепринятым нормам. Именно это делает Беневольского в глазах остальных персонажей дураком, которого уже «*не вразумишь*»: «Рехнулся он», «*безумный*», «Он *с ума сходит*», «Помилуйте, *с чего ему сойти?*», «Вы целый час *бредили*», «*Полно бредить*», «Возьмись хоть ты его *вразумить*», «Шш! что ты, *с ума сошел?*» – «А сами-то что?» [Там же, с. 49; 53; 58; 70; 92; 92]. Кроме Беневольского характеристику *сумасшедший* получает самодур Звёздов, желание которого выдать Вариньку за Беневольского всеми характеризуется в соответствующих терминах: «Кстати, что вы *с ума сошли* с мужем вдвоем?», «Какой *сумасбродный*» [Там же, с. 68; 87]. Примечательно, что наравне с мотивом *сумасшествия* через комедию проходит знаковый мотив обличающего смеха: все смеются над Беневольским, Беневольский смеется надо всеми; домашние смеются над Звёздовым, но смешным может быть и поведение Звёздовой.

Таким образом, в комедии «Студент» центральная оппозиция *ум – глупость* соединяется у Грибоедова с социальным содержанием, пока достаточно ограниченным, и разворачивается в целое мотивное поле: *разум, хитрость, безумие, смех, шутовство*. Подобное обогащение семантики характеризует метод драматурга, выявляющего в персонаже и драматической ситуации различные, иногда противоречивые стороны, и акцентирующего смысловую динамику.

Следующим этапом в формировании концептосферы *ума* выступает перевод из «Пролога в театре» И.В. Гёте, где феномен *ума* получает общеэстетическое осмысление в связи с центральными противоречиями человека и общества. Грибоедов значительно изменяет мотивный строй немецкого текста, внося мотив *ума* в монологи одних персонажей (Поэт, Директор театра) и редуцируя его в других (Весельчак). Так концепт постепенно становится не просто

средством создания характера персонажа, но орудием мировоззренческого моделирования, подчеркивания идеологической позиции – со-противопоставление *ума* и *рассудка*.

Перевод Грибоедова в целом довольно близок к немецкому оригиналу, тем не менее в нем обнаруживаются симптоматичные модификации, связанные с мотивом *ума* – который возникает независимо от наличия соответствующих лексических репрезентантов в тексте Гёте. Так, Грибоедов вводит мотив *ума* в следующие реплики Директора (далее подстрочный перевод наш. – Е.А.) Ср.:

Столбы и доски сколочены, И каждый ждет праздника. <...> Мы делаем все так, чтобы было свежо и ново И смысл тоже привлекал [Goethe, S. 6].	<...> Храм вздыт до небес, раскинется лесок. Лишь то беда: <i>ума</i> нам где добиться? <...> Чтoб были вещи им новы, И складно для <i>ума</i> , и для души отраднo [Грибоедов, т. 2, с. 226].
---	---

Директор у Грибоедова оперирует понятием *ум* в значении прагматического расчета, рассудочности, которые, по его мнению, необходимы Поэту, дабы угодить публике¹. Потому Директор, убеждая Поэта, заключает: «Рассудок превозмог...» [Там же, с. 228]. В своем переложении Грибоедов добавляет Директору ироническое отношение к толпе. Тот замечает, что публика ждет и требует чего-нибудь нового, «складного для *ума*» и «для души отрадного» [Там же, с. 226]. Спор о театре, поэте и толпе Грибоедов прерывает на последней реплике Поэта, утверждающего, что поэт не должен писать в угоду толпе (Ср. Грибоедов в письме П.А. Катенину: «Пишу для подобных себе» [Грибоедов, т. 3, с. 87]). В поэте, по его мнению, сосредоточена божественная сила, творческое начало, и оттого рассудочность, которую Директор понимает под *умом*, абсолютно неприемлема: «Ты постигаешь ли *умом* / Создавшего миры и лета?» [Грибоедов, т. 2, с. 229]. Такая позиция Поэта близка самому Грибоедову, который противопоставлял *ум* и *рассудок*, то есть совершенно *трезвый ум*, и отдавал явное предпочтение первому. Это в большей мере видно на материале комедии «Горе от ума» и также может быть соотнесено с высказыванием И.Н. Розанова, который комментировал использо-

¹ В «Горе от ума» такое понимание *ума* получит акцентировку, став частью антитезы *ум* – *умение*.

вание Грибоедовым эпитета *умный* следующим образом: «<...> если же он употребляет выражение “трезвый ум”, то это у него звучит обыкновенно синонимом пошлости» [Розанов, с. 119–120].

Осуществляя перевод из «Фауста», Грибоедов делает «Пролог в театре» своеобразным манифестом своей драматургии – «центральной и наиболее полным эстетическим высказыванием» [Степанов, 1995, с. 10], предвещающим дальнейшее осмысление «Горя от ума».

В известной «Заметке по поводу комедии “Горе от ума”» Грибоедов оставляет указание к интерпретации своего произведения: «В превосходном стихотворении многое должно угадывать; не вполне выраженные мысли или чувства тем более действуют на душу читателя, что в ней, в сокровенной глубине ее, скрываются те струны, которых автор едва коснулся, нередко одним намеком, – но его поняли, все уже внятно, и ясно, и сильно» [Грибоедов, т. 2, с. 281].

Во многом именно полисемантность концепта *ум*, положенная в основу «Горя от ума», определяет всеохватывающий, универсальный характер комедии, ее философское прочтение. Приемы, отработанные Грибоедовым в раннем творчестве, нацелены здесь на раскрытие семантики ума, демонстрацию разных умов. Все уровни текста оказываются так или иначе сопряжены с умом, служат раскрытию неоднозначного, внутренне конфликтного представления о нем. С одной стороны, это ум Чацкого, восходящий к высотам идеальных ценностей, связанный с понятиями искренности и свободы, с другой – ум практический, житейский, нацеленный на личную выгоду. Именно в этой сложной дифференциации понятия, ключевого для рационалистической культуры, в первую очередь очевидно принципиальное новаторство Грибоедова. Наполнение этого концепта в комедии является «фокусом», к которому сходятся не только противоречия между персонажами, но и художественное единство произведения. Полисемантическая наполненность концепта *ум* отвечает также личности Грибоедова, у которого «острота ощущений, эмоциональная напряженность и подвижность способствовали эстетически осознанному восприятию и переживанию самых разнообразных противоречий, контрастов и антиномий <...>» [Степанов, 1998, с. 22], его стремлению освободиться от каких-либо рамок: «Я как живу, так и пишу свободно и свободно» [Грибоедов, т. 3, с. 90].

Ряд эпистолярных высказываний Грибоедова с самооценками и оценками окружающих, а также свидетельства современников о личности писателя наглядно показывает огромную роль, придаваемую категории ума как интегральной характеристике человека – и даже групп людей, сословий, вплоть до нации в целом (русский ум). Примечательно, что во всех близких и интересных ему людях Грибоедов в качестве достоинства подчеркивал именно ум, часто тем самым причисляя его носителя к разряду избранных. Так, в письме к С.Н. Бегичеву он грустно заметил: «<...> это – участь *умных* людей, мой милый, большую часть жизни своей проводить с *дураками*, а *какая их бездна у нас!*...» [Там же, с. 18]. Розанов комментировал использование Грибоедовым эпитета *умный* следующим образом: «<...> вялая, пассивная личность не могла быть особенно симпатичной Грибоедову, который более всего ценил пылкость чувств и тех, в ком находил это свойство, называл умными <...>» [Розанов, с. 119–120]. Грибоедов разводил *ум* и *рассудок*, то есть совершенно *трезвый, здравый ум*, отдавая явное предпочтение первому, поскольку «ум является следствием сильных страстей, а здравый смысл – следствием их отсутствия» [Ильёв, с. 52]; ср. также в письме Бегичеву: «Я такой же, какой был и прежде, пасынок здравого рассудка» [Грибоедов, т. 3, с. 1]. Вероятно, в трактовке здравого смысла Грибоедову были близки воззрения К.-А. Гельвеция, утверждавшего, что «не нужно иметь ни большого скудоумия, ни большой широты ума, чтобы казаться здравомыслящим, ибо здравым смыслом почти все называют согласие с тем, что признается глупцами, а человек, который ищет лишь истину и поэтому обычно отклоняется от принятых истин, считается сумасшедшим» [Гельвеций, т. 2, с. 580]. Более того, как отмечал М.В. Строганов, «анализ писем Грибоедова периода формирования замысла “Горя от ума” позволяет нам говорить, что его прототипической ситуацией было положение философа (умного человека) среди глупцов, положение Демокрита среди абдеритов» [Строганов, с. 58].

Столкновение «25 глупцов» и «одного умного человека» в «Горе от ума» – как вариация традиционного демокрито-абдеритского сюжета, так и коллизия, органично перенесенная Грибоедовым из жизни в ткань произведения. Авторская номинация – «25 глупцов» – оказывается связующим звеном между рядом мотивов. Поскольку *глупый* – это человек «*неразумный, скудоумный, <...> ограниченного*

ума» [Даль, т. 2, с. 329], глупый в крайнем своем проявлении – дурак, то есть «глупый человек, тупой, непонятливый, безрассудный; безумный; шут» [Там же, т. 3, с. 181]. Таким образом, человеческая глупость может пугать, – тогда такого человека назовут *безумцем*, или смешить, – тогда он окажется *шутом*. Грибоедов также оперирует лексемой *дурачиться*, то есть «дурить, делать глупости; прикидываться дурачком; чудить; быть шутком, шутником» [Там же, с. 181]. Еще одна лексема – *чудить* – также означает «дивить, мудрить, <...> хитрить; странничать, чудачить; дурить, проказить с умыслу; сумасшествствовать, сумасбродствовать» [Там же, т. 12, с. 312]. Таким образом, понятие *чудить* сопрягает *хитрость*, *сумасшествствие* и *странность*. *Дурачиться*, в свою очередь, как показано выше, объединяет *глупость* (делать глупости), *чудачество* и *смех* (быть шутком, шутником). Такая взаимообуславливающая связь мотивов в рамках одного концепта определяет высшее содержание комедии, выраженное в диалектике смешного и серьезного.

Мотив *хитрости*, разработанный Грибоедовым еще в ранних комедиях, набирает в «Горе от ума» силу, реализуясь через лексему *уметь*, исконно связанную в русском языке с *умом*. У Грибоедова понятие *уметь* сопряжено с практическим успехом, деловой ловкостью: Фамусов – «умел я принанять / В мадам Розье вторую мать», он же о московском тузе – «С ключом, и сыну ключ умел доставить», московские девицы «умеют же себя принарядить», Молчалин по словам Чацкого – «<...> умел к ней в сердце влезть!», тетушка Софьи по оценке Лизы «<...> хотела схоронить / Свою досаду, не сумела», сама Софья говорит: «<...> выдержать притворства не сумею» [Грибоедов, т. 1, с. 18, 35, 47, 68, 26, 58] и пр. Чацкий, которому априори чуждо притворство («Есть тьма искусников, я не из их числа» [Грибоедов, т. 1, с. 70]), использует эту лексему лишь единожды: «не думать о любви, но буду я *уметь* / Теряться по свету, забыться и развлечься» [Грибоедов, т. 1, с. 65]. В последнем случае *уметь* служит маркером намеренно неискреннего действия (как и у других персонажей), но направленного не на практический успех, а на подавление своего истинного чувства, т. е. по сути – своего ума. Противопоставление ума Чацкого *умению* других персонажей демонстрирует прежде всего нравственный аспект его ума – искренность. Мнение Грибоедова на этот счет явно выражено в письме Катенину:

Искусство в том только и состоит, чтоб подделываться под дарование, а в ком более вытвержденного, приобретенного потом и сидением искусства угождать теоретикам, т. е. *делать глупости* <...>, – тот, ежели художник, разбей свою палитру и кисть, резец или перо свое брось за окошко; знаю, что всякое ремесло имеет свои *хитрости*, но чем их менее, тем скорее дело, и *не лучше ли вовсе без хитростей?* Nugatory difficulty [Грибоедов, т. 3, с. 90].

Здесь *умение* – в данном случае, в сфере творчества, где оно обозначается как «искусство», – противопоставляется «дарованию» как естественному, органическому качеству личности и характеризуется как *глупость*, тем самым противопоставляясь *уму*.

Когда в финале Чацкий обрушивается с обвинительной тирадой на Фамусова и его гостей, он называет их «*нескладными умниками*» [Грибоедов, т. 1, с. 121], тем самым констатируя провал, неудачу их *умений* и обозначая еще одно понятие, антонимичное *уму*. *Умник* подается Грибоедовым не с положительной коннотацией (как «умный человек, образованный, с проницательный умом и даром слова» [Даль, т. 12, с. 131]), но как тот, кто *умничает*, то есть «считает себя умнее других, пересудачивает мнения, распоряжения их, а на деле переиначивает все по-своему; может перехитрить в деле, исказить его по самоуверенности; мудрствует» [Даль, т. 12, с. 132].

Противостояние Чацкого и фамусовского общества, неуклонно обостряясь, выражается в номинациях Чацкого «карбонари», «окаянный вольтерьянец» [Грибоедов, т. 1, с. 39, 90] и достигает наивысшей точки в определении его как *безумного*; так вводится еще один связанный с *умом* мотив – мотив *безумия*. Если в ранних переводных комедиях Грибоедова *безумие* чаще всего синонимично *сумасшествию от любви* (т. е. страсти или ревности), то в «Горе от ума», как и в «Студенте», под *безумием* понимается преимущественно несоответствие действий персонажа общепринятым нормам; ср. Гельвеций в трактате «Об уме»: «Каждый отдельный человек называет умом привычку к идеям, которые ему полезны» [Гельвеций, т. 1, с. 188]. Фамусов замечает Чацкому: «<...> не блажи» [Грибоедов, т. 1, с. 37]. «Блажить» – означает «*дурить, дурачиться, шалить, баловать, проказить, упрямиться; сумасбродить, сходить с ума, бредить, грезить наяву, нести вздор, чепуху*» [Даль, т. 1, с. 260]. Таким образом, обнаруживается семантическая связь мотива *безумия* с мотивами *глупости, сна и болезни*.

С мотивом *безумия* оказывается тесно связан также мотив *смеха*, который еще в комедии «Студент» был призван обличать глупость персонажей. Смех, отрицающий и утверждающий, амбивалентный по своей природе (М.М. Бахтин), он вездесущ, и его все боятся. Кроме того, в Чацком сильна подлинно русская народная черта – способность смеяться даже в горестные моменты. Смех традиционно служит самым сильным средством освобождения, по меньшей мере, духовного, от того, чему человек противостоять не может. Персонажи комедии понимают смех и смеются по-разному (Ср. наблюдение А.П. Чехова: «Есть люди, об уме которых можно верно судить по их голосу и смеху» [Чехов, с. 353]). Если ум Чацкого характеризуется категорией искренности, то обман, как предельно противопоставленное ей действие, характеризует всех представителей фамусовского общества.

Однако ум персонажей комедии раскрывается не только через смех, но и через говорение в целом. «Оппозиция “ветхий – новый” реализовалась в метасюжете “высокой комедии” мотивом “нового человека”, носителя и проповедника “нового слова”. Способом драматургического воплощения такого героя является мотив говорения, который уравнивает ораторское слово <...> с остальными формами драматургического действия» [Лебедева, с. 74]. Потому в «Горе от ума» так частотны производные от лексемы *говорить* и ее оппозиции – *молчать*, что снова апеллирует к заглавной оппозиции *ум – глупость*. Ср. замечание Гельвеция: «Размышляющие люди слишком уж склонны считать глупцами тех, кто не умеет рассуждать. <...> И светские люди <...> испытывают презрение к человеку молчаливому» [Гельвеций, т. 2, с. 580]. Глупость и молчание сближают человека с животным, что объясняет зооморфизацию в комедии. По мнению О.Б. Лебедевой, в боязни слова, его извращении, клевете проявляется, «с одной стороны, редукция образа нового человека (Логоса), а с другой стороны – актуализация мотива ревизии, суда и возмездия <...>» [Лебедева, с. 75]. Появление этого мотива также связано с семантикой *ума*. По одной из версий *ум*, как и *явь* (состояние бдения, когда человек хорошо слышит и видит), восходит к индоевропейскому корню **au* со значением *воспринимать органами чувств, понимать*. В то же время лексема *глупый* является родственной общеславянской **gluchъ* со значением *глухой*. Целый корпус древнерусских лексем

демонстрирует связь между способностями воспринимать органами чувств и ментальными процессами, умом. Таким образом, *ум* в русской когнитивной картине мира предстает как внутреннее зрение и слух [Хазимуллина, с. 477].

Нарушение коммуникации в комедии связано также с мотивом *тьмы* и ее антиномии – *света* (состояние, которое «дает способ видеть» [Даль, т. 11, с. 21]). Отчуждение Чацкого происходит через нежелание слушать, насмешки, клевету и объявление его безумным, чужим, странным. Мотив *странности* как трансцендентального в свою очередь связан с мотивом *ирреального*, который проступает через полисемию лексем *превращенье, ворожба, колдовство, чудеса, химеры, сон* и пр.

Еще один очевидный мотив в комедии – мотив *болезни*. Он проистекает из заглавия комедии, если иметь в виду, что горе является одной из семантических граней боли («чувство горя, истомы, страданий душевных, скорбь, грусть, тоска» [Даль, т. 1, с. 287–288]), *боль* же непосредственно связана с семантикой *болезни*, в свою очередь включающей и *безумие*. К мотиву *болезни* также отсылает дихотомия *жар – холод*. Жар, с одной стороны, может быть признаком болезни, с другой стороны – некой божественной искрой, талантом, что делает человека не просто носителем ума, но избранным для высокой миссии: «Или в душе его сам Бог возбудит жар», «Чтоб искру заронил он в ком-нибудь с душой» [Грибоедов, т. 1, с. 49, 96]. Семантика горения обыгрывается в тексте на разных уровнях, но также соотносится с горечью («неволя-то горька» [Там же, с. 100]) и через устаревшую форму *горесть* восходит к лексеме *горе* [Даль, т. 2, с. 364]. Наконец, мотив *болезни* усугубляется до мотива *смерти*. В этой связи примечательно, что болезнь и безумие связывает общий симптом – сплин, хандра, *скука* (еще один мотив) как форма душевного расстройства¹. Связь *скуки* со *смертью* (свойственное русскому народу понятие «*скука смертная*») явственно прослеживается в письмах Грибоедова. Например, П.М. Сахно-Устимовичу: «У нас здесь *сочно*, гадко, скверно. Нет! Уже не испытать мне на том свете гнева Господня. Я и здесь вкушаю довременно все преле-

¹ Гельвеций называл скуку «болезнью души» [Гельвеций, т. 2, с. 387], Р.Ю. Данилевский отмечал повсеместное распространение этого явления в грибоедовскую эпоху [Данилевский, с. 194].

сти *тьмы крошечной*», Н.И. Гречу и В.Ф. Булгарину, находясь под арестом в Петербурге: «Меня здесь заперли, и я *погибаю от скуки и невинности*» [Грибоедов, т. 3, с. 173, 108].

Отмеченные выше мотивы не случайны, но выработаны Грибоедовым на материале его раннего творчества, взаимообусловлены на смысловом и идейном уровне, организованы в единый концепт, манифестируемый автором в заглавии. Выявленные семантические универсалии художественного мышления Грибоедова дают возможность говорить о цельной концептуальной программе в творчестве драматурга: понятие *ума* в драматургии Грибоедова является динамичным, его концептуальное наполнение различно в раннем и зрелом творчестве, заметна тенденция к усложнению концепта за счет обогащения новыми мотивами.

Бахтин отмечал, что культурная традиция сопряжена не только с сознательной преемственностью, но и с генетической культурной памятью, реализующейся в процессе творческого акта [Бахтин, с. 407]. Так грибоедовский концепт *ум* представляет собой уникальный сплав огромного пласта общеевропейских и национальных культурных смыслов, их языковых реализаций и индивидуальной авторской интерпретации. Исследование различных смысловых уровней концепта позволяет говорить о том, что, находясь в тесной семантической связи друг с другом, они образуют уникальное концептуальное единство, делающее, по определению А.А. Блока, «Горе от ума» произведением «непревзойдённым, единственным в мировой литературе, не разгаданным до конца, символическим в истинном смысле этого слова» [Блок, с. 318]. В этом видится уникальность «Горя от ума» в корпусе произведений национальной литературы, этим объясняется также непреходящая актуальность комедии Грибоедова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М.: Худож. лит., 1975. 502 с.
2. Блок А.А. Размышления о скудности нашего репертуара (Отрывок) // А.С. Грибоедов в русской критике: Сб. ст. М.: Гослитиздат, 1958. С. 317–319.
3. Бонамур Ж. Грибоедов и французская литература: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1961. 14 с.

4. Гельвеций К.-А. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1973–1974.
5. Грибоедов А.С. Полн. собр. соч.: в 3 т. / подгот. текста и коммент. А.Л. Гришунина. Науч. ред. С.А. Фомичев. Т. 1–3. СПб.: Изд-во Нотабене, Дмитрий Буланин, 1995–2006.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 12 т. Т. 1–12. М.: Мир книги, 2002–2004.
7. Данилевский Р.Ю. Пушкин и Гете: сравнительное исследование. СПб.: Наука, 1999. 288 с.
8. Ильёв С.П. «Ум» и «горе» в комедии Грибоедова // Проблемы творчества А.С. Грибоедова. Смоленск: ТРАСТ – ИМАКОМ, 1994. С. 50–56.
9. Лебедева О.Б. Сакральные ассоциации метасюжета русской «высокой комедии» // Культура Отечества: прошлое, настоящее и будущее. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1994. Вып. 2. С. 71–76.
10. Розанов И.Н. Грибоедов и Пушкин // Пушкинский сб.: статьи студентов Императорского Московского университета. М.: Университетская тип., 1900. С. 100–135.
11. Степанов Л.А. О стихотворении А.С. Грибоедова «Отрывок из Гете» // Филология–Philologica. Краснодар, 1995. № 5. С. 10–13.
12. Степанов Л.А. Эстетика Грибоедова // А.С. Грибоедов. Хмелитский сб. Смоленск: Смоленский гос. ун-т, 1998. С. 9–50.
13. Степанов Л.А. Эстетическое и художественное мышление А.С. Грибоедова: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Великий Новгород, 2002. 46 с.
14. Строганов М.В. Об идейном составе «Горя от ума» // Проблемы творчества А.С. Грибоедова. Смоленск: ТРАСТ – ИМАКОМ, 1994. С. 56–70.
15. Хазимуллина Е.Е. Когнитивный аспект мотивированности языка (на примере отражения знаний об уме в русской картине мира) // Вестник Башкирского ун-та. Уфа, 2009. Т. 14. № 2. С. 476–481.
16. Чехов А.П. Степь // Собр. соч.: в 12 т. Т. 6. М.: Правда, 1985. С. 314–405.
17. Barthe N.-T. Les Fausses Infidelites. Paris: INALF, 1961. 49 p.
18. Creuzé de Lesser A.-F.C. Le secret du ménage. Paris, Vente. 1817. 80 p.
19. Goethe J.W. Werke: in 14 Baenden. Bd. 3. Muenchen: Verlag Beck, 1993. 775 S.

<https://doi.org/10.29003/m3656.khmelita-18/68-86>

<https://elibrary.ru/ncynvu>

Научная статья / Research Article

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2 Рос=Рус)

This is an open access book
Distributed under the Creative
Commons Attribution-NonCommercial
4.0 (CC BY-NC)

ЛИЧНОСТЬ И СУДЬБА А.С. ГРИБОЕДОВА В ЭЛЕГИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ В.К. КЮХЕЛЬБЕКЕРА И А.И. ОДОЕВСКОГО

© 2023. *Т.Н. Жужгина-Аллахвердян*

Аннотация: В статье рассматривается личность и судьба А.С. Грибоедова в романтическом творчестве поэтов-декабристов В.К. Кюхельбекера и А.И. Одоевского – современников писателя, его близких друзей и единомышленников. В процессе текстуального анализа элегических стихотворений, посвящений, видений, элегий «на смерть» обосновывается положение о том, что поэты-романтики, вдохновленные идеями о поэте-вожде и провидце в духе времени, создали образ писателя и дипломата в соответствии со своими эстетическими идеалами и трансформировали жанр элегии, придав ей бунтарские черты в духе лирико-философской традиции декабризма, выразив в них высокие мысли и чувства, личные идеалы и мечты, наполнив раздумьями о смысле жизни и смерти, о «божественном даре» поэзии, о «злой участи» одинокого страдальца. Выявлено, что в поэзии декабристов 1820–1840 гг. на первый план выносятся духовные ценности человека, которые определяются, вопреки суровой «прозе жизни», верностью поэтическим идеалам и что в этих границах измеряются бесценные личные качества, незаурядный ум и таланты Грибоедова, его творческие и «страстные порывы». Сокрушаясь о трагической смерти Грибоедова, декабристы сетовали на коварную судьбу, не благоволящую к служителям поэзии и обладателям пророческого дара, символически обобщали и осмыслили жизнь и деятельность поэта и дипломата, а также собственную участь в многовековой череде печальников и изгоев. Личные авторские переживания, впечатления и настроения не противоречили романтическим представлениям о поэзии

и ее роли в жизни человечества, идейно и эмоционально резонировали с лирическими настроениями элегиков-предшественников.

Ключевые слова: А.С. Грибоедов, поэт, романтическая элегия, лирика, декабризм, В.К. Кюхельбекер, А.И. Одоевский.

Информация об авторе: Тамара Николаевна Жужгина-Аллахвердян – доктор филологических наук, профессор, Горловский институт иностранных языков, Донбасский государственный педагогический университет, г. Днепр.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5953-4424>.

E-mail: allahverdian.tamara@rambler.ru

Для цитирования: *Жужгина-Аллахвердян Т.Н. Личность и судьба А.С. Грибоедова в элегическом творчестве В.К. Кюхельбекера и А.И. Одоевского // А.С. Грибоедов и его эпоха: Хмелитский сборник № 18 / отв. ред. Е.В. Аблогина, М.В. Скороходов. М.: ООО «МАКС Пресс», 2023. С. 68–86. <https://doi.org/10.29003/m3656.khmelita-18/68-86>.*

GRIBOEDOV'S PERSONALITY AND FATE IN THE ELEGIES OF W.K. KUKHELBECKER AND A.I. ODOYEVSKY

© 2023. *Tamara N. Zhuzhgina-Allahverdian*

Abstract: A romantic image of A.S. Griboedov as a friend, poet and statesman emerges in the elegies of his contemporaries, his close friends and associates W.K. Kukhelbeker and A.I. Odoyevsky. Textual analysis of elegy poems, dedications and other poems “on the death of” provides grounding of the statement that Romantic poets, inspired by the ideas of a poet-in-chief and visionary in the spirit of the time, created an image of a writer and diplomat in accordance with their aesthetic ideals and transformed the elegy genre by giving it rebellious features in the spirit of Decembrist lyrical and philosophical tradition, expressing in them high thoughts and feelings, personal ideals and dreams, filling with reflections on the meaning of life and death, on the “divine gift” of poetry, on the “evil fate” of a lonely sufferer. The article argues that in the Decembrist poetry of 1820–1840 the spiritual values of man are brought to the forefront and defined by loyalty to the poetic ideals, despite the harsh “prose of life”; it is within this framework that the priceless personal qualities, the outstanding mind and talents of Griboedov, his creative and “passionate impulses” are valued. Grieving

over the tragic death of Griboedov, the Decembrists lamented the insidious fate that did not favor the servants of poetry and the holders of a prophetic gift; they symbolically summarized and reflected on the poet and diplomat's life and work as well as their own fate in a long line of outcasts and deplorables. The author's personal experiences, impressions and moods did not contradict the Romantic notions of poetry and its role in the life of mankind, and resonated ideologically and emotionally with the lyrical sentiments of the elegiac predecessors.

Keywords: A.S. Griboedov, poet, romantic elegy, lyrics, decembrism, W.K. Kukhelbecker, A.I. Odoyevsky.

Information about the author: Tamara N. Zhuzhgina-Allahverdian – Doctor of Philology, Professor of the Department of French and Spanish Languages, Gorlovka State Institute of Foreign Languages of the Donbas State Pedagogical University, Dnipro.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5953-4424>.

E-mail address: allahverdian.tamara@rambler.ru

For citation: Zhuzhgina-Allahverdian, Tamara N. Griboedov's Personality and Fate in the Elegies of W.K. Kukhelbecker and A.I. Odoyevsky. *Aleksandr Griboedov and His Epoch: Khmelitsky Sbornik No. 18*. Ex. ed. Evgeniia V. Ablogina, Maxim V. Skorokhodov. Moscow: MAX Press Publ., 2023. pp. 68–86. (In Russian). <https://doi.org/10.29003/m3656.khmelita-18/68-86>.

В поэтическом творчестве декабристов В.К. Кюхельбекера и А.И. Одоевского вырисовывается идеальный, по-романтически цельный образ А.С. Грибоедова – природы драматической и сложной, возвышенного поэта и «незабвенного» друга, «певца свободы» и дипломата с трагической судьбой. Стихотворения декабристов написаны в традиции русского романтического эгизма, в котором ведущая роль отводилась оценкам душевного состояния и всех чувственных проявлений (В.Э. Вацуро, М.Л. Гаспаров, К.Н. Григорян, С.Р. Охотников, В.И. Козлов). В посвящениях, видениях, элегиях «на смерть» восстанавливались творческие судьбы и символически осмыслились личности наделенных «божественным даром» современников – Пушкина, Дельвига, Рылеева, Баратынского, Грибоедова. Романтиков 1820-х гг. менее всего интересовали частные проблемы и детали биографии творческих личностей. Предметом пристального внимания они ста-

новятся только в исследованиях XX в., когда на первый план выдвигаются отдельные события и факты жития человека романтической эпохи. В это же время в центре внимания исследователей оказываются полная загадочность судьба Грибоедова, его неожиданная смерть и противоречия тегеранского дела, его официальной трактовки. Как отмечает современный исследователь, «исключительный интерес» к личности и судьбе знаменитого драматурга был во многом обусловлен вниманием к пушкинской эпохе и неординарным «романтическим образом», который обеспечили ему «литераторство, связь с декабристами, участие в дуэли из-за прекрасной танцовщицы, дипломатические успехи, его брак за несколько недель до смерти и трагическая гибель» [Аблогина, с. 106]. «Исключительным интересом» к частным вопросам и к проблеме тегеранской резни 1829 г. отмечены исследование Д.П. Святополка-Мирского, посвященное Грибоедову, и книги Ю.Н. Тынянова о поэтах пушкинской поры. Прошлый век, век модернизма и постмодернизма, подготовил и создал «гротескный образ» Грибоедова, вызванный исключительно «скандальным» интересом к нему как участнику англо-русско-персидских отношений 1828–1829 гг., по убеждению современных исследователей, сохранивших актуальность по сей день [Аблогина, с. 214]. Отсюда тыняновская характеристика эпохи Пушкина, Грибоедова и Лермонтова как «винного», «уксусного» и «гнилостного» брожения [Тынянов, 1983, с. 17], по мнению М.В. Строганова, «яркий и художественно убедительный образ», но уместный только «в рамках поэтики модернизма» и, на наш взгляд, в своих символично-экзистенциальных обобщениях весьма далекий и от пристального «человековедческого» метода исследования истории литературы [Строганов, с. 251–284], и от изучения литературно-археологических частных фактов.

Грибоедов поступил на службу в Коллегию иностранных дел в 1817 г. В 1821 г. он прибыл на службу в Тифлис и был назначен дипломатическим секретарем при генерале А.П. Ермолове. Тогда же состоялось знакомство Грибоедова с Кюхельбекером и Н.Н. Муравьевым. К этому времени относится послание Кюхельбекера «Грибоедову». Написанное в Тифлисе задолго до декабрьского восстания 1825 г. и тем более до трагических событий в Тегеране, оно представляет собой восторженный панегирик, адресованный другу и поэту, и его лирический дискурс не выходит за границы орфической парадигмы «поэ-

зия – таинство» и романтической концепции поэта-вождя, учителя и провидца, заимствованной романтиками в учении сен-симонистов. Однако Кюхельбекер переносит акцент с социально-утопической концепции вождизма на идею о провидческом даре поэта, объявив «незабвенного друга» «Пророком Свободы». Размышления о поэзии, анализ житнетворчества и оценка собственного поэтического дарования в этом послании встроены в общую символическую судьбу поэта-визионера, для которого положение одаренной личности в мире становится сквозным мотивом творчества. В элегиях, посвященных поэзии и творчеству, Кюхельбекер создает своеобразный пантеон поэтов – провидцев и глашатаев свободы. Поэт всматривается в будущее и видит в нем неутешительные перспективы, отсветы приближающейся жизненной драмы; он предчувствует печальные события и опасается, что «неумолимый рок» может встать на полпути к лавровому венку – символу вечной славы. В страстном монологе лирического героя, «жильца возвышенного мира», чуждого «земных цепей», за которым стоит сам автор, слышатся тревога и сомнение: «...меня спасет ли лира? / Избегну ли расставленных сетей?» (с. 239)¹. Образ «гнусных змей», что прячутся «внизу», символизирует скрытые испытания, за таившееся зло, коварство и интриги, которых не избегли лучшие из людей. Однако «незабвенного» поэта автор возносит над «толпой» завистников и преследователей, перечисляя данные ему «рукой судьбы» необыкновенные качества и достоинства: живую душу, «пламень чувства», «веселье тихое и светлую любовь», «золотые таинства высокого искусства» и «резво-скачущую кровь» – жизненную энергию, живость ума и сильный дух, пророча победу над превратностями судьбы: «Но ты, ты взлетишь над песнями толпы!» (с. 239).

Послание заканчивается трагическим предсказанием в духе орфической лирики, возвеличивающей поэта над прозаическим бытием ценой его жизни:

Я излечу на зов твой из могилы,
Развью раскованные крылы,
К золотому солнцу воспарю
И жадно погружусь в бессмертную зарю! (с. 239).

¹ Текст стихотворений В.К. Кюхельбекера приводится по изданию: Декабристы. Избранные сочинения: В 2-х т. Т. 2. М.: Правда, 1987. 560 с. Здесь и далее при цитировании текста в круглых скобках указываются страницы этого издания.

В последней строфе поздней элегии «Участь русских поэтов» автор вновь затронет тему поэта и толпы, «черни глухой» – кровожадных, алчущих крови, посягнувших на человеческие жизни, памятуя о преждевременной смерти от рук взбунтовавшихся религиозных фанатиков талантливого поэта, «чей блещущий перунами полет / Сияньем облил бы страну родную» (с. 265). Сослагательное наклонение в этих строках красноречиво; оно передает мысль об угаснувшем светоносном гении.

К теме остракизма и преждевременной смерти гениев Кюхельбекер обращался на протяжении всей своей жизни. Начало этому было положено в элегии «Поэты», написанной в защиту А.С. Пушкина в 1820 г. и прочитанной в Вольном обществе любителей российской словесности. Эпиграфом к стихотворению послужили строки из послания В.А. Жуковского «К кн. Вяземскому и В.Л. Пушкину» (1814–1815 гг.): «И им не разорвать венца, / Который взяло дарованье!» (с. 227). В стихотворении «Поэты» Кюхельбекер, обращаясь А.А. Дельвигу – одному из «товарищей» по лицейскому «тройственному союзу», усиливает ностальгические акценты, наметившиеся уже в стихотворении «Царское Село», написанном двумя годами ранее (1818 г.). В «Поэтах» Кюхельбекер сокрушается о том, что в нынешнем Дельвиге не узнает недавнего «ленивого», беззаботного счастливица и баловня судьбы. Восторженные воспоминания о «золотых годах», о привольной царскосельской жизни и лицейской дружбе потеснили безрадостные размышления о нынешнем положении поэта, обремененного повседневностью, преследуемого завистниками и глупцами. Мифопоэтические иносказания на тему войны титанов с олимпийцами служат созиданию образов «младых избранников харит», «чад Мельпомены», «сынов огня и вдохновенья», осуждаемых, гонимых при жизни и возвышаемых после смерти. Как романтик, Кюхельбекер не знает компромиссов, не мыслит образами «золотой середины» и представляет участь гениев в резких романтических контрастах. Он видит только два пути, которые определяют судьбу поэта: один из путей ведет «неизвестной, немой тенью» по нисходящей – к «брегам туманной Леты», другой – по восходящей, возвышая «любимцев таинственных сил», вдохновенно воспаряющих к небесам.

В «Поэтах» автор перечисляет имена прославленных романтиками бардов, драматургов и писателей, выстраивая парадигму зна-

менитых несчастливцев. Используя сатирическое иносказание, он называет бездарных хулителей поэтов «сычами», преследующими «орлов» (с. 227). Подобный прием в поэзии не нов, но именно романтики применили его в диахронии и синхронии, подчинив тезис об изгнанничестве гениев социально-политическим идеалам, вписав лирико-философский образ поэта-страдальца в триаду «герой, жертва, толпа». С большим вниманием к деталям романтики выстраивали длинный ряд исторических личностей и легендарных персонажей, которых постигла участь печальников и изгоев. В несчастных судьбах романтические авторы видели доказательства и иллюстрацию бедственного положения талантливых людей, на которых с неизменной силой обрушивалась лживая и бездарная «посредственность». Классическим примером и идейным итогом апологии поэта в романтизме является роман А. де Виньи «Стелло, или Голубые бесы», изданный в 1831–1832 гг. в Париже и в 1835 г. в России. В «Небе Гомера», 38-й главе этого романа, автор подвел итог романтическому исследованию судьбы «париев общества», заявив об «извечном остракизме» поэтов.

В списке авторов, отобранных Кюхельбекером в «Поэтах», находим имена из разных эпох – античной, средневековой, современной. «Сонм священный» возглавляет Гомер – «божественный певец» и «всемогущий чародей». Кюхельбекер обращается к древнему гению как ученик к учителю с восторженными словами:

Ты пиешь страсти и людей
И возвращаешь нас Природе
Из светских, тягостных цепей (с. 30).

За Гомером идет «сумрачный Эсхил», «жрец ужасных оных сил» – богинь мщения Эриний, сакральных жриц, действующих в эсхилловских трагедиях. За Эсхилом идут: «гроза тиранов», римский сатирик Ювенал; легендарный кельтский бард Оссиан; Мильтон и Тасс (Торкватто Тассо) – «святые барды Туискона», мифического родоначальника германцев. Сонм «священных певцов» запада включает Шиллер – «бард чудесный», «скорбных утешенье». Следующий этап развития поэзии Кюхельбекер гордо связывает с «краем отчизны», «святой Русью». Русскую ветвь «любимцев небес», «певцов и смелых и священных», «пророков истин возвышенных», достойно возглавляют два высочайших поэта: «Отец великих, Ломоносов, /

Огонь средь холода и льдин, / Полночных стран роскошный сын!» и «единственный философ», «дивный исполин» Г.Р. Державин (с. 231). В стихотворении «Ермолову» (1821 г.) Кюхельбекер, частично повторив эту характеристику Державина, скажет о нем: «бард дивный, исполин Державин» (с. 238). Кюхельбекер почитает в русском классике создателя высокой поэзии и следует заданному им возвышенному архаизированному стилю: обильно использует античные аллегории, мифонимы и теонимы, вводит в текст устаревшие грамматические и фонетические формы глагола (узрит, развью, воспарю, излечу, внемлют, презрим, вспрынул, возблещет), украшает поэтическую речь архаическими существительными (крила, брег, длани, град, брань, вселенна, младость, капище, глас, сеча, стяжанье) и проч.

В списке жертв, между Мильтоном и «Тассом», Кюхельбекер располагает своего старшего современника – известного драматурга В.А. Озерова (1769–1816), утратившего к концу жизни популярность, лишившегося рассудка и умершего в нищете. Позднее Кюхельбекер пополнит ряд несчастных поэтов, страдальцев и изгоев, именами «невинно убиенных» знакомцев, друзей и единомышленников: вслед за Дельвигом и «Евгением» (Е.А. Баратынским) следуют Грибоедов, Рылеев, Пушкин, сосланные в Сибирь товарищи. В этом ряду нашел свое место лирический герой Кюхельбекера – романтическая копия автора, измученного десятилетним тюремным заключением, сибирской ссылкой, болезнями, семейными неурядицами и материальными заботами. О духовной усталости Кюхельбекера и поработившем его унынии, по причине физической слабости и усилившихся болезней, узнаем из его стихов и переписки последних лет. И.И. Пущин в письме от 13 июля 1846 г. пытался поддержать измученного и обессилившего товарища, подбадривал его, напоминая о том, что он всегда был для него образцом поэта, не поддававшегося «прозе жизни»: «Мне это тем более неприятно, что я привык тебя видеть поэтом не на бумаге, но и в делах твоих, в воззрениях на людей, где никогда не слышен был звук металла. Что с тобой сделалось?» [Пущин, с. 217–218].

Мотив смерти и темницы появился в творчестве Кюхельбекера уже в далекие лицейские годы. Запись в «Дневнике» от 14 августа 1832 г. гласит:

На днях я припомнил стихи, которые написал еще в 1815 году в Лицее. Вношу их в дневник для того, чтобы не пропали, если и изгладятся из памяти; мой покойный друг их любил.

НАДГРОБИЕ

Сажень земли мое стяжанье,
Мне отведен смиренный дом:
Здесь спят надежда и желанье,
Окован страх железным сном,
Заснули горесть и веселье –
Безмолвно все в подземной келье <...>
[Кюхельбекер, с. 259].

Юношеские стихи, написанные под впечатлением от прочитанного, спустя десятилетия воспринимаются Кюхельбекером буквально, актуализируются в его сознании как лично пережитая трагедия – поражение в декабре 1825 г., казни соратников и гибель друзей, многие годы тюрьмы и сибирской ссылки, наконец, испытания лишениями, болезнями, отчаянием. Сквозные в творчестве Кюхельбекера мотивы смерти и темницы, страдания и одиночества, некогда почерпнутые из книг и вынашиваемые в воображении, переосмысляются в контексте реальности, конкретного жизненного опыта. Перед сильным чувством, вызванным собственными потерями, отступают переживания о невзгодах старых поэтов, знания о далеких исторических эпохах, и на первый план выдвигаются личная драма, несчастья близких людей, друзей и единомышленников, как сосланных, так и погибших – «от петли», от пули, от рук толпы безумцев.

В позднейших элегиях, в списках преждевременно ушедших из жизни талантливых людей, о которых особенно сокрушается Кюхельбекер, неизменно присутствует Александр Сергеевич Грибоедов. Имя его не всегда упоминается, но в чертах портрета, коротких характеристиках, штрихах биографии безошибочно угадывается его образ и судьба.

Арестованный по месту службы на Кавказе в январе 1826 г. по делу декабристов Грибоедов был отправлен в Петербург, но вскоре был отпущен за отсутствием доказательств и с «очистительным аттестатом» вернулся на дипломатическую службу на Кавказ. Но многие друзья Грибоедова были осуждены, в их числе Вильгельм Кюхельбекер и Александр Одоевский – молодые члены «Северного общества» и участники восстания. Оба принадлежали к поколению

тех, кто «опоздал родиться», но явственно слышал «гул битвы» 1812 г., показавшей «мощь и величие русского народа» [Немзер, 1987, с. 4]. После поражения и казни лидеров декабристы перенесли жестокие испытания в казематах и прошли «суровые и мрачные этапы» «во глубине сибирских руд»: «Нерчинские» рудники, Читинский каторжный острог, тюрьма Петровского завода и затем – разбросанные по необъятным сибирским просторам заснеженные медвежьи углы, места ссылки и поселения – Шушенское, Нарым, Туруханск, Мертвый Култук, Якутск, Вилюйск, Березов, Братский Острог, Верхнеколымск, Витим Пелым...» [Гессен, с. 5]. После десятилетнего заключения Кюхельбекер был сослан на поселение в Баргузин. Одоевский, приговоренный к пятнадцати годам каторги, был отправлен в Читу, затем переведен в Петровский завод. С 1833 г. Одоевский находился на поселении под Иркутском, а в 1836 г. был отправлен в Ишим Тобольской губернии [Лорер, с. 449]. После окончания ссылки, сокращенной до 12 лет, Одоевский был переведен на службу на Кавказ, где скончался от малярии, спустя десять лет после смерти Грибоедова.

Весть о гибели Грибоедова в Тегеране 30 января 1829 г. пришла с большим опозданием и к Кюхельбекеру, и к Одоевскому. Кюхельбекер, находившийся с октября 1827 г. по апрель 1831 г. в арестантских ротах при Динабургской крепости, пытается связаться с Грибоедовым, не зная о его гибели, и тайно передает для него записку с князем С.С. Оболенским, которого после окончания срока заключения отправляют рядовым на Кавказ [Пухляк, с. 55–56]. О смерти Грибоедова Кюхельбекер узнает из письма от родных только 20 августа 1829 г. и в порыве отчаяния пишет элегию «Памяти Грибоедова». События и горестные переживания этого периода, как справедливо отмечено исследователем, приобрели в этой элегии символическое значение [Мазья, с. 177].

Элегия-плач «Памяти Грибоедова» начинается обращением к ушедшему в иной мир «незабвенному» другу, «брату милому». В вопрошаниях лирического героя слышны глубочайшие эмоции – крик души, боль «сердца», горькое сожаление о невосполнимой утрате. С одной стороны, Кюхельбекер, «взятый заживо могилой», как поэт сам говорит о себе, осмысляет страшную смерть товарища сквозь призму орфического мифа о поэте, растерзанного толпой (Орфей, по одному из преданий, был растерзан вакханками) и обретшего не-

бесное жилище, с другой – наполняет стихи драматизмом действительных событий, описывает горечь страдания от осознания вечной разлуки с другом, печаль из-за невозможной утраты, тоску по дружескому общению, как в прежние годы, сетование на тяжесть житейских ограничений, безысходность одиночества в заточении. Элегия-плач сохранила семантическую парадигму, интонацию и ритм элегии-видения, повторив мотив ускользания и призрачности знакомого образа, идею невозвратности прошлого, явленного во сне: «Любезный образ твой ужели / Без слез, без скорби звал к себе? Вотще я простирал объятья, / Я звал тебя, но звал вотще; Ты был незрим моей мечте» (с. 249).

В этой элегии лирический герой Кюхельбекера еще активнее выступает от лица автора, часто в роли «медиума» и визионера. Пересказывая необычное ночное видение, примерно совпавшее с датой смерти друга, поэт усматривает его эмоциональную связь с печальным событием, вспоминает о нахлынувшем во сне предчувствии беды, задним числом угадывает смысл предсказания той «вещи ночи», возможно, «в страшный <...> час <...> кончины» друга. Автор развивает мистический мотив «возлюбленного призрака», представшего в ясном образе «избранного славой» «Певца, воспевшего Иран» и «сраженного Ираном». Очевидно, что этот парадокс поэт переживает как глубочайшее потрясение. Романтический образ Грибоедова резонирует с живым воспоминанием о нем как бесстрашном, честном, преданном отечеству человеке, поэте и деятеле, павшем жертвой клеветников, заговорщиков, интриганов и злоумышленников. Здесь речь идет не о символических преследователях поэта, как «вечного парии общества», а о реальных антагонистах Грибоедова как политика и дипломата. Кюхельбекер, вероятно, уже знал о том, что недоброжелатели постарались запятнать репутацию друга, а враги поспешили очернить героическую биографию. Создавая гротескный портрет дипломата, противники называли «наглостью» и «несговорчивостью» его смелость, прямоту и преданность делу защиты православных людей; в твердом характере Грибоедова, в его взыскательности и негибкости перед лестью они усматривали «невыносимую грубость» и «оскорбительную непочтительность» по отношению к его величеству падишаху и его верноподданным. Противники политики Грибоедова вынашивали версию о его виновности в тегеранской

трагедии, тенденциозно интерпретируя и выпячивая детали, трактуя в выгодном для себя свете мысли и наблюдения из донесений и записок выжившего в тегеранской бойне секретаря русской дипмиссии Мальцова [Дмитриев, с. 343–388].

Элегическая антитеза Кюхельбекера, построенная на взаимоисключающих характеристиках и противоречивых событиях, не содержит конкретных сообщений об исполнителях (сказано лишь: «сраженный Ираном»), причинах и подготовке убийства. Но символическая недосказанность, обобщенность, интонационная нагрузка этих строк лишь усиливают впечатление запутанности интриги, атмосферы подозрительности и таинственности, возникших вокруг расследования по делу Грибоедова.

Видение, вставленное в стихотворение, призвано подтвердить мистическую связь, существующую между поэтами и духовными братьями, чистоту помыслов и деяний Грибоедова как честного человека, неподкупного дипломата и близкого друга. На явленных во сне лице и теле, как сообщает поэт, не было видно ни «глубоких ран», ни следов «борьбы кровавой».

Одеян не был ты туманом,
Не искажен и не уныл,
Не бледен... Нет, ты ясен был <...> (с. 249).

На ясный образ друга из ночного видения накладывается столь же ясное воспоминание о живом Грибоедове: черты «духа из области сиянья» сравниваются поэтом с некогда реальными чертами (с. 250). Словесный портрет Грибоедова окружен романтическим ореолом и в общих чертах совпадает с дошедшими до нас описаниями и характеристиками, данными современниками; с помощью метафоры выделена особая деталь внешнего облика друга, подмеченная и другими, – «орлиный взор», говорящий о благородстве, пронизательности и прямоте характера. Впечатление жизненной достоверности портрета и характеристики усиливается упоминанием поэмы об Иране, над которой в последнее время работал Грибоедов (сказано: «Певец, воспевший Иран»). Об этом факте знали лишь несколько человек из близкого окружения поэта. Уточняющее пояснение содержится в примечаниях Кюхельбекера: речь идет «о поэме Грибоедова, схожей по форме своей с Чайлдом-Гарольдом; в ней превосходно изображена Персия. Этой поэмы, нигде не напечатанной, не надобно

смешивать с драмой, о которой упоминает Булгарин» [Декабристы, т. 2, с. 249].

Биографические подробности и особенности портрета, в котором доминируют реальные черты «брата и друга», снимают мифический ореол, окружавший Грибоедова, но не ослабляют его культ как романтического героя и романтической жертвы. Культ дружбы и любви Кюхельбекер пронес через всю свою жизнь. Он хранил верность лицейской дружбе, привязанность к Дельвигу и Пушкину, высоко ценил и превозносил их поэтический дар; он сохранил восторженные чувства к Рылееву и Грибоедову, отдавая дань их памяти, глубоко переживая гибель поэтических дарований, масштабность и катастрофичность трагедии.

В элегических воспоминаниях Кюхельбекер часто называет Грибоедова «братом». Это говорит о его доверительном отношении к Грибоедову и дополняет утверждение исследователя о том, что Грибоедов называл «братом» только С.Н. Бегичева и А.И. Одоевского [Мещеряков, с. 104]. Известные факты говорят сами за себя. Кюхельбекер бережно хранил память о Грибоедове, ревниво защищал после смерти друга его драматургическое наследие от нападок «гг. Писаревых, Дмитриевых и подобных молодцов», «Белугина и братии», обрушившихся с критикой на пьесу «Горе от ума». Об этом свидетельствуют записи в «Дневнике» Кюхельбекера от 7 и 8 февраля 1833 г. и др. [Мазья, с. 178–184].

В поздних стихотворениях Кюхельбекера имя Грибоедова упоминается среди попраанных русских поэтов, рядом с именами лицейских товарищей – рано умершего Дельвига (в 1831 г.), А.С. Пушкина – «жертв сердца», «страдальцев и поэтов», продолживших славный ряд поселенцев «небесного края» («19 октября 1837 года» от 19 октября 1838 г.; «До смерти мне грозила смерти тьма...» от 25 и 26 октября 1845 г.). В визионерском стихотворении «Три тени», написанном 13–14 июня 1840 г. под влиянием элегии К.Н. Батюшкова «Тень друга» (1814) [Декабристы, т. 2, с. 528], призраки Грибоедова, Дельвига и Пушкина являются лирическому герою в действительных, топонимически конкретизированных местах изгнания – в степях Забайкалья, на берегу реки Онон. Далее раскрывается характерная для поэзии Кюхельбекера времен сибирского поселения тема «небесных теней» и «звездной» встречи с друзьями юности:

<...> Я вспрынул, облитый потоком содроганья,
И в ужасе студеном, как во сне,
Вскричал и произнес любезных имена:
«Брат Грибоедов, ты? Ты, Дельвиг! Пушкин, – ты ли?»
Взглянул – их нет; они уж вдаль уплыли <...> (с. 262).

Обобщение «горькой судьбы поэтов всех племен», среди которых особое место отведено поэтам России, находим в элегии «Участь русских поэтов» (1845 г.). Лирический герой сокрушается о бедах тех, кого считает лучшими из лучших, талантливейшими из талантливейших, кому Бог дал «огонь – сердцу, свет – уму» и кого «бросают в черную тюрьму, / Морят морозом безнадежной ссылки» (с. 265). Список поэтов, обреченных на смерть, возглавляет Рылеев, поплатившийся головой за страсть к свободе, – ему «стянула петля дерзостную выю». В следующей строфе Кюхельбекер вспоминает «прозорливцев вдохновенных», утративших зрение, к которым относит и самого себя, и тех, кто пал от пули «любезников презренных». В напоминании о жертвах дуэли очевиден намек на смерть Пушкина, хотя здесь слышится более широкое обобщение, выходящее за рамки темы поэта, – напоминание об иных убитых, возможно, о Чернове, которому была посвящена элегия Кюхельбекера «На смерть Чернова». Написанная до декабрьского восстания, она начиналась решительными словами: «Клянемся честью и Черновым: / Вражда и брань временщикам...» (с. 246). Последние проводы офицера лейб-гвардии Семеновского полка, длинное погребальное шествие на Смоленское кладбище, по словам декабриста Оболенского, стали молчаливым, но красноречивым выражением «идеи о защите слабого против сильного, скромного против гордого» [Оболенский, с. 85]. Похороны Чернова, состоявшиеся 27 сентября 1825 г. и организованные Рылеевым, «вылились в настоящую общественную демонстрацию против всесилья аристократии» [Мемуары декабристов, с. 338] и были своеобразной репетицией восстания декабристов.

Ответом Одоевского на известие о гибели близкого друга стала «Элегия на смерть Грибоедова», созданная на поселении в Чите в 1829 г. В воспоминаниях декабриста Н.И. Лорера, написанных на «на 70-м году от роду», читаем: «Мне приятно поместить здесь несколько строк в воспоминание этих прекрасных людей. Одоевский воспитывался с Грибоедовым и был его другом. Оба были поэтами и сошлись

одинаковыми вкусами, наклонностями и дарованием. Одоевский служил в конногвардейском полку и на 23-м году жизни был сослан со мною в Сибирь в одной категории» [Лорер, с. 448]. После окончания сибирской ссылки Одоевский и Лорер вместе с шестью другими товарищами были отправлены солдатами на кавказскую войну. Лорер выехал из Кургана, Одоевский – из Тобольска. Из Кургана в Тобольск Лорер ехал с Назимовым, Лихаревым, Фохтом и Розеном через Ялуторовск, в котором они навестили «товарищей Читы и Петровского завода»: Тизенгаузена, Пущина, князя Оболенского, Муравьева-Апостола, Якушкина и Ентальцева с женой [Лорер, с. 448]. В Тобольске к ним присоединились Одоевский и Черкасов, также назначенные солдатами на Кавказ [Лорер, с. 448]. Лорер точно указал топографию путешествия на Кавказ, но ошибся в числе отправленных на войну ссыльных и в датах смерти отца и сына Одоевских, на что указал в комментариях А.С. Немзер. Последний привел также ссылку на письма Грибоедова, в котором дипломат ходатайствовал за своего друга Одоевского, особо отметив письмо к И.Ф. Паскевичу от 3 декабря 1828 г. [Немзер, 1988, с. 570]. Уточняя факты в отношении Грибоедова и Одоевского, О.П. Мещеряков сообщает, что знакомству Грибоедова с Одоевским предшествовала встреча с его двоюродным братом князем-«любомудром» В.Ф. Одоевским. Впервые Грибоедов упомянул А.И. Одоевского в своем письме к Бегичеву от 10 июня 1824 г., назвав его в списке новых лиц из своего окружения. Но уже к концу августа Грибоедов настолько сблизился с Одоевским, что переехал к нему на квартиру, «на Исаакиевской площади, в дом Булатова, угол Почтамтской улицы», куда окончательно перебрался после «знаменитого наводнения 7 ноября, лишившего его крова» [Мещеряков, с. 124]. С тех пор до самых трагических событий на Сенатской площади друзья были неразлучны.

В «Элегии на смерть Грибоедова» Одоевским запечатлен трагический образ поэта и друга, отданного на заклатие «под иными небесами»:

Где он? Кого о нем спросить?

Где дух? Где прах?.. В краю далеком! (с. 342).¹

¹ Текст стихотворения А.И. Одоевского приводится по изданию: Декабристы. Избранные сочинения: В 2-х т. Т. 2. М.: Правда, 1987. Здесь и далее при цитировании текста в круглых скобках указываются страницы этого издания.

Автор элегии намекает на невыясненные обстоятельства гибели русской миссии в Тегеране. Тегеран молчал, а официальный Петербург ограничился «поверхностным расследованием» иранского дела, в котором осталось много «белых пятен» и невыясненных вопросов. Элегия Одоевского, «поэта декабристской каторги», как его называли единомышленники [Немзер, 1987, с. 531; Дмитриев], содержит в себе и скрытые вопросы к расследователям дела русского посольства в Тегеране, и сетование на неблагоприятную действительность, и упрек несправедливой судьбе, жестоко и незаслуженно распорядившейся жизнью друга, и негодование по поводу насилия над чувствами близких и друзей погибшего, которым было отказано в праве попрощаться с телом умершего и проводить его в последний путь до места захоронения, чтобы оплакивать почившего товарища так, как того требовали устоявшаяся в веках традиция прощания с усопшими и божественный закон. Лирический герой совершает ритуал поминовения в стенах своей темницы и горько сожалеет о том, что не может почтить память друга на его могиле:

О, дайте горьких слез потоком
Его могилу оросить,
Ее согреть моим дыханьем;
Я с ненасытимым страданьем
Вопьюсь очами в прах его,
Исполнюсь весь моей утратой,
И горсть земли, с могилы взятой,
Прижму – как друга моего! (с. 342).

Как и в стихах Кюхельбекера, в элегии Одоевского рождается живой образ Грибоедова, каким его сохранила память поэта. Отсюда жгучее, но неисполнимое желание

Взглянуть на взор его очей,
Взглянуть, сжать руку, звук речей
Услышать на одно мгновенье –
Живило грудь, как вдохновенье,
Восторгом наполнило меня! (с. 342).

Вдохновенные мысли «поэта сибирского заточения», надежды, питаемые «суетной и шумной жизнью в четырех больших камерах Читинского острога» [Гессен, с.166–185], сменились усталостью и отчаянием: «<...> от надежд, как от огня, / Остались только – дым и тленье...» (с. 342).

Одоевский пылко и чувственно передавал возвышенные романтические настроения ссыльных декабристов. В «Элегии», посвященной В.И. Ланской (Литературная Газета, 1830, № 52), автор, предположительно, упоминает о Грибоедове, не называя его имени. В стихотворении «Два образа» (РБ, 1959, № 14), написанном в Чите после получения вести о смерти Грибоедова, в первом образе, как утверждал декабрист Лорер, следует видеть Грибоедова, за вторым образом скрыто неизвестное лицо [Мещеряков, с. 138], предположительно – «неизвестная нам женщина». Как бы то ни было, оба образа полностью «не сводимы к реальным прототипам и имеют прежде всего символическое значение» [Немзер, 1987, с. 533].

Не отказываясь от парафрастического языка элегии, Одоевский иначе, чем Кюхельбекер, расставил акценты в символическом дискурсе, избегая архаизации языка. В его элегии «на смерть» используются детали биографии драматурга и поэта, приводятся факты его последних дней и безвременной кончины. Продолжая политический дискурс декабризма в байроническом ключе, автор в целом остается верен правилам классического построения жанра в границах русской элегической традиции.

В мифопоэтике романтического элегизма ведущая роль отводилась оценкам душевного состояния поэта-современника, портретной и психологической характеристикам, ценностям духовной жизни, анализу переживаний, сокрушительным эмоциям, рассуждениям о страдальческой судьбе русского поэта-изгнанника, воспоминаниям о трагических смертях служителей поэзии. Поэты-декабристы черпали сюжеты о несчастных поэтах не столько из западной и русской книжности, сколько из современной жизни, символически обобщая и романтически осмысляя свою собственную участь в лирико-философском контексте эпохи. Опираясь на личные воспоминания и элегический опыт предшественников, оба поэта – и Кюхельбекер, и Одоевский – вдохновлялись «великим и прекрасным» в духе своего времени и в этой парадигме видели личность и судьбу Грибоедова. В посланиях, видениях и элегиях «на смерть» отчетливо проступает эпоха, к которой они оба принадлежали. Эта эпоха взрастила героическое и самоотверженное поколение декабристов и поэтических гениев, среди которых особо выделяется возвышенный поэтический темперамент, пылкий и острый ум

Грибоедова – бескомпромиссной личности, ответственного друга, поэта, драматурга и дипломата.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аблогина Е.В., Дубенко М.В., Рудикова Н.А. Дипломатическая миссия и гибель А.С. Грибоедова в Персии: вековая полемика в российских и британских изданиях // Текст. Книга. Книгоиздание. Научно-практический журнал. 2014. № 1(5). С. 106–111.
2. Гессен А. Во глубине сибирских руд... Декабристы на каторге и ссылке. Махачкала: Учпедгиз, 1982. 351 с.
3. Декабристы. Избранные сочинения: В 2-х т. Т. 2 / сост. А.С. Немзер и О.А. Проскурин. М.: Правда, 1987. 560 с.
4. Дмитриев С.Н. «Спасшийся» И.С. Мальцов и новые документы о тегеранской трагедии 1829 года // Александр Грибоедов. Неизвестные страницы великой судьбы / сост. С.Н. Дмитриев, А.А. Филиппова. М.: Вече, 2019. С. 343–388.
5. Кюхельбекер В.К. Из «Дневника» // А.С. Грибоедов в воспоминаниях современников / Под общ. ред.: В.Э. Вацура. М.: Худож. лит., 1980. С. 257–263.
6. Лорер Н.И. Записки моего времени. Воспоминания о прошлом // Мемуары декабристов / сост., вступ. ст. и комм. А.С. Немзера. М.: Правда, 1988. С. 313–545.
7. Мазья М.Г. А.С. Грибоедов в стихах и дневнике В.К. Кюхельбекера // Александр Грибоедов. Неизвестные страницы великой судьбы / сост. С.Н. Дмитриев, А.А. Филиппова. М.: Вече, 2019. С. 552–565.
8. Мемуары декабристов. Северное общество / под ред. В.А. Федорова. М.: Изд-во МГУ, 1981. 400 с.
9. Мещеряков В.П. А.С. Грибоедов. Литературное окружение и восприятие (XIX – нач. XX в.) / отв. ред. Ф.Я. Прийма. Л., 1983. 267 с.
10. Немзер А.С. Николай Иванович Лорер (1795–1873) // Мемуары декабристов / сост., вступ. ст. и ком. А.С. Немзера. М.: Правда, 1988. С. 564–573.
11. Немзер А.С. Первенцы свободы // Декабристы. Избранные сочинения: в 2-х т. Т. 1 / сост. и примеч. А.С. Немзера и О.А. Проскурина. М.: Правда, 1987. С. 3–20.
12. Оболенский Е.П. Воспоминание о Кондратии Федоровиче Рылееве // Мемуары декабристов. Северное общество / сост. В.А. Федорова. М.: Изд-во МГУ, 1981. С. 79–96.

13. Пухляк О.Н. 100 русских портретов в истории Латвии / ред. Гр. Смирин; послесл. А. Гурина. Рига: D.V.I.N.A, 2008. С. 55–56.

14. Пущин И.И. Записки о Пушкине. Письма [Сер. литературных мемуаров] / ред, вступ. ст. и примеч. С.Я. Штрайха. М.: Худож. лит., 1956. 496 с.

15. Строганов М.В. Из истории литературных отношений Грибоедова и Пушкина, или О «человековедении» как методе истории литературы // Александр Грибоедов. Неизвестные страницы великой судьбы / сост. С.Н. Дмитриев, А.А. Филиппова. М.: Вече, 2019. С. 251–284.

16. Тынянов Ю.Н. Смерть Вазир-Мухтара. М.: Правда, 1983. 496 с.

<https://doi.org/10.29003/m3657.khmelita-18/87-95>

<https://elibrary.ru/natinj>

Научная статья / Research Article

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2 Рос=Рус)

This is an open access book
Distributed under the Creative
Commons Attribution-NonCommercial
4.0 (CC BY-NC)

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЬЕСЫ Е.П. РОСТОПЧИНОЙ «ВОЗВРАТ ЧАЦКОГО В МОСКВУ»

© 2023. Д.В. Бутеев

Аннотация: В статье рассматривается произведение «Возврат Чацкого в Москву, или Встреча знакомых лиц после двадцатипятилетней разлуки». Это продолжение пьесы А.С. Грибоедова «Горе от ума», созданное в 1856 г. Е.П. Ростопчиной, русской поэтессой, переводчицей, драматургом и прозаиком, хозяйкой литературного салона. В статье выявляются художественные особенности пьесы, дается оценка персонажам, композиции, речевому оформлению, идеологическому плану драмы. Пьеса анализируется как в контексте творчества Ростопчиной, так и в контексте социально-литературных веяний эпохи (середина XIX в.). Кроме того, в работе дается оценка спектаклю, поставленному народным драматическим театром Смоленского государственного медицинского университета «Зеркало» (режиссер С.Н. Сеницын). В нем органично соединены два литературных произведения – грибоедовское и ростопчинское, углублен социально-философский план, художественный материал XIX в. актуализирован за счет привлечения мотивов литературы конца XX в. (роман Т.Н. Толстой «Кысь»). Научная новизна статьи состоит в том, что анализируемый материал (пьеса Ростопчиной, спектакль «Зеркала»), хотя и попадал в поле зрения исследователей [Кудина, с. 14–19], но научно осмыслен недостаточно.

Ключевые слова: Е.П. Ростопчина, «Возврат Чацкого в Москву», А.С. Грибоедов, С.Н. Сеницын, театр «Зеркало», западничи, славянофилы.

Информация об авторе: Бутеев Дмитрий Валерьевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономи-

ческих наук, Смоленский государственный институт искусств, ул. Румянцевая, 8, 214020, г. Смоленск, Россия.

E-mail: Boutya@mail.ru

Для цитирования: Бутеев Д.В. Художественные особенности пьесы Е.П. Ростопчиной «Возврат Чацкого в Москву» // А.С. Грибоедов и его эпоха: Хмелитский сборник № 18 / отв. ред. Е.В. Аблогина, М.В. Скороходов. М.: ООО «МАКС Пресс», 2023. С. 87–95. <https://doi.org/10.29003/m3657.khmelita-18/87-95>.

ARTISTIC FEATURES OF THE PLAY “CHATSKY’S RETURN TO MOSCOW” BY E.P. ROSTOPCHINA

© 2023. *Dmitry V. Buteev*

Abstract: The article examines the work “Return of Chatsky to Moscow, or The Meeting of Familiar Faces after Twenty-Five Years of Separate”. This is a continuation of the play by A.S. Griboedov “Woe from Wit”, created in 1856 by E.P. Rostopchina, a Russian poet, translator, playwright and prose writer, a mistress of a literary salon. The article reveals the artistic features of the play, assesses the characters, composition, speech design, ideological plan of the drama. The play is analyzed both in the context of Rostopchina, and in the context of the socio-literary trends of the era (mid-19th century). In addition, the report gives an assessment of the performance staged by the national drama theater of SSMU “Mirror” (directed by S.N. Sinitsyn). It organically combines two literary works – by Griboedov and by Rostopchina, deepens the socio-philosophical plan, the artistic material of the 19th century is updated by attaching motives from late 20th-century literature (*Kys’* by T.N. Tolstaya). The scientific novelty of the article derives from the fact that the analyzed texts (the play by Rostopchina and the play “Mirrors”) have not yet been thoroughly scholarly reflected on.

Keywords: E.P. Rostopchina, “Return of Chatsky to Moscow”, A.S. Griboedov, S.N. Sinitsyn, theater “Mirror”, Westernizers, Slavophiles.

Information about the author: Dmitry V. Buteev – PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Sciences of the State Institute of Arts, OGBOU VO “Smolensk State Institute of Arts”, 8 Rumyantseva St., 214020, Smolensk, Russia.

E-mail: Boutya@mail.ru

For citation: Buteev, Dmitry V. Artistic Features of the Play “Chatsky’s Return to Moscow” by E.P. Rostopchina. *Aleksandr Griboedov and His Epoch: Khmelitsky Sbornik No. 18*. Ex. ed. Evgeniia V. Ablogina, Maxim V. Skorokhodov. Moscow: MAX Press Publ., 2023. pp. 87–95. (In Russian). <https://doi.org/10.29003/m3657.khmelita-18/87-95>.

Но дома, в семье, приютившей ее, не в бытии, но в быте,
вставала горькая правда действительности, маленькие волнения
фамусовской Москвы. Ничтожество модничанья бабки,
сплетни теток – все это рано научило Додо
противопологать скудную ее жизнь прекрасному
и полногласному миру, созданному в ее воображении поэтами.

Ходасевич. Графиня Е.П. Ростопчина.
Ее жизнь и лирика [Ходасевич]

Уже само композиционное построение комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» (а именно отказ от традиционного в то время пяти-актного формата и обрыв действия на четвертом акте) задает открытость пьесе. Подталкивает к домысливанию дальнейших событий и ее во многом «неопределенный» финал, в котором автор оставляет почти всех основных персонажей на жизненном распутье.

Одним из наиболее известных «продолжений» «Горе от ума» является пьеса Е.П. Ростопчиной «Возврат Чацкого в Москву, или Встреча знакомых лиц после двадцатипятилетней разлуки». Она была написана в 1856 г., увидела свет спустя 7 лет после смерти автора, в 1865 г., а впервые поставлена на сцене лишь в 2019 г. Народным драматическим театром Смоленского государственного медицинского университета «Зеркало».

Графиня Ростопчина (1811–1858) имела успех как поэт, пишущий в основном о возвышенной, неразделенной женской любви. О ней лестно отзывались Пушкин, Жуковский и Лермонтов. Последний посвятил Ростопчиной стихотворение, начинающееся показательными строками: «Я верю: под одной звездой / Мы с вами были рождены...». Ей посвящали стихотворения Огарев, Мей и Тютчев. Для объективности следует отметить, что не все оценки критики были хвалебными. Белинский, например, считал поэзию Ростопчиной хотя и талантливой, но пустой и салонной.

В двух пьесах, написанных в 1856 г. («Возврат Чацкого в Москву» и «Дом сумасшедших»), Ростопчина, одинаково карикатурно изобразив славянофилов и западников, настроила против себя оба лагеря. Правительство также усмотрело в этих произведениях крамолу, и они были запрещены цензурой. За стихотворение «Насильный брак», аллегорически осуждающее политику России по отношению к Польше, Ростопчиной и вовсе было запрещено появляться в С.-Петербурге. В результате она оказалась в конфликте со всеми, была почти полностью забыта публикой и умерла после двух лет болезни от рака желудка в 1858 г.

Вернемся к пьесе «Возврат Чацкого в Москву». Она не делится на действия, а состоит из 13 явлений. И это позволяет интерпретировать произведение Ростопчиной как пятое действие грибоедовской комедии (в ней, кстати, на каждое из действий приходится в среднем около 15 явлений). Сама автор перед перечислением действующих лиц прямо говорит читателю, что перед ним «продолжение комедии А.С. Грибоедова “Горе от ума”» [Ростопчина, обложка]. Дав затем обзор персонажей с указанием их возраста и обозначив время действия своей пьесы (1850 г.), в последующем примечании она подчеркивает ее «преемственность» подробным описанием «механизма» вычислений: за отправную точку вполне логично был взят возраст Софьи («В семнадцать лет вы расцвели прелестно»).

Оправдывая ожидания читателя, с первых же страниц Ростопчина знакомит его с последующей судьбой героев «Горе от ума». Действие открывается сценой встречи в фамусовском доме престарелого хозяина и Чацкого, нагрянувшего после 25-летней разлуки в дом своего родственника. Чацкий сам рассказывает о себе. Изменившись внешне («с большой лысиной на голове»), он остался верен своему мировоззрению:

Я жил умом, для общества, для дружбы;
Наукой занялся... Касательно же службы, –
Мое известно мненье вам:
Я честолюбия, тщеславия не знаю;
Ни мест, ни должностей, ни власти не желаю!..
Людей сужу не по чинам,
А по достоинству!.. [Ростопчина, 20].

Чацкий богат, занимается наукой (пишет статьи по геологии и статистике), не женат. Последнее обстоятельство объясняет следующим образом:

Мне было суждено влюбиться
Раз в жизни, навсегда; всем сердцем, всей душой
Я Софью Павловну любил: на ней жениться
Не довелось!.. Потом я не искал другой!.. [Ростопчина, 20].

Со слов хозяина мы узнаем о том, что Софья замужем за Скалозубом, который дослужился до губернаторской должности, у них четверо детей. Столь же многочисленно семейство Молчалина, женившегося на молоденькой польке, сделавшего блистательную карьеру, метящего в сенаторы и ставшего опекуном вотчин Фамусова. Фамусов по-прежнему питает слабость к женщинам, он очарован супругой Молчалина, в связи с чем всем четверем ее детям «особый капитал в ломбард уж отложил» [Ростопчина, 33].

Об этом Чацкий и читатель узнают со слов постаревшей графини внучки (Хрюминой), пришедшей на званый вечер самой первой. Она дополняет новыми неллицеприятными деталями и описание Софьи. В пьесе Ростопчиной образ Софьи существенно снижен. Она напрочь утратила сентиментальность и романтичность, а также элементарные нравственные качества: изменяет мужу с молоденьким учителем своей дочери Петровым и не только с ним; едет в Петербург «просить и искать» покровительства для обеспечения карьеры попавшего в немилость супруга; погрязла в интригах, злобна, высокомерна, несправедлива, мелочна. Ее пикировка с графиней Хрюминой очень ярко раскрывает измененную сущность обеих.

С появлением в 6-м явлении учителя Петрова завязывается ключевой любовный конфликт. В него страстно влюблены мать и дочь Скалозубы, и он передает любовные записки обеим.

На этом Ростопчина прерывает доработку «грибоедовского» сюжета и переходит к решению основной художественной задачи своей пьесы – обличению западничества и славянофильства. Сначала появляются яркие приверженцы славянофильских идей Наталья Дмитриевна и Платон Михайлович Горичевы (в идеологическом уга-ре они, как видим, даже изменили фамилию, добавив суффикс *ев*). Резко отрицательное отношение автора к этим персонажам проявляется уже в описывающей их ремарке, предваряющей их появление. Платон Михайлович, например, «с первого вида <...> должен поражать своею ничтожностью» [Ростопчина, 55]. Карикатурны их одежда, реплики, действия. С их появлением завязывается идеологический

конфликт. Их восторженное отношение к поэту Элейкину не разделяет Петров. Вскоре появляются и другие западники: Феологинские, княжна Зизи, Цурмайер. Они обрисованы столь же карикатурно, как и славянофилы. «Марья Петровна и княжна Зизи одеты почти амазонками, в темные суконные платья, с куртками; на них мужские жилеты, мужские сорочки <...>. Обе сестры обстрижены, завиты и причесаны как мальчики. <...> У них беспрестанно во рту сигарки, движения их резки и угловаты; голоса крикливы и бойки; словом, вся наружность и вся обстановка их напоминает эмансипированных женщин парижских карикатур» [Ростопчина, 67].

Возникший было спор прерывается приходом Загорецкого. За прошедшие четверть века он сильно изменился, став влиятельнейшим сановником, перед которым заискивают почти все присутствующие. Превращая смешного и никчемного персонажа в успешного вельможу, Ростопчина, вероятно, хотела показать, как измельчало, нравственно деградировало общество с «грибоедовских» времен.

Сцена с Загорецким к тому же помогает раскрыть лицемерие и поверхностность идеологических убеждений спорящих сторон. На самом деле почти все собравшиеся в доме Фамусова лица прежде всего озабочены решением своих семейных, материальных или же карьерных проблем. Их заботят паи, места, акции, которые помогает им добыть Загорецкий. После его ухода графиня рассказывает Чацкому о том, как путем различных махинаций и подарков судьбы Загорецкий сумел вознестись и занять столь высокое положение. Вслед за этим появляется персонаж, который примиряет враждующие лагеря, на время объединившие усилия в нападках на него. Это княгиня Цветкова, прообразом которой, по мнению Д. Тихонова¹, стала сама Ростопчина. Это явно положительный персонаж, противопоставленный карикатурно обрисованным всем остальным гостям Фамусова. Таким образом, в «ростопчинском» художественном пространстве в отличие от «грибоедовского» Чацкий сценически не одинок.

В начале 12 явления появляется Элейкин (Ростопчина в ремарке называет его русским Тартюфом) и противостояние западников и славянофилов входит в решающую фазу. Узлом схватки становится

¹ Тихонов Д. Второе возвращение Чацкого // Труд. 2003. 4 декабря. https://www.trud.ru/article/04-12-2003/65268_vtoroe_vozvraschenie_chatskogo.html Дата обращения: 20.04.2020.

ся комический поэтический поединок Элейкина и Цурмайера, а завершается она бранью и чуть ли не дракой: «Они кричат все громче и громче, чтобы перекричать один другого, под конец бесятся, неистовствуют; физиономии, голоса, жесты, все свидетельствует о их ярости. Элейкин особенно свирепеет и делается львом» [Ростопчина, 120].

Пытаясь вразумить враждующие стороны, Чацкий обращается к ним поочередно с двумя пространными монологами, предлагая примириться:

У тех и у других, по мне, уважить надо
Начало доброе, – хоть ложный вывод взгляда
И странен, и смешон в наш просвещенный век!.. <...>
Забудемте в единомушье новом
И распри детские, и мелочный раздор!..
Как хочет, думай всяк, – лишь действуй благородно!
Для блага общего, для пользы всенародной
Составим братский уговор!.. [Ростопчина, 125, 127].

Но его разумные доводы и призыв к единению не услышаны ни одной из сторон, более того, он становится врагом обоих лагерей. Нельзя не согласиться с Д. Тихоновым, подчеркнувшим пророческий характер предостережения, высказанного Чацким лагерю западников-революционеров¹:

О! проповедники слепые уравниенья...
О! поджигатели общественного мнения!..
Грядущего жрецы!.. Прости вам Бог, что вы, –
Безумно жаждая и славы, и молвы, –
Смущаете наш век несбыточным мечтаньем
<...>
Что дразните вы чернь мишурным блеском
Лжеистины, что ваш высокопарный вздор
Детей увлек ко злу хлопущим треском!..
Прости вам Бог ваш неразумный бред
И человечеству уж нанесенный вред, –
И все, что впереди, посеянное вами,
Взойдет погибелью над нашими сынами!.. [Ростопчина, 129].

Завершается явление развязкой любовного конфликта. Обнаруживается любовная записка Петрова, его шашни разоблачены, и учитель изгоняется.

¹ Тихонов Д. Второе возвращение Чацкого // Труд. 2003. 4 декабря. https://www.trud.ru/article/04-12-2003/65268_vtoroe_vozvraschenie_chatskogo.html Дата обращения: 20.04.2020.

В последнем 13 явлении остаются Чацкий и княгиня Цветкова, последняя берется примирить возмущенного, как и 25 лет назад, героя с Москвой и приглашает его к себе в гости.

Я позову для вас и женщин просвещенных,
И несколько мужчин, и стариков почтенных...
(Чацкий смеется, качая отрицательно головою)
Не смейтесь!.. Сотнями таких я отыщу!..
Друзей меж ними я считаю,
Вы их узнаете – полюбите!.. С Москвой
Уж я вас помирю, ручаюсь головой, –
Москву пред вами оправдаю! [Ростопчина, 144].

«Чацкий подает руку княгине; занавес опускается» [Ростопчина, 144].

Подводя итог, следует отметить, что пьеса Ростопчиной (сама автор жанрово определяет ее довольно-таки размыто: «разговор в стихах») – это, скорее, карикатура, нежели художественное исследование жизни. Поэтому образы и сцены в основном психологически поверхностны и нежизненны. Уже предварительные авторские ремарки задают одноплановость и однозначность. Например, портретируя Чацкого, Ростопчина вносит свой комментарий: «Он носит <...> рояльку на подбородке, – это знамя независимости» [Ростопчина, 17].

К достоинствам пьесы надо отнести поэтическое мастерство автора, афористичность многих реплик.

А толку нет во всех их толках [Ростопчина, 63].
Совет ли другом он кого, –
Так и тому кадить уж начинают!.. [Ростопчина, 90].
Всегда, везде золотой телец
Был Бог толпы и ключ сердец [Ростопчина, 90].
Припомните: в истории всегда
Нововводителям беда!.. [Ростопчина, 121].

Говоря о сценической версии пьесы, отметим, что премьера ее состоялась в мае 2019 г. на сцене Смоленского областного театра кукол им. Д.Н. Светильникова. Режиссер и руководитель студенческого театра «Зеркало» С.Н. Синицын создал необычный экстракт. Он не только объединил два произведения («Горе от ума» А.С. Грибоедова

и «Возврат Чацкого в Москву, или Встреча знакомых лиц после двадцатипятилетней разлуки» Е.П. Ростопчиной), но и украсил финал эпизодом романа Т.Н. Толстой «Кысь».

Это оригинальное режиссерское решение, на наш взгляд, существенно приблизило написанную на злобу дня пьесу Ростопчиной к современному зрителю. Сближая грибоедовский и ростопчинский тексты, последовательно чередуя сцены двух пьес, разыгрываемые на фоне стилизованного герба Москвы и огромных игральные карт, Синицын приглушает сатирическую составляющую и усиливает психологическую, жизненно-философскую. И хотя пьеса Ростопчиной предсказуемо оказалась в проигрыше в плане художественной убедительности (в таком-то соседстве!), она все же сумела «прирасти» к произведению «Горе от ума»: конечный сценический продукт ярко изображает деградацию определенных социальных слоев и типов, показывает несостоятельность определенных жизненных установок.

В финале же грибоедовская и ростопчинская Москва очень удачно дополняются постапокалиптической Москвой романа «Кысь» Толстой. Это, безусловно, углубляет идеологию постановки. Для того чтобы подвести к такой концовке, режиссеру пришлось убрать хеппи-энд ростопчинской пьесы. В ее финале Чацкий без княгини. Он произносит гневный монолог, забрав себе обличительную часть ее стихов. Таким образом, постановка театра «Зеркало» – это предостережение, заставляющее задуматься о пагубности вражды и многих других вечных «пороков» российского общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кудина А.Ю. «Тексты-продолжения» в русской литературе (на примере пьесы Е.П. Ростопчиной «Возврат Чацкого в Москву») // Родная словесность в современном культурном и образовательном пространстве. Сборник научных трудов / под редакцией Е.Г. Милюгиной. Тверь: Тверской гос. ун., 2018. С. 14–19.

2. Ростопчина Е.П. Возврат Чацкого в Москву, или Встреча знакомых лиц после двадцатипятилетней разлуки. Продолжение комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума». Киев: Гонг, 1909. 144 с.

3. Ходасевич В.Ф. Графиня Е.П. Ростопчина. Ее жизнь и творчество. URL: http://az.lib.ru/h/hodasewich_w_f/text_1934_rostopchina.shtml (дата обращения: 16.03.2021).

<https://doi.org/10.29003/m3658.khmelita-18/96-105>

<https://elibrary.ru/orztul>

Научная статья / Research Article

УДК 821.161.1

ББК 83.3

This is an open access book
Distributed under the Creative
Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivatives
4.0 (CC BY-NC-ND)

КОМЕДИЯ «ГОРЕ ОТ УМА» В ПЕРЕВОДЕ Н.Д. БЕНАРДАКИ: ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕКСТА

© 2023. А.С. Шолохова

Аннотация: В статье дается краткий обзор английского перевода комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума», выполненного Николасом Бенардаки в 1857 г. Данный перевод интересен прежде всего тем, что он стал первой попыткой знакомства англоязычных читателей с комедией и способствовал формированию определенного восприятия пьесы в англоязычной среде. Важно отметить, что это прозаический перевод, в основе которого лежит отличный от оригинала принцип построения текста, характеризующийся тем, что получившийся вариант передает максимально близко семантическое значение языковых единиц оригинала и их информационную составляющую. Вследствие такой жанровой трансформации, безусловно, происходят всевозможные стилистические, лексические и семантические изменения подлинника. При общем верном смысловом восприятии в переводе утрачивается быстрота, легкость и непринужденность прочтения, а также теряется дополнительная коннотативная нагрузка, сформированная ритмом и синтаксисом. Вместе с тем выбор такого способа перевода во многом был обусловлен сложившейся переводческой традицией, когда основная цель автора еще не состояла в сохранении стиля оригинала и его целостности, а задача представлялась более простой – передать в первую очередь сюжет произведения.

Ключевые слова: А.С. Грибоедов, Н.Д. Бенардаки, «Горе от ума», перевод, переводоведение, интерпретация текста.

Информация об авторе: Шолохова Анна Сергеевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литера-

туры им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069, г. Москва, Россия.

ORCID ID: 0000-0002-2325-9619

E-mail: anna_sholokhova@mail.ru

Для цитирования: *Шолохова А.С.* Комедия «Горе от ума» в переводе Н.Д. Бенардаки: особенности интерпретации текста // А.С. Грибоедов и его эпоха: Хмелитский сборник № 18 / отв. ред. Е.В. Аблогина, М.В. Скороходов. М.: ООО «МАКС Пресс», 2023. С. 96–105. <https://doi.org/10.29003/m3658.khmelita-18/96-105>.

“GORE OT OUMA” TRANSLATED BY NICOLAS BENARDAKY: ASPECTS OF TEXT INTERPRETATION

© 2023. *Anna S. Sholokhova*

Abstract: The article provides a brief overview of A.S. Griboedov’s comedy “Woe from Wit” in English translation performed by Nicolas Benardaky in 1857. This translation attracts our interest primarily because it was the first attempt to introduce the comedy to an English-speaking reader and to form a certain perception of the play in the English-speaking environment. It is important to note that version by Benardaky was made in prose and based on a different principle of text construction than the original. Significantly it is characterized by the fact that interpretation reproduces as closely as possible the semantic meaning of Russian language units and their notional component. As a result of such genre transformation, all sorts of stylistic, lexical and semantic changes certainly occur. With a general correct semantic perception, the movement and ease of reading is lost in translation, as well as the additional connotative definitions formed by rhythm and syntax. However, the choice of this method of translation was largely due to the established tradition, when the main goal of translator was not yet to preserve the style of the original and its manner, the task was simpler – to convey the plot of the work.

Keywords: A.S. Griboedov, N. Benardaky, “Gore ot Ouma”, translation, interpretation of the text.

Information about the author: Anna S. Sholokhova – PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: 0000-0002-2325-9619

E-mail: anna_sholokhova@mail.ru

For citation: Sholokhova, Anna S. “Gore ot Ouma” Translated by Nicolas Benardaky: Aspects of Text Interpretation. *Aleksandr Griboedov and His Epoch: Khmelitsky Sbornik No. 18*. Ex. ed. Evgeniia V. Ablogina, Maxim V. Skorokhodov. Moscow: MAX Press Publ., 2023. pp. 96–105. (In Russian). <https://doi.org/10.29003/m3658.khmelita-18/96-105>.

Как известно, первые переводы комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» появились задолго до ее издания, в то время, когда оригинал еще распространялся в списках. Первый английский перевод комедии, выполненный в прозе Николасом Бенардаки, выходит в 1857 г. в Эдинбурге (*Gore ot Ouma. A Comedy. From the Russian of Gribojedoff / Translated by Nicolas Benardaky. Edinburgh, 1857*).

О самом переводчике известно немного. Николай Дмитриевич Бенардаки родился в 1839 г. в семье известного золотопромышленника и миллионера Дмитрия Егоровича Бенардаки (1799–1870), бывшего заметной фигурой не только в сфере российского предпринимательства, но и культуры того времени. В мемуарной и исследовательской литературе сложилась достаточно устойчивая традиция видеть прототип образа Костанжогло из второго тома «Мертвых душ» Н.В. Гоголя в откупщике и промышленнике Дмитрие Бенардаки, которого московские славянофилы воспринимали «как образец национального капитала и национального предпринимательства» [Каганович, с. 195]. Описание «грека Бенардаки», с которым Гоголь познакомился в 1839 г. в Мариенбаде, как прототипа Костанжогло впервые дал М.П. Погодин: «Здесь скажу только, что в Мариенбаде был еще тогда известный предприимчивый Д.Е. Бенардаки. Мы все гуляли вместе. Бенардаки, знающий Россию самым лучшим и коротким образом, бывший на всех концах ее, рассказывал нам множество разных вещей, которые и поступили в материалы Мертвых Душ, а характер Костанжогло во 2-й части писан в некоторых частях прямо с него» [Погодин, с. 74–76]. Интересна также характеристика Д.Е. Бенардаки, данная К.А. Скальковским: «Отставной поручик Бенардаки нажил огромное состояние своим умом и ловкостью.

Человек он был необыкновенной доброты, готовый услужить, и весьма серьезно, всем и каждому. Многие наживали благодаря ему целые состояния» [Скальковский, с. 108].

Сын Дмитрия Бенардаки, Николай, получил отличное образование. В 1856 г. он поступил в Санкт-Петербургский университет, благодаря частым поездкам по Европе великолепно владел несколькими иностранными языками, был автором слов популярных романсов, печатался в журнале «Сын отечества», совместно с библиографом и экономистом Ю.М. Богушевичем выпустил «Указатель статей серьёзного содержания, помещённых в русских журналах». Николай Дмитриевич, также как и отец, занимался финансовой деятельностью – был крупным банкиром (входил в состав учредителей нескольких банков), являлся совладельцем сахарных заводов в Киевской губернии, стал одним из организаторов товарищества Амурского срочного пароходства и Средне-Амурской золотопромышленной компании.

Отличительной чертой семьи Бенардаки было стремление к благотворительности. Так, Николай упоминается в числе тех, кто жертвовал денежные средства на строительство ремесленного училища в Петербурге, кроме того он вносил деньги в Лондонский фонд, финансирующий запрещенное в России издание газеты «Колокол» А.И. Герцена. Николай был избран почетным членом императорского Русского музыкального общества, а также являлся почетным членом совместного Англо-русского литературного общества («Anglo-Russian Literary Society»), целью которого было изучение и развитие русского языка и литературы в Великобритании, а, кроме того, создание библиотеки русских книг и периодических изданий.

В 1873 г. (по другим данным – в 1874 г.) семья Николая Бенардаки эмигрирует в Париж. Салон Николаса и Марии де Бенардаки стал одним из центров культурной и светской жизни Парижа. В их доме устраивались музыкальные и театральные вечера, на которых звучала русская музыка. В качестве мецената и соотечественника Бенардаки первым представил французской публике П.И. Чайковского. Чтобы создать некоторое представление о подобных вечерах, обратимся к воспоминаниям балерины М. Кшесинской: «...Николай Дмитриевич Бенардаки, богатый русский грек <...> устроил великолепный спектакль у себя в особняке, где была сцена и места для публики, как в театре. Я танцевала с Н. Легатом “Ноктюрн” Шопена. На том

же вечера выступали Шалапин и Смирнов. Великий Князь Павел Александрович присутствовал со своею супругой <...> После представления был подан роскошный ужин, за которым хозяин произнес замечательно остроумную речь» [Кшесинская, с. 171].

В настоящее время изучению переводов комедии Грибоедова отводится особое место. Появляются новые публикации, затрагивающие вопрос трансформации грибоедовского текста при переводе. Исследователи обращают внимание на проблему качества переводов, проблему передачи авторской интенции, проблему сохранения национального колорита, проблему степени адаптации русского текста к традициям зарубежной литературы.

Перевод, выполненный Бенардаки, интересен прежде всего тем, что он явился первой попыткой познакомить англоязычных читателей с произведением и способствовал формированию определенного восприятия этой пьесы в англоязычной среде. Важно отметить, что это прозаический перевод, в основе которого лежит отличный от оригинала принцип построения текста, характеризующийся прежде всего тем, что получившийся текст передает максимально близко смысловую и информационную составляющие. Выбор такого способа перевода во многом связан со сложившейся в XIX в. переводческой традицией. По мнению литературоведа С.Г. Исакова, в этот период «перевод еще окончательно не отделился от национальной адаптации, переложений и переделок чужих произведений на местный лад, обычных в писательской практике эпохи. Перед переводчиками еще не стоит задача воссоздания стиля оригинала и его целостности. Вряд ли она и осознавалась переводчиками в полной мере. Задача перевода им представлялась более простой: передать в первую очередь сюжет произведения» [Исаков, с. 162].

Название комедии Грибоедова в переводе Бенардаки имеет транслитерированную форму, а именно «Gore ot Ouma». Для англоязычного читателя это сочетание звуков не несет никакой релевантной информации за исключением национально-культурного компонента. Однако в предисловии переводчик дает маленькое пояснение, что дословно на английский язык название комедии переводится как «misfortune from cleverness» [Gore ot Ouma. A Comedy. From the Russian of Gribojedoff, p. 8]. Такой способ передачи заглавия связан с общей концепцией перевода Бенардаки, в основе которой лежал

информативный подход, а главной целью являлось знакомство читателей с произведением.

В предисловии, написанном самим переводчиком, дана общая характеристика комедии. Прежде всего Бенардаки говорит о том, что он «взял на себя смелость познакомить английскую публику с шедевром русской сцены, комедией Грибоедова “Горе от ума”» [Gore ot Ouma. A Comedy. From the Russian of Gribojedoff, p. 5]. Он рассуждает об авторе как о талантливом человеке, которому «смерть помешала развить свои творческие способности», а о самой комедии как о «блестящем литературном достижении, смелом шаге, позволившем впервые приподнять завесу, скрывающую пороки современников» [Ibid.]. Бенардаки также упоминает о том, что комедия написана в стихотворном размере, а каждая ее фраза является афоризмом, вошедшим в широкое употребление после появления произведения – «всего несколько слов, одной реплики достаточно для того, чтобы узнать о характере каждого персонажа пьесы» [Ibid., p. 6].

Далее переводчик дает краткие характеристики главным действующим лицам комедии. Фамусов описывается как «эгоистичный, высокомерный и услужливый» человек; Скалозуб – как «бравый старый солдат, в чьей голове нет ничего, кроме парадов, званий и чинов»; Молчалин – «создание, сомневающееся в каждом своем шаге, неуверенное ни в своем мнении, ни в своих словах, ни даже в своем собственном существовании»; Софья – «меланхоличная, романтическая девушка, типичный образец тех дам, чье образование преимущественно складывается из французских романов»; Загорецкий – «известный лгун, которого, однако, везде хорошо принимают из-за его умения держать себя в свете» [Gore ot Ouma. A Comedy. From the Russian of Gribojedoff, p. 6–8]. Чацкий выделяется в этой толпе, поскольку наделен «несомненным талантом и высокими чувствами», однако, по мнению Бенардаки, «Чацкий слишком идеален!» [Ibid.]. Недостаточная достоверность образа видится переводчику в том, что главный герой не способен выражать настоящие человеческие эмоции, он не проявляет слабости в самых отчаянных жизненных обстоятельствах, даже «измена любимой женщины лишь вызывает в нем горькую иронию» [Ibid.]. По мнению переводчика, в этом кроется основная причина негативного восприятия образа Чацкого современниками.

В заключении переводчик отмечает, что комедия появилась в 1823 г. и с того момента в русском обществе произошло множество благоприятных перемен, поэтому английскому читателю не стоит судить о современном ему положении вещей только по данному тексту: «Чацкий был лишь первым представителем совершенно нового поколения молодых людей» [Gore of Ouma. A Comedy. From the Russian of Gribojedoff, p. 10].

После предисловия следует список действующих лиц. Имена литературных персонажей занимают значительное место в составе любого произведения, поскольку они всецело включены в его образную систему – это лаконичные характеристики героев, выбранные в соответствии с определенными канонами и эстетическими намерениями автора. Существует особая традиция передачи имен собственных на иностранные языки. В середине XIX в. было принято переводить имена лишь за редким исключением. Позже появилась тенденция передавать иностранное имя его эквивалентом в языке перевода: Мария – Mary (англ.). Лишь в начале XX в. процесс перевода значимых имен стал восприниматься как творческая деятельность.

Антропонимическая система комедии заслуживает особого внимания, поскольку большинство имен является традиционно значимым элементом авторского замысла и имеет дополнительную нагрузку. Вместе с тем, имена действующих лиц были переданы Бенардаки с помощью приема транслитерирования. Такой прием оказался удачным для перевода, например, фамилии Фамусова, значение которой по мнению исследователей, образовалось от латинского слова *fama* – «молва», «слух». Этимология фамилии Репетилова также сходна с английским звучанием, однако традиционно ее происхождение трактуют от французского *répéter* – «повторять», «рассказывать». Таким образом, в этих двух случаях переводчику удалось воссоздать те образы и характеристики персонажей, которые были заложены в их именах автором с опорой на французскую классическую традицию.

Поскольку перевод был выполнен в прозе, он скорее имеет объяснительный и описательный характер. Фразы построены таким образом, что расширяют и дополняют предложения оригинала, тем самым делая его более понятным. Приведем пример из знаменитого монолога Чацкого:

И точно, начал свет глупеть,
Сказать вы можете вздохнувши;
Как посравнить, да посмотреть
Век нынешний и век минувший:
Свежо предание, а верится с трудом...

В переводе Бенардаки этот отрывок выглядит следующим образом:

It is true! the world is becoming stupid! we may say so with a sigh.
Were we to compare the past century with the present, it would be difficult
to believe... [Ibid., p. 45].

При общем верном смысловом восприятии в переводе безусловно утрачивается быстрота, легкость и непринужденность прочтения, а также теряется дополнительная коннотативная нагрузка, которая сформирована ритмом и синтаксисом.

Немалую сложность при переводе Грибоедовского текста представляет передача фразеологизмов. Фразеологические единицы в противоположность свободному словосочетанию характеризуются разной степенью спаянности, они не варьируются, очень часто оказываются немотивированными, несут в тексте немалую смысловую и стилистическую нагрузку и при этом не всегда возможно понять общее значение всего оборота из отдельных его частей. Высокая идиоматичность слога «Горя от ума» не раз отмечалась в специальной литературе как обстоятельство, существенно затрудняющее перевод. Известный болгарский писатель и переводчик С. Влахов говорил о практической непереводаемости комедии Грибоедова: «В самом деле, как довести до ума и сердца чеха (как и любого другого иностранца, *прим. авт.*) то, что прочно заложено в уме и сердце русского еще до прочтения комедии – это десятки и сотни крылатых фраз, афоризмов, оборотов, давно ставших народным достоянием, слившимся в могучий поток народной поэзии?» [Влахов, с. 329–330].

Способы перевода фразеологических единиц различны. И в каждом конкретном примере подход к языковой единице оригинала индивидуален. В переводе Бенардаки встречаются варианты удачных эквивалентов. Например, перевод фразы: «Счастливые часов не наблюдают» – «Happiness takes no note of time» [Gore ot Ouma. A Comedy. From the Russian of Gribojedoff, p. 19]. Или же другой пример, в котором при определенном прочтении возможно даже

сохранить ритм оригинала: «Служить бы рад, прислуживаться – тошно!» – «Serve, willingly – be obsequious, never!» [Ibid., p. 43].

Отдельную проблему для перевода составляют реалии. Известны две основные трудности передачи реалий: 1) отсутствие в языке перевода эквивалента или аналога и 2) необходимость наряду с предметным значением реалии передать ее колорит, национальную и историческую окраску. Рассмотрим следующий пример (Фамусов – Молчалину):

Безродного пригrel и ввел в моё семейство,
Дал чин асессора и взял в секретари;
В Москву переведен через моё содейство;
И будь не я, коптел бы ты в Твери.

В переводе отрывок передан следующим образом:

And you, sir, what are you? With what purpose are you here? I picked you up when an orphan child! I introduced you into my family! I gave you the rank of Assesor and installed you as my own secretary. Through my influence you obtained a place in a public office at Moscow. But for me you would be vegetating in some miserable country town [Ibid., p. 22].

Этот фрагмент очень характерно отражает работу переводчика над текстом. В прозаическом варианте смысл высказывания передан более или менее верно, но композиция предложения, а вместе с ней и нужное впечатление, утрачены, нарушены привычные для стиха смысловые пропорции. Однако переводчик использует здесь определенные приемы компенсирования: Бенардаки в переводе пытается по возможности сохранить эллиптированные, краткие предложения оригинала: «I picked you up when an orphan child!» [Ibid., p. 22]. Он также употребляет переносное просторечное значение глаголов (*vegetate* в значении «прозябать, закисать», а также возможный эквивалент перевода на русский «коптеть»). В данном отрывке использовано несколько реалий. Непосредственно в тексте отсутствуют какие-либо комментарии переводчика относительно реалий русского быта, топонимов и историзмов. Но после текста перевода на отдельной странице напечатаны примечания (*Notes*), касающиеся названий публичных мест, улиц, мостов (например, Кузнецкий мост, Покровка, Фонтанка). Среди них и объяснение реалии «ассессор» – «один из 14 чинов государственных служащих». При передачи топонима *Тверь* Бенардаки уходит от конкретного названия места и использует опи-

сательный перевод, по-своему объясняя реалию оригинала – «some miserable country town» [Ibid.], что обозначает примерно следующее: «некий захолустный провинциальный город».

В каждом конкретном примере подход к языковой единице оригинала индивидуален и требует своего решения. Подводя итог характеристике первого англоязычного перевода «Горе от ума», отметим, что он является важным элементом восприятия русской комедии за рубежом. Специфику перевода составляет, во-первых, личность самого автора, его русское происхождение, что позволяет исключить возможные национальные различия, возникающие в процессе перевода; а также жанровая трансформация оригинала в результате выбора прозаического способа изложения. Следствием такого преобразования становятся различные стилистические, лексические и семантические изменения подлинника. Однако выбор данного способа перевода во многом был обусловлен сложившейся переводческой традицией, когда важнейшей целью было передать общий смысл произведения и смысл всех основных сцен. Следовательно, англоязычный читатель был в состоянии понять главную идею произведения, и составить для себя некое общее представление об оригинале, что и являлось основной задачей автора перевода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Влахов С. Переводимо ли переводимое? // Литература и перевод: проблемы теории. Международная встреча ученых и писателей. Москва. 27 февраля – 1 марта 1991 г. М.: Прогресс; Литера, 1992. С. 323–330.
2. Исаков С.Г. Первый перевод «Ревизора» Н.В. Гоголя на эстонский язык // Филологические науки. 1965. Т. 8. № 1. С. 161–167.
3. Каганович Б.С. Вокруг Бенардаки: Из комментариев к Гоголю и Марселю Прусту // Звезда. 1996. № 12. С. 191–200.
4. Кшесинская М.Ф. Воспоминания. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2016. 460 с.
5. Погодин М.П. Год в чужих краях. 1839. Дорожный дневник: в 4 ч. М.: Унив. тип., 1844. Ч. IV. 228 с.
6. Скальковский К.А. Воспоминания молодости: (По морю житейскому): 1843–1869. СПб.: тип. А.С. Суворина, 1906. 410 с.
7. Gore ot Ouma. A Comedy. From the Russian of Gribojedoff / Translated by Nicolas Benardaky. Edinburgh, 1857. 135 p.

<https://doi.org/10.29003/m3659.khmelita-18/106-119>

<https://elibrary.ru/ppwuyc>

Научная статья / Research Article

УДК 82.091

ББК 83.3

This is an open access book
Distributed under the Creative
Commons Attribution-NonCommercial
4.0 (CC BY-NC)

ИТАЛЬЯНСКИЕ ПЕРЕВОДЫ КОМЕДИИ «ГОРЕ ОТ УМА»

© 2023. М. Каратоццо

Аннотация: В статье рассматривается история обращений итальянских издателей к творчеству А.С. Грибоедова в последнее столетие. Особое внимание уделяется семи переводам комедии «Горе от ума» на итальянский язык, выполненным в период с 1925 г. по настоящее время (Ф. Вердинуа, Л. Пачини Савой, П. Сантароне и Н. Барановская, Э. Ло Гатто, М. Мартинелли, Дж. Гандольфо, М. Каратоццо). Вводятся в научный оборот малоизвестные сведения о славистах, выступивших в качестве переводчиков комедии и популяризаторов изучения личности и творчества Грибоедова в Италии (Ф. Вердинуа, Л. Пачини Савой, Э. Ло Гатто). Отмечается, что в настоящее время создается библиографии произведений Грибоедова и публикаций о нем на итальянском языке. Достигнутые в ходе настоящего исследования результаты позволяют констатировать значительный интерес к комедии Грибоедова в Италии, который во многом связан с реализованными театральными воплощениями «Горя от ума» на итальянском языке. При этом научное изучение Грибоедова в Италии ограничено отдельными исследованиями.

Ключевые слова: А.С. Грибоедов, Италия, Л. Гинзбург, Ф. Вердинуа, Л. Пачини Савой, Э. Ло Гатто, М. Мартинелли, П. Сантароне, Дж. Гандольфо, М. Каратоццо.

Информация об авторе: Каратоццо Марко – профессор, Барийский государственный университет «Альдо Моро», виа Гарруба, 6/Б, 70123 Бари, Италия.

ORCID ID: 0000-0001-7600-8584.

E-mail: marco.caratozzolo@uniba.it

Для цитирования: Каратоццо М. Итальянские переводы комедии «Горе от ума» // А.С. Грибоедов и его эпоха: Хмелитский сборник № 18 / отв. ред. Е.В. Аблогина, М.В. Скороходов. М.: ООО «МАКС Пресс», 2023. С. 106–119. <https://doi.org/10.29003/m3659.khmelita-18/106-119>.

ITALIAN TRANSLATIONS OF THE COMEDY “WOE FROM WIT”

© 2023. *Marco Caratozzolo*

Abstract: The article focuses on the history of Italian publisher’s interest to A.S. Griboedov’s life and works in the last hundred years. Special attention is given to the Italian translation of “Gore ot Uma” with some interesting details about the specialists of Russian literature who translated the comedy text. As a result of this investigation, we can say that in Italy Griboedov’s comedy enjoyed great interest, especially in relation to performances inspired to it. On the contrary, it is to say that very few researches have been published in Italy on Griboedov and the most important essays about him are the same introductions to the new editions.

Keywords: A.S. Griboedov, Italy, translation, Verdinois, Pacini Savoy, Santarone, editors in Italy, Lo Gatto, Gandolfo, Caratozzolo.

Information about the author: Marco Caratozzolo – PhD in Slavistics, Associate professor, Bari State University “Aldo Moro”, Department of Lettere Lingue Arti Italianistica e Culture compare, via Garruba, 6/B 70123 Bari, Italy.

ORCID ID: 0000-0001-7600-8584.

E-mail: marco.caratizzolo@uniba.it

For citation: Caratozzolo, Marco. Italian Translations of the Comedy “Woe from Wit”. *Aleksandr Griboedov and His Epoch: Khmelitsky Sbornik No. 18*. Ex. ed. Evgeniia V. Ablogina, Maxim V. Skorokhodov. Moscow: MAX Press Publ., 2023. pp. 106–119. (In Russian). <https://doi.org/10.29003/m3659.khmelita-18/106-119>.

Творчество А.С. Грибоедова и прежде всего его комедия «Горе от ума» получили широкую известность в Италии, где с 1920-х гг. до настоящего времени было издано не менее шести переводов, а еще один сохранился в рукописи. С одной стороны, признанные итальянские

слависты, в том числе Ф. Вердинуа, Л. Пачини Савой, Э. Ло Гатто, на протяжении XX в. пытались перевести текст комедии Грибоедова, а с другой – научных исследований было опубликовано в Италии в исследуемый период не так много. Тем не менее можно утверждать, что стремление к популяризации «Горя от ума» было очень высоким, особенно если учесть, что переводы готовились в связи с планируемыми театральными и радиотелевизионными постановками комедии, а вступительные статьи к итальянским переводам остаются чуть ли не самыми значимыми исследованиями в области итальянского грибоедоведения. В данной статье мы намерены, с одной стороны, описать роль итальянских ученых и издателей в изучении и популяризации личности и творчества Грибоедова с начала XX в. до настоящего времени, а с другой – указать на создающуюся библиографию произведений Грибоедова и литературы о Грибоедове в Италии со второй половины XIX в. по наших дней.

Насколько известно, первые сведения о Грибоедове на итальянском языке приводят Дж. Рубини и С. Шевырев в своей книге «История русской литературы» 1862 г., несколько страниц которой посвящены автору «Горя от ума» [Rubini, Sevyreff, p. 185–191]. Настоящее издание является одним из первых (если не самым первым), в котором продемонстрирован интерес итальянцев к русской словесной культуре. Автор итальянского текста – Джузеппе Рубини (1793–1864), профессор и литературовед из города Дервио на севере Италии, который в 1824 г. переехал в Россию и стал не только учеником Шишкова, но и сотрудником академика и профессора Московского университета С.П. Шевырева. Рубини преподавал в Московском университете итальянскую литературу, а также работал над заметками по истории русской литературы Шевырева и издал первую полную историю русской литературы на итальянском языке, в которой были сделаны интересные замечания о Грибоедове. Мы не имеем документальных подтверждений, но нельзя исключить, что Рубини, будучи в тесных связях с Шишковым, мог встречать Грибоедова во второй половине 1820-х гг. Во всяком случае в книге Рубини и Шевырева сказано: «Среди многочисленных драматических поэтов <Грибоедов> выделяется своим высоким и оригинальным умом, которым он оставил живое произведение еще на сцене» [Rubini, Sevyreff, p. 185]. Его комедия представлялась авторам «Истории рус-

ской литературы» «гармоничным шедевром, единственным и особым», благодаря которому «Грибоедов превзошел своим умом и искусством всех своих предшественников» [Rubini, Scevireff, p. 191].

После выхода в свет книги Рубини и Шевырева в течение следующих десятилетий упоминаний о комедии Грибоедова в Италии практически нет, пока имя Грибоедова не появляется вновь: в 1925 г. в первом итальянском переводе «Горя от ума», о котором речь пойдет далее, и затем через год в итальянском издании «Истории русской литературы» А.Н. Веселовского. Это сочинение было издано в России в 1918 г., видимо, сразу после смерти автора. Русская версия состояла из двух частей: «История новой русской литературы XIX в. (с 30-х до 60-х гг.)» и «История новейшей русской литературы. Лекции...». В том же 1918 г. в Москве вышла еще одна работа Веселовского – биография великого драматурга [Веселовский]. Однако в Италии вышла только книга о русской литературе. Это произошло благодаря усилиям одного из отцов итальянской славистики, Энрико Дамиани (1892–1953), который в 1926 г. перевел и издал сочинения Веселовского в одном томе. Дамиани прибавил очень важное библиографическое приложение о русских писателях, переведенных в Италии, что делает итальянскую версию работы Веселовского фундаментальным текстом в итальянской славистике. В данной книге Веселовский сближает имя Грибоедова с именем К.Ф. Рылеева, считая обоих важными личностями, произведения которых в России способствовали развитию нового мышления об обществе, такого, которого прежде никогда не было:

...так начался от Грибоедова – настоящего создателя социальной комедии в России – призыв современному русскому обществу, лишенному тогда всякого характера. Призыв поднять морально, перестать регулярно из других брать формы и идеи, а эксплуатировать своё собственное национальное содержание [Vesselovskii, p. 31].

Веселовский затрагивает также вечную тему влияния мольеровского «Мизантропа» на «Горе от ума», к которой на протяжении всего XX в. очень часто обращались итальянские критики. Веселовский уже тогда считал данное сопоставление неосновательным, поскольку Чацкий, «несмотря на некоторое сходство» с персонажем «Мизантропа», «представляется своеобразной обработкой одной человеческой темы особого интереса» [Vesselovskii, p. 32], «в реше-

нии покинуть это общество, в котором невозможно остаться честным и независимым, обнаруживается сила его чувства» [Vesselovskii, p. 33].

В приложении Дамиани к «Истории...» Веселовского находим подтверждение тому, что единственный к этому времени перевод «Горя от ума» на итальянский язык вышел сравнительно недавно, в 1925 г., благодаря усилиям абруццкого издательства «Карабба» [Vesselovskii, p. 260]. Следует пояснить, что в первой трети XX в. в издательском деле в Италии наблюдались значительные перемены по отношению к русской культуре. Напомним, что до 1930-х гг. переводы русских классиков на итальянский язык нередко осуществлялись через французские посредники, но с 1920-х гг. интерес к русской литературе (по историческим и культурным причинам, на которых здесь не останавливаемся) возрос до такой степени, что многие издатели начали выпускать новые итальянские переводы непосредственно с русских оригиналов. Большие заслуги в этом новом контексте принадлежат итальянскому издателю, литературному критику и переводчику П. Гобетти, который первым издал новый перевод прозы Л.Н. Андреева, сделанный им при помощи своей жены А. Просперо. Гобетти дал определенный толчок к новому подходу в издании русских классиков, которые с тех пор распространялись (благодаря трудам разных издателей) в «прямых» переводах. Знаковым достижением в этой связи можно считать работу Энрикетты Капечелатро Карафы, более известной как герцогиня Д'Андрия, которая в 1928 г. перевела с русского оригинала «Войну и мир» для недавно появившегося издательства «Славия» (Slavia).

На этом этапе немаловажную роль играло издательство «Карабба», которое до 1940 г. выпустило много новых изданий русских классиков, переводы которых считались авторитетными и адекватными. Насчитывается около пятидесяти переводов с русского языка, благодаря которым «Карабба» стало одним из трех издательств, наиболее активно пропагандировавших русскую литературу. Из переведенных авторов следует упомянуть не только широко известных тогда Гоголя, Достоевского, Толстого, Чехова, но и Островского, Майкова, Лескова, Куприна, Бунина, Булгакова, и естественно – Грибоедова, практически незнакомого широкой читательской аудитории в Италии.

Так, в 1925 г. уже пользующееся большой популярностью издательство «Карабба» выпустило первое итальянское издание шедевра Грибоедова в переводе Федерико Вердинуа (1844–1927). Он был первым профессором русского языка в Неаполитанском Восточном институте, работал также библиотекарем, журналистом и занимался оригинальным художественным творчеством (в основном под псевдонимом *Ricche*, Пики). В качестве частного профессора русского языка Вердинуа учил русскому языку тогда шестидесятилетнюю герцогиню Д'Андрия, которая начала постепенно переводить классику, и в том числе «Войну и мир», как уже было сказано ранее. В художественных произведениях Вердинуа, среди которых центральное место занимают рассказы, отражающие темы и мотивы итальянской фантастики, чувствуется сильное влияние поэтики русских классиков, переводами из которых он прославился. Он переводил также с польского (особенно популярным стал его перевод из Сенкевича) и других европейских языков (французского, английского, немецкого и норвежского), но его заслуги в популяризации русской литературы особенно выделяются.

Перевод Вердинуа [Griboedov, 1925] остаётся до сих пор единственным стихотворным переводом комедии Грибоедова на итальянский язык. Поэтическая форма способствовала сохранению не только на красоты языка оригинала, но и передаче крылатых выражений персонажей комедии, особенно Чацкого. Рецензируя в 1926 г. это издание в литературном журнале «*I libri del mondo*», славист Э. Ло Гатто (примечательно, что тридцать лет спустя он издаст свой перевод комедии Грибоедова), писал, что «хороший перевод Вердинуа добросовестно представляет русский театральный шедевр. К сожалению, не всегда лапидарность устных изречений Чацкого находит точное соответствие в итальянском переводе, но те, кто знает русский текст, не может не удивляться прозорливости и изящности, с которыми мастер русских переводов преодолел многочисленные трудности» [Lo Gatto, p. 103].

Когда Ло Гатто рецензировал этот перевод, другой переводчик уже работал над текстом грибоедовской комедии. В 1928 г. его работа была закончена и предложена новому издателю. Автором нового перевода был один из учеников Ло Гатто, талантливый студент Леоне Пачини Савой (1907–1990), который ко времени создания перевода

еще не окончил университет, но уже совершал первые шаги в области славистики. Он сотрудничал с небезызвестным римским Институтом восточной Европы (IREO), который возглавлял Ло Гатто, и уже через несколько лет стал выдающимся славистом. Пачини Савой начал свою академическую карьеру профессором итальянской литературы в Брно (1937–1945), а в 1947 г., в возрасте сорока лет, был приглашен профессором русской литературы в Неаполитанский Восточный институт, где в начале века преподавал Вердинуа. Пачини Савой был переводчиком с русского языка (известен переводами из Гоголя и Гончарова) и автором многочисленных статей о русской литературе.

Из архивных материалов издательства Формиджини¹ выясняется история создания этого перевода и его публикации в очень распространенной тогда серии «Классики смеха»². Кроме того, в своей статье «*Delucidazioni sul Griboedov (a proposito del Gorje ot uma)*» (1934) Пачини Савой в ответ на холодную рецензию Л. Гинзбурга указывает, что еще в 1928 г. «отдал издателю Формиджини рукопись моего перевода *Горя от ума*» [Pacini Savo], 1934, p. 221]. К тому же, пишет переводчик, он тогда «с трудом мог поверить, что эту комедию в итальянском переводе – несмотря на то, что я тогда имел о тексте совсем иное представление, чем сегодня, – встретят с таким полным, единогласным энтузиазмом, который затем продемонстрировала даже русская печать» [Pacini Savo], 1934, p. 221].

Причины, по которым перевод вышел в свет только в 1932 г. оставались неизвестны до сегодняшнего дня. Однако сохранившиеся в архиве издательства «Формиджини» письма переводчика к издателю относятся именно к периоду создания перевода и могут осветить этот вопрос: с 1928 до 1932 г., в период, когда книга готовилась к печати, Пачини Савой подготовил и защитил дипломную работу, служил в армию и, конечно, исправлял первую и вторую корректуры, которые издатель ему регулярно передавал.

¹ См. переписку Пачини и издателя Формиджини в Библиотеке Эстенсе г. Модена: Archivio della Casa Editrice A.F. Formiggini. Inventario della corrispondenza a cura di Lorena Cerasi. Busta 69. Fascicolo 15. Fogli 1–39. Переписка недавно вышла из печати в итальянском журнале славистики «*Europa Orientalis*» с вступлением и комментарием М. Каратоццола [Caratozzolo 2021].

² См. переписку издателя с иллюстратором Париджи, принимавшим участие в подготовке издания: Archivio della Casa Editrice A.F. Formiggini. Inventario della corrispondenza a cura di Lorena Cerasi. Cartella 5. Fascicolo 33. Fogli 1–26.

Издание выглядело очень красиво благодаря иллюстрациям итальянского гравера Пьетро Париджи (1892–1990), близкого друга переводчика, работы которого А. Формиджини очень любил [Caratozzolo, 2021, p. 295]. Следует подчеркнуть, что из шести изданных переводов книга «Формиджини» самая красивая. В обширном вступлении [Griboedov, 1932, p. 7–36], которое Пачини Савой написал в марте 1928 г., он подробно рассказывает о жизни Грибоедова, излагает содержание комедии, представляет ее пестрых персонажей, которых он называет английским выражением «gallery of types» [Griboedov, 1932, p. 25]. Он также затрагивает вопрос о влиянии Мольера и поддерживает тезис о «независимости “Горя от ума” от “Мизантропа”» [Griboedov, 1932, p. 35]. Наконец, он кратко комментирует единственный на тот момент существующий перевод – работу Вердинуа. Пачини Савой считает, что «само решение сделать перевод в стихах заставляло переводчика настолько вольно осуществлять свою работу, что, в результате, характер персонажей оказался едва ли не другим» [Griboedov, 1932, p. 36].

Этот перевод, как уже отмечалось, вызвал многочисленные отзывы. Среди авторов восторженных отзывов о переводе был, например, Энрико Дамиани, уже несколько лет сотрудничавший с Формиджини. В своей рецензии от 1931 г., сообщая о выходе книги, Дамиани сопоставляет новый перевод «Горя от ума» с предыдущим, сделанным Вердинуа:

Можно ли сказать, что это <перевод Пачини> – лишняя работа, после красивой, ясной версии Вердинуа? Наоборот! Сочинение Грибоедова заслуживает широкого распространения, единственное издание 1925 г. уже представляется недостаточным. Тем более что следует признать, что, несмотря на неоспоримые явные достоинства покойного Вердинуа и его значительные заслуги в популяризации русской литературы в Италии, его перевод по сравнению с переводом Пачини выглядит сегодня намного менее точным и верным, что объясняется как требованиями стиха, так и произвольными решениями, которые Вердинуа в соответствии со своим писательским вкусом обычно принимал в переводе, не всегда адекватно передавая мысль самого автора [Damiani, P. 54].

В вышеуказанном архиве издательства хранится опись всех рецензий на книгу¹. Отметим, что самая резкая из них написана

¹ Biblioteca Estense, Modena. Archivio della casa editrice A.F. Formigini. delle recensioni. Inventario a cura di Lorena Cerasi. Busta 119. No. 93. Unità 1–2. Fogli 1–65.

русским эмигрантом, уже долго к этому времени жившим в Италии, славистом Леоне Гинзбургом (1909–1944). Невозможно с уверенностью сказать, имела ли критика Гинзбурга политические причины, учитывая, что он был одним из самых враждебно настроенных по отношению к фашизму интеллектуалов – доказательством борьбы служат его биография и трагическая смерть. Вместе с тем следует напомнить, что он сам очень серьезно редактировал книги и писал рецензии, часто останавливаясь на ошибках или на не вполне убедительных переводческих решениях. Рецензируя перевод, Гинзбург вызвал любопытную полемику и вынудил переводчика пойти на объяснения.

Рецензия Гинзбурга была опубликована в 1933 г. в журнале «La Cultura». Ее автор дал отрицательную оценку переводу: «Всякий раз, когда в стихе есть намек, объясняемый логикой или историей русских нравов, Савой испытывает такие серьезные затруднения, которых он никак не может преодолеть, даже рассчитывая на свою кажущуюся уверенность» [Ginzburg, p. 448].

Через год в разделе «Записки и заметки» итальянского журнала «L'Europa Orientale» появилась статья «Delucidazioni sul Griboedov (a proposito del Gorje ot uma)». В ней Пачини Савой подробно ответил на критические замечания Гинзбурга о вступительной статье и о переводе и пригласил читателя принять во внимание влияние творчества Мольера (в основном, его «Мизантропа») на Грибоедова. Пачини Савой отсылает к исследованию Н.К. Пиксанова «Грибоедов и Мольер» (1922), но, желая «освободиться от традиции», отрицает интерпретацию образа Чацкого, предлагаемую Гинзбургом:

Ошибка Гинзбурга (и всех других) в том, что он хочет определить характер Чацкого, обращая внимание на его филиппики и оценивая их в ошибочной перспективе. <...> А нам, освободаясь от традиции, в таких филиппиках следует видеть не более чем пружину, которая приводит в действие других лиц. Его филиппики не определяют общего характера Чацкого, а только одну сторону его – импульсивность молодого человека, нравственная идентификация которого выражается прежде всего в форме полемики [Pacini Savoj, 1934, p. 236].

Этой публикацией закончилась полемика о переводе Пачини, и до 1950-х гг., за исключением его переиздания миланским издателем Биетти в 1940 г. (оно купило целый каталог Формиджини по-

сле его трагической смерти в 1938 г.), ничего интересного в Италии в связи с Грибоедовым не произошло.

После Второй мировой войны издательское дело в Италии пережило новый рассвет, и в середине века вышли два новых издания комедии Грибоедова. Первый проект осуществило крупное издательство «Риццоли», его серия «Biblioteca Universale» уже несколько лет пользовалась большим успехом. Это была первая массовая серия в послевоенной Италии, дешевая и общедоступная, в рамках которой классические тексты итальянской и иностранной литературы издавались в полном объеме с предисловием и комментарием.

Новое издание «Горя от ума» вышло в этой серии в 1954 г. в вполне удачном переводе Паоло Сантароне и Наташи Барановской. О переводчиках известно мало: первый был историком литературы, переводил с французского и, вероятнее всего, не знал русского языка, а его соавтор – русская эмигрантка, уже давно жившая в Италии. Она обосновалась в Милане после революции и со временем стала активным членом Северной колонии русских в Милане [Д'Амелия, Рицци, с. 80–81]. У нее был антикварный магазин, и, вероятно, она была в тесных связях с издателем, тоже миланским. Можно предположить, что издатель обратился к ней с просьбой присоединиться к работе Сантароне над переводом из Грибоедова. Насколько известно из документов, ее работа в области русской литературы ограничилась переводами «Горя от ума» и «Недоросля» (1957) в соавторстве с Сантароне для издательства «Риццоли». Короткое вступление к переводу Грибоедова написано Сантароне. В нем он дает очерк жизни Грибоедова и касается самых важных моментов в тексте «Горя от ума», останавливаясь на сходстве между автором и героем:

Чацкий <...>, в конце концов, – не кто иной, как представитель самого Грибоедова, который отождествляет себя с ним. В страдании персонажа угадывается страдание автора, который покинув однажды мир, в котором родился, в котором воспитывался и жил, внезапно, при резком свете, замечает все недостатки этого мира <...>. Острая проницательность писателя обнаруживается в той объективности изображения человека, вследствие которой даже главный герой оказывается человеком, не лишенным недостатков и непростительных ошибок. Это становится особенно заметным, когда любовь делает его самым легковверным, неразумным представителем человеческого рода [Griboedov, 1954, p. 13].

Через год после выхода этого перевода появился новый, принадлежащий выдающемуся слависту Этторе Ло Гатто (1890–1983), который в течение первой половины XX в. прославился обширной научной деятельностью, в том числе и многочисленными переводами с русского. Перевод Ло Гатто вышел в большом сборнике русских театральных текстов, который тот собрал для миланского издательства «Бомпиани» [Griboedov, 1955]. В нем в переводе Ло Гатто и с его короткими предисловиями появились двадцать самых известных русских пьес, начиная с екатерининской поры до первой половины XX в. Перевод «Горя от ума» [Griboedov, 1954, р. 235–303] занимает особое место в данном сборнике и с 1950-х гг. считается каноническим текстом для постановок. Именно по тексту перевода Ло Гатто, который уже давно сотрудничал с итальянским государственным телерадиоканалом RAI (Radiotelevisione Italiana), в 1958 г. была осуществлена радиопостановка комедии. Насколько нам известно, данная постановка комедии Грибоедова была до этого единственным случаем в Италии. Осуществил ее режиссер Коррадо Паволини (1898–1980), роль Чацкого исполнил неаполитанский актер Адольфо Джери (1912–1988).

В связи с другой постановкой, на этот раз театральной, появился пятый перевод, созданный итальянской слависткой Милли Мартинелли (1926–2018), которая также прославлялась переводами из русских классиков (Тургенев, Толстой, Булгаков и др.). Версия Мартинелли была подготовлена специально для постановки известным генуэзским театром «Стабиле» (Teatro Stabile di Genova). Пьесу ставили по всей Италии в течение театрального сезона 1971–1972 гг., но перевод Мартинелли никогда не был опубликован, его рукопись в настоящее время хранится в Генуе в государственном театральном музее “Civico Museo Biblioteca dell’Attore”.

Осталось кратко рассказать еще о двух итальянских переводах комедии Грибоедова. Шестой перевод «Горя от ума» вышел в 1992 г. у туринского издателя Эйнаути, известного выпускаемой им серией «Collezione di teatro» (Театральная коллекция). Новым переводчиком «Горя от ума» и автором предисловия к нему был недавно скончавшийся итальянский славист Джан Паоло Гандольфо (1930–2020), генузец, который долгие годы преподавал русскую литературу в Триесте. Во вступительной статье к своему переводу Гандольфо

перечисляет ранее вышедшие итальянские переводы Грибоедовской комедии и впервые предлагает библиографию критических текстов о Грибоедове [Griboedov, 1992, p. V–XXI].

Данное издание Эйнауди не переиздавалось, и в начале XXI в., учитывая большое значение текста Грибоедова в программах университетских курсов по русской литературе и истории театра, стала ощущаться потребность в новом переводе. Это стало возможным в 2017 г., когда маленький неаполитанский издатель «Маркеше», который уже начинал издавать серию театральных текстов, решил выпустить новое критическое издание грибоедовской комедии и поручил создание перевода Марко Каратоццо. Перевод был напечатан параллельно с текстом оригинала, ему предшествует подробная вступительная статья, библиография и перечень самых известных крылатых выражений из комедии Грибоедова [Griboedov, 2017, p. 5–46]. Книга пережила уже три переиздания.

Подводя итоги, можно сказать, что в последние сто лет интерес к тексту комедии Грибоедова в Италии был очень высок. В период с 1925 по 2017 г. насчитывается семь переводов (один неопубликованный). Однако нельзя сказать того же об итальянской критике. До сих пор нет ни одной монографии о Грибоедове на итальянском языке, а научные исследования о Грибоедове малочисленны; см.: [Pacini Savoj, 1931], [Kauchtschischwili], [Stolfi], [Perillo], [Cazzola]; [Magarotto, Donini, Scarcia] и [Caratozzolo]. Надеемся, однако, что актуальность текста Грибоедова и богатство русского языка, представленные в комедии, стимулируют дальнейшее развитие итальянского грибоедоведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Веселовский А.Н. А.С. Грибоедов: биография. М.: Звезда Н.Н. Орфенова, 1918. 32 с.
2. Д'Амелия А., Рицци Д. Русское присутствие в Италии в первой половине XX века: энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2019. 863 с.
3. Caratozzolo M. «Stampare parola per parola, così come viene recitato, si può»: censura teatrale russa nella prima metà dell'Ottocento (*Gore ot uma* di Aleksandr Griboedov) // *Romanticismi. La rivista del C.R.I.E.R.* 2018. No. 3. P. 49–67.

4. Caratozzolo M. Letteraria sì, ma anche letterale': la nuova versione di *Gore ot uma* nella corrispondenza tra Leone Pacini Savoj e Angelo Formiggini (1927–1938) // *Europa Orientalis*. 2021. No. 1. P. 281–320.

5. Cazzola P. Commento al *Gore ot uma* di A.S. Griboedov. Bologna: Cooperativa Universitaria Libreria editrice, 1977. 72 p.

6. Damiani E. A. Griboedov, *La disgrazia di essere intelligente*, trad. L. Savoy, Formiggini, Roma, 1932 // *L'Italia che scrive*. 1931. No 2. P. 54–55.

7. Ginzburg L. A.S. Gribojèdov, *La disgrazia di essere intelligente*, Traduzione e introduzione di L. Savoy, Roma, Formiggini, 1932 // *La Cultura*. 1933. No. 2. P. 447–453.

8. Griboedov A.S. *Che disgrazia l'ingegno* // *Teatro russo: raccolta di drammi e commedie*. A cura di Ettore Lo Gatto. Milano: Bompiani, 1955. P. 235–303.

9. Griboedov A.S. *Che disgrazia l'ingegno!* Trad. di Federigo Verdinois. Lanciano: Carabba, 1925. 174 p.

10. Griboedov A.S. *Che disgrazia l'ingegno*. A cura di M. Caratozzolo. Gruomo Nevano: Marchese, 2017. 281 p.

11. Griboedov A.S. *L'ingegno che guaio!* Trad. it. di Natascia Baranowski e Paolo Santarone. Milano: Biblioteca Universale Rizzoli, 1954. 92 p.

12. Griboedov A.S. *L'ingegno porta guai*. A cura di Gian Paolo Gandolfo. Torino: Einaudi, 1992. 74 p.

13. Griboedov A.S. *La disgrazia di essere intelligente*. Trad it. e intr. di L. Savoy. Roma: Formiggini, 1932. 247 p.

14. Kauchtschischwili N. Note sul "Gore ot uma" di Aleksàndr Sergèevič Griboèdov // *Aevum*. 1959. N. 1–2. P. 68–144.

15. Lo Gatto E. A.S. Griboedov, *Che disgrazia l'ingegno!* Commedia. Trad. di F. Verdinois, Carabba, Lanciano 1925 // *I libri del giorno*. 1926. No. 2. P. 101–103.

16. Magarotto L., Donini P.G., Scarcia G. *Russia e Oriente: il caso Griboedov*. Venezia: Università di Venezia, 1979. 57 p.

17. Pacini Savoj L. Su un appunto al *Gorje ot Uma* // *Il giornale d'Italia*. 1931. No. 1–3. P. 178–185.

18. Pacini Savoy L. Delucidazioni sul Griboedov (a proposito del *Gorje ot uma*) // *L'Europa Orientale*. 1934. No. 3–4. P. 221–237.

19. Perillo F.S. *Il Gore ot uma e il problema dell'influenza molieriana* // *Annali della Facoltà di Lingue e Letterature Straniere Università di Bari*. 1973–74. No. 4–5. P. 175–218.

20. Rubini G., Sceviref S. *Storia della letteratura russa*. Firenze: Le Monnier, 1862. 346 p.

21. Stolfi L. Uno sturmer und dranger nella Russia dell'Ottocento: Aleksandr Sergeevič Griboedov // Convivium. 1963. No. 2. P. 160–193.

22. Vesselovskii A. Storia della letteratura russa. Con l'aggiunta di un cenno sulla letteratura, d'un prospetto schematico, di appendici bibliografiche e d'un indice alfabetico a cura del traduttore. Trad. it. di E. Damiani. Firenze: Vallecchi, 1926. 306 p.

<https://doi.org/10.29003/m3660.khmelita-18/120-130>

<https://elibrary.ru/pafuha>

Научная статья / Research Article

УДК 75.054

ББК 71.1

This is an open access book
Distributed under the Creative
Commons Attribution-NoDerivatives
4.0 (CC BY-ND)

ЭСКИЗЫ КОСТЮМОВ ХУДОЖНИКА НИКОЛАЯ ЗАРЕЦКОГО К КОМЕДИИ ГРИБОЕДОВА «ГОРЕ ОТ УМА»

© 2023. *Е.М. Букреева*

Аннотация: впервые вводятся в научный оборот 17 рисунков к комедии «Горе от ума», созданных в 1935 г. художником Николаем Зарецким (1876–1959). Это эскизы костюмов, подготовленные для неосуществленной театральной постановки в Праге. До 1949 г. они хранились в Чехословакии, далее их след затерялся. В результате исследования были найдены титульный лист и эскизы костюмов, уточнены все этапы поступления произведений оригинальной техники в Государственный литературный музей.

Ключевые слова: Н.В. Зарецкий, А.С. Грибоедов, рисунок, Прага, Русский культурно-исторический музей.

Информация об авторе: Букреева Елена Михайловна – кандидат исторических наук, главный хранитель отдела изобразительных материалов, Государственный исторический музей, Красная площадь, д. 1, 109012 г. Москва, Россия.

ORCID ID: 0000-0002-0858-5651.

E-mail: izogim@yandex.ru

Для цитирования: *Букреева Е.М.* Эскизы костюмов художника Николая Зарецкого к комедии Грибоедова «Горе от ума» // А.С. Грибоедов и его эпоха: Хмелитский сборник № 18 / отв. ред. Е.В. Аблогина, М.В. Скороходов. М.: ООО «МАКС Пресс», 2023. С. 120–130. <https://doi.org/10.29003/m3660.khmelita-18/120-130>.

**COSTUME SKETCHES
FOR THE COMEDY OF GRIBOEDOV “Woe FROM WIT”
BY THE ARTIST NIKOLAY ZARETSKY**

© 2023. *Elena M. Bukreeva*

Abstract: For the first time in scientific circulation 17 drawings for the comedy “Woe from Wit” created in 1935 by the artist Nikolay Zaretsky (1876–1959) are studied. These are costume sketches prepared for an unrealized theatrical production in Prague. Until 1949, they were stored in Czechoslovakia and then their trace was lost. As a result of the research, the title pages and the sketches of the costumes were found; all stages of the receipt of works of original technology in the State Literary Museum have been clarified.

Keywords: Zaretsky, Griboedov, drawing, Prague, Russian cultural and historical museum.

Information about the author: Elena M. Bukreeva – PhD in History, Chief Curator at Visual Arts Department, State Historical Museum, Red Square 1, 109012, Moscow, Russia.

ORCID ID: 0000-0002-0858-5651.

E-mail: izogim@yandex.ru

For citation: Bukreeva, Elena M. Costume Sketches for the Comedy of Griboedov “Woe from Wit” by the Artist Nikolay Zaretsky. *Aleksandr Griboedov and His Epoch: Khmelitsky Sbornik No. 18*. Ex. ed. Evgeniia V. Ablogina, Maxim V. Skorokhodov. Moscow: MAX Press Publ., 2023. pp. 120–130. (In Russian). <https://doi.org/10.29003/m3660.khmelita-18/120-130>.

В Государственном литературном музее¹ хранятся 17 оригинальных рисунков художника русского зарубежья Николая Васильевича Зарецкого (1876–1959) к комедии Грибоедова «Горе от ума». Это эскизы костюмов, исполненные в Праге в 1935 г. и хранившиеся там до 1949 г. Как и когда, при каких обстоятельствах они попали в Москву, и экспонировались ли когда-либо – попробуем кратко осветить эти вопросы в данном исследовании.

¹ Государственный музей истории российской литературы имени В.И. Даля (далее ГЛИМ).

Титульный лист к «Горю от ума»¹ с изображением офицера Иркутского полка не случаен. Здесь художник изобразил, по всей видимости, самого автора знаменитой комедии – Грибоедова, сидящего на скамье под деревом с пером в руке, с разбросанными листами рукописи на земле, на которых даже можно разобрать слова. Писатель изображен в гусарском мундире образца 1812 г.: доломан и ментик черного цвета, малиновые чакчиры. Слева у дерева мы видим кивер и саблю. Зарецкий запечатлел военную форму, в которой разбирался хорошо, не понаслышке, так как сам служил в армии.

Зарецкий вспоминал: «Судьба моя решилась, отец определил меня рядовым в 50-й драгунский Иркутский полк, в котором во время Отечественной войны 1812 года служили А.С. Грибоедов и отец графа Л.Н. Толстого» [Чистова, с. 248]. По окончании Тверского кавалерийского училища Николай Зарецкий был произведен в корнеты и начал обычную службу кавалерийского офицера – манеж, офицерские собрания и иногда небольшие кутежи. Служба мало занимала молодого корнета. Он продолжал в свободное время заниматься рисованием. Книг по искусству в далекой Минской губернии, где квартировал Иркутский полк, под рукой не было, поэтому художник учился преимущественно на журналах, выписываемых из Петербурга, и очень скоро в местных кругах обрел известность талантливого рисовальщика. А в декабре 1904 г. подал в отставку и уехал в Петербург поступать в Академию художеств.

До своей эмиграции в 1920 г. Николай Васильевич успел издать свою книгу «Русская армия в 1812 году» [Букреева, 2010], исполнить 14 иллюстраций для шеститомного Полного собрания сочинений М.Ю. Лермонтова [Букреева, 2013].

Оказавшись сначала в Берлине, затем в Праге, художник был востребован как книжный график, иллюстратор произведений русских классиков. Его приглашают в качестве декоратора пражские театры [Букреева, 2019]. Зарецкий участвовал и в выставочной деятельности. Достаточно сказать, что он явился инициатором и создателем Пушкинского зала в Русском культурно-историческом музее под Прагой, в Збраславе [Букреева, 2014], [Букреева, 2016],

¹ Титульный лист. 50,2×33,1. Бумага на картоне, графитный карандаш, акварель, гуашь. ГЛМ КП 40768/1.

который был создан в предместье Праги в 1935 г., в частном замке [Булгаков]. Зарецкий собирал предметы и материалы, относящиеся к жизни, творчеству и быту русской эмиграции. Идея создания этого музея принадлежала В.Ф. Булгакову, бывшему личному секретарю Л.Н. Толстого. Булгаков стал и первым директором музея.

О существовании рисунков Зарецкого к «Горю от ума» было известно исключительно по архивным документам. Сам художник в своей автобиографии указал, что вне заказов он исполнил иллюстрации к «Домику в Коломне» Пушкина, к «Горю от ума» Грибоедова. Но количество рисунков в документе указано не было. В 1939 г. Зарецкий сдал на хранение в пражский Русский музей восемь рисунков к «Горю от ума», которые оставались его собственностью и должны были быть выданы по первому требованию владельца¹. Известно, что тогда же рисунки к комедии Грибоедова были окантованы за 24 кроны и в 1940 г. выставлены в одном из залов музея [Чистова, с. 255]². Примечательно, что титульный лист с изображением иркутского гусара экспонировался отдельно от остальных рисунков, о чем стало известно из переписки художника с директором музея. Так, 23 июня 1940 г. в Зbrasлаве открывались два отделения: театральное и пушкинское. За десять дней до их открытия Булгаков сообщал художнику: «Зияющие пустоты на месте двух Ваших прекрасных рисунков (титул к “Горе от ума” и лунной ночи из “Гробовщика”) давно тревожили меня. Я написал Леониду Сергеевичу, чтобы он поторопился возвращением рисунков, и он сделал это: оба рисунка повешены на прежних местах, и Вы можете быть спокойны за них»³. Таким образом, в 1940 г. девять рисунков Зарецкого к «Горю от ума», включая титул, украшали залы Русского музея в Зbrasлаве.

В 1944 г. в связи с изменением политической обстановки в стране Русский музей был закрыт, владелец замка попросил освободить помещения.

В 1945 г. вернувшийся из плена Булгаков стал хлопотать о судьбе произведений живописи и графики и ценнейшего архива русской

¹ Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. Р-6784. Оп. 1. Д. 13. Л. 77.

² ГАРФ. Ф. Р-6784. Оп. 1. Д. 13. Л. 14.

³ ГАРФ. Ф. Р-6784. Оп. 1. Д. 11. Л. 363 с об.

эмиграции. Коллекции были перевезены в пятиэтажное здание советской средней школы при посольстве СССР в Чехословакии в столичном районе Панкрац, на улице, которая сегодня носит имя 5 Мая, дом № 59¹. Из переписки Булгакова с Зарецким стало известно, что в октябре 1947 г. в советской школе готовилась выставка, посвященная 30-летию создания советского государства, на которую были отобраны работы Зарецкого, в том числе рисунки к «Горю от ума». Художник попросил вернуть ему его работы, на что получил отказ. Из письма Булгакова от 20 октября 1947 г.:

Вы возбудили вопрос о выдаче Вам рисунков к «Горе от ума», только что выставленных в не открытом еще новом помещении русского музея. Так как эти рисунки составляют Вашу собственность, то я, конечно, обязан их Вам выдать. Но я не обязан выдать их Вам немедленно. Сейчас Ваши рисунки развешаны на точно определенных стенах... и если я сниму эти рисунки, то тем самым я разрушу всю экспозицию, и мне надо будет создавать новую. А это невозможно, т^как^к уже через две недели в советской школе начнутся большие юбилейные торжества, к началу которых я и обещался восстановить русский музей... Ставить под угрозу успех юбилейных торжеств по поводу 30-летия Советского Союза² – торжественной частью которых является и открытие нового музея, я не хочу и не могу.

Ввиду всего этого выдача Вам рисунков к «Горе от ума» м^{ожет} б^{ыть} произведена не ранее конца ноября месяца...³

Однако рисунки не были возвращены владельцу ни тогда, ни после юбилейных торжеств и открытия Русского музея в советской школе. В 1948 г. Булгаков вернулся на родину и добился разрешения переправить коллекции Русского пражского музея в Москву.

¹ Из письма Булгакова к Н.К. Рериху от 1 декабря 1947 г.: «Я опять заново переустроил музей, перенеся его из шестого этажа советской школы в Праге в пятый... Картины расположились еще в соседнем большом рисовальном зале и на широкой площадке лестницы, так что весь этот этаж мы в шутку зовем Академией художеств. По желанию советских кругов я не выставил крайних модернистов, сложил в склад все слабое, и наша картинная галерея, как она теперь называется, вдруг расцвела и по-новому похорошела, что признают в один голос» [Из переписки В.Ф. Булгакова и Н.К. Рериха, с. 251].

² Булгаков ошибается. В Праге праздновалось не 30-летие установления Советского Союза, а 30-летие установления советского правительства. Подробнее о праздновании этой даты Булгаков писал Рериху. См. [Из переписки В.Ф. Булгакова и Н.К. Рериха, с. 252].

³ РГАЛИ. Ф. 2226. Оп. 1. Д. 282. Л. 1.

Согласно документу от 21 февраля 1949 г., из школьного интерната № 2 МИД СССР в Бахрушинский музей были выданы 48 предметов¹. С № 2 по № 18 указаны 17 эскизов костюмов к комедии Грибоедова «Горе от ума» художника Зарецкого². Летом 1963 г. эти рисунки были переданы в Государственный литературный музей³, где ныне хранятся в целостности и сохранности. Поскольку это все-таки театральные эскизы, попробуем оценить качество рисунков с точки зрения истории костюма – насколько они соответствуют эпохе и характеризуют тот или иной персонаж.

Чацкий⁴ и Молчалин⁵ – два модника Александровской эпохи. Одеты они во фраки, на них – модные обтягивающие лосины, на ногах – изящные тонкие туфли, строго соответствующие своему времени. Казалось бы, одеты одинаково, но есть различия. Например, у Молчалина фрак голубого цвета, под ним рубашка с галстуком, который завязан бантом, на ногах – чулки с ажурным рисунком, вырез жилета резкий, рука без перчатки покорно сложена на груди. Чацкий держится более непринужденно, смотрит прямо на зрителя. На нем – фрак черного цвета, что означало, что мужчина нигде не служит (а если он не состоит на государственной службе, то для родителей с дочерьми на выданье такие молодые люди считались неблагонадежными). В воспоминаниях Д.Н. Свербеева первой четверти XIX в. читаем: «Черных фраков и жилетов тогда еще нигде не носили, кроме придворного и семейного траура. Черный цвет, как для мужчин, так и для дам, считался дурным предзнаменованием» [Свербеев, с. 265]. Под фраком у Чацкого видим рубашку с высоким воротником и пышным жабо – характерной деталью мужского штатского костюма первой четверти XIX в. В любом случае, оба героя одеты, как лондонские денди. Только один вернулся из дальних

¹ Акт № 3952 от 21 февраля 1949 г. Л. // Отдел учета ГЦТМ имени А.А. Бахрушина.

² Список экспонатов к Акту № 3952. Л. 42 // Отдел учета ГЦТМ имени А.А. Бахрушина.

³ Акт № 96 от 10 июня 1967 г. // Отдел учета ГЦТМ имени А.А. Бахрушина.

⁴ Эскиз костюма А.А. Чацкого. 50,3×33,2. Бумага на картоне, графитный карандаш, акварель. ГЛМ КП 40768/12.

⁵ Эскиз костюма А.С. Молчалина. 50,2×33,1. Бумага на картоне, графитный карандаш, акварель, гуашь. ГЛМ КП 40768/13.

стран, и его заграничная одежда смотрится естественно, а другой очень старается следовать моде.

Что мы можем сказать о костюме Фамусова?¹ Фрак, жилет, кюлоты, чулки и башмаки с большими пряжками – все вроде бы гармонично, налицо все признаки знатности. Слева на груди хорошо просматривается звезда ордена Св. Александра Невского, но одна деталь костюма относится к эпохе екатерининского времени: кюлоты с карманами при Александре I уже не носили.

Обратимся теперь к женским образам, созданным Николаем Зарецким. Давайте сравним Софью² и внучку Хрюмину³. Обе барышни городские, принадлежат к представительницам московского дворянства. Общее у них – высокие прически по моде александровской эпохи, атласные туфельки-балетки и рукава-буфы. Но если у Софьи платье очень красивое, нарядное, настоящее бальное, и благородного цвета, то у внучки Хрюминой лиловое платье простого покроя дополнено нелепым шарфом с бахромой. Девушка стоит, широко и неуклюже расставив ноги. И как же хороша Софья! В длинных перчатках, с веером в руках, очень модная по тем временам шаль элегантно перекинута через правую руку. Во всем чувствуется грация и вкус.

Супруги Горичи, названные Зарецким Горичевыми, одеты очень модно. У П.М. Горича⁴ – панталоны со штрипками, так называемые «веллингтоны», по имени английского герцога Веллингтона, который, по воспоминаниям современников, впервые в Петербурге ввел в моду подобного рода брюки. Н.Д. Горич⁵ изображена в нарядном платье из узорной ткани с модными буфами, с лорнетом и тюрбаном на голове. Здесь же обратим внимание на одну интересную деталь костюма – длинную накидку без рукавов. Вспомним слова Натальи

¹ Эскиз костюма П.А. Фамусова. 50,2×33,0. Бумага на картоне, графитный карандаш, акварель, гуашь, тушь. ГЛМ КП 40768/2.

² Эскиз костюма Софьи Фамусовой. 50,2×33,1. Бумага на картоне, графитный карандаш, акварель, белила. ГЛМ КП 40768/3.

³ Эскиз костюма внучки графини Хрюминой. 50,2×33,20. Бумага на картоне, графитный карандаш, гуашь. ГЛМ КП 40768/7.

⁴ Эскиз костюма П.М. Горича. 50,2×33,1. Бумага на картоне, графитный карандаш, акварель, гуашь. ГЛМ КП 40768/17.

⁵ Эскиз костюма Н.Д. Горич. 50,2×33,1. Бумага на картоне, графитный карандаш, акварель, гуашь, краска серебряная. ГЛМ КП 40768/15.

Дмитриевны из 7-го явления 3-го действия: «Нет, если б видели мой тюрлюрю атласный!» Речь идет о накидке из шуршащей шелковой ткани.

Сравним двух пожилых дам. Старуха Хлестова одета по моде первой четверти XIX в.¹ Заметим, что она сидит в ампирном кресле, в свободной непринужденной позе, смотрит прямо на зрителя. Она не в нарядной обуви, что говорит о том, что она только пришла с улицы. Одета в платье свободного покроя темно-лилового цвета с длинными закрытыми рукавами, на каждой руке по два перстня. Головной убор состоит из чепца и большой шляпы, очень модных в описываемое время. Образ же графини Хрюминой нарочитый, в нем много деталей, не соответствующих друг другу². Костюм городской, но низ не сочетается с верхом. Очень простая юбка с воланами, жакет с баской «карако», в руке муфта, что говорит скорее о преклонном возрасте (дама, по-видимому, мерзнет), форма рукавов относится к более позднему времени, к 1830-м гг. Обратим внимание на туфли. Это форма мужских туфель конца XVIII в. с красными каблуками. Графиня-бабушка никак не выдаст внучку замуж, поэтому вынуждена всюду с ней выезжать и худо-бедно следить за веяниями моды.

С точки зрения изучения костюма любопытна супружеская пара князей Тугоуховских. Молодящийся князь Тугоуховский одет в короткий фрак и кюлоты. Он – в хорошей физической форме, следит за фигурой³. Возраст героя подчеркивает слуховая трубка в руке и туфли с пряжками и красными каблуками по моде XVIII в. К сожалению, трудно определить знаки отличия, но они похожи на стилизованные звезду и крест Св. Владимира 1-й степени. Княгиня Тугоуховская⁴ в модной шляпе с перьями, она гордится своим положением. На ее платье мы видим фрейлинский шифр. Мария Алексеевна – модница, одета в дорогое платье алого цвета, который сам по себе привлекает

¹ Эскиз костюма А.Н. Хлестовой. 50,2×33,1. Бумага на картоне, графитный карандаш, акварель, гуашь. ГЛМ КП 40768/16.

² Эскиз костюма графини Хрюминой. 50,2×33,0. Бумага на картоне, графитный карандаш, акварель, гуашь. ГЛМ КП 40768/6.

³ Эскиз костюма князя Тугоуховского. 50,2×33,0. Бумага на картоне, графитный карандаш, акварель, гуашь. ГЛМ КП 40768/9.

⁴ Эскиз костюма княгини Тугоуховской. 50,2×33,0. Бумага на картоне, графитный карандаш, акварель, гуашь, тушь. ГЛМ КП 40768/10.

внимание окружающих. С одной стороны, она придерживается строгих правил (обратим внимание на шемизетку – род манишки, прикрывающей плечи и грудь). С другой стороны, платье княгини с разрезами, сквозь которые проглядывает нижняя юбка. Что мы можем сказать о костюме одной из дочерей Тугоуховских?¹ Она одета в платье золотистого цвета с большими рукавами до локтя. Низкая линия талии с пряжкой относится к концу 1820-х гг., точнее к 1828–1831 гг. С одной стороны, лиф платья застегнут на все пуговицы, с другой стороны, девушка сняла одну перчатку, что говорит о вольности, которую она себе позволила. Большая булавка в волосах смотрится несколько карикатурно.

Интересен образ Лизы². На ней городское платье из хлопчатобумажной ткани с набивным рисунком и с рукавами жиго (так называемый бараний окорок), ставшие популярными в 1830-е гг. В целом, девушка одета по моде. Любопытно сравнить ее платье с прогулочным платьем из сатина из коллекции московского художника Александра Васильева. Статус служанки выдают две детали костюма: платок на голове и фартук.

Два персонажа: Горич и Загорецкий³ – одеты в соответствии с модой александровского времени, во фраках и панталонах со штрипками. Правда, у Загорецкого фрак застегнут на все пуговицы. Видно, что он приспособленец. Если убрать третью и четвертую буквы в фамилии Загорецкого, получится Зарецкий. Случайно ли это совпадение?

Загадка этой маленькой хитрости кроется в художественном приеме Зарецкого, который он неоднократно использовал при иллюстрировании произведений русских классиков. Николай Васильевич любил изображать себя среди пушкинских персонажей. Например, в «Гробовщике» и «Арапе Петра Великого». Физиономическое сходство налицо. Таким образом художник шутил и привносил личностную окраску в изображение героев.

¹ Эскиз костюма княжны Тугоуховской. 50,2×33,1. Бумага на картоне, графитный карандаш, акварель, гуашь. ГЛМ КП 40768/11.

² Эскиз костюма Лизы. 50,2×33,0. Бумага на картоне, графитный карандаш, гуашь. ГЛМ КП 40768/4.

³ Эскиз костюма А.А. Загорецкого. 50,2×33,0. Бумага на картоне, графитный карандаш, акварель, гуашь. ГЛМ КП 40768/5.

Образ Репетилова¹ – театральный, весь его облик выдает в нем позёра. Одет он то ли в плащ-каррик, то ли в пальто-крылатку, подбитые мехом, но налицо практичная и удобная одежда, под которую можно было надеть много других вещей. На голове цилиндр, обувь – зимняя. Почему? Смеем предположить, что таким костюмом художник хотел подчеркнуть свободу передвижения героя. Он – то там, то здесь. Ему нужно быстро скинуть плащ, обувь, потанцевать и ехать в клуб, или в другой дом на вечер. За один день он бывает в нескольких местах, и у него не хватает времени на то, чтобы переодеться.

То ли дело полковник Скалозуб²! Застегнут на все пуговицы, в мундире при полном параде, со знаками отличия – здесь знак ордена Св. Владимира 3-й степени, две медали (за 1812 год и взятие Парижа), можно разглядеть и знак ордена Св. Георгия 4-й степени. У него даже сапоги со шпорами!

Среди знаменитых иллюстраторов комедии «Горе от ума» Грибоедова – М. Башилова, П. Соколова, Д. Кардовского, Н. Кузьмина – имя Зарецкого не значится, потому что его неопубликованные рисунки до сих пор остаются неизвестными широкой публике.

Благодарю за помощь в работе О.А. Бачурину, С.С. Левина, Н.Г. Лукашову, С.В. Пушкинову, И.Н. Сафонову, Д.А. Чадаеву, Э.В. Чуланову, О.В. Мичасову, Юлию Янычаркову (Прага, Чехия) и Федора Полякова (Вена, Австрия).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Букреева Е.М. Русская армия в 1812 году в рисунках Н.В. Зарецкого // Бородино в истории и культуре: Материалы Международной научной конференции, 7–10 сент. 2009 г. Можайск, 2010. С. 377–391.
2. Букреева Е.М. Иллюстрации художника русского зарубежья Николая Васильевича Зарецкого к произведениям М.Ю. Лермонтова // Лермонтовские чтения–2012: Сб. статей. СПб.: Лики России, 2013. С. 103–114.
3. Букреева Е.М. «Пушкинист и неутомимый собиратель пушкинской иконографии» Николай Зарецкий // Болдинские чтения–2013. Болдино, 2014. С. 284–296.

¹ Эскиз костюма Репетилова. 50,2×33,1. Бумага на картоне, графитный карандаш, акварель, гуашь. ГЛМ КП 40768/8.

² Эскиз костюма полковника Скалозуба. 50,3×33,2. Бумага на картоне, графитный карандаш, акварель, гуашь. ГЛМ КП 40768/14.

4. Букреева Е.М. Хранитель пушкинского отделения РКИМ Николай Зарецкий // Павел Федотов. Валентин Серов. Сергей Тимофеевич Конёнков. Русский культурно-исторический музей в Праге. М.: Гос. Третьяковская галерея, 2016. С. 503–521.

5. Букреева Е.М. Николай Зарецкий – сценограф и декоратор пражских театров / Nikolai Zareckij -- autor scén a dekoraci v pražských divadlech // Z historie exilu / Из истории изгнания. Прага, 2019. С. 140–147.

6. Булгаков В.Ф. Русский культурно-исторический музей (1934–1939) // Ариаварта. 1999. № 3. С. 149–197.

7. Из переписки В.Ф. Булгакова и Н.К. Рериха // Ариаварта. 1999. №. 3. С. 220–252.

8. Свербеев Д.Н. Записки: В 2 т. М.: Типо-литогр. Товар. И.Н. Кушнерев и К°, 1899. Т 1. 436 с.

9. Чистова И.С. Труды и дни Николая Зарецкого // Русское подвижничество. М.: Наука, 1996. С. 244–257.

<https://doi.org/10.29003/m3661.khmelita-18/131-140>

<https://elibrary.ru/atvvfh>

Научная статья / Research Article

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2 Рос=Рус)

This is an open access book
Distributed under the Creative
Commons Attribution-NoDerivatives
4.0 (CC BY-ND)

**«ЧТО ЗА ГОРЕ УМУ ГРИБОЕДОВА –
РЕЖИССЕРСКИЕ ГОРЕ-ЧУДАЧЕСТВА».
СПЕКТАКЛЬ В.С. МЕЙЕРХОЛЬДА «ГОРЕ УМУ»
В ОЦЕНКЕ ДЕМЬЯНА БЕДНОГО
(по архивным материалам ОР ИМЛИ РАН)**

© 2023. *М.Л. Федоров*

Аннотация: В статье на материале архивных документов ОР ИМЛИ РАН анализируются две эпиграммы, написанные Демьяном Бедным после просмотра легендарного спектакля «Горе уму» В.Э. Мейерхольда. Делается попытка очертить театральные пристрастия пролетарского поэта, показать, как на примере Малого театра поэт в своем творчестве создавал образ идеального театрального коллектива. В центре исследования – анализ взаимоотношений «красного режиссера» и Демьяна Бедного. Известно, что поэт не пропускал громких премьер Мейерхольда и откликался на них стихами и эпиграммами. Особенно острым стало столкновение поэта и режиссера после премьеры «Ревизора». Тогда о Демьяне Бедном вспомнила эмигрантская критика и взяла его себе в союзники. Конфликт поэта и режиссера продолжился и после премьеры «Горе уму». В определенный период жизни столь разных художников могла объединить общая работа, но она не была осуществлена. Статья приоткрывает неизвестную страницу в недостаточно изученной теме «Демьян Бедный и театр».

Ключевые слова: Демьян Бедный, В.Э. Мейерхольд, А.С. Грибоедов, театр, архив.

Сведения об авторе: Максим Львович Федоров – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы

им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25а, 121069
г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6540-1767>

E-mail: maksimfyodorov@yandex.ru

Для цитирования: Федоров М.Л. «Что за горе уму Грибоедова – режиссерские горе-чудачества». Спектакль Вс. Мейерхольда «Горе уму» в оценке Демьяна Бедного (по архивным материалам ОР ИМЛИ РАН) // А.С. Грибоедов и его эпоха: Хмелитский сборник № 18 / отв. ред. Е.В. Аблогина, М.В. Скороходов. М.: ООО «МАКС Пресс», 2023. С. 131–140. <https://doi.org/10.29003/m3661.khmelita-18/131-140>.

**“WHAT A WOE TO THE MIND
OF GRIBOEDOV – DIRECTOR’S WOE-ODDITIES”.
Vs. MEYERHOLD’S PERFORMANCE
“WOE TO THE MIND” REVIEWED BY DEMYAN BEDNY
(Based on Archival Material of IWL RAS)**

© 2023. *Maksim L. Fedorov*

Abstract: The article analyzes two epigrams written by Demyan Bedny after watching the legendary performance “Woe to the Mind” by V.E. Meyerhold on archival documents of IWL RAS. An attempt is made to outline the theatrical preferences of the proletarian poet, to show how, using the example of the Maly Theater, the poet in his work created the image of an ideal theater group. The research focuses on the analysis of the relationship between “the red director” and Demyan Bedny. It is known that the poet did not miss the high-profile premieres of Meyerhold and responded to them with poems and epigrams. Especially acute was the clash between the poet and the director after the premiere of “The Government Inspector”. Then the emigrant critics remembered Demyan Bedny and took him as an ally. The conflict between the poet and the director continued after the premiere of “Woe to the Mind”. At a certain period in the life of such different artists, a common work could unite, but it was not implemented. The article opens an unknown page in the insufficiently studied topic “Demyan Bedny and the theater”.

Keywords: Demyan Bedny, V.E. Meyerhold, A.S. Griboedov, theater, archive.

Information about the author: Maksim L. Fedorov – PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6540-1767>.

E-mail: maksimfyodorov@yandex.ru

For citation: Fedorov, Maksim L. “What a Woe to the Mind of Griboedov – Director’s *Woe-Oddities*”. Vs. Meyerhold’s Performance “Woe to the Mind” Revived by Demyan Bedny (based on archival material of IWL RAS). *Aleksandr Griboedov and His Epoch: Khmelitsky Sbornik No. 18*. Ex. ed. Evgeniia V. Ablogina, Maxim V. Skorokhodov. Moscow: MAX Press Publ., 2023. pp. 131–140. (In Russian). <https://doi.org/10.29003/m3661.khmelita-18/131-140>.

На протяжении более полувека имя Демьяна Бедного как для читателей, так и для большинства исследователей остается почти нарицательным, символизирующим поэтическую плодовитость и дурновкусие. Особенности его писательской судьбы сегодня дают основание вспомнить лишь о лакействе и карьеризме, его стихи не издают и не читают, пьесы давно уже не ставятся на театральных сценах.

Между тем, в определенный период времени его слава и значение для молодой советской культуры было огромным. И если его тесная дружба с партийной верхушкой хорошо известна историкам, то о литературно-художественном окружении кремлевского баснописца вспоминают редко. Поэт в период своей громкой славы жил в Кремле, по соседству с первыми лицами страны, и его квартира была не только традиционным местом встреч старых большевиков, но и артистов. Да и сам Демьян Бедный, человек не понаслышке знавший театр, в молодые годы участвовавший как актер в любительских спектаклях, не пропускал громкие премьеры, откликался на них театральными рецензиями и едкими эпиграммами.

Его театральные пристрастия вполне предсказуемы: он предпочитал театр традиционный, реалистический и психологический. Безусловным образцом театра-служения оказывается для него Малый. Так в стихотворении «Об основном», посвященном смерти великой М.Н. Ермоловой, он прямо говорит об этом:

Сегодня, отвернувшись от бирюлек и олова,
Ищу я иные – тон и слова.
Москва в трауре – и не только Москва.
Умерла – Ермолова!
Умерла – Ермолова.
Еще одна дописалась глава.
Еще не стало одного человека
«Золотого театрального века».
В театре *Малом* – по заслугам *великом!* –
Где такую славную она имела судьбу,
Ермолова с мертвым, мраморным ликом –
Не на сцене,
В гробу!
Не стало славнейшей из стаи славной,
Чье имя будет на странице заглавной
Истории нашей театральной культуры [Бедный, 1965, с. 182].

Любопытна и форма этого произведения: Демьян Бедный причудливым образом соединяет свой поэтический текст и прозаические цитаты из публицистики В.Г. Белинского, А.И. Урусова, Вл. Михневича и дает обширную цитату из книги *«Товарищ разумной и замысловатой, или Собрание хороших слов, скорых ответов, учтивых насмешек и приятных приключений знатных мужей древнего и нынешних веков»* (Москва, 1787). Такая композиция дает поэту возможность бегло вспомнить историю Малого театра – от М.С. Щепкина до артистов и режиссеров советского периода:

Какие имена! Какие фигуры
Украшали сцену театра *Малого*,
Достигшего в прошлом расцвета небывалого!
Начало его размаха исполинского
Уже вызывало восторги Белинского... [Бедный, 1965, с. 183].

Легко предположить, что театральная эстетика В.Э. Мейерхольда, режиссера экспериментального и авангардного, окажется глубоко чуждой Демьяну Бедному. Тем страннее выглядит то, с каким упорством пролетарский поэт не пропускал премьеры «красного режиссера» и всякий раз из-под его пера выходили хлесткие эпиграммы. Так, он высмеивал условную образность мейерхольдовской «Мистерии-буфф». В сатирической поэме «Царь Андрон» («Апокалиптическая повесть») он допустил выпады против «верноподданного» футуриста Ятаковского и его «героико-эпической мистерии». В описанном

поэтом сценическом действии читатели без труда узнавали мейерхольдовский спектакль:

Представлялась какая-то сплошная небылица:
Среди смешанных тропических и полярных декораций
Многочисленные представители всевозможнейших наций
С диким визгом по сцене глобус возили,
Полюсы тропикам кулаками грозили,
Меридианы с параллелями,
Словно кавалеры с мамзелями,
Плясали танец какой-то безобразный... [Бедный, 1927, с. 198].

Это произведение показывало, с одной стороны, неприятие поэтом Мейерхольда, а с другой, обнаруживало его соперничество с Маяковским. Как справедливо писал А.В. Луначарский: «Мы являемся свидетелями резкого столкновения между популярнейшим поэтом масс тов. Демьяном Бедным и В.В. Маяковским. Жизнь, однако, показывает, что она шире, чем думают сторонники одного какого-нибудь направления» [Луначарский, с. 141].

Хорошо образованный, любящий и знающий театр, Демьян Бедный в эпиграмме на еще один громкий спектакль «Ревизор» показал себя проницательным и тонким зрителем, верно угадавшим замысел Мейерхольда. Поэт писал:

Гнилая красота над скрытой костоедой....
О Мейерхольд, ты стал вне брани и похвал.
Ты увенчал себя чудовищной победой:
Смех, «гоголевский смех», убил ты наповал!¹

Пролетарский поэт заметил главное: Мейерхольд не просто убил смех, в его планы вовсе не входило ставить комедию. Режиссер не раз подчеркивал, что подход к «Ревизору» как к «смешной комедии – большая ошибка. <...> для нас важно, чтобы это была *хорошая трагедия*» [Мейерхольд репетирует, с. 78, 90].

Мейерхольд невольно стал причиной парадоксальной ситуации, когда, как кажется, единственный раз в жизни кремлевского поэта

¹ В черновиках:

Поддельная краса под скрытой костоедой...
Я с акта первого сбежал, взревев белугой
Нет, этот Мейерхольд – вне брани, вне похвал.
Он увенчал себя неслыханной победой
Смех, – гоголевский смех! – убит им наповал (ОР ИМЛИ РАН. Ф. 42).

его позиция совпала с мнением русской, преимущественно белогвардейской по взглядам эмиграции, которая, когда потребовалось расправиться с «красным режиссером», не побрезговала взять Демьяна Бедного себе в союзники. Случилось это сразу после громкой премьеры «Ревизора», состоявшейся в Москве 9 декабря 1926 г.¹

Не пропустит Демьян Бедный и следующий громкий спектакль режиссера – «Горе уму» 1928 г. Он написал две эпиграммы, которые вместе с черновыми материалами к ним отложились в фонде Демьяна Бедного в ОР ИМЛИ РАН.

Показал-Доказал

К постановке В. Мейерхольдом «Горе уму»

Эпиграмма

Знаю, что всякое ремесло имеет свои хитрости, но,
чем их менее, тем спорее дело, и не лучше ли вовсе без
хитростей?

А.С. Грибоедов (Из письма П.А. Катенину).

См. академ. издание Грибоедова, том I).

Мейерхольд доказал нам покедова,
Показав свои худшие качества:
Что́ за *горе уму* Грибоедова –
Режиссерские *горе-чудачества!* [Бедный, 1965, с. 181].

В том же 1928 г. появилась еще одна эпиграмма на этот спектакль:

Сам виноват.
– Голова не своя. Поглупел. Не пойму,
Почему?
– А и впрямь весь ты как-то наружно...
Глупый вид... А ты не был на «Горе уму»?
– Был.
– Ну, так тебе, братец, и нужно! [Бедный, 1965, с. 199].

Демьян Бедный будет активно участвовать в диспутах, посвященных этой постановке. Среди основных из них стоит назвать: 19 марта 1928 г. в Театральной секции ГАХН (стенограмма – РГАЛИ, ф. 941, оп. 4, ед. хр. 35; отчет – «Вечерняя Москва», 1928, 20 марта); 31 марта 1928 г. в Институте журналистики (отчет – «Известия», 1928, 1 апреля); 2 апреля 1928 г. в помещении ГосТИМа (отчеты: «Вечерняя Москва», 1928, 3 апреля; «Рабочая газета», 1928, 4 апреля; «Жизнь

¹ Подробнее см. [Федоров, с. 12–17].

искусства», 1928, № 16, с. 8); 17 апреля диспут о «Горе уму» состоялся в Ленинграде (отчеты: «Ленинградская правда», 1928, 19 апреля; «Рабочий и театр», 1928, № 17, с. 9; см. также: «Жизнь искусства», 1928, № 17, с. 14).

А споры вокруг спектакля развернулись нешуточные. Так, один из критиков писал:

Но в отличие от прежних «мейерхольдовских споров» нынешние проходят в какой-то неимоверно гущенной, нездоровой атмосфере, переходя подчас в чисто личные выпады и с той, и с другой стороны. Обе стороны – и защитники и противники спектакля – проявляют заметную нервность: нервность – всегда свидетельство неуверенности. И действительно, на высказываемых по поводу «Горя уму» суждениях – не только критиков спектакля, но и самого автора его – лежит печать неуверенности: в период дискуссии Мейерхольд видоизменял свои аргументы в защиту постановки, в последнем по времени «поединке» совершенно неожиданно связав проблему «Горя» с проблемой «отцов и детей». Варианты такого рода, конечно, еще более затемяют спор, заводя его в безнадежные тупики [Мстиславский, с. 270–271].

На одном из таких диспутов (2 апреля 1928 г.) имя пролетарского поэта окажется рядом с именами критика Л.Л. Авербаха, историка литературы Н. Л. Бродского, композитора М.Ф. Гнесина, американского историка Генри Дана, редактора «Комсомольской правды» Тараса Кострова, театрального критика П.А. Маркова, художника Диеги Ривера, профессора В.Н. Сарабьянова и композитора Б.В. Асафьева.

Основным докладчиком предстояло быть Авербаху, генеральному секретарю РАПП, олицетворенной «рапповской дубинке». Но в последний момент стало известно, что Авербах заболел и прибыть на диспут не может. Таким образом, В.Г. Сахновский автоматически был передвинут на первое место. Его сообщение заняло место основного доклада, таковым не являясь. Парадокс ситуации заключается в том, что место виднейшего представителя официоза занял Сахновский, размышляющий от имени того «собирающего лица» другого зрителя, который существует вне текущей идеологической конъюнктуры:

Не страшно, что молчат какие-то глаза, которые не понимают – но они смотрят. Говорят, что у зрителей бывает такая же реакция, как известный случай – «Некто смотрит на новые ворота». И тут особой тра-

гедии для театра нет. Однако существует какое-то собирательное лицо, к кому обращает свое творчество театр. Это лицо вовсе не обязательно должно быть тем, которое сейчас получает поддержку официальной печати, это лицо может сейчас совершенно не иметь голоса, но это лицо нужно угадать, и неужели же не знают люди, изучающие историю театра, люди, занимающиеся этим искусством, что почти всегда, когда есть подлинное развитие искусства данного театра в какой-то форме, то это развитие искусства данного театра протекает в условиях предчувствия нового человека, который сюда войдет. Ведь не для хвостов, не для умирания творится искусство, а искусство делается для тех, кто идет на смену, для тех, кто является творческим интеллектом будущей жизни [Сахновский, с. 362].

Я считаю, что пьеса, которая здесь идет, это не «Горе от ума», это есть пьеса, которая сделана Всеволодом Эмильевичем на основании чтения текста Грибоедова, в которую он вложил чрезвычайно нужное для современного и будущего человека, теперь живущего, но недостаточно имеющего право разинуть рот, он дал для теперешнего человека чрезвычайно нужную пьесу [Сахновский, с. 364].

Откликнулась на громкую премьеру и русская эмиграция. Но в отличие от ситуации с «Ревизором», Демьян Бедный ей больше не понадобился. Несомненно, что к скандалу в эмигрантских кругах готовились. За день до генеральной репетиции в газете «Возрождение» появился издевательский стихотворный фельетон Лоло (Л. Мунштейна), автора «круга Балиева», «Мейерхольдия», который начинался такими строками: «Горечь краха в Берлине изведав, / Мейерхольд парижанам грозит, / Плачет Гоголь, скорбит Грибоедов / И потомки прославленных дедов / Проклинают грядущий визит» [Лоло [Мунштейн Л.Г.], с. 3].

З.Н. Райх, жена Мейерхольда и первая актриса его театра, 20 июня 1928 г. написала А.М. Горькому:

К горю нашему – наши малочисленные друзья (через которых, кстати, Совнарком деньги давал изредка нам) – оказались – оказались... оппозиционерами-троцкистами, и Демьян Бедный стал улюлюкать на Мейерхольда. Демьяна Бедного с удовольствием поддерживают Степанов-Скворцов, Рязанов, Осинский и целая ватага рыбешек помельче, – говоря гадости (все печатно, во «всесоюзном» масштабе), повторяя бабьи сплетни, не по существу искусства Мейерхольда, а за этим скрывая свои подозрения в его симпатии к троцкизму, к Троцкому [Мнемозина, с. 212].

Но уже вскоре Демьян Бедный и Мейерхольд станут договариваться о совместной работе. В 1931 г. в письме к Вс. Вишневскому режиссер замечает: «Вот кто нам обещал пьесы: ты, Олеша, Безыменский, Вс. Иванов и Демьян Бедный» [Мейерхольд, с. 318]. Не всем это пришлось по душе, первый артист театра Э. Гарин в письме Х. Локшиной 30 июня 1931 г. сетовал: «Приехавший мэтр сказал, что он договорился со следующими авторами: Д. Бедный, Ю. Олеша, В. Вишневский и А. Безыменский. Как видишь сама, полная беспринципность и растерянность» [Ученик чародея, с. 194].

Откликнулся Мейерхольд и на разгром «Богатырей» Демьяна Бедного в Камерном театре в 1936 г.: «Наконец-то стукнули Таирова так, как он этого заслуживал. Я веду список запрещенных пьес у Таирова, в этом списке “Богатыри” будут жемчужиной. И Демьяну так и надо» [Сбоева, с. 521]. Для него представился случай поквитаться и с Демьяном Бедным, и с его вечным соперником А.Я. Таировым, и на фоне так часто повторяющихся упреков его в формализме заявить властям о своей верности и покорности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бедный Д. Полное собрание сочинений. М.; Л.: Государственное издательство, 1927. Т. VI. 352 с.
2. Бедный Д. Собрание сочинений: В 8 т. М.: Художественная литература, 1965. Т. 6. 523 с.
3. Лоло [Мунштейн Л.Г.]. Мейерхольдия // Возрождение. Париж, 1930. № 1839. 15 июня. С. 3.
4. Луначарский А.В. О современных направлениях русской литературы // Красная молодежь. 1925. № 2. Февраль. С. 139–143.
5. Мейерхольд В.Э. Переписка: 1896–1939. М.: Искусство, 1976. 464 с.
6. Мейерхольд репетирует: В 2 т. М.: Артист. Режиссер. Театр, 1993. Т. 1. Спектакли 20-х годов. 272 с.
7. Мнемозина: Документы и факты из истории отечественного театра XX века. М.: Артист. Режиссер. Театр, 2004. [Вып. 3]. 639 с.
8. Мстиславский С.Д. Одинокий. К дискуссии о «Горе уму» // «Горе от ума» на русской и советской сцене: Свидетельства современников. М.: Искусство, 1987. С. 270–274.
9. Сахновский В.Д. Из стенограммы диспута о постановке комедии А.С. Грибоедова «Горе уму» в театре им. Вс. Мейерхольда 2 апреля 1928 г. //

Мнемозина: Документы и факты из истории отечественного театра XX века. М.: Индрик, 2009. Вып. 4. С. 360–366.

10. Сбоева С.Г. Таиров. Европа и Америка. Зарубежные гастроли Московского Камерного театра. 1923–1930. М.: Артист. Режиссер. Театр, 2010. 683 с.

11. Ученик чародея: Книга об ЭрASTE Гарине. М.: Искусство, 2004. 383 с.

12. Федоров М.Л. Спектакль «Ревизор» В.Э. Мейерхольда в полемике Демьяна Бедного с представителями русского зарубежья // Международная научная конференция «Грехневские чтения: литературное произведение в системе контекстов». Нижний Новгород: Книги, 2017. С. 12–17.

<https://doi.org/10.29003/m3662.khmelita-18/141-149>

<https://elibrary.ru/bwebvp>

Научная статья / Research Article

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2 Рос=Рус)

This is an open access book
Distributed under the Creative
Commons Attribution-NoDerivatives
4.0 (CC BY-ND)

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ГРИБОЕДОВА ПУБЛИЦИСТАМИ «ВТОРОЙ ВОЛНЫ» ЭМИГРАЦИИ

© 2023. М.Г. Талалай

Аннотация: В статье рассматриваются образы героев пьесы Грибоедова «Горе от ума», переосмысленные в публицистике «второй волны» эмиграции: в противоположность устойчивой трактовке Чацкого как выразителя гражданского пафоса против косности и проч., теперь он предстает как один из зачинателей разрушения старой России, в то время как Молчалин, пусть данный писателем в общем сатирическом ключе, мыслится теперь как персонаж создающий, устремленный на государственное строительство. Анализируется малоизвестный программный текст литератора-эмигранта Б.Н. Ширяева (1949) и его возможные источники. Показано, как герои классической пьесы задействованы в идеологическую борьбу разных лагерей русской эмигрантской интеллигенции.

Ключевые слова: А.С. Грибоедов, Чацкий, Молчалин, эмиграция.

Информация об авторе: Михаил Григорьевич Талалай – кандидат исторических наук, ассоциированный научный сотрудник, Институт всеобщей истории Российской академии наук, Ленинский пр., д. 32, 119071 г. Москва, Россия.

ORCID ID: 0000-0002-6070-9711.

E-mail: talalaym@mail.ru

Для цитирования: Талалай М.Г. Переосмысление Грибоедова публицистами «второй волны» эмиграции // А.С. Грибоедов и его эпоха: Хмелитский сборник № 18 / отв. ред. Е.В. Аблогина, М.В. Скороходов. М.: ООО «МАКС Пресс», 2023. С. 141–149. <https://doi.org/10.29003/m3662.khmelita-18/141-149>.

RETHINKING GRIBOEDOV BY THE PUBLICISTS OF THE SECOND WAVE OF EMIGRATION

© 2023. *Michail G. Talalay*

Abstract: The article examines the images of characters in A.S. Griboedov's play "Woe from Wit" rethought in the journalism of the "second wave" of Russian emigration: in contrast to the steady interpretation of Chatskii as an exponent of civil pathos against inertia, etc., now he appears as one of the initiators of the destruction of old Russia, while Molchalin, albeit given by Griboedov in a general satirical vein, is thought of as a creative character, striving for state building. The little-known program text of the émigré writer Boris N. Shiryayev (1949) and its possible sources are analysed. It is shown how the characters of the classical play are once again involved in the ideological struggle of different camps of the Russian emigration's intelligentsia.

Keywords: A.S. Griboedov, Chatskii, Molchalin, emigration.

Information about the author: Michail G. Talalay – PhD, Associate researcher, Institute of World History of Russian Academy of Sciences, Leninsky Prospect, 31a, 119071 Moscow, Russia.

ORCID ID: 0000-0002-6070-9711.

E-mail: talalaym@mail.ru

For citation: Talalay, Michail G. Rethinking Griboedov by the Publicists of the Second Wave of Emigration. *Aleksandr Griboedov and His Epoch: Khmelitsky Sbornik No. 18*. Ex. ed. Evgeniia V. Ablogina, Maxim V. Skorokhodov. Moscow: MAX Press Publ., 2023. pp. 141–149. (In Russian). <https://doi.org/10.29003/m3662.khmelita-18/141-149>.

«Вторая волна» эмиграции, в отличие от «первой», получила свою культурную формацию в советских условиях: если «первая» унесла с собой «дореволюционного» Грибоедова, не имея особой нужды менять свое отношение к нему и его героям [Лицо и Гений], то эмиграции «второй», попавшей на Запад на заре «холодной войны», пришлось изживать из себя советскую интерпретацию его наследия, и искать в нем новые – «антисоветские» – ориентиры.

В этом смысле характерно программное эссе видного литератора «второй волны» Бориса Николаевича Ширяева (1889, Москва – 1959,

Сан-Ремо), автора известной книги о Соловках «Неугасимая лампада» (Нью-Йорк: изд-во Чехова, 1954).

Получив университетское образование в Москве еще до революции, он участвовал в Гражданской войне на стороне «белых», но не сумел эмигрировать и прошел через самую решительную «перековку» – расстрельный приговор, замененный на Соловецкий лагерь и последующую ссылку. Однако с середины 1930-х гг. ему удалось как-то вписаться в советский социум и даже получить должность преподавателя русской литературы, сначала в школе, а затем в педагогическом институте (в Ставрополе). В атмосфере тех лет преподаватель разъяснял своим ученикам отечественную классику, вне сомнения, в соответствии с советскими нормами. Нет сомнений и в том, что бывший заключенный Соловков подспудно хранил совсем другие идеалы.

С приходом немцев в Ставрополье Ширяев как бы выходит из «антисоветского подполья», занимаясь активной журналистской деятельностью: с одной стороны, одним из первых он документально разоблачил преступления большевистского режима, вскрыв систему ГУЛАГа, с другой – запятнал себя неизбежным в данной ситуации коллаборационизмом с оккупационными властями. С освобождением южных территорий России от немецкой оккупации литератор навсегда оставляет родину и зимой 1944–1945 гг. оказывается в Северной Италии, в так называемом Казачьем стане атамана П.Н. Краснова. Как это ни удивительно, он попадает туда в том же качестве преподавателя русской литературы. Перед ним за партами Юнкерской школы оказались молодые казаки, которые недавние учились в советских школах, а в 1944 г. носили немецкое обмундирование. Ширяев должен был преподнести им новое видение русское классики. Известно, что он преподавал им и «Тихий Дон» (который нравился Краснову), вероятно, преподавал и «Горе от ума».

Когда же после окончания войны ему удалось избежать выдачи советской стороне, что произошло с казаками-красновцами [Толстой], и получить в Италии статус «перемещенного лица», «ди-пи», он вновь обратился к русской классике, теперь уже как публицист, а позднее он стал писать прозу [Ширяев, 20166].

Его дебютом в эмигрантской прессе стал очерк «Карета Чацкого», вышедший 22 января 1949 г. в аргентинской газете «Наша страна»

с комментарием ее основателя и главного редактора И.Л. Солоневича¹. Именно со статьи о Грибоедове, посвященной 125-летию выхода в свет пьесы «Горе от ума», началось многолетнее сотрудничество Ширияева с этим рупором консервативной, «народно-монархической» эмиграции [Ширияев, 2016а, с. 8–14].

Первое время литератор использовал псевдоним Алексей Алымов, под которым, кстати, опубликовал в Венеции в 1946 г. монографию о советской литературе на итальянском языке [Alimov], поскольку, как и многие другие представители второй волны, он опасался за своих близких, оставшихся в СССР.

В письме Алексея Алымова к редактору Солоневичу, которое тот цитирует в газете, автор разъясняет, что своим очерком о Грибоедове он открывает серию текстов, направленных уже не против «большевизма», по его мнению, уже умершего в сознании народа (с чем не соглашался Солоневич), а против «профессионально-прогрессивной» интеллигенции, подготовившей революцию. Она, как пишет Ширияев, «науськивала против нас Германию, и она сейчас науськивает САСШ [США. – М.Т.]. Она клеветала перед всем миром и на Россию, и на монархию, и на религию, и даже на народ» [Ширияев, 2016а, с. 13–14]. Свое обещание публициста-государственника он выполнил, опубликовав в течение нескольких лет цикл очерков о русской литературе, последовательно выделяя в ней близкое ему консервативно-патриотическое начало.

Сам Грибоедов, по оценке Ширияева, – «блестящий чиновник», который «своей работой при жизни и своей героической смертью бесспорно доказал свою верность России». Своим героем в его пьесе публицист выбирает Молчалина, пусть и данного, как все действующие лица, в общем сатирическом ключе: «...выполняя свою будничную серую работу в качестве одного из “десяти тысяч столоначальников”, он (Молчалин. – М.Т.) не порывал своей связи с общественной и экономической жизнью страны; вышел в чины, “посмел свое суждение иметь”. <...> Но не менее грандиозна работа трудолюбивых, упорных Молчалиных. Они дотягивают обруганную Некрасовым “чугунку” до Тихого океана, укрепляют рукою Молчалина-Витте

¹ Иван Лукьянович Солоневич (1(13).11.1891, Цехановец, Гродненская губ. – 24.04.1953, Монтевидео, Уругвай) – публицист, писатель и общественный деятель, создатель теории народной монархии.

ненавистные народникам “фабрики”, а с ними и русский рубль (мы-то теперь это знаем!), передают рукою Молчалина, выросшего до П.А. Столыпина, дворянские земли в руки десятков миллионов Петрушек, земли, разоренные паразитарными Чацкими и Рудиными (“имением не управляй оплошно”...). <...> Они умели видеть и любить Россию и “такой”, какую любили ее и видели Чехов и Блок [Там же, с. 11].

Чацкий же становится у Ширяева прообразом разрушения: его наследники, «окрепшие в “общественном”, а на самом деле анти-общественном сознании России, одарены необычайной способностью перевоплощения. Они то точат пугачевские топоры в редакции “Современника”, то мечут мартовские бомбы в Царя-Освободителя, то тащат в народ охвостья прудоновских идей, то иссушают народную творческую мысль заграничною контрабандою в упаковке Плеханова, Аксельрода, Мартова и других» [Там же, с. 11].

Даже сталинский террор у Ширяева возведен к этому персонажу. «Карета Чацкого», поставленная в заголовок статьи, согласно публицисту, «вызвала к жизни тысячи больших и малых кареток во всех областях бытия русского народа, стандартом которых стал обязательный для всех в СССР, да и не только в СССР, тип кареты “черный ворон”» [Там же, с. 10].

Конечно, еще до Ширяева консервативные литераторы и интеллектуалы интерпретировали Чацкого как предтечу губительного русского отрицательного и мечтательного максимализма, ведущего к революционности. Например, И.А. Бунин говорил о «той вечной легкомысленности, восторженности, что так присуща была дворянскому племени и не покидала Радищевых, Чацких, Рудиных, Огаревых, Герценов даже и до седых волос»: «Как! Служить в канцелярии губернатора, вносить в общественное дело какую-то жалкую лепту! Да ни за что – “карету мне, карету!”» [Бунин, с. 83].

О неприятии Чацкого в качестве положительного героя в «молодой аудитории» «первой волны», т. е. среди вывезенных родителями детей, не успевшими узнать Грибоедова в дореволюционной России, сообщает литератор С.В. Потресов¹, писавший под псевдонимом Сергей Яблоновский:

¹ Сергей Викторович Потресов (1870, Харьков – 1953, Париж) – поэт, переводчик, критик, мемуарист. С 1920 г. жил во Франции.

В Африке, в пустыне, где образовалась в 1920 году в Тель Эль Кебире русская гимназия, подростки жадно внимали чтению, я читал неведомое им еще «Горе от ума». Его (Чацкого. – М.Т.) цивический (гражданский. – М.Т.) пафос почти не увлекал – честнее сказать, вовсе не увлекал молодую аудиторию. Она видела в нем, главным образом, революционера; он – предшественник декабристов, декабристы – предшественники... Расположенная к преподавателю юная аудитория верила, что между Чацким и «теми, кто погубил Россию», нет ничего общего, но она не загоралась; ей чужд был пафос протеста, ломки, обновления; на смену пришел пафос воссоздания, возвращения вспять [Лицо и Гений, с. 44–45]¹.

В отличие от Потресова-Яблоновского, Ширяев-Алымов тоже отнюдь не увлекается протестным пафосом Чацкого. Более того, он, обладатель тяжелого советского опыта, считал именно Чацкого частным к тем, «кто погубил Россию».

С ним был, безусловно, солидарен другой литератор и публицист «второй волны» – Даниил Федорович Петров, писавший под псевдонимом Владимир Рудинский (1918, Царское Село – 2011, Париж). Получив лингвистическое образование в Ленинградском университете в конце 1930-х гг., он, оказавшись на оккупированных территориях, не избежал коллаборационизма (стал переводчиком) и после окончания войны эмигрировал на Запад. Для аргентинской «Нашей страны» он в течение многих лет вел рубрику с рецензиями.

Петров-Рудинский вспомнил о давней статье Ширяева-Алымова, когда в 1999 г. рецензировал текст Солженицына о Грибоедове [Солженицын]²: «...мы хотим тут отметить это, что у Солженицына был предшественник, и предшественник – на страницах “Нашей страны”» [Рудинский, 2019, с. 500]. Заметим, что рецензент не обратил внимание на то, что Солженицын написал опубликованную в 1999 г. статью еще в 1954 г., находясь после выхода из лагеря на койке ташкентской онкологической клиники. В тот период, естественно, у него не было никакой возможности ознакомиться с текстом «предшественника».

Раскрывая для читателей псевдоним Алымов, Петров-Рудинский пишет:

¹ Републикация сделана по газетной вырезке, хранящейся в РГАЛИ [ф. 2482, оп. 1. ед. хр. 32, лл. 69–72], датированной 1929 г.

² См. об этой статье: [Ничипоров] и [Кондратьев, Анисимов].

...когда-то Б. Ширяев сделал Грибоедову те же самые упреки, какие делает теперь автор «Архипелага ГУЛАГа». В частности, несправедливость чисто отрицательного изображения Скалозуба, как-никак участника (и, похоже, блестящего) Отечественной войны, и Молчалина, дельного молодого чиновника. Солженицын-то больше всего сосредотачивается на фигуре Софьи, показывая неправоту Чацкого по отношению к ней. Но у него гораздо больше места, чем было у Ширяева в маленькой статье, определявшейся размерами газеты [Там же, с. 500].

Идейную переключку Солженицына с Ширяевым, вне сомнения, можно усмотреть в следующем пассаже нобелевского лауреата:

Грибоедов же (с зоркостью Достоевского!) выхватил и представил нам тип с самым широким будущим в России. Независимо оттого, что получится с возрастом из этого Чацкого, из Александра Андреича, – о, какой долгий жизненный ряд он открывает нам! Через столетия после пьесы Чацкие и Репетиловы заполнят интеллигентские революционные кружки, через столетие – возьмут власть и в России [Солженицын, с. 364].

У Рудинского, помимо этой рецензии, есть еще одна статья, посвященная Грибоедову, где он, отойдя от публицистики, предложил анализ поэзии Грибоедова, в первую очередь, стихотворения «Хищники на Чегеме», «поражающее своей дикой силой». Обращается он и к «Диалогу половецких мужей»:

В русской литературе нет других строк, столь близких и по духу, и по силе к «Слову о полку Игореве». Сохранись она, эта пьеса – но мы даже не знаем ее названия! – могла бы не только заполнить пробел, но и создать новое течение... Без преувеличения, если бы Грибоедов закончил «Грузинские ночи», написал бы «1812 год», если бы рукопись драмы о половцах не пропала бы... его фигура стояла бы перед нами теперь вовсе иной [Рудинский, 1959, с. 4].

Позитивное очарование Чацкого, которое унес с собой из до-революционной России Потресов-Яблоновский, оставалось долгое время живым в либеральном крыле русской эмиграции. Об этом свидетельствует статья В.Н. Ильина¹, который составляет совсем другую генеалогию советской власти:

Радикальный интеллигент-шестидесятник, а за ним «ходившие в народ» опрошенцы-народники, ненавистники культуры и «иконоборцы» («писаревцы»), «аскетически» воздерживавшиеся от познания без-

¹ Владимир Николаевич Ильин (1891, Владовка, Киевская губ. – 1974, Париж) – философ, богослов, историк, литературы, музыковед, публицист. В эмиграции с 1919 г. Жил в Константинополе, Берлине и Париже.

грамотные «студенты» и «бесы» Достоевского со всевозможными их вариантами, вплоть до марксо-коммунистических чекистов, авторов екатеринбургской бойни, с их предтечами – Желябовым и К° – авторами злодеяния 1 марта 1881 года; <...> что все это? Неужели в самом деле духовные потомки «декабриста» Чацкого? Неужели Чацкий – зачинатель российской радикально-революционной интеллигенции? На деле же очень скоро выяснилось обратное: «интеллигенты»-чекисты переняли все черты важнейших персонажей «Горя от ума» – Фамусова, Скалозуба, а более всего – Молчалина и его обожательницы Софьи, и все сообща стали гнать Чацкого и всех, кто носил в себе хотя бы самонаименованный признак «искры Божией» или мог быть заподозрен в том, что он этой «искрой Божией» любуется в другом... [Лицо и Гений, с. 117].

Публицистика Ильина подтверждает классичность пьесы: «Горе от ума» дает материал для самого широкого спектра толкований, включая весьма контрастные. И Ильин, и Ширяев гневно клеймят, например, революционеров-первомартовцев, но переставляют при этом местами героев Грибоедова: первый возводит террористов к Молчалину, второй – к Чацкому.

Размышляя о соотношении Грибоедова с его главными героями, Ширяев видит у автора присутствие обоих начал, созидательного и разрушительного, олицетворенных, согласно публицисту, соответственно в Молчалине и Чацком:

На две половины раскола многогранная, глубоко национальная творческая личность Грибоедова. В одной половине жил трудоспособный, действенный Молчалин, он сулил равно ужиться и стать необходимым и «просвещенному» другу декабристов Ермолову и грубому, но честному солдату Паскевичу. Он, Грибоедов-Молчалин, гениально провидел духовные задачи России на Востоке и сформулировал их в своем Восточном проекте. Он погиб жертвою молчалинского выполнения своего долга, сам не понимая того.

Во второй половине его жил прирожденный артистическими устремлениями протестант Чацкий. Он был полу-Грибоедовым, его полумомом, самой опасной для общества формой одностороннего мышления. Он погиб раньше, в самом Грибоедове, вместе с сознанием его авторского бессилия, в поисках не удавшейся ему широко задуманной русской трагедии [Ширяев, 2016а, с. 12–13].

Однако в целом, разделяя русскую литературу на созидующую и разлагающую в идейном смысле, Ширяев и его единомышленники зачисляли Грибоедова в первый стан, вместе с Пушкиным, Гоголем, Достоевским, Лесковым, Толстым, Гумилевым, в то время

как в противоположный лагерь определяли Герцена, Писарева, Чернышевского, Белинского, Некрасова, Салтыкова-Щедрина и прочих литераторов-«протестантов».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бунин И.А. Жизнь Арсеньева. Юность // Собр. соч.: В 9 т. М.: Худ. Лит., 1965–1967. Т. 6. С. 83.
2. Кондратьев А.С., Анисимов П. Д. А.И. Солженицын как литературный критик: «Горе от ума» в контексте «большого времени» // Вестн. Воронежского гос. ун-та. Серия: Филология. Журналистика. 2018. № 4, С. 50–52.
3. Лицо и Гений. Зарубежная Россия и Грибоедов / Сост. и предисл. М.Д. Филина. Ред. и коммент. В.А. Кожевникова. М.: Русский мир, 2001. 320 с.
4. Ничипоров И.Б. «Горе от ума» глазами ээка: Александр Солженицын о комедии А.С. Грибоедова // А.И. Солженицын и русская культура. Саратов: Саратовский гос. ун-т, 2004. С. 132–139.
5. Рудинский В. Вечные ценности. Статьи о русской литературе. СПб.: Алетейя, 2019. 884 с.
6. Рудинский В. Иной Грибоедов // Новое русское слово 1959. № 6880, 7 июня. С. 4.
7. Солженицын А.И. Протеревши глаза («Горе от ума» глазами ээка) // Протеревши глаза. М.: Наш дом – L'Age d' Homme, 1999. С. 344–365.
8. Толстой Н.Д. Жертвы Ялты. Париж: YMCA Press, 1988. 480 с.
9. Ширяев Б.Н. (2016а) Бриллианты и булыжники: статьи о русской литературе. СПб.: Алетейя, 2016. 520 с.
10. Ширяев Б.Н. (2016б) Кудеяров дуб: Повести и рассказы. СПб.: Полиграф, 2016. 719 с.
11. Alimov A. Panorama della letteratura russa contemporanea. Milano, Venezia: Francesco Montuoro, 1946. 263 p.

II. ГРИБОЕДОВ-ДИПЛОМАТ

<https://doi.org/10.29003/m3663.khmelita-18/153-176>

<https://elibrary.ru/bjsmng>

Научная статья / Research Article

УДК 82.091

ББК 83.3

This is an open access book
Distributed under the Creative
Commons Attribution-NonCommercial
4.0 (CC BY-NC)

ВОСПРИЯТИЕ ЛИЧНОСТИ ГРИБОЕДОВА И ЕГО НАСЛЕДИЯ В РОССИИ, ИРАНЕ, НА КАВКАЗЕ И В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

© 2023. Ф.И. Мелвилл

Аннотация: Статья посвящена анализу восприятия личности Грибоедова и его наследия как дипломата и литератора в тех странах, на политическую историю которых в сильной степени повлияла его государственная деятельность.

В России, которая обязана Грибоедову обретением значительных персидских территорий на Кавказе, он в основном известен как драматург и композитор, что говорит о том, что в собственной стране мало известно о нем как о талантливом дипломате, поскольку до сих пор живет миф о том, что Грибоедов был виновен в собственной смерти из-за своей «профессиональной непригодности». Этот миф, или, как сейчас принято называть, fake news, был создан коллективными усилиями трех МИДов – России, Персии и Великобритании и нуждается в радикальном пересмотре.

В Иране, который потерял свои геополитически исключительно важные северные территории, до сих пор Грибоедов ассоциируется с политической катастрофой глобального уровня, усугубленной «неловкостью» в связи с «нецивилизованным» отношением к иностранному посланнику. В результате даже упоминание его имени мгновенно вызывает яростную реакцию, сродни той, что привела к тегеранской резне в русской миссии в феврале 1828 г.

В Армении Грибоедов – национальный герой, поскольку именно благодаря ему армянские семьи, увезенные в Персию за несколько веков до

этого, смогли вернуться на Кавказ. В Азербайджане – реакция диаметрально противоположная, поскольку ему приписывается создание до сих пор неразрешимой Карабахской проблемы.

В Грузии отношение к Грибоедову резко изменилось с началом обретения независимости. Если в советские времена он считался частью грузинской аристократии, будучи женат на княжне Чавчавадзе, то в последние годы он все более ассоциируется с идеей русской колониальной политики и имперских амбиций на Кавказе.

Британская дипломатия в отношении Грибоедова получила самые успешные результаты: его имя было стерто из анналов Большой игры, того русско-британского противостояния в Персии, в которой он играл ключевую роль, а дело его было «предано вечному забвению».

Данная публикация является попыткой восстановления исторической справедливости и репутации Грибоедова как блестящего дипломата и политического деятеля государственного уровня.

Ключевые слова: Грибоедов, Макнил, Макдональд, Виллок, Нессельроде, Фатх Али шах, Аббас мирза, Хосров мирза, Паскевич, Ермолов, Завалишин, российско-персидские дипломатические отношения, Искупительная миссия, Персия, Армения, Грузия, Азербайджан, Калифорния, Большая игра, Русская Закавказская Компания, Русская Американская Компания, Тынянов, Туркманчайский договор.

Информация об авторе: Фирюза Ибодуллаевна Мелвилл – директор Центра иранистических исследований при Колледже Пемброк Кембриджского университета.

ORCID ID: 0000-0002-8979-3814.

E-mail: fia21@cam.ac.uk

Для цитирования: Мелвилл Ф.И. Восприятие личности Александра Грибоедова и его наследия в России, Иране, на Кавказе и в Великобритании // А.С. Грибоедов и его эпоха: Хмелитский сборник № 18 / отв. ред. Е.В. Аблогина, М.В. Скороходов. М.: ООО «МАКС Пресс», 2023. С. 153–176. <https://doi.org/10.29003/m3663.khmelita-18/153-176>.

PERCEPTION OF ALEKSANDR GRIBOEDOV'S PERSONA AND HIS LEGACY IN RUSSIA, IRAN, THE CAUCASUS AND BRITAIN

© 2023. *Firuza I. Melville*

Abstract: The paper gives a brief analysis of the perception of Griboedov's persona and his legacy as a diplomat in those countries whose political history was greatly influenced by his professional activities.

In Russia, he is mainly known as a playwright and composer although it was Griboedov who drafted the Turkmanchay Treaty according to which the country acquired the significant Persian territories in the Caucasus after its military successes. This suggests that in his own country he is not recognised as a talented diplomat due to the myth created right after the massacre in the Russian mission. According to this myth, or fake news, produced as a 'Narrative of the Proceedings of the Russian mission to Persia' and published in the Blackwood's Edinburgh Magazine (vol. 28, 1830), Griboedov was accused of his own death being "professionally unsuitable". The Narrative seems to be the result of the agreed collective efforts of the Foreign Offices of three countries: Russia, Persia and Great Britain, and needs drastic revision.

In Iran, who lost its geopolitically extremely important northern territories, Griboedov is still associated with a global political catastrophe and humiliation, exacerbated by the "embarrassment" of "uncivilised behaviour" towards a foreign envoy. As a result, even in our days only a mentioning of his name instantly provokes a furious reaction, similar to the one that led to the Tehran tragedy in February 1828.

In Armenia, Griboedov is a national hero, thanks to whom the Armenian families, moved to Persia several centuries earlier, were able to return to the Caucasus. In Azerbaijan, the reaction is naturally quite the opposite as this created the insoluble Qarabagh problem.

In Georgia, the attitude towards Griboedov who used to be perceived a part of the local aristocratic establishment has changed dramatically since its independence. In recent years he has become increasingly associated with the idea of Russian colonial policy and imperial ambitions in the Caucasus.

British diplomacy regarding Griboedov had the most successful results: his name was erased from the annals of the Great Game, the Russo-British 'tournament of shadows' in Persia, in which he played a key role, but his case was 'consigned to eternal oblivion'.

This publication is an attempt to restore the historical justice and reputation of Griboedov as a brilliant diplomat and politician with stately mind.

Keywords: Griboedov, MacDonald, Willock, McNeill, Nesselrode, Fath Ali Shah, Abbas Mirza, Khosrow Mirza, Paskevich, Ermolov, Zavalishin, diplomacy, political history, Great Game, Redemption mission, Turkmanchay Treaty, Russia, Iran, Armenia, Azerbaijan, Georgia, United Kingdom, California, Russian Trans-Caucasian Company, Russian American Company, Тыннанов.

Information about the author: Firuza Melville – Director of the Pembroke Centre for Persian Studies, University of Cambridge, U.K.

ORCID ID: 0000-0002-8979-3814

E-mail: fia21@cam.ac.uk

For citation: *Мелвилл Ф.И.* Perception of Aleksander Griboedov's Persona and His Legacy in Russia, Iran, the Caucasus and Britain. *Aleksandr Griboedov and His Epoch: Khmelitsky Sbornik No. 18.* Ex. ed. Evgeniia V. Ablogina, Maxim V. Skorokhodov. Moscow: MAX Press Publ., 2023. pp. 153–176. (In Russian). <https://doi.org/10.29003/m3663.khmelita-18/153-176>.

Молчалин (Чацкому):

Татьяна Юрьевна рассказывала что-то,
Из Петербурга воротясь,
С министрами про вашу связь,
Потом разрыв...
[Грибоедов, 1995, с. 69]

Парадокс Грибоедова заключается в том, что этот выдающийся дипломат, так много сделавший для поднятия политического и военного авторитета своей страны, даже у себя на родине известен в основном как поэт. А в стране, где поэтов почитают как святых, его считают только за дипломата, ответственного за потери северных персидских территорий.

Восприятие личности Грибоедова в России

Восприятие образа Грибоедова в России, Иране, на Кавказе и на западе разнится чрезвычайно, и если в Иране, Армении, Азербайджане и Англии отношение к его личности относительно стабильно, то в России и Грузии оно меняется в зависимости от политических веяний [Фомичев, 2014, с. 209–219].

На родине в основном Грибоедов воспринимается как поэт и драматург, иногда – как музыкант и композитор, и несравненно меньше – как дипломат, руководитель резидентуры, бизнесмен и политик.

Парадоксальность этого феномена усугубляется еще и тем, что даже литературное творчество Грибоедова оценивается по-разному. Одни называют его абсолютным гением, автором многих известных афоризмов и крылатых выражений, вошедших в разговорный язык. Основной заслугой Грибоедова-литератора считается создание пьесы, которую он сам никогда на сцене не увидел¹. Его «Горе от ума» воспринималось также исключительно по-разному, вызывая жи-

¹ Однажды П. Каратыгин предложил поставить ее в петербургском театральном училище, но буквально накануне премьеры на генеральную репетицию явился инспектор Бок от графа Милорадовича и запретил играть, поскольку постановка не была санкционирована цензурой [Каратыгин, 1929, с. 57–58]. Более ранние пьесы Грибоедова представлялись силами скорее любительского уровня, а последняя пьеса – «Грузинская ночь», которую он писал и переписывал последние несколько лет, – погибла вместе с ним.

вейший отклик среди современников: от бытовой драмы о нравах московского общества до своего рода идеологического манифеста при попытке смены политического режима¹.

Однако были и есть такие люди, которые считают Грибоедова дилетантом-любителем, автором одного произведения, славу которому принес провокационно-политизированный сюжет и полулегальный статус его пьесы: помимо салонных дам, она была исключительно популярна среди поднявших антимонархический бунт на Сенатской площади экзальтированных «прапорщиков», которые секретно переписывали и массово распространяли пьесу перед восстанием.

Стереотип представлений о Грибоедове в Советском Союзе сложился в основном благодаря роману Ю.Н. Тынянова [Тынянов, 1981]. В эмигрантской Европе Тынянов и его главный герой, напротив, стали своего рода символом моральной деградации и измены нравственным нормам, а Грибоедов предстал надменным карьеристом, получившим по заслугам [Лицо и гений, 2001]; [Brintlinger, 2003, p. 371–393]; [Аудунян, 2009, p. 357–379]. При этом автор полностью ассоциировался со своим героем Чацким, который «унизить рад, кольнуть, завистлив! горд и зол!» [Грибоедов, 1995, с. 85], «Не человек! змея!» [там же, с. 145]. Таким образом сама жизнь и гибель профессионального дипломата и патриота получила совершенно противоположное толкование благодаря идеологическим разногласиям оппонентов Тынянова, который создал художественно яркий и объемный, но совсем не положительный образ Грибоедова.

Несмотря на то, что, кроме Тынянова, известны и другие попытки написания его биографии в жанре научной беллетристики [Тимрот, 1965]; [Гайворонский, 1998]; [Есенков, 2004], образ Грибоедова как раз в тыняновской версии эксплуатировался довольно активно в разные периоды истории России благодаря неоднозначности фактологических интерпретаций его биографии. Однако именно «Смерть Вазир-Мухтара» стала основой обеих

¹ Один из ярчайших примеров – «эпилог» М.А. Бестужева-Рюмина «Следствия комедии Горе от ума», опубликованные в «Сириусе» в 1827 г. «Следствия» представляют собой продолжение сюжета, изложенного в письмах Софьи, Фамусова, Чацкого и друзей Софьи и Чацкого, показывающие запоздалое раскаяние Софьи и ее отца [Kosny, s. 371–391]; [Ростопчина, 1865]; есть несколько предположений относительно «жизни» или «возрождения» Чацкого в произведениях других авторов – от пушкинского «Евгения Онегина» до героев М.Е. Салтыкова-Щедрина и А.Н. Островского.

известных кинематографических версий. Первая была осуществлена в позднесоветский период на Ленинградском телевидении («Смерть Вазир Мухтара», Ленинградское телевидение, 1969, режиссеры Р. Сирота и В. Рецептер), хотя на экраны вышла много лет спустя, когда закончилось временное потепление отношений между СССР и Ираном. Вторая, более значительная по размерам (в десяти сериях), была осуществлена в 2009 г. («Смерть Вазир Мухтара», кинокомпания «Аврора», 2009, премьера на РТР – 2010, режиссер С. Винокуров).

Эпизод приема в Зимнем дворце Николаем I Искупительной миссии под руководством 16-летнего внука Фатх Али шаха Хосрова мирзы [Melville, 2013, pp. 69–94]; [Bournoutian, 2014], присланного извиняться за убийство посла и разгром миссии, показан в кинематографической хронике Эрмитажа («Русский ковчег», режиссер А. Сокуров, The Hermitage Bridge Studio & Egoli Tossell Film, 2002). В 2014 г. в Эрмитаже проходила выставка, на которой были представлены две чашки, привезенные Хосров-мирзой летом 1829 года в подарок императрице Александре Федоровне [Дары Востока, 2014, с. 220].

Новый фильм о Грибоедове собирался снимать Н.С. Михалков по сценарию, написанному 30 лет назад и основанному на архивных фактах, а не на тыняновском романе. Современное российское грибоедоведение не так давно приобрело две новые и абсолютно надежные в научном отношении монографии С.А. Фомичева [Фомичев, 2007]; [Фомичев, 2012], в которых автор использовал, критически проанализировав целое море литературы предшественников, начиная с грибоедовских современников¹ до А. Берже, И.К. Ениколопова, Н.К. Пиксанова, О.И. Поповой, С. Шостаковича, Л. Аринштейна, Н.А. Тарховой, А.Т. Адамовой и многих других исследователей. Однако уже после книг Фомичева, только в 2014 г., очевидно, к юбилею, появились публикации в жанре так называемых журналистских расследований, среди которых книга С.Н. Дмитриева, а также

¹ [Грибоедов 1929]; [Фикельмон, 2009, с. 60–63, 65] – примечательно, что в дневнике Д. Фикельмон, жены австрийского посланника и внучки М.И. Кутузова, в подробностях описавшей несколько встреч с Хосров-мирзой и членами его свиты, а также церемониал «извинительного» приема в Зимнем дворце, нет ни слова о причинах визита персидского принца.

флэшмобы, анимации и телефильмы с исключительно творческим подходом к сюжету: в одном из них говорится о том, что Пушкин был не столько младшим товарищем и последователем Грибоедова, сколько его соперником («Пушкин и Грибоедов. История одной мистификации», режиссер Р. Кузьмина, ГТРК – Культура, Россия, 2014), а в другом Грибоедов объявляется зороастрийцем, зевранистом и русским спецгентом, который, инсценировав свою смерть, продолжил свою разведывательную работу на Востоке под именем Белого бедуина («Вам и не снилось. Шпионы Его Величества», № 3, режиссер И. Холодков, Рен-ТВ, Россия, 2014).

Показательно, как сейчас представлен Грибоедов в российской школьной программе. Весьма нейтрально написан очерк В. Куллэ в самом свежем и прекрасно иллюстрированном учебном пособии, специально посвященном Грибоедову и его поэме, при том, что автор не пытался обойти наиболее острые углы, включая и факт его незаконнорожденности [Грибоедов, 2014].

Особого внимания заслуживает студенческий проект, основанный на иллюстрировании романа Тынянова, инициированный преподавателями Санкт-Петербургского государственного университета М.М. Шеметовой и Л.В. Карповым¹. Работы молодых художников кино, созданные в рамках проекта, были выставлены в Театральной библиотеке под названием «Грибоедов глазами художников кино» осенью 2020 года. Примечательно, что несмотря на то, что у создателей иллюстраций были очень разные и видение и техники, все они очень верно поняли тыняновскую концепцию судьбы Грибоедова, которая делилась для него на три разноцветных мира: блестящий, холодный, но родной Петербург – достижимая и недостижимая мечта, тающая в морозной дымке, соединяющая как чистилище раскаленную докрасна как адское пекло Персию и цветущую райскими садами Грузию.

Грибоедов в Персии

Отношение к Грибоедову в Иране до сих пор весьма сложное, в основном связанное с тем активным участием, которое пришлось принять Грибоедову в разработке и подписании Туркманчайского

¹ <https://spbu.ru/news-events/novosti/chtoby-sozdat-kinomiry-peterburga-i-persii-nado-pogruzitsya-v-epohu-hudozhniki>

договора о мире после фиаско военной авантюры Аббас-мирзы, в результате которого Персия потеряла обширнейшие владения на Кавказе¹. Именно стойкая ассоциация имени Грибоедова с тем катастрофическим унижением национального достоинства глобального уровня, которое невозможно простить, и делает его в сознании даже современных иранцев символом русской колониальной политики в Персии и на Кавказе.

Характерно, что иранское дипломатическое представительство в России регулярно настаивает на сношении или передвижении памятника Грибоедову на Чистых прудах в виду того, что он стоит чересчур близко к зданию иранского посольства, хотя несколько известных московских театров находятся намного ближе к памятнику, чем посольство Исламской республики Иран².

Одним из примеров такого отношения в академическом мире – обстоятельная «Политическая история Ирана в период династии Каджаров», опубликованная в 2014 г. И. Теймури [Tarikhe siyasiye iran dar doureye Qajar, 2014].

Договор в Туркманчае был заключен в феврале 1828 г., ровно за год до погрома в миссии, когда Грибоедов прибыл в Тегеран вручать свои верительные грамоты шаху в новом высоком качестве полномочного министра Российской империи, причем случилось это спустя весьма короткое время после его освобождения из-под ареста по делу о декабристах.

¹ См.: Доклад Л. Раванди на заседании круглого стола «Winning and Losing the Great Game: Literature, Art, and Diplomacy between Russia and Iran», организованном Кембриджским Иранистическим Центром (Pembroke Centre for Persian Studies, University of Cambridge) и Мершонским Центром по международной безопасности (Mershon Center for International Security Studies, Ohio State University) в Огайском университете 8 ноября 2014 г.

² Оба памятника в Москве (скульптор А.А. Мануйлов, архитектор А.А. Заварзин) и в Петербурге (скульптор В.В. Лишев, архитектор В.И. Яковлев) были установлены в 1959 г. в ознаменование 130-летней годовщины гибели Грибоедова. В Тбилиси помимо надгробия на горе Мтацминда в 1961 г. был поставлен памятник на Куре (скульптор М. Мерабишвили, архитектор Г. Мелкадзе), в Ереване памятник появился только в 1975 г. (скульптор О. Беджанян, архитектор С. Кндехцян). Известны также бюсты во Владикавказе, Алуште, Екатеринбурге и Саранске, но самым первым памятником считается камерная по размерам и духу скульптура, установленная «секретно» на территории российского посольства в Тегеране в 1900 г. на частные пожертвования (скульптор В.А. Беклемишев).

Грибоедов попал в Персию впервые за 10 лет до этого, когда предпочел место секретаря в Тегеране малоперспективному назначению в Филадельфию. Отчасти его соблазнила модная в то время ориенталистическая романтика, отчасти – обещанное повышение в чине сразу на два разряда, отчасти – возможность покинуть столицу после скандальной дуэли. Оказавшись в Тифлисе сначала при А.П. Ермолове, затем при своем зяте И.Ф. Паскевиче, Грибоедов не просто отдался своим новым обязанностям, но подошел к ним максимально творчески, а именно: его полностью захватила идея создания Русской Закавказской компании [Тархова, 1994, с. 285–295] на вновь отвоеванных у Персии кавказских территориях.

Грибоедов в западной литературе

В западном мире интерес к личности Грибоедова гораздо менее очевиден. Из существующих публикаций, ему посвященных, наиболее значительными по-прежнему являются исследования Д. Костелло [Costello, 1954] и Э. Харден [Harden, 1979], которым мы обязаны потрясающим результатам их скрупулезной архивной работы. Монографий всего две: первая – литературоведческое исследование В. Кошны [Kosny, 1985] о восприятии личности Грибоедова и более известная широкой публике книга Л. Келли [Kelly, 2002]. Из последних научных работ особенно важен перевод дневника персидской Искупительной миссии, осуществленный Дж. Бурнутяном, и публикация им корреспонденции внутри персидского двора о ситуации, сложившейся после убийства Грибоедова, о сношениях его членов с русским двором и дипкорпусом, а также с османским двором относительно использования временного перерыва в дипломатических отношениях между Россией и Персией и возможного вступления Персии в войну на стороне Турции [Bournoutian, 2014, p. 272–303].

При проведении небольшого исследования новинок издательства Кембриджского университета получились удивительные результаты: в справочных книгах по русской литературе и истории театра Грибоедов известен в основном как писатель-драматург [Senelick, 1995, p. 950]; [Senelick, 2012. Pp. 167, 281]; [The Cambridge Companion to Twentieth-Century Russian Literature, 2013, p. 245]; [The Cambridge History of Russian Literature, 1992, p. 100] и лишь отчасти как дипло-

мат, а в учебниках по истории России [Bushkovich, 2012]; [Tsygankov, 2012] и даже конкретно Кавказа [Forsyth, 2013] его имя не упоминается вовсе!

В одной из самых последних и подробных монографий, посвященных этому периоду, представляющей собой биографию Джона Малколма [Malcolm, 2014, p. 327], правителя Бомбея и зятя британского коллеги Грибоедова, посланника в Персии Джона Макдональда, на него есть только одна ссылка – при упоминании разгрома в миссии.

Грибоедов: свой среди чужих, чужой среди своих

Несмотря на довольно очевидное отсутствие сведений о Грибоедове в современной западной литературе архивные документы говорят о том, что он не просто выполнял поручения своего начальства, будь то Ермолов или Паскевич, а очень квалифицированно руководил не только сбором и обработкой агентурных сведений, но и генерировал идеи, равно как и направления русской военной политики в регионе, в том числе координировал контрразведку в очень сложных условиях, когда приходилось вести многослойное наблюдение (и соответствующее быстрое реагирование) за персидской стороной и в то же время противостоять отлично налаженной за многие годы деятельности английской разведки. Причем финансирование, которое он получал из Петербурга на сходные цели, было совершенно несопоставимо с тем, какое находилось в распоряжении его британских коллег.

Достаточно привести небольшую, но красноречивую выдержку из донесения Грибоедова К.В. Нессельроде¹, чтобы понять, что с целью получения секретных сведений Грибоедову удалось склонить на

¹ Граф К.В. Нессельроде был исключительно успешным в профессиональном отношении человеком, дослужившимся до вице-канцлера. Став зятем министра финансов Д.А. Гурьева, ему довелось служить трем императорам, при двух последних – в должности министра иностранных дел. Среди многих особенностей самой, пожалуй, любопытной для министра, отвечающего за внешнюю политику России, была та, что он считал себя англичанином на том только основании, что родился на английском корабле, пришвартованном в лиссабонском порту. Именно по этой причине он был членом самой закрытой общины в столице, регулярно посещая протестантскую церковь на Галерной улице в английском квартале Петербурга [Андреева, 2003, с. 37]; [Высочков, 2012, с. 242–243]; [Фомичев, 2007, с. 263–264].

свою сторону самого британского посланника полковника Джона Макдональда: «...Влияние англичан здесь уже не так исключительно, как бывало прежде... какая-нибудь угроза или изъявление расположения от имени Государя императора уже не ставятся постоянно на весы с мнением англичан и их тремя миллионами фунтов стерлингов, которые они до сих потратили в Персии со времени посольства Малькольма. Трудно объяснить такого рода щедрость, и я не поверил бы ей, если бы сам г. Макдональд не показал мне секретно (курсив автора. – Ф. М.) роспись их расходам»¹.

Тем не менее сложилось стойкое мнение, что дипломатом Грибоедов был плохим, потому и погиб, то есть повинен в собственной смерти, так что расследование обстоятельств его гибели не требуется. Примечательно, что единственное расследование по горячим следам было осуществлено Рональдом Макдональдом, который специально для этого приехал из Табриза в Тегеран по поручению своего брата, британского посланника в Персии, а не соотечественниками Грибоедова.

Очевидно, главным документом, который помог сформировать мнение о «профнепригодности» Грибоедова, стала так называемая *Реляция* – «Narrative of the Proceedings of the Russian Mission to Persia from 20th December, 1828 to 11th February 1829», опубликованная основными британскими оппонентами Грибоедова – первым секретарем Г. Виллоком и врачом и переводчиком миссии Дж. Макнилом².

В русском грибоедоведении поведение членов британской миссии обычно представляется монолитно зловредным. Однако мне *Реляция* кажется результатом коллективного творчества, в котором приняли участие не только представители персидского дво-

¹ См.: Рапорт А.С. Грибоедова К.В. Нессельроде от 30 ноября 1828 г. из Табриза.

² [Narrative, pp. 496–512]; французский перевод этой Реляции (Relation des événements que ont précédé et accompagné le massacre de la dernière ambassade russe en Perse) был опубликован сразу же в Nouvelles Annales des Voyages des Sciences Géographiques (Paris, 1830, pp. 314–345); русский перевод с купюрами увидел свет почти тридцать лет спустя в издании Е. Серчевского [Грибоедов, 1858]; полностью русский перевод был опубликован через сто лет после трагедии в сборнике А.С. Грибоедов. Его жизнь и гибель в мемуарах современников [Грибоедов, 1929, с. 151–184].

ра и английские дипломаты, при нем состоявшие, но и русские дипломатические круги самого высокого уровня, а именно петербургское начальство Грибоедова. Вполне возможно, что мнение о Грибоедове К.В. Нессельроде, к тому времени министра иностранных дел, и его личного секретаря и директора Азиатского департамента К.К. Родофиникина повлияло на тон тегеранских рапортов первого секретаря русской миссии И. Мальцова, единственного сотрудника миссии (не считая двух курьеров), которому чудесным образом удалось пережить резню, а впоследствии стать членом Совета Министерства иностранных дел по Азиатскому департаменту в звании камергера. Степень доверия к нему Нессельроде была такова, что Мальцов иногда исполнял обязанности министра иностранных дел. Судя по всему, это доверие он заслужил именно в Тегеране, а по прибытии в Петербург стал тем самым «единственным очевидцем», при помощи которого была выработана единая версия о непрофессионализме Грибоедова-дипломата. Мальцов с честью выполнил возложенную на него миссию, когда был придан Грибоедову в качестве секретаря почти помимо его воли вместо запрашиваемого врача Киселева, который был отправлен по распоряжению российского МИДа в Париж. С юным Мальцовым Грибоедов близко познакомился еще до тегеранской миссии, когда они вместе путешествовали по Крыму, когда Грибоедов знакомился с опытом коммерческого освоения края, а Мальцов показывал своему будущему начальнику фамильное имение в Симеизе. Мальцов соответствовал «системе» гораздо лучше Грибоедова: по материнской линии он был старого аристократического рода князей Мещерских, по отцовской – принадлежал к одной из богатейших семей Империи с дворцами и имениями по всей стране и фабриками по производству стекла, хрусталя и стали. Оставшись рано без родителей, он был с юного возраста одним из самых перспективных наследников огромного состояния, а Грибоедов был заинтересован в финансовом инвестировании его проекта создания Русской Закавказской компании. Окончательный вариант Проекта был подан на Высочайшее рассмотрение за несколько месяцев до гибели Грибоедова. На него был получен отказ. Не кажется слишком удивительным тот факт, что спустя четыре года Мальцов совместно с дядей Иваном Акимовичем смог открыть

собственную исключительно успешную коммерческую компанию под названием Закавказское Общество по беспошлинной торговле стеклом и хрусталем с Персией и Кавказом.

Британская миссия в Тегеране и отношения ее членов к Грибоедову

Что касается британской стороны, то она была поделена на две враждующие фракции – тегеранскую-антирусскую, конкретно анти-грибоедовскую, и табризскую. Еще раз исследуя текст *Реляции*, можно сделать вывод о том, что она была составлена в качестве официального ответа тегеранского контингента британской миссии, посланной из лондонского МИДа и представленной Виллоком и Макниллом их сопернику, британскому посланнику от Ост-Индской компании полковнику Джону Киннейру Макдональду, на его попытки расследовать причины и последствия погрома в русской миссии. Именно для проведения этого расследования по горячим следам был послан из Табриза его брат, капитан Рональд Макдональд¹.

Примечательно, что официальная версия русского МИДа совершенно игнорирует сведения, которые удалось собрать капитану Макдональду, а в своих донесениях Мальцов высказывается категорически негативно о Макдональдах, на основании чего даже отказывается встречаться с Рональдом для дачи показаний.

Соперничество внутри британской миссии случилось главным образом в результате того, что британский коллега Грибоедова – полномочный министр Джон Кеннейр Макдональд был назначен посланником в Персию не лондонским МИДом, а Калькуттской Ост-Индской Компанией (East India Company). Пользуясь этим, его формальным подчиненным, а на самом деле гораздо более опытным дипломатом, уже много лет находившимся в Тегеране², удалось убедить шаха в том, что верительных грамот Макдональда принимать не следует и вообще нет смысла иметь его миссию, как параллельную им структуру в столице. Шах уже не в первый раз имел дело с соперничеством внутри британской миссии и согласился с ситуацией, при

¹ К несколько другим выводам приходит Э. Харден в своем анализе *Реляции* [Harden, 1979, pp. 27–51].

² Виллок на момент назначения Макдональда находился в Персии 18 лет, прибыв в Тегеран в составе миссии Гора Узли.

которой британский дипломатический контингент в Тегеране был представлен секретарем, в то время как посланник вынужден был находиться в Табризе, не будучи допущенным ко двору¹.

Такое неловкое положение, в котором оказался Макдональд, могло послужить поводом к его сближению с Грибоедовым. Их отношения стали настолько близкими, что именно на попечение его и его жены Амелии, а не русского консула в Табризе А.К. Амбургера Грибоедов оставил свою 16-летнюю беременную жену на время своего предположительно короткого визита в Тегеран, когда он надеялся только посетить шаха для вручения ему верительных грамот.

Очевидно, до самого последнего момента Грибоедов не представлял, насколько роковыми для них обоих были его донесения в Петербург о сотрудничестве с ним Макдональда. Он мог догадываться, но не мог быть уверен в том, насколько доверительными были отношения у Нессельроде с Виллоком – не менее, чем у самого Грибоедова с Макдональдом. Только за несколько дней до нападения на миссию Грибоедову довелось полностью понять роли главных участников той большой игры в Персии и на Кавказе, одним из которых был он сам. Буквально накануне разгрома миссии Грибоедов отправил Макдональду предупреждение о заговоре против него, в котором участвовал его первый секретарь при поддержке русского министра иностранных дел. При этом он уже, очевидно, знал, что их почта перехватывается, но считал своим долгом написать Макдональду.

Ситуация была такова: когда в 1826 г. после двухлетнего отлучения от персидского двора шах все-таки принял верительные грамоты Макдональда, Виллок, убедившись, что его план по изоляции Макдональда провалился, уехал в Лондон, где, по словам Макдональда и его жены, предался самым «бессовестным интригам» против своего начальника².

¹ В очень схожей ситуации оказалось и посольство самого Малколма (зятя и могущественного покровителя Макдональда), который пытался стать британским посланником в Персии дважды: в 1808 и в 1810 гг. В первый раз ему пришлось возвращаться в Индию из-за французского присутствия. Во второй раз конкурентом оказалась английская миссия, посланная к шахскому двору из Лондона под руководством сэра Гора Узли).

² См. письма, опубликованные Э. Харден из архива правителя Ист-Индской компанией лорда Бентинка [Harden, 1971, p. 91]; *ibid.* [Harden, 1979].

Судя по результатам, его деятельность возымела успех: в Лондоне Виллок был возведен в рыцарское достоинство и послан обратно в Тегеран, куда он отправился не через Одессу, как намечалось ранее, а через Петербург. В Петербурге Виллок провел несколько месяцев в постоянном и тесном общении с графом Нессельроде, которому он представился только что назначенным новым послом Великобритании в Персии. Нессельроде легко мог проверить достоверность заявления Виллока у посла Великобритании в Петербурге, что он и не преминул сделать. Тем не менее Нессельроде пишет Грибоедову в Персию письмо, в котором рекомендует Виллока русскому посланнику как его нового коллегу. Грибоедов, однако, вместо того, чтобы исполнить приказание Нессельроде и послать приветственную ноту Виллоку в Тегеран, пишет предупреждение Макдональду в Табриз о сговоре своего начальника и его подчиненного. Письмо было отправлено буквально накануне нападения на посольство Грибоедова.

Грибоедов, Макдональд и Русская Закавказская компания

Сотрудничество Макдональда и Грибоедова могло носить личностно-деловой характер: Макдональд, возможно, был основным консультантом Грибоедова при создании им совместно с П. Завелейским проекта Русской Закавказской компании (РЗК). Грибоедов, вне сомнения, использовал не только опыт уже существовавшей Русской Американской компании, но в первую очередь британской Ост-Индской Компании, посланником и полковником армии которой состоял Макдональд, обладавший ценнейшими внутренними сведениями о ее структуре¹. Судя по небольшому сохранившемуся фрагменту, а также восстановленному благодаря усилиям коллег [Тархова, 1994, с. 293–295] тексту, проект был подвергнут серьезной критике. Однако наиболее крамольными его особенностями были, по свидетельству современников, как раз ее британские черты, «подтверждающие» сепаратистские настроения Грибоедова: независимый статус британской компании подразумевал наличие собственной армии,

¹ Особенно сблизиться Грибоедов и Макдональд могли в январе 1828 г., когда вместе работали над возобновлением мирных переговоров.

право печатать собственные деньги, объявлять войну, заключать мир и посылать дипломатические миссии, не согласовывая свои решения с лондонским МИДом, но при этом принимая решения от имени короля. В подобных «нездоровых» тенденциях, которые могли привести к отложению от центра, подозревались и Ермолов на Кавказе, и Воронцов в Крыму.

Возможно также, что проект РЗК содержал и еще более опасную для крепостного уклада российской экономики черту, заимствованную у русских колоний в Калифорнии, а именно – использование не крепостного, а фермерского труда свободных поселенцев, схожих с казачьими пограничными поселениями со времен Екатерины Второй. Эту идею Грибоедов мог заимствовать у мичмана Д.И. Завалишина, с которым он провел несколько месяцев в одной комнате в Генеральном штабе под арестом, ожидая решения суда по делу об участии в декабристском заговоре¹. Отправив свой проект Паскевичу, Грибоедов, вполне возможно, потерял в его лице союзника: главнокомандующий Закавказским краем, судя по всему, посчитал для себя недостаточно значительной должность члена Совета директоров Закавказской компании, которую предлагал ему назначавший себя управляющим Совета Грибоедов.

В заключение – несколько слов об одной из причин нападения на миссию – той, что говорит в пользу связи Грибоедова и Макдональда. Вполне возможно, что первоначально целью нападения было не убийство посла, а получение доступа к его секретным бумагам и значительным ценностям, которые находились на территории миссии

¹ Завалишин во время участия в кругосветном плавании под командованием адмирала М.П. Лазарева исключительно благодаря собственным, хоть и несколько авантюрным талантам, смог привести под власть русской короны довольно обширные земли в районе Сан Франциско вдоль течения реки Сакраменто. Создав свой собственный Орден Восстановления, в который он вовлекал местную знать, он довольно успешно проводил русскую колонизацию Калифорнии в ущерб английским, американским и мексиканским владениям. Однако чрезвычайно амбициозный завалишинский проект по расширению и благоустройству русских колоний в Америке, включая и Русскую Американскую Компанию, поданный на Высочайшее рассмотрение в 1824 г., был отвергнут, что, возможно, и спровоцировало его на участие в антиправительственном заговоре с самым радикальным подходом: он выступал за физическое уничтожение царской семьи [История Русской Америки, 1999, с. 257–274].

на момент нападения и бесследно исчезли¹. Вполне возможно, что документация и ценности были вынесены из миссии до нападения и разграбления толпой².

В личном архиве Грибоедова должны были быть документы, которые могли скомпрометировать Макдональда настолько, что его отставка стала бы неизбежной. Судя по всему, главной целью расследования Рональда Макдональда было определение местонахождения этого архива после погрома.

Что до ценностей, которые могли (помимо всего прочего) вдохновить нападавшую толпу, то они, очевидно, включали следующее [Фомичева, 2014, с. 220–225]:

1. Личные ценности евнуха мирзы Якуба (Маркарянца), долгие годы служившего казначеем главной сокровищницы шахского двора, то есть ее гаремной части, и пришедшего в миссию просить убежища с наиболее ценными вещами из своих многолетних накоплений. В миссии мирза Якуб появился буквально накануне отъезда Грибоедова и потребовал убежища как субъект Российской империи на основании того, что он происходил из района, который стал принадлежать России по условиям Туркманчайского договора. Его целью было переправить свое состояние родственникам в Ереван, поскольку, являясь шахским евнухом, он не имел права оставлять наследство: после его смерти все его имущество автоматически переходило в собственность шаха.

2. Денежные подарки и прочие ценности, которыми Мирза Якуб подкупал окружение Грибоедова, чтобы тот позволил ему остаться на территории миссии.

3. Прощальные подарки шаха посланнику и членам его окружения. Среди полученных даров были: золотые и серебряные медали

¹ Возможно, что теперь нужно иначе интерпретировать письмо шаха своему сыну, губернатору Казвина Али Наки мирзе, изданное В.Ф. Минорским. Возможно, оно является свидетельством не «двойной бухгалтерии» Аббаса мирзы, который просил у отца денег на выплату виры (*хунбаха*) за убийство русского посланника, а попыткой наследника помочь русским установить местонахождение тех денег и ценностей, исчезнувших из посольства во время погрома [Минорский, 1923, с. 7].

² Ср. сведения, изложенные в *Реляции* о том, что *мехмандар* Назар Али хан Афшар покинул здание миссии за несколько часов до нападения, когда Грибоедов еще спал, «не желая будить» посланника, без его разрешения, получение которого было обязательным [Narrative, 1830, p. 510].

всем членам миссии, Мальцову и Аделунгу – ордена Льва и Солнца 2-й степени, в бриллиантовых оправках. Лично Грибоедову были пожалованы, помимо трех кашемировых шалей, ордена Льва и Солнца 1-й степени в бриллиантовой оправе, жемчужного ожерелья и лошади, украшенной золотой уздечкой и сбруей, украшенной драгоценными камнями, также тысяча голландских червонцев [Фомичев, 2012, с. 431].

4. Накануне нападения *мехмандар* видел роспись на 1700 туманов, которые Грибоедов предназначал для раздачи среди персидского персонала, находившегося в русской миссии [Narrative, 1830, p. 509].

5. Личные средства секретаря миссии и фабриканта Мальцова, которые он планировал использовать для основания стекольного и хрустального бизнеса в Персии¹.

6. Есть сведения о том, что царские подарки, которые Грибоедов должен был вручить шаху во время первой аудиенции одновременно с верительными грамотами и которые были задержаны в порту Энзели, были доставлены в миссию в ночь накануне нападения².

7. Золото, которое должно было прибыть в миссию в качестве заработной платы. Эти сведения приводятся на основании данных, опубликованных Н. Мясоедовой, по расчетам которой буквально накануне нападения в миссию были доставлены мешки с золотом голландской чеканки в качестве заработной платы сотрудников обеих русских миссий в Персии на целый год вперед. Она также сообщает примечательный факт о том, что в тот момент, когда Паскевич препровождал золото из Тифлиса в Персию, при нем находился Виллок [Мясоедова, 1997, с. 100–102]. Это позволило ей считать, что основ-

¹ Несмотря на гибель Грибоедова и ссылку Завелейского, в 1833 г. было образовано «Закавказское общество» с участием Мальцова и его дяди Ивана Акимовича, фабриканта-миллионера. Общество поставляло на Кавказ и в Персию, а в последствии и в Среднюю Азию разнообразные стеклянные изделия, особенным спросом пользовались оплетенные серебряной нитью стеклянные кальяны [Фомичев, 2007, с. 230–231]; [Третьякова, 2004, 59–120].

² В.С. Фомичева перечисляет их так: бриллиантовые украшения, фарфоровые и хрустальные вазы русской работы, рулоны суконной ткани, 12 орудий, 400 сабель и другие подарочные изделия [Фомичева, 2014, с. 223]. Впрочем, она замечает, что казначей Дадашев, который прибыл с ними в Тегеран в ночь накануне нападения не мог доставить их все [Ениколопов, 1929, с. 144].

ная часть денег, общая сумма которых составляла 9510 голландских золотых червонных, посланных из Петербурга 20 декабря 1828 г. в счет заработной платы сотрудников обеих миссий (в Тегеране и Табризе), к моменту нападения уже могла быть доставлена в миссию в Тегеране.

Важно также помнить, что у Грибоедова были серьезные намерения относительно обустройства тегеранского посольства, о которых он сообщал в Петербург, в особенности – приобретение участка земли с домами, их перестройка и благоустройство: у России в тот момент не было своего постоянного здания посольства. На все это также требовались значительные суммы. Очевидно, они вместе с инструкциями были оставлены Мальцову при отъезде Грибоедова. До прибытия в миссию мирзы Якуба предполагалось, что Мальцов останется в Тегеране после отъезда Грибоедова дожидаться из Энзели подарков для шаха, отправленных 12 сентября на яхте «Марфа», и заниматься хозяйственными вопросами. Среди них был и его личный бизнес, в связи с которым он ожидал в составе дипломатического свой собственный груз, посланный ему с заводов в Гусь Хрустальном¹.

Свои заметки на полях трагической истории и странного парадокса Грибоедова, выдающегося дипломата, политика и государственного деятеля, который известен в собственной стране иногда даже и не как поэт, а как «вундеркинд и автор вальсов»² закончим его же шуткой, ставшей грустным пророчеством: «...Да погибнет день, в который я облекусь мундиром Иностранной Коллегии, и утро, в которое рекли: Се титулярный советник. День тот да не взыщет его Господь свыше, ниже да приидет на него свет, но да примет его тьма, и сень смертная, и сумрак...»³.

¹ Отношение Н.М. Сипягина к гражданскому губернатору Астрахани о вещах Грибоедова (54 ящика) и хрустале мальцевского завода см.: *РГАЛИ*. Ф. 136. Оп. 1. Ед. хр. 46. Копия; [Пиксанов, 2000, с. 129].

² Именно так Грибоедов был охарактеризован для номинации Имя Россия, проекта телеканала Россия и Телекомпании ВиD (2008 г.), целью которого было определение персоналий, претендующих на звание национального символа России, путём голосования интернет-пользователей, телезрителей и радиослушателей. Грибоедов вошел только в первоначальный список, состоявший из 500 имен; см. также [Фомичев, 2014, с. 209].

³ Из письма А.С. Грибоедова приятелю по кавказской службе, вятскому губернатору А.И. Рыхлевскому от 25 июня 1820 г. Табриз [Фомичев, 2007, с. 303–304].

Эти заметки – попытка пролить некоторый свет на те далекие события, заслоненные от нас сумраком времени и обстоятельств, и восстановить репутацию Грибоедова как талантливого дипломата, ставшего жертвой сложных личных и политических обстоятельств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А.С. Грибоедов в воспоминаниях современников / комм. П.С. Краснов, С.А. Фомичев. М.: Худож. лит., 1980. 448 с.
2. Адамова А.Т., Принцева Г.А. Панорама Персии П.Я. Пясецкого от Энзели до Тегерана, СПб.: Государственный Эрмитаж, 2015. 208 с.
3. Андреева А.Н. Англичане // Три века Санкт-Петербурга: Энциклопедия. Т. 2. Кн. 1. СПб., 2003. С. 37.
4. Аринштейн Л. С секундантами и без... Убийства, которые потрясли Россию: Грибоедов, Пушкин, Лермонтов. М.: Грифон, 2010. 192 с.
5. Берже А.П. Кавказская старина. Исторические очерки, статьи и заметки / сост. Н.В. Маркелов. Пятигорск: Снег. 2011, С. 152–252.
6. Выходчиков Л. Будни и праздники императорского двора. СПб.: Питер, 2012. С. 242–243.
7. Гайворонский К.К. Поговори мне о себе: Повести-эссе. Пушкинская эпоха (Пушкин – Николай I – Грибоедов – декабристы). Алматы: Гылым, 1998. 308 с.
8. Грибоедов: Его жизнь и гибель в мемуарах современников / ред. и примеч. З. Давыдова. Л.: Красная газета, 1929. 351 с.
9. Грибоедов А.С. Полное собрание сочинений: в 3 т. Санкт-Петербург: Нотабене, 1995. Т. 1. 352 с.
10. Грибоедов А.С. и его сочинения. СПб.: Изд. Е. Серчевского, 1858. 404 с.
11. Дары Востока и Запада императорскому двору за 300 лет. Каталог выставки в Государственном Эрмитаже. СПб., 2014. 424 с.
12. Дмитриев С.Н. Персидские напевы. От Грибоедова и Пушкина до Есенина и XXI века. М.: Вече, 2014. 504 с.
13. Ениколопов И.К. А.С. Грибоедов в Грузии и Персии. Историко-биографический очерк. Тифлис: Заккнига, 1929. 208 с.
14. Есенков В. Грибоедов. Дуэль четырех. Исторический роман. М.: АСТ: Астрель, 2004. 589 с.
15. История Русской Америки (1732–1867): 3 т. Т. 2. Деятельность Российско-американской компании 1799–1825 / под ред. акад. Н.Н. Болховитинова, М.: Междунар. отношения, 1999. С. 257–274.

16. Каратыгин П. Из моих записок // Грибоедов. Его жизнь и гибель в мемуарах современников / ред. и примеч. З. Давыдова. Л.: Красная газета, 1929. С. 57–58.

17. Краснов П.С., Фомичев С.А., Тархова Н.А. А.С. Грибоедов. Жизнь и творчество, М.: Русская книга, 1994. 192 с.

18. Лицо и Гений. Зарубежная Россия и Грибоедов / сост. и предисл. М.Д. Филина, ред. и комм. В.А. Кожевникова. М.: Русский миръ, 2001. 320 с.

19. Минорский В. «Цена крови» Грибоедова. Незданный документ // Русская мысль. Кн. III–V. Париж, 1923.

20. Мясоедова Н. Заметки о дипломатической деятельности А.С. Грибоедова // Мясоедова Н. О Грибоедове и Пушкине (статьи и заметки). СПб.: Алгол, 1997. С. 100–102.

21. Пиксанов Н.К. Грибоедов: Исследования и характеристики. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1934. 333 с.

22. Пиксанов Н.К. Летопись жизни и творчества А.С. Грибоедова, 1791–1829, М.: Наследие, 2000. 236 с.

23. Попова О.И. А.С. Грибоедов в Персии, 1818–1823 гг.: (по новым документам). М.: Жизнь и знание, 1929. 123 с.

24. Ростопчина Е.П. Возврат Чацкого в Москву, или Встреча знакомых лиц после двадцатипятилетней разлуки. Разговор в стихах. СПб., 1865. 140 с.

25. Тархова Н.А. К проблеме изучения биографии Грибоедова сегодня // Вопросы литературы. 2013. № 4. С.130–150.

26. Тархова Н.А. О «Проекте Российской закавказской компании» (По материалам архива И.Ф. Паскевича в РГИА) // Проблемы творчества А.С. Грибоедова / РАН. Отд. лит. и яз., Пушкин. комис.; отв. ред. С.А. Фомичев. Смоленск: ТРАСТ-ИМАКОМ, 1994. С. 285–295.

27. Тимрот А.Д. Бунт сердца и ума: московские годы жизни А.С. Грибоедова, М.: Моск. рабочий, 1965. 240 с.

28. Третьякова Л. Царский подарок. Старинные истории о любви. Москва: Виконт-МВ, 2004. С. 59–120.

29. Тынянов Ю.Н. Смерть Вазир-Мухтара: роман. Сюжет «Горя от ума» / послесл. и примеч. Б.О. Костеляница. М.: Сов. Россия, 1981. 608 с.

30. Фикельмон Д.Ф. Дневник. 1829–1837: весь пушкинский Петербург / коммент. С. Мрочковской-Балашовой, М.: Минувшее, 2009. 999 с.

31. Фомичев С.А. Александр Грибоедов: Биография. СПб.: Вита Нова, 2012. 512 с.

32. Фомичев С.А. Грибоедов. Энциклопедия. СПб.: Нестор-История, 2007. 394 с.

33. Фомичев С.А. Нессельроде К.В. // Фомичев С.А. Грибоедов. Энциклопедия. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 263–264.

34. Фомичев С.А. Феномен Грибоедова и современность // А.С. Грибоедов: эпоха, личность, творчество, судьба: Материалы Междунар. конф. 12–15 ноября 2013 // Хмелитский сборник. Вып. 16. Вязьма, 2014. С. 209–219.

35. Фомичева В.С. Перехваченные депеши // А.С. Грибоедов: эпоха, личность, творчество, судьба: Материалы Междунар. конф. 12–15 ноября 2013 г. // Хмелитский сборник. Вып. 16. Вязьма, 2014. С. 220–225.

36. Шостакович С.В. Дипломатическая деятельность А.С. Грибоедова, М.: Изд-во соц.-эконом. лит., 1960. 295 с.

37. Аудынян А. Oriental Journeys in Yuri Tynianov's novel «The Death of Vazir-Mukhtar» // *Ab Imperio*. 4, 2009. Pp. 357–379.

38. Bournoutian G. From Tabriz to St. Petersburg: Iran's Mission of Apology to Russia in 1829. Costa Mesa, 2014. 333 p.

39. Brintlinger A. The Persian Frontier: Griboedov as Orientalist and Literary Hero // *Canadian Slavonic Papers* 45. No. 3, 2003. Pp. 371–393.

40. Bushkovich P. A Concise History of Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 518 p.

41. Costello D.P. Murder of Griboedov. *Oxford Slavonic papers*, vol. VIII, 1957. Pp. 66–89.

42. Costello D.P. Griboedov in Persia in 1820: Two Diplomatic Notes. *Oxford Slavonic Papers* 5, 1954. Pp. 87–88.

43. Forsyth J. The Caucasus: a History. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 942 p.

44. Harden E. Griboedov and the Willock Affair. *Slavic Review*, vol. 30, issue 1, March 1971. Pp. 74–92.

45. Harden E. The Murder of Griboedov: New Materials (*Birmingham Slavonic monographs*), Birmingham, 1979. 96 p.

46. Kelly L. Diplomacy and Murder in Tehran. London: I.B.Tauris, 2002. 368 p.

47. Kosny W. A.S. Griboedov – Poet und Minister. Die zeitgenossische Rezeption seiner Komodie «Gore ot uma», 1824–1832. Band 58. Berlin, 1985.

48. Melville F. Khosrow Mirza's mission to St Petersburg in 1829 // *Iranian-Russian encounters. Empires and Revolutions since 1800*, ed. S. Cronin, Routledge, London-New York, 2013, pp. 69–94.

49. Malcolm – Soldier, Diplomat, Ideologue of British India: The Life of Sir John Malcolm (1769–1833). Edinburgh: John Donald, 2014, 642 p.

50. Melville F. Diplomatic Gift Exchange between the Russian and the Persian Courts in the Early Nineteenth Century. The contest for the rule in eigh-

teenth century Iran // *Idea of Iran series*, vol. 11, ed. Charles Melville, London: Bloomsbury, 2022. Pp. 129–163.

51. Narrative of the Proceedings of the Russian Mission from its Departure from Tabreez for Tehran on 14th Jummade 2D [20 December 1828], until its Destruction on Wednesday the 6th of Sha'ban [11 February 1829] ['Mehmandar's Narrative'] // *Blackwood's Edinburgh Magazine*, No. 171 (September), Edinburgh, 1830. Pp. 496–512.

52. Senelick L. Riccoboni Family // *The Cambridge Guide to Theatre*, ed. M. Banham, Cambridge: Cambridge University Press, 1995. P. 950.

53. Senelick L. Theatre // *The Cambridge Companion to Modern Russian Culture*, Second edition, ed. Nicholas Rzhevsky, Cambridge: Cambridge University Press, 2012. Pp. 167–281.

54. *Tarikhe siyasiye iran dar doureye qajar*, 2 jild, Tehran, Sokhan, 1392/2014.

55. *The Cambridge Companion to Twentieth-century Russian Literature*, eds. Evgeny Dobrenko and Marina Balina, Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 298 p.

56. *The Cambridge History of Russian Literature*, ed. Charles A. Moser, Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 654 p.

57. Tsygankov A. *Russia and the West from Alexander to Putin: Honor in International Relations*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 330 p.

<https://doi.org/10.29003/m3664.khmelita-18/177-188>

<https://elibrary.ru/epriyj>

Научная статья / Research Article

УДК 930.85

ББК 63.3(2)521

This is an open access book
Distributed under the Creative
Commons Attribution-NoDerivatives
4.0 (CC BY-ND)

АЗИАТСКИЙ ДЕПАРТАМЕНТ ПРИ ГРИБОЕДОВЕ

© 2023. *О.А. Короткова*

Аннотация: Организационный центр восточной политики Российской империи – Азиатский департамент Министерства иностранных дел был образован в Санкт-Петербурге в 1819 г. В статье рассматриваются устройство и состав ведомства в первое десятилетие его существования. Впервые в подобной перспективе особое внимание уделяется современникам А.С. Грибоедова, служившим в Азиатском департаменте и оставившим след в русской культуре. Грибоедов был одним из тех, кто занимался сложнейшей дипломатической практикой, находясь в главном регионе внешнеполитических интересов Российской империи в Азии на тот период. Показано, что расположение дипломатических представительств, а также специфика Учебного отделения восточных языков при Азиатском департаменте отражали основную направленность его работы в первой половине XIX в. – на установление и поддержание политических и торговых контактов с Ближним Востоком, регионом решения «Восточного вопроса», центром противоборства европейских держав. Вскоре после трагической гибели Грибоедова в Тегеране в 1829 г. Азиатский департамент переехал из особняка на Английской набережной в новый корпус Министерства иностранных дел, в восточное крыло здания Главного штаба на Дворцовой площади. В 1988 г. памятник был передан Государственному Эрмитажу, который хранит память о работе этого ведомства.

Ключевые слова: А.С. Грибоедов, дипломат, Азиатский департамент, Министерство иностранных дел, Государственный Эрмитаж, здание Главного штаба.

Информация об авторе: Короткова Ольга Анатольевна – заведующий сектором истории Главного штаба, Государственный Эрмитаж, Дворцовая наб., д. 34, 190000 г. Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: olgaankoro@gmail.com

Для цитирования: *Короткова О.А.* Азиатский департамент при Грибоедове // *А.С. Грибоедов и его эпоха: Хмелитский сборник № 18 / отв. ред. Е.В. Аблогина, М.В. Скороходов. М.: ООО «МАКС Пресс», 2023. С. 177–188.* <https://doi.org/10.29003/m3664.khmelita-18/177-188>.

THE ASIATIC DEPARTMENT IN THE TIMES OF GRIBOEDOV

© 2023. *Olga A. Korotkova*

Abstract: Institutional center of all Eastern policy of the Russian Empire, the Asiatic department of the Ministry of Foreign Affairs was formed in Saint Petersburg in 1819. The paper discusses the organization and staff of the department during the first decade of its existence. For the first time in this respect special attention is given to contemporaries of Griboedov who were working at the Asiatic department and contributed Russian culture. Griboedov was one of those men who were engaged in sophisticated diplomatic practice while working in the main region of interests of the Russian Empire's foreign policy in Asia in the considered period. It is shown that the placement of diplomatic missions as well as particularities in the work of the Educational department of Eastern languages, attached to the Asiatic department, reflected its main goals – to establish and maintain political and commercial contacts with the Middle East which was the region of the Eastern Question, the centre of confrontation between European countries. Soon after the tragic death of Griboedov in Tehran, the Asiatic department moved from the mansion on the English Embankment to a new house of the Ministry of Foreign Affairs in the east wing of the General Staff building on the Palace square. This architectural monument was transferred to the State Hermitage in 1988, and from now on the museum carries a memory of the institution's early years.

Keywords: A.S. Griboedov, diplomat, the Asiatic department, the Ministry of Foreign Affairs, the State Hermitage museum, the General Staff building.

Information about the author: Olga A. Korotkova – Head of the Sector of history, the General staff department, The State Hermitage museum, Dvortsovaya Emb., 34, 190000 St Petersburg, Russia.

E-mail: olgaankoro@gmail.com

For citation: Korotkova, Olga A. The Asiatic Department in the Times of Griboedov. *Aleksandr Griboedov and His Epoch: Khmelitsky Sbornik No. 18*. Ex. ed. Evgeniia V. Ablogina, Maxim V. Skorokhodov. Moscow: MAX Press Publ., 2023. pp. 177–188. (In Russian). <https://doi.org/10.29003/m3664.khmelita-18/177-188>.

Драматург, писатель, музыкант и дипломат А.С. Грибоедов остается в памяти поколений одним из самых известных и значимых деятелей русской культуры. В истории XIX в. сложно найти пример писателя, получившего столь высокое признание на государственной гражданской службе. Непростая судьба Грибоедова стала отражением судьбы русского дворянина своего времени. Жизнь автора «Горя от ума» – это удивительная история человека, направлявшего все силы на защиту интересов государства и вместе с этим посвятившего свою жизнь литературному творчеству.

Хранителем памяти о Грибоедове наряду с его собственными литературными произведениями и посвященными ему памятниками является Петербург. Столица Российской империи, Петербург XIX в. был городом многоликим – полурусским-полуевропейским, центром, где процветали архитектура, искусства и литература, средоточием верховной власти, городом военных и чиновников.

Грибоедов родился и получил образование в Москве, и только оставив военную службу в марте 1816 г., переехал в Петербург. Коллегия иностранных дел, где он стал служить с июня 1817 г., была высшим государственным учреждением, в ведение которого входили отношения России с иностранными державами. В Коллегию иностранных дел в один год с Грибоедовым были определены первые выпускники Императорского Царскосельского лицея – поэты А.С. Пушкин и В.К. Кюхельбекер, а также А.М. Горчаков, которому предстояло стать следующим министром иностранных дел в 1856 г.

В соответствии с манифестом императора Александра I от 8 сентября 1802 г. коллегиальное устройство управления страной, вве-

денное императором Петром I, было заменено министерской системой. Наряду с другими семью новыми ведомствами было образовано Министерство иностранных дел, однако Коллегия иностранных дел продолжала свое существование, вплоть до 1832 г. находясь в его составе. В те годы ведомство находилось в перестроенном архитектором Джакомо Кваренги особняке на Английской набережной.

Получивший прекрасное, не уступавшее европейскому уровню образование Грибоедов никогда не бывал в Европе. В 1818 г. Грибоедов, переводчик Коллегии иностранных дел, отказался от службы в Филадельфийской миссии в США, связав свою дальнейшую дипломатическую карьеру с Востоком.

Организационным центром всей восточной политики Российской империи был Азиатский департамент Министерства иностранных дел – единственное подразделение министерства с географическим признаком в названии. В 1819 г. был упразднен одноименный департамент в составе Коллегии иностранных дел, основанный в 1797 г. императором Павлом I [История отечественного востоковедения, с. 151]. Образование нового департамента 19 апреля (1 мая) 1819 г. пришлось на время активизации российской внешней политики на Востоке и заметного усиления роли России в международных отношениях по сравнению с XVIII в. Всё более актуальным для России становился Восточный вопрос: она принимала активное участие в борьбе европейских держав за влияние на Ближнем Востоке.

Когда в 1815 г. статс-секретарем по иностранным делам был назначен дипломат греческого происхождения И. Каподистрия, ему были поручены дела, связанные с Бессарабией и Турцией. Задачей другого статс-секретаря, К.В. Нессельроде (он же управляющий министерства с 1816 г.), было общее управление ведомством и ведение политических дел со странами Запада. У каждого статс-секретаря была своя канцелярия, дважды в неделю они совместно являлись на доклад императору. В 1822 г. Каподистрия фактически покинул министерство, а после своей официальной отставки возглавил обретшую независимость Грецию. Граф Нессельроде на долгие годы стал единственным главой ведомства, его отставку принимал уже император Александр II. В течение всего этого времени в структуре министерства иностранных дел наблюдалось четкое разделение на западные и восточные вопросы, и первым уделялось несомненно большее значение.

Директор Азиатского департамента в 1819–1837 г. К.К. Родофиникин был, как и Каподистрия, ещё одним греком на российской дипломатической службе. Пользовавшийся расположением Нессельроде Родофиникин управлял межведомственным учреждением – Азиатским комитетом, делопроизводство которого вели чиновники Азиатского департамента. В заседаниях комитета принимали участие управляющий министерства, министры внутренних дел и финансов, начальник Главного штаба, а с июля 1821 г. – генерал-губернатор Сибири М.М. Сперанский [Министерство иностранных дел России]. Одной из главных забот Азиатского комитета было улаживание конфликтов с киргиз-кайсаками (казахами) и постепенное включение их земель в состав империи. Департамент и комитет провели ряд совместных военно-научных экспедиций на Кавказ и в Среднюю Азию [Бурков, с. 36].

В спектр задач Азиатского департамента входили отношения с восточными соседями России и азиатскими народами, проживавшими на территории империи, дела русских подданных за границей и подданных восточных стран в России. Главными регионами работы были Средняя Азия, Кавказ и, в особенности, страны Ближнего Востока. Стоит отметить, что к началу деятельности Азиатского департамента на Востоке были открыты всего две российских дипломатических миссии – «при оттоманском дворе» в Османской империи и «при шахском дворе» в Персии [История отечественного востоковедения, с. 167].

Устройство департамента было типичным для системы центральных учреждений власти в Российской империи XIX в. за тем исключением, что в первые годы в нём служило совсем немного чиновников. Департамент состоял всего из двух отделений, каждое из которых делилось на два стола. Первое отделение занималось турецкими, персидскими, грузинскими вопросами и отношениями с горными народностями, другое – с кочевыми народностями Кавказской, Астраханской и частично Саратовской губерний и киргиз-кайсаками. В структуру Азиатского департамента входили также регистратура, библиотека, архив и Учебное отделение восточных языков (с 1823 г.).

На практике в построении отношений с восточными соседями России участвовали сотни подданных империи – сотрудников дипломатических миссий, генерал-губернаторов приграничных губерний

и их подчиненных. По сложному порядку ведения дел той поры российские посольства и миссии на Востоке по политическим вопросам письменно обращались к управляющему министерством, по финансовым вопросам – в Коллегию, по всем остальным – в Азиатский департамент [Министерство иностранных дел России].

Одним из сотрудников заграничных учреждений империи был Грибоедов. Начало его службы в качестве секретаря русской дипломатической миссии в Тебризе при поверенном в делах в Иране С.И. Мазаровиче (1819–1822) пришлось на период самого формирования Азиатского департамента. Постоянная дипломатическая миссия была образована для реализации положений Гюлистанского мирного договора и развития русско-иранских торговых связей; для того, чтобы стать проводником русского влияния в этой стране [Шостакович, с. 23]. Грибоедов занимался выводом русских пленных, находившихся там со времен русско-персидской войны 1804–1813 гг.

В литературе установилось мнение о том, что карьеры чиновника центрального аппарата и служащего дипломатического представительства за рубежом имели мало общего и нечасто совмещались в судьбе одного человека. В Азиатском департаменте времен Грибоедова дела обстояли иначе, что можно объяснить небольшим числом специалистов по Востоку.

Управляющим отделениями Азиатского департамента с первых дней его существования был статский советник В.Ф. Тимковский. Но поскольку он был вскоре откомандирован «к исправлению должности председателя Оренбургской пограничной комиссии» [Месяцеслов, с. 350], на этой должности его сменил брат Е.Ф. Тимковский, в 1821 г. завершивший путешествие в Китай.

В 1820–1821 гг. Тимковский сопровождал Российскую духовную миссию в Пекине в качестве официального представителя министерства – пристава, выполнявшего дипломатические функции. Учрежденная ещё Петром Великим, миссия долгое время служила уникальным проводником интересов России во взаимоотношениях ее с крупнейшим восточным соседом. Она просуществовала в составе Азиатского департамента вплоть до 1860-х гг., т. е. до учреждения в Пекине собственно дипломатической миссии. Именно с православной духовной миссией была связана деятельность таких выдающихся российских синологов, как архимандриты Иакинф (Бичурин),

Палладий (Кафаров), Петр (Каменский), Аввакум (Честной). Результатом поездки Тимковского стало трехтомное исследование, в котором директор Азиатского департамента описывал своё путешествие в Китай через Монголию.

С Азиатским департаментом периода его становления в недрах Министерства иностранных дел был связан современник Грибоедова, инженер и востоковед-дипломат П.Л. Шиллинг фон Канштадт, получивший известность как изобретатель электромагнитного телеграфа. Шиллинг первым в России основал литографию, мечтая организовать книгоиздание на восточных языках, и произошло это в Министерстве иностранных дел в 1816 г. Он же открыл в Петербурге музей китайской культуры на основе своих коллекций [История отечественного востоковедения, с. 166].

Коллегой Шиллинга в этом начинании был синолог З.Ф. Леонтьевский – переводчик Азиатского департамента, проведенный в Китае десять лет в составе православной духовной миссии (1820–1830). Леонтьевский, не окончив курса математического факультета Петербургского университета, воспользовался предложением Азиатского департамента и по собственному желанию отправился в Китай. В Поднебесной он изучал историю, географию, статистику, работал над созданием китайско-маньчжурского словаря, увлеченно собирал акварели китайских художников, китайские географические карты, манускрипты, книги, предметы быта. Его собирательская деятельность увенчалась открытием в Петербурге частного музея китайской культуры и быта.

В составе Азиатского департамента были переводчики не только с китайского, но и с персидского, грузинского, греческого, молдавского, татарского, калмыцкого языков [История отечественного востоковедения, с. 152]. Во времена Грибоедова в ведомстве числился писатель А.М. Худобашев, впоследствии автор армяно-русского словаря и учебной книги армянского языка. Худобашев участвовал в миссии А.П. Ермолова в Иран в 1817 г. В канцелярии посольства Ермолова находился и драгоман (переводчик) Азиатского департамента Я.О. Ярцов, адъютант Академии наук [История отечественного востоковедения, с. 167].

В департаменте научное и практическое востоковедение шли рука об руку. С целью подготовки драгоманов для службы на Ближнем

Востоке в 1823 г. при Азиатском департаменте было основано Учебное отделение, или Институт восточных языков. Учебное отделение выпускало высококлассных переводчиков с арабского, персидского и турецкого языков, уже имевших за плечами образование, полученное в Санкт-Петербургском университете или Лазаревском институте восточных языков в Москве. Студенты слушали курсы по истории и географии Востока, международному и мусульманскому праву, нумизматике, изучали искусство каллиграфии.

План устройства особой школы восточных языков принадлежал французским учёным-ориенталистам: Ж.-Ф. Деманжу и Ф.-Б. Шармуа. Готовясь к первому назначению в Персию, Грибоедов брал уроки персидского и арабского у Деманжа [Шостакович, с. 28]. Недолгое время учёные находились с поручениями в Иране при главнокомандующем И.Ф. Паскевиче во время русско-иранской войны 1826–1828 гг. [История отечественного востоковедения, с. 158].

В 1823–1824 гг. учебное отделение министерства возглавлял востоковед Г.М. Влангали, который преподавал турецкий язык, готовя к выпуску французско-турецкий словарь. В период русско-иранской и русско-турецкой войн Влангали служил военным переводчиком в русской армии на Кавказе [Министерство иностранных дел России], участвовал в переговорах по заключению Андрианопольского и, наряду с Грибоедовым, Туркманчайского мирных договоров [История отечественного востоковедения, с. 156].

Вторым директором Института восточных языков, который внес наиболее значительный вклад в его развитие, был Ф.П. Аделунг. Аделунг, немец по происхождению, был крупным историком, специализировавшимся на истории древней и средневековой Руси, лингвистом, библиографом, археологом. Будучи страстным коллекционером, он организовал в стенах Института восточных языков нумизматический музей и способствовал увеличению коллекции рукописей в его библиотеке.

В отличие от библиотеки Азиатского департамента, где хранились привезенные членами Пекинской духовной миссии труды в основном на китайском и маньчжурском языках, книжное собрание Учебного отделения представляло собой коллекцию произведений арабо-мусульманской литературы. Это полностью отвечало программе учебного отделения, где из восточных языков первоначально

изучались лишь арабский, персидский и турецкий. Главными источниками пополнения книжных, рукописных и нумизматических коллекций учебного отделения были плановые закупки, а также покупки и пожертвования от частных лиц – бывших учеников и профессоров отделения, военных, скопивших коллекции во время службы за границей. Многих студентов вдохновил собирать подобные коллекции именно Аделунг. В 1828 г. по просьбе Аделунга Нессельроде испрашивал высочайшего повеления на поступление в учебное отделение персидских золотых монет из контрибуции после заключения мирного договора [Markoff, 1889, р. III]. В 1838 г. основатель российской нумизматической науки, директор Азиатского музея академик Х.Д. Френ назвал коллекцию восточных монет учебного отделения второй по значению в Европе [Markoff, 1891, р. I].

Трое сыновей Аделунга выбрали дипломатическую карьеру, один из них, Карл Федорович, находясь в должности второго секретаря миссии, погиб вместе с Грибоедовым во время покушения на сотрудников российского посольства в Тегеране в 1829 г. В сохранившихся письмах отцу он подробно описывал миссию и тепло отзывался о Грибоедове.

Известный востоковед Мирза Джафар Топчибашев, преподаватель восточных языков и каллиграфии в Учебном отделении, давал Грибоедову уроки персидского. Он вел практические занятия по персидскому и турецкому языкам в Учебном отделении с 1823 по 1867 г. На занятиях студенты делали устные и письменные переводы (например, переводили на персидский сочинения Н.М. Карамзина, В.А. Жуковского, И.А. Крылова [История отечественного востоковедения, с. 159]), занимались каллиграфией.

В 1828 г., привезя в столицу Туркманчайский мир и вынашивая план учреждения Российской Закавказской компании, Грибоедов жил в непосредственной близости от дома Учебного отделения на Большой Морской улице (д. 14). В марте 1828 г. он присутствовал на публичном экзамене второго выпуска Института в числе четырех десятков высоких гостей, политиков и ученых.

Уже после посольства Хосрова-мирзы с извинениями за гибель Грибоедова Азиатский департамент переехал из особняка на Английской набережной (д. 32) на Дворцовую площадь, в новый корпус министерства. В 1819–1829 гг. для гражданских ведомств:

Министерства иностранных дел и Министерства финансов – по проекту архитектора К.И. Росси было построено восточное крыло здания Главного штаба, ближайшее к Певческому мосту. Для размещения собственно Главного штаба предназначалось западное крыло. История российского внешнеполитического ведомства была связана со зданием Главного штаба вплоть до марта 1918 г.

С 1988 г. здание гражданских министерств является частью Государственного Эрмитажа. В 2014–2016 гг. здесь проходила выставка «Дары Востока и Запада», где были показаны, в числе прочего, дары посольства Хосрова-мирзы Российскому императорскому двору. В 1829 г. каджарский принц преподнес императрице Александре Федоровне две английские фарфоровые чашки с портретами Фатх-Али-шаха и Аббаса-мирзы на золотых подставках (ГЭ, Инв. № V3-732, V3-741) [Дары Востока и Запада, с. 85]. Это единственные предметы в собрании музея, имеющие прямое отношение к последней миссии Грибоедова.

Многочисленные дипломатические дары, хранящиеся сегодня в Государственном Эрмитаже, отражают построение и поддержание мирных взаимоотношений Российской империи с другими странами. Дары правителей европейских стран преподносились, как правило, по случаю общих христианских праздников, бракосочетаний высочайших особ, дружеских визитов. Это были лучшие произведения из фарфора, ювелирное искусство, редкие и драгоценные вещи. В первой половине XIX в. подарки от властителей Азии – прежде всего предметы оружия, коллекционированием которого увлекался Николай I, ювелирное искусство, нумизматика, портреты правителей. Примером служит сабля, присланная Александру I персидским правителем из династии Каджаров Фатх-Али-шахом, и связанная с заключением Гюлистанского мирного договора (ГЭ, Инв. № В.О.-71.). В знак добрых отношений в 1817 г. во время дипломатической миссии генерала Ермолова ему был подарен портрет Фатх-Али-шаха во весь рост, также хранящийся ныне в Эрмитаже (ГЭ, Инв. № VP-1107).

В 2019 г. исполнилось 200 лет со времени образования Азиатского департамента МИД, что отмечалось в Эрмитаже в ходе конференции Императорского православного Палестинского общества (3–4 ноября 2019 г.). Сегодня крупнейший музей страны является хранителем памяти о деятельности департамента. В восточном крыле здания

Главного штаба Азиатский департамент занимал несколько помещений в двойной анфиладе комнат бельэтажа, выходящих окнами на Дворцовую площадь. Комнаты не сохранили своей первоначальной отделки к моменту передачи здания Главного штаба Эрмитажу в 1988 г. Поэтому на территории, занимаемой прежде кабинетами чиновников, была развернута другая выставка: с 2017 г. здесь находится единственный в России Музей российской императорской гвардии. Память о работе Азиатского департамента отражена на постоянной экспозиции «Министерство иностранных дел» в присутственной галерее министра, в которую входили его кабинет, секретарская, приемная и гардеробная комнаты. Памятная экспозиция в этих залах посвящена истории внешнеполитических связей России на протяжении XIX – начала XX в. В нескольких витринах показаны дипломатические дары от правителей стран Азии.

Грибоедов-дипломат находился у истоков новой системы проведения внешней политики, учрежденной Александром I в ходе общего реформирования государственного управления. Он не был чиновником центрального аппарата, находясь среди тех, кто действовал на практике за границами империи. Во времена Грибоедова Азиатский департамент – это небольшое количество чиновников, на плечах которых лежала работа по организации всей внешней политики на Востоке. С деятельностью департамента самым непосредственным образом были связаны такие ученые и востоковеды, современники Грибоедова, как Аделунг, Шиллинг, Леонтьевский, Тимковский и многие другие.

Грибоедов был одним из тех, кто занимался сложной дипломатической практикой, находясь при этом в главном регионе внешнеполитических интересов Российской империи в Азии на тот период. Количество и расположение дипломатических представительств, а также специфика Учебного отделения восточных языков отражали основную направленность работы департамента в первой половине XIX в. – на установление и поддержание политических и торговых контактов с Ближним Востоком, регионом решения «Восточного вопроса», центром противоборства европейских держав. Кочевые народы азиатской части Российской империи также входили в арал работы подразделения, несмотря на то, что министерство было ведомством преимущественно внешнеполитическим. Контакты

со странами Дальнего Востока были немногочисленными, отношения с Цинской империей строились посредством усилий членов православной духовной миссии.

Роль Азиатского департамента существенно возросла позднее, при попытках справиться с последствиями Парижского мирного договора в результате поражения в Крымской войне 1853–1856 гг., присоединении среднеазиатских ханств и особенно к концу XIX в., когда российские дипломатические представительства появились почти во всех крупных центрах на Востоке, а Азиатский департамент стал называться Первым.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бурков В.Г. Азиатский департамент. К истории Министерства иностранных дел России // Клио. 2012. № 8(68). С. 36–38.

2. Дары Востока и Запада Императорскому двору за 300 лет: Кат. Выст. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2014. 424 с.

3. История отечественного востоковедения до середины XIX века / Под ред. Г.Ф. Ким, П.М. Шапитко М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. 435 с.

4. Месяцеслов с росписью чиновных особ или общих штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1821: В 2 ч. СПб.: Имп. Академия наук, 1821. Ч. 1. XL, 1019 с.

5. Министерство иностранных дел России в 1802–1856 гг. Летопись дипломатической службы // Историко-документальный департамент МИД России. URL: <https://idd.mid.ru/letopis-diplomaticeskoj-sluzby> (дата обращения: 05.09.2020).

6. Шостакович С.В. Дипломатическая деятельность А.С. Грибоедова. М.: Изд-во соц.-эконом. лит., 1960. 295 с.

7. Markoff A. Catalogue des monnaies Arsacides, Subarsacides, Sassanides, Dabweihides / Collections Scientifiques de l'Institut des langues orientales du Ministère des Affaires étrangères. Vol. V. Saint-Petersbourg: Académie Impériale des Sciences, 1889. 182 p.

8. Markoff A. Registre Général des monnaies orientales / Collections Scientifiques de l'Institut des langues orientales du Ministère des Affaires étrangères. Vol. VII. Saint-Petersbourg: Académie Impériale des Sciences, 1891. 48 p.

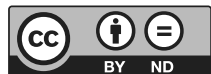
<https://doi.org/10.29003/m3665.khmelita-18/189-194>

<https://elibrary.ru/gzpriq>

Научная статья / Research Article

УДК 82.091

ББК 83.3

This is an open access book
Distributed under the Creative
Commons Attribution-NoDerivatives
4.0 (CC BY-ND)

К ВОПРОСУ О РЕЦЕПЦИИ ГРИБОЕДОВА В ИРАНЕ

© 2023. *Н. Калаши*

Аннотация: Литературные связи Ирана и России охватывают несколько столетий. В этот период культуры взаимодействовали и обогащали друг друга, в том числе посредством переводов. Российско-иранские культурные связи активно расширились в конце XVIII – начале XIX в., в период Каджарской истории Ирана. Настоящее исследование посвящено изучению восприятия в Иране как самого А.С. Грибоедова, так и его литературного наследия. Рассматриваются обращения переводчиков к комедии «Горе от ума» и литература на персидском языке о заглавном драматическом произведении Грибоедова. Характеризуется рецепция Грибоедова в современном Иране, отмечаются релевантные исследования иранских авторов, на материале обзорных статей исследуются многочисленные варианты передачи названия пьесы на персидский язык. Подчеркивается, что перевод как попытка глобализации знаний создает культурные связи между неязыковыми группами и задача переводчика состоит в том, чтобы через перевод укрепить дружбу между странами и ознакомить их жителей с культурой друг друга.

Ключевые слова: А.С. Грибоедов, перевод, «Горе от ума», Иран, персидский язык, русский язык, литература, иранская аудитория.

Информация об авторе: Нахидех Калаши – кандидат педагогических наук, преподаватель, Университет Аль-Захра, ул. Дехе Ванак, 1993893973 г. Тегеран, Иран.

ORCID ID: 0000-0001-8691-3959.

E-mail: n.kalashi@alzahra.ac.ir

Для цитирования: *Калаша Н. К вопросу о рецепции Грибоедова в Иране // А.С. Грибоедов и его эпоха: Хмелитский сборник № 18 / отв. ред. Е.В. Аблогина, М.В. Скороходов. М.: ООО «МАКС Пресс», 2023. С. 189–194. <https://doi.org/10.29003/m3665.khmelita-18/189-194>.*

REVISITING THE RECEPTION OF GRIBOEDOV IN IRAN

© 2023. *Nahideh Kalashi*

Abstract: Literary ties between Iran and Russia span several centuries. During the course of this period, the cultures interacted and enriched each other, partly owing to translations. Russian-Iranian cultural ties actively expanded in the late 18th and early 19th centuries, during the Qajar period of Iran’s history. The present study discusses the perception of A.S. Griboedov’s image and his literary heritage in Iran. Translators’ approaches to the comedy “Woe from Wit” and Persian publications on Griboedov’s main drama are thoroughly considered. The article also characterises the reception of Griboedov in modern Iran and points to the relevant Iranian studies, numerous translations of the play’s title into Persian are considered based on the reviews of Iranian authors. It is emphasized that translation, as an attempt to globalize knowledge, creates cultural ties between non-linguistic groups and the task of the translator is to strengthen friendship between countries through translation and familiarize them with each other’s culture.

Keywords: A.S. Griboedov, translation, Woe from Wit, Iran, the Persian language, the Russian language, literature, Iranian audience.

Information about the author: Nahideh Kalashi – lecturer, PhD in Pedagogy, Alzahra University, North Sheikh Bahae St., Deh-e Vanak, 1993893973 Tehran, I. R. of Iran.

ORCID ID: 0000-0001-8691-3959.

E-mail: n.kalashi@alzahra.ac.ir

For citation: Kalashi, Nahideh. Revisiting the reception of Griboedov in Iran. Aleksandr Griboedov and His Epoch: Khmelitsky Sbornik No. 18. Ex. ed. Evgeniia V. Ablogina, Maxim V. Skorokhodov. Moscow: MAX Press Publ., 2023. pp. 189–194. (In Russian). <https://doi.org/10.29003/m3665.khmelita-18/189-194>.

Обстоятельства жизни и смерти А.С. Грибоедова тесно связаны с Персией. В современном Иране драматурга и дипломата знают и помнят как «полномочного министра России» – «Вазире мох-таре русийе» [Мохаммади Бадр, с. 121]. Для большинства иранцев Грибоедов – в первую очередь русский политический деятель и дипломат, отстаивавший интересы Российской империи в ходе Русско-персидской войны 1826–1828 гг. [Рахбари, Валипур с. 27–30]. О незаурядном литературном таланте Грибоедова, о его комедии «Горе от ума» широкая читательская аудитория Ирана узнала лишь в 1970-е гг. Это связано с выходом в 1977 г. иранского перевода исторического романа Ю.Н. Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара» (перевод с английского языка осуществил Мехди Сахаби, издание было приурочено к 150-летию подписания Туркманчайского мирного договора, в 2018 г. книга была переиздана при участии Абтина Голкара).

Изучение биографии и творчества Грибоедова все чаще входит в курс по русской литературе иранских университетов. Если в 1990-е гг. русистику изучали лишь в университете Тегерана и Исламском университете «Азад», то в последние годы в иранских вузах насчитывается не менее 12 кафедр русского языка и литературы [Калаши, с. 124]. Акцент при обучении студентов-русистов закономерно делается на творческую деятельность Грибоедова, он изучается как талантливый поэт и драматург. Отдельное внимание уделяется комедии «Горе от ума», которую студенты читают в подлиннике. Студентам доступно большое количество материалов о Грибоедове на русском языке, другие его пьесы, поэзия, критическая литература о нем. Также материалы о жизни и творчестве Грибоедова приводятся в популярном учебном пособии по русской литературе [Карими-Мотаххар, с. 122–149].

К сожалению, комедия «Горе от ума» до настоящего времени не получила широкого распространения в переводах на персидский язык. Исследователям известен первый полный перевод 1900 г. Именно о нем в примечаниях к своему изданию 1913 г. говорит Н.К. Пиксанов [Грибоедов, с. 300], а затем и все те, кто в дальнейшем обращаются к переводческой рецепции творчества Грибоедова. Перевод, озаглавленный «Госе аз фекр», был анонимным и не переиздавался.

Предполагают, что его мог выполнить преподаватель русского языка, служивший в школе при российском императорском консульстве в Тебризе. На сегодня это единственный известный перевод «Горя от ума» на персидский язык.

Отсутствие канонического перевода грибоедовской комедии закономерно привело к тому, что в персидскоязычной критической литературе название комедии также не получило закрепленного эквивалента. Так, в своей «Истории русской литературы» 1988 г. Саид Нафиси передает название следующим образом: «یتخبذب یدایز قوذ / تسا / Зоге зиади бадбахти аст», т. е. «Большой ум – большая беда» (подстрочный перевод названий здесь и далее наш. – Н. К.). Наргес Мохаммади Бадр в своей статье, опубликованной в том же году в научном журнале «Пажухеше Забанхайе Хареджи» (№ 43) предложила альтернативный, но синонимичный вариант – «رکف زا مصغ / Гесе аз фекр», т. е. «Грусть от мысли». Захра Ханлари, автор книги «Мировая литературная культура» (2003), именует «Горе от ума» «Некбате Хушманди تبکن شوه» – «Мучительная мудрость». Внимательные читатели также могут встретить такие более или менее отличающиеся друг от друга варианты, как «تساراف زا یشان هودنا / Андухе наши аз ферасат» – «Горе от пронциательности» (в переводе известного труда о Грибоедове Л. Келли «Дипломатия и убийство в Тегеране», выполненном Голамхоссейном Мирзасалихом (2007)), «لقع زانام / Аман аз агл» – «Берегись умника» (в переводе Ибрагима Юнеси «Истории русской литературы» Д.С. Мирского (Тегеран, 1975)), «درؤا یم یتخبذب شوه / Хуш бадбахти миаварад», что можно перевести как «Интеллект приносит страдание» или как «Рассудок приводит к беде», «یخوش زاناغف / Феган аз шухи» – «Вопль из-за шулки» (в книгах Мансуре Халадж «Драматургии мира» (2012) и переводе Ибрагима Юнеси «Истории критики русской литературы» Э. Филда (2013)), «لقع تبیصم / Мосибате агл» – «Трагедия разума» (Мохсен Азмуде в его статье в газете «Этемад» (№ 2638. 2012)), «ندی شیش یدنا هودنا / Андухе андишидан» – «Думать грустно» (Хоссейн Али Мостафави в его статье «Влияние персидской литературы на произведения великого русского поэта Есенина» в научном журнале «Моталеате забан ва тарджоме» (№ 3. 2014). Отметим также, что в персидской онлайн-энциклопедии «Википедия» «Горе

от ума» переведено еще одним оригинальным способом – «زان اغف / یگری / Феган аз зираки», что можно передать на русском языке как «Стон рассудка».

Определенная трансформация в восприятии образа Грибоедова в последние десятилетия XX в. может быть проиллюстрирована переизданием романа Тынянова. В 1989 г. перевод был выполнен Искандером Забихияном уже с русского языка без английского посредника (Тегеран: Тус, 1368 с. х. / 1989). Его название в переводе на русский язык звучит следующим образом: «Смерть Вазир-Мухтара, или Немного об отношениях Каджаров с российскими властями при правлении Фатх Али-шаха и история русского писателя и дипломата Александра Сергеевича Грибоедова в начале XIX века». Таким образом, уже в названии этого издания Грибоедов впервые получает признание прежде всего как писатель, а уже затем как дипломат. Думается, этот момент отражает значимое изменение в восприятии образа Грибоедова читающей аудиторией Ирана. Заметим также, что именно этот перевод лег в основу популярного 24-серийного исторического телефильма «Вазир-Мухтар» (режиссер Саид Некпур, 1991 г.), который был показан по государственному иранскому телевидению, а затем также был дублирован на азербайджанский язык.

В целом иранские издания, предлагающие читателю биографические и литературоведческие сведения о Грибоедове, традиционно опираются на русско- и англоязычные источники (примером здесь могут служить словарная статья «Грибоедов А.С.» в «Толковом словаре персидского языка Мухаммеда Моина» (Т. 6. Тегеран, 1984), упоминавшееся выше учебное пособие Дж. Карими-Мотахара и т. п.) или же представляют собой переводы на фарси книг о Грибоедове (например, уже упоминавшиеся выше переводы романа Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара», труд А.Н. Веселовского «Грибоедов (биография)» в переводе Ибрагима Юнеси (Тегеран, 1990), а также книга Келли «Дипломатия и убийство в Тегеране», о которой речь была выше, адаптация «Грибоедов – поэт-политик» в переводе Голамхоссейна Мирзасалиха (Тегеран, 2013) и т. п.). Можно видеть, что отношение к Грибоедову в Иране претерпело значительные изменения: если ранее он преимущественно воспринимался как враждебный Персии и Ирану политический деятель, то в последние десятилетия иссле-

дователи Грибоедова все чаще представляют его своей аудитории как талантливого драматурга и поэта, стимулируя ее к изучению его творческого наследия.

Завершить описание современного состояния рецепции Грибоедова в Иране хочется указанием на следующий факт активного интереса к личности и творчеству русского драматурга. В первом номере за 2016 г. журнала «گام / Гам» («Шаг»), издаваемого студентками кафедры русского языка тегеранского университета «Аль-Захра», в рубрике об известных россиянах была размещена билингвальная статья о Грибоедове.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Грибоедов А.С.* Полн. собр. соч.: в 3 т. / под ред. и с примеч. Н.К. Пиксанова. СПб.: Изд. Разряда изящной словесности Имп. акад. наук, 1913. Т. 2. 360 с.

2. *Калаши Н.* О преподавании русского языка как иностранного в Иране // Вестник ЦМО МГУ. 2013. № 3. С. 124–126.

3. *Карими-Мотаххар Дж.* Учебное пособие по русской литературе от фольклора и древнерусской литературы до конца XIX века. Тегеран: Научно-исследовательский институт гуманитарных наук и исследований в области культуры, 2009. С. 122–149.

4. *Мостафави Хосейн Али.* Влияние персидской литературы на произведения великого русского поэта Есенина // Моталеате забан ва тарджоме. Журнал. 2014. Мешхед. № 3. С. 41–64.

5. *Мохаммади Бадр Наргес.* Роль перевода в культурном взаимодействии Ирана и России // Пажухеше Забанхайе Хареджи. Журнал (1387/2008). № 43. С. 121–139.

6. *Рахбари М., Валипур А.* Изучение литературной личности политического поэта Грибоедова с точки зрения комедии // Нешрийе пажухеш-е адабият-е моасер-е джахан. 1388 (2009). № 54. С. 27–30.

III. БЫТОВОЕ ОКРУЖЕНИЕ ГРИБОЕДОВА

<https://doi.org/10.29003/m3666.khmelita-18/197-210>

<https://elibrary.ru/hafawi>

Научная статья / Research Article

УДК 930.85

ББК 63.3(2)521

This is an open access book
Distributed under the Creative
Commons Attribution-NoDerivatives
4.0 (CC BY-ND)

ДОПОЖАРНАЯ МОСКВА ПО НЕОПУБЛИКОВАННЫМ ПИСЬМАМ 1805–1806 ГОДОВ КНЯЖНЫ Е.А. ВЯЗЕМСКОЙ БРАТУ П.А. ВЯЗЕМСКОМУ

© 2023. Т.А. Егерева

Аннотация: Статья посвящена быту и нравам московского дворянства Грибоедовской эпохи на примере семейства князей Вяземских. На основе неопубликованных писем 1805–1806 гг. на французском языке княжны Е.А. Вяземской (в замужестве Щербатовой) младшему брату, князю П.А. Вяземскому, учившемуся тогда в Петербурге в пансионе патера Чижа, раскрывается мир чувств и мыслей молодой московской аристократки начала XIX в.: ее увлечение альбомами, балами и маскарадами, круг светских знакомств, усадебная жизнь семьи Вяземских–Карамзиных в подмосковном Остафьеве.

Ключевые слова: П.А. Вяземский, Е.А. Вяземская, усадьба, дворянство, Москва, переписка.

Информация об авторе: Татьяна Александровна Егерева – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Государственный музей-усадьба «Остафьево» – «Русский Парнас», п. Рязановское, с. Остафьево, 108824, г. Москва, Россия.

E-mail: taegerewa@gmail.com

Для цитирования: Егерева Т.А. Допожарная Москва по неопубликованным письмам 1805–1806 годов княжны Е.А. Вяземской брату П.А. Вяземскому // А.С. Грибоедов и его эпоха: Хмелитский сборник № 18 / отв. ред. Е.В. Аблогина, М.В. Скороходов. М.: ООО «МАКС Пресс», 2023. С. 197–210.
<https://doi.org/10.29003/m3666.khmelita-18/197-210>.

**PRE-FIRE MOSCOW IN PRINCESS E.A. VYAZEMSKAYA'S
UNPUBLISHED LETTERS TO HER BROTHER
P.A. VYAZEMSKY IN 1805–1806**

© 2023. *Tatyana A. Egereva*

Abstract. The article is concerned with the everyday life and morals of the Moscow nobility of the A.S. Griboedov era by the example of the Princes Vyazemsky family. Unpublished letters in French of 1805–1806 from the Princess E.A. Vyazemskaya (married name Shcherbatova) to the Prince P.A. Vyazemsky, her younger brother, who studied in Petersburg in the boarding school of Pater Chizh, show us the world of feelings and thoughts of a young Moscow aristocrat of the beginning of the 19th century: her fondness for albums, balls and masquerades, the circle of acquaintances, the manor life of the Vyazemsky–Karamzin family in Ostafyevo near Moscow.

Keywords: P.A. Vyazemsky, E.A. Vyazemskaya, manor, nobility, Moscow, correspondence.

Information about the author: *Tatyana A. Egereva* – PhD in History, Senior Researcher, The State Museum-Estate «Ostafyevo»–«Russian Parnassus», settlement Ryazanovskoe, village Ostafyevo, 108824, Moscow, Russia.

E-mail: taegereva@gmail.com

For citation: *Egereva, Tatyana A. Pre-fire Moscow in Princess E.A. Vyazemskaya's Unpublished Letters to her Brother P.A. Vyazemsky in 1805–1806. Aleksandr Griboedov and His Epoch: Khmelitsky Sbornik No. 18. Ex. ed. Evgeniia V. Ablogina, Maxim V. Skorokhodov. Moscow: MAX Press Publ., 2023. pp. 197–210. (In Russian). <https://doi.org/10.29003/m3666.khmelita-18/197-210>.*

Среди известных современников А.С. Грибоедова яркой фигурой был поэт, критик, мемуарист князь П.А. Вяземский. Литературные связи Вяземского и Грибоедова, включая совместное сочинение ими водевиля «Кто брат, кто сестра, или Обман за обманом», а также критика Вяземским комедии «Горе от ума», хорошо изучены (М.И. Гиллельсон, В.П. Мещеряков, Д.П. Ивинский). В данной статье речь пойдет о неопубликованных письмах 1805–1806 гг. юному Вяземскому его сестры, княжны Екатерины Андреевны Вяземской (в замужестве Щербатовой). В этих письмах ярко отражаются быт

и нравы московского высшего общества того времени, когда юный Грибоедов учился в Московском университетском благородном пансионе, затем на словесном отделении Московского университета, а также личность самой корреспондентки – 16-летней княжны Вяземской. К сожалению, Екатерина Андреевна умерла молодой, в 21 год, и за исключением двух статей: Л.М. Карнишиной, воссоздавшей по опубликованным источникам общую канву ее недолгой жизни [Карнишина, с. 197–207], и Г. Подбородникова, реконструировавшего по письмам княгини ее быт в Галиции [Подбородников], куда она отправилась, сопровождая мужа в полк, личность Екатерины Андреевны не получила широкого освещения в науке, хотя современники были в восхищении от ее необычайной любезности и «дивной мягкости в сочетании с чувством достоинства» [Цит. по: Бодэн, с. 72], ее образ был воспет В.А. Жуковским в «Певце во стане русских воинов». На память о ней остались два портрета – один, выполненный А. Молинари, и второй, неизвестного художника, на котором Екатерина Андреевна изображена спящей вечным сном в глубоком малиновом кресле; небольшой бюст, хранившийся среди семейных реликвий в Карамзинской комнате в усадьбе Остафьево, и письма. Среди них довольно большую коллекцию составляет переписка княжны с ее любимым младшим братом, Петром Андреевичем Вяземским, отправленным в Петербург в пансион патера Чижа.

Решение поместить 13-летнего Вяземского в пансион было вынужденным и нелегким для его отца [Нечаева, с. 427], и вызвано полным провалом – с точки зрения старого князя А.И. Вяземского – домашнего образования сына. В доме Вяземских тоже нанимали «учителей полки» – «много перебывало при мне Французов, Немцев, Англичан» [Вяземский, 1878, с. XIV], вспоминал впоследствии Петр Андреевич, и все они были неудовлетворительны как педагоги и не смогли приохотить его к учению. Да и сам выбор их был неудачен, причем дело было не в цене – старый князь был прекрасно образованным человеком и владельцем хорошего состояния, так что на воспитание единственного сына денег бы не пожалел, но все равно его выбор гувернеров оставлял желать лучшего. Неудивительно, что А.И. Вяземский был недоволен ученическими успехами молодого князя Петра, равно как и его кажущейся на первый взгляд ленью и рассеянностью, поэтому ему не оставалось другого выхода, как от-

дать мальчика в петербургский иезуитский пансион – в надежде, что прославленные своими педагогическими успехами иезуиты смогут оправдать его ожидания.

Для устройства сына в пансион старый князь в 1805 г. отправился лично в Петербург, в сопровождении своей старшей дочери Е.А. Карамзиной, а в Москве их остались ждать младшая дочь князя – княжна Екатерина Андреевна Вяземская и Н.М. Карамзин. Молодая княжна с нетерпением ждала новостей от брата и просила его подробно описать ей все, что он увидит в столице, с кем встретится, какие любопытные места посетит, а главное, держать ее в курсе всех его идей и планов¹. Их переписка за 1805–1806 гг. – время петербургского учения Петра Андреевича, сохранилась в фонде Остафьевского архива в Российском государственном архиве литературы и искусства и еще не становилась предметом изучения, хотя она представляет собой несомненный интерес как для характеристики юных лет поэта, так и для реконструкции мира чувств и мыслей молодой московской аристократки начала XIX в. – его сестры.

Как и было принято в высшем обществе, княжна писала родным и знакомым по-французски. По свидетельству Ф.Ф. Вигеля, в домашнем кругу Карамзиных-Вяземских он «не слышал <...> ни одного русского слова <...> Один только Карамзин говорил языком, можно сказать, им созданным» [Вигель, с. 725]. К правильному и красивому выражению своих мыслей на французском языке княжна относилась очень серьезно, что подтверждает наблюдения современных ученых о стремлении к «правильности» и «престижности» в женской письменной речи [Пушкарёва, с. 314]. Недаром чуть позже, в 1809 г., в письмах Карамзину Екатерина Андреевна выражала надежду, что обширная переписка, которую она ведет, будет способствовать выработке ее стиля². Княжна Вяземская обращала внимание и на стиль писем брата – «далеко не выразительный, по правде говоря» и упрекала его за небрежность и обилие орфографических

¹ Щербатова Е.А. Письма Щербатовой Екатерины Андреевны (урожд. Вяземской) Вяземскому П.А. // Российский государственный архив литературы и искусства (далее – РГАЛИ). Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 3093. Лл. 1 – 1 об. Здесь и далее перевод с фр. языка мой – Т.Е.

² Щербатова Е.А. Письма к Карамзину, Николаю Михайловичу // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – ОР РГБ). Ф. 488. К. 1. Ед. хр. 15. Лл. 2, 3 об.

ошибок. Впрочем, князь Вяземский в ту пору еще не был известным поэтом пушкинской плеяды, отточившим свой слог в баталиях с литературными противниками, а был весьма ветреным, по мнению его сестры, молодым человеком, спешащим поскорее закончить свои послания и от рассеянности часто ошибающимся¹. Так, в одном из писем 1806 г. сестра хвалила Петра Андреевича за слог, но все равно отметила пробелы в орфографии: «Я получила ваше письмо, мой дорогой друг, от 15 ноября прямо в мой день ангела, это был очень приятный подарок для меня, поскольку оно было очень любезным, я вижу, что вы становитесь поэтом, с некоторых пор ваш стиль определенно возвышенный, но, прошу вас, обращайтесь чуть больше внимания на орфографию, вы никогда не перечитываете ваших писем, вот почему там обнаруживаются столь грубые ошибки»².

Княжна интересовалась кругом чтения брата: «Скажите мне, пожалуйста, читаете ли вы какие-нибудь книги вне классов и что за книги вы читаете. Я думаю, что, даже если вы им уделяете несколько минут, то только для того, чтобы прочесть какие-нибудь сказки, не так ли? или что-нибудь в этом роде»³. Столь нелестное мнение о читательском выборе младшего брата у Екатерины Андреевны сформировалось под влиянием отца, старого князя Андрея Ивановича, чрезвычайно критически относившегося ко всем занятиям, в том числе и чтению сына: «Старые газеты или серьезное сочинение – это для вас безразлично, вы читаете все, что первым попадает под руки. И как вы при этом читаете: из середины ли книги, с начала ли или с конца – вам все равно; даже кончив одну страницу и видя, что следующие не разрезаны, вы перевернете еще страниц двадцать и будете продолжать чтение без всякой последовательности, так как и начали вы читать без системы и без всякой охоты» [Цит. по: Нечаева, с. 420]. Действительно, вредную привычку читать урывками, по две-три книги одновременно, Петр Андреевич сохранил до конца жизни, но объяснял ее тем, что ему стоило прочесть лишь несколько страниц, чтобы постичь суть книги [Вяземский, 1878, с. IX].

¹ Щербатова Е.А. Письма Щербатовой Екатерины Андреевны (урожд. Вяземской) Вяземскому П.А. // РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 3093. Л. 23.

² Там же. Л. 54.

³ Там же. Л. 22.

Серьезное чтение было традицией в семействе Вяземских. У князя Андрея Ивановича была великолепно подобранная домашняя библиотека (насчитывавшая, по данным П.С. Шереметева, 7500 томов¹), в основном на французском языке, с произведениями античных и европейских классиков, сыгравшая большую роль в интеллектуальном развитии его детей.

В хранилище веков, в святыне их наследства,
Творцов приветствую, любимых мной из детства,
Путеводителей, наставников, друзей.
Их пламень воспалил рассвет души моей;
Обязан вкусом им, занятjem и забавой,
Быть может – как узнать? – обязан буду славой...
[Вяземский, 1982, с. 162], –

писал впоследствии Петр Андреевич об отцовской библиотеке, исторические и философские книги которой «урывками и тайком» обращали на себя его отроческое внимание [Вяземский, 1882, с. 91]. Во время учебы в иезуитском пансионе в Петербурге он начал составлять свое собственное книжное собрание. Петр Андреевич писал сестре прислать ему сочинения Карамзина («эти книги составят вашу библиотеку на русском языке, которая, я думаю, не слишком многочисленна»², – заметила ему на это княжна), а от отца просил денег на приобретение книг. Не доверяя самостоятельному выбору сына, старый князь позволил ему покупать только те книги, на которые укажет ему патер Чиж, но списка этой рекомендованной литературы так и не дождался: «Скажите мне также, как так получилось, что в течение двух месяцев, что я послал вам 50 рублей, которые вы просили у меня на покупку книг, вы не только не прислали мне список книг, которые патер Чиж выбрал для вас, но даже не сообщили мне, что получили деньги»³, – строго спрашивал князь у сына. Появление голоса отца в переписке брата с сестрой не случайно: дело в том, что у старого князя Андрея Ивановича «почерк был почти недоступен

¹ Переписка Управления музеями-монастырями, музеями-усадьбами с музеем-усадьбой «Остафьево» // Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 54. Ед. хр. 643. Л. 401.

² Щербатова Е.А. Письма Щербатовой Екатерины Андреевны (урожд. Вяземской) Вяземскому П.А. // РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 3093. Л. 18.

³ Щербатова Е.А. Письма Щербатовой Екатерины Андреевны (урожд. Вяземской) Вяземскому П.А. // РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 3093. Л. 26 об.

глазам простых смертных» [Вяземский, 1882, с. 93], поэтому под его диктовку писала Екатерина Андреевна. Хотя и написанные один за другим одинаково ровным почерком княжны, эти послания Петру Андреевичу невозможно было перепутать: ласковый, мягкий тон сестры, изобиловавший такими прилагательными, как «дорогой», «любезный», «милый», сменялся жесткими и требовательными фразами отца, часто в повелительном наклонении.

Что касается княжны, в письмах младшему брату она не распространялась о своем круге чтения, но из ее переписки с отцом и Е.А. Карамзиной следует, что в это время она читала «Дух истории» Антуана Феррана¹. Еще одно упоминание о ее чтении относится уже к 1809 г., когда она сопровождала мужа, князя А.Г. Щербатова, в поездке в действующую армию в Галицию: «Мне недостает еще моих занятий, – писала Екатерина Андреевна сестре, – у меня нет ни книг, ни возможности рисовать, поскольку совсем нет модели и я думаю, что все это еще нескоро появится <...> несмотря на это я собираюсь заняться серьезным чтением, князь Хованский одолжил меня письмами Цицерона к Аттику»².

Еще одной традицией в доме Вяземских, как и во многих старинных дворянских московских семьях, имевших свой «особый отпечаток», было гостеприимство. У Вяземских в их московском особняке на Колымажном дворе была «дверь отперта для званых и незваных, // Особенно из иностранных» («матушка моя была Ирландка, из фамилии О’Рейли и потому Англичане преимущественно находили у нас особенное и почти родное приветствие» [Вяземский, 1882, с. 110], – вспоминал впоследствии Петр Андреевич). Ежедневно собиралось от пяти-шести до пятидесяти и более гостей [Там же, с. 91], причем в дом Вяземских их привлекали не «обеда, ужины и танцы», а живой обмен мыслями, непринужденная и утонченная игра ума, словесные поединки и обсуждения последних новостей политики и литературы. Эти салонные разговоры были живой практической школой для дворянской молодежи. Как писал А.Г. Щербатов о княжне Вяземской,

¹ Щербатова Е.А. Письма (в выписках и аннотациях) Щербатовой Екатерины Андреевны (рожд. Вяземской) Вяземскому А.И. и Карамзиным Н.М. и Е.А. // РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 5997. Л. 3.

² Щербатова Е.А. Письмо к Карамзиным, Николаю Михайловичу, Екатерине Андреевне // ОР РГБ. Ф. 488. К. 1. Ед. хр. 9. Л. 1 об.

«всякий вечер собиралось к ним отличнейшее общество людей умных и приятных. Таковому обществу, в котором выросла, обязана, может быть, была она тому развитию ума и любезности, которые столь отличали ее от прочих молодых девиц...» [Щербатов, с. 63–64].

В письмах к брату Екатерина Андреевна называла лиц из их родственного и дружеского окружения. Среди них был князь А.П. Оболенский: «я видела вчера, мой друг, князя Андрея Оболенского, который сказал мне поцеловать вас от его имени»¹, – писала княжна брату. Князь Оболенский приходился двоюродным дядей Петру Андреевичу Вяземскому и его сестре, а в семействе Оболенских умели счесть родство и дорожили семейными связями. В их подмосковной, селе Троицком Подольского уезда, «эта семейная жизнь принимала необыкновенные размеры и характер. Кроме семейства в полном составе, приезжали туда погостить и другие родственники» [Вяземский, Московское семейство старого быта, 1882, с. 487–488], в числе которых была и княжна Екатерина Андреевна. В августе 1805 г. она из Остафьева, расположенного тоже в Подольском уезде, поехала погостить к Оболенским и подробно перечисляла в письме отцу и сестре семейные новости, одновременно прося их передать в Петербурге от ее имени поклон ее приятельнице – княжне Зинаиде Белосельской² (в замужестве Волконской, будущей хозяйке знаменитого салона в Москве). Отец Зинаиды, князь А.М. Белосельский, был частым гостем в доме Вяземских и с особой лаской относился к юному Петру Андреевичу: называл его своим поэтом и даже состоял с ним в переписке [Вяземский, 1882, с. 97]. Еще одной подругой и ровесницей княжны Вяземской была Мария Яковлевна Лобанова-Ростовская³, в замужестве Нарышкина, которую считали при дворе одной из самых очаровательных и любезных женщин и в которую в молодости был влюблен будущий декабрист князь С.Г. Волконский.

¹ Щербатова Е.А. Письма Щербатовой Екатерины Андреевны (урожд. Вяземской) Вяземскому П.А. // РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 3093. Л. 14.

² Щербатова Е.А. Письма (в выписках и аннотациях) Щербатовой Екатерины Андреевны (рожд. Вяземской) Вяземскому А.И. и Карамзиным Н.М. и Е.А. // РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 5997. Л. 3.

³ Щербатова Е.А. Письма Щербатовой Екатерины Андреевны (урожд. Вяземской) Вяземскому П.А. // РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 3093. Л. 41.

Круг подруг княжны, состоявший из замечательных женщин своего времени – З.А. Волконской, М.Я. Нарышкиной, А.Ю. Оболенской (урожденной Нелединской-Мелецкой), много говорит о том обществе, в котором она воспитывалась и жила. С Аграфеной Юрьевной, дочерью близкого друга Вяземских поэта Ю.А. Нелединского-Мелецкого, княжна Екатерина Андреевна дружила с детства. В гостеприимный дом Нелединских-Мелецких, около Мясницкой, ее вывозили на балы и праздники. «В День св. Екатерины я была на грандиозном балу у Нелединских, – писала брату Екатерина Андреевна в ноябре 1806 г., – на котором было до 300 человек гостей. Я танцевала там до 6 часов утра, и мои ноги все еще это чувствуют»¹. Впрочем, чтобы брат не счел ее легкомысленной и увлекающейся лишь балами, княжна тут же добавила в свое оправдание: «Не подумайте, что мои занятия сводятся к балам, поскольку после нашего возвращения из деревни это первый раз, что я пошла на бал»².

Нескончаемая череда балов и праздников «от Рождества и до поста» шла в Москве и в феврале–марте 1806 г. «...Твоя сестра, мой секретарь, совсем потеряла голову начиная с этой зимы, – сообщал сыну старый князь Андрей Иванович, – я успокаиваю себя только тем, что десять месяцев, которые нам осталось прожить до следующего января, с некоторыми кровопусканиями и обилием холодной воды возвратят ей спокойствие, в котором она весьма нуждается с тех пор, как всё танцует и танцует»³. Действительно, вихрь балов так закружил княжну, что она не успевала даже отвечать младшему брату на письма, хотя до этого сама пеняла ему на то, что он редко пишет: «я получила, мой дорогой друг и брат, ваши нежные письма, извините, что я еще не ответила на них – признаюсь откровенно, что Масленица, бал и прогулки были отчасти причиной этого молчания, но также верно, что я очень огорчена, что пропустила последнюю почту, но вы удостоверитесь, была ли у меня свободная минута: во вторник на Масленицу у князя Андрея был обед с танцами, который длился целый день; в среду – бал у Нелединских, на ко-

¹ Там же. Л. 54 об.

² Там же. Л. 54 об.

³ Щербатова Е.А. Письма Щербатовой Екатерины Андреевны (урожд. Вяземской) Вяземскому П.А. // РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 3093. Л. 31 об.

тором все дамы были в сарафанах, одетые как крестьянки, посудите, как занимал меня костюм, на мне было платье из голубого бархата, расшитое жемчугом, в четверг с утра у мадам Обресковой катание с гор, обед и ужин, и, чтобы закончить наконец Масленицу, вчера в воскресенье я была на балу у мадам Архаровой»¹.

Среди обычных масленичных балов и гуляний зимы–весны 1806 г. особо выделялись московские торжества, посвященные князю П.И. Багратиону. Первопрестольная встречала его как героя, спасшего достоинство русской армии при Аустерлице, в честь него устраивались обеды, балы и приемы. На одном из них, данном 7 марта 1806 г., в числе действующих лиц была и княжна Вяземская: «Князь Хованский чествовал прославленного князя Багратиона, была кадрили из барышень, одетых в зеленое и оранжевое и с каской на голове, я была в числе тех, кто исполнял гимн в его честь и славу и потом разные другие любезности, которые ему были оказаны. Я хорошо повеселилась»². Цвета нарядов участниц кадрили были не случайны и обыгрывали цвета мундира Багратиона, а каски а-ля Багратион, сделанные на Кузнецком мосту, по свидетельству Я.И. Булгакова, стали в Москве последней модой [Цит. по: Анисимов, с. 220]. Так что Чацкий имел все основания заявлять, что в дворянской Москве «И в женах, дочерях – к мундиру та же страсть!». Кстати, подробностями военных баталий Третьей коалиции против Наполеона и вообще политикой княжна Вяземская интересовалась мало. Во всяком случае, в письмах к брату она не обсуждала этих тем, которые у всех тогда были на устах, заметив только, что последние события в Европе их очень волновали наряду с болезнями домашних: «Мы были здесь очень заняты, – писала она Петру Андреевичу в декабре 1805 г., – сначала в течение 25 дней я была на балах, потом Наташа [дочь Н.М. и Е.А. Карамзиных – Т.Е.] заболела скарлатиной, папа тоже заболел, его кашель усилился и нас очень беспокоил, сверх того политические события, которые нас очень занимают, я думаю, что даже у вас в пансионе, среди ваших товарищей, вы их знаете и тоже обсуждаете»³.

¹ Там же. Л. 29.

² Там же. Л. 31.

³ Щербатова Е.А. Письма Щербатовой Екатерины Андреевны (урожд. Вяземской) Вяземскому П.А. // РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 3093. Л. 25.

Впрочем, большая погруженность в дела семьи, круга родственников и друзей и меньшее внимание к проблемам политическим в целом характерны для женских писем и дневников [Пушкарёва, с. 327].

Княжна Вяземская была очень заботлива по отношению к своим домашним, беря в этом пример со своей старшей сестры – Е.А. Карамзиной, фактически заменившей ей рано умершую мать и полностью посвятившей себя мужу и детям. В одном из писем Екатерина Андреевна называла сестру своей наставницей, которой она обязана всем самым лучшим в себе: «Получить ваше одобрение, моя дорогая подруга, и знать, что вы довольны мною, вот те награды, которых я желаю, и как мне не быть счастливой, когда вы меня в этом уверяете; вы, которой я обязана всем, что я имею хорошего, и если я умею любить вас, как я люблю, этим я опять-таки обязана вам, не знаю, не превзошла ли я в своей любви свою учительницу, но, по крайней мере, сравнялась с нею: кем должен быть тот, кто смог бы быть плохим, выйдя из столь доброй школы, какая была у меня...»¹. В переписке с братом княжна упоминала про семейный быт Карамзиных, которые жили с А.И. Вяземским одним домом, но, к сожалению, не очень подробно: описание балов юную девушку занимало куда больше, чем домашняя обыденная жизнь. Так, в мае 1806 г. она рассказывала брату про их житье в подмосковном Остафьеве: «Вот уже неделю, мой дорогой брат, как мы в деревне. Ах! Я чувствую здесь намного сильнее, чем в Москве, ваше отсутствие, вы знаете, что г-н Карамзин все время в своем кабинете, папа всегда или читает, или на строительных работах [в Остафьеве завершалась отделка усадебного дома – Т.Е.], Кат. Анд. с детьми, а я всегда и всегда одна, на прогулках и на занятиях, надеюсь, однако, что на днях у меня будет в качестве компаньонки англичанка...»². Несмотря на погруженность Карамзина в работу над «Историей государства Российского» и его малое участие в повседневных занятиях семьи [Бодэн, с. 74–75], нравственное влияние историографа на домочадцев было огромным: «Вы знаете, что дорогой историограф своим приме-

¹ Щербатова Е.А. Письма к Карамзиной (урожд. Кольвановой) Е.А. // ОР РГБ. Ф. 488. К. 1. Ед. хр. 17. Л. 3.

² Щербатова Е.А. Письма Щербатовой Екатерины Андреевны (урожд. Вяземской) Вяземскому П.А. // РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 3093. Л. 38.

ром воспитал во мне чувства патриотизма»¹, – писала впоследствии Екатерина Андреевна старшей сестре из-за границы. Княжна была очень внимательна к своим маленьким племянницам и укоряла брата, забывшего поздравить с именинами двухлетнюю дочку Карамзиных Наташу². При этом княжна живо благодарила Петра Андреевича за те небольшие знаки внимания, которые, несмотря на свою рассеянность и забывчивость, он порой ей оказывал, прислав, к примеру, альбом – «я чувствую всю цену этой прелестной предупредительности, которую вы оказали, послав мне альбом», «вы были бы очень любезны, мой дорогой друг, если бы его начали и написали бы мне что-нибудь в этот дорогой альбом, который будет мне намного дороже и намного более приятным, чем все альбомы, которые я могла бы купить»³. Брата и сестру связывала искренняя любовь: Екатерина Андреевна старательно переписала своим четким и красивым почерком посвященный ей ранний прозаический опыт брата: «Олеандр (моей юной сестре)»⁴, а Петр Андреевич сохранил на память в одном из своих знаменитых альбомов с коллекциями автографов письма от сестры 1805 г.⁵

В этих письмах часто встречались нравоучения: будучи старше брата на три года, княжна отличалась рассудительностью и убеждала Петра Андреевича серьезно работать над своим характером, быть внимательным, прилежно учиться, чтобы тем порадовать папеньку и родных. Ожидая его возвращения из Петербурга в Москву по требованию отца, очень недовольного поведением сына в пансионе при Педагогическом институте, куда он был переведен из иезуитского пансиона, Екатерина Андреевна подводила такой итог их разлуки: «Итак, мой дорогой друг, после 16 месяцев вашего отсутствия мы собираемся вас увидеть, я – чуть более старше, а вы – чуть менее

¹ Щербатова Е.А. Письма (в выписках и аннотациях) Щербатовой Екатерины Андреевны (рожд. Вяземской) Вяземскому А.И. и Карамзиным Н.М. и Е.А. // РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 5997. Л. 8.

² Щербатова Е.А. Письма Щербатовой Екатерины Андреевны (урожд. Вяземской) Вяземскому П.А. // РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 3093. Л. 49 об.

³ Там же. Л. 3 об.

⁴ «Олеандр (моей юной сестре)». Рассказ, посвященный Е.А. Щербатовой // РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1059.

⁵ Альбом с автографами // РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 5082. Лл. 4–5, 7–8.

ребенок, я – чуть более сдержанная, а вы – чуть более поэт, что не беда, при условии, если это не зайдет слишком далеко, я – более серьезная, а вы намного более легкомысленный»¹. Впрочем, серьезность княжны не мешала ей с удовольствием принимать участие в балах, спектаклях, санных катаниях и других увеселениях, интересоваться наряду с серьезным чтением нарядами и отражать в своих письмах брату весь тот быт старой дворянской Москвы, который послужил основой для создания комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анисимов Е.В. Генерал Багратион: Жизнь и война. М.: Молодая гвардия, 2011. 822 с.
2. Бодэн Р. Женевский поклонник Карамзина: к вопросу о русских годах Джеймса Галиффа // Карамзинский сборник: сб. статей. Вып. 7 / Под ред. Е.И. Княжевой, Т.А. Егеревой. М.: Принт–Студио, 2019. С. 52–88.
3. Вигель Ф.Ф. Записки: В 2 кн. Кн. 2. М.: Захаров, 2003. 752 с.
4. Вяземский П.А. Автобиографическое введение // Полн. собр. соч. князя П.А. Вяземского. Т. 1. 1810 г. – 1827 г. Издание графа С.Д. Шереметева. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1878. С. I – LX.
5. Вяземский П.А. Деревня // Сочинения: В 2-х т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 1. Стихотворения. Сост., подгот. текста, вступ. статья и коммент. М.И. Гиллельсона. 1982. С. 159–167.
6. Вяземский П.А. Допотопная или допожарная Москва // Полн. собр. соч. князя П.А. Вяземского. Т. VII. 1855 г. – 1877 г. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1882. С. 80–116.
7. Вяземский П.А. Московское семейство старого быта // Полн. собр. соч. князя П.А. Вяземского. Т. VII. 1855 г. – 1877 г. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1882. С. 485–499.
8. Карнишина Л.М. «Все в ней было приятно и даже очаровательно». Страницы биографии княжны Екатерины Андреевны Вяземской // Карнишина Л.М. Владельцы и гости усадеб Остафьево и Михайловское. Сб. статей. Остафьево, 2017. С.197–207.
9. Нечаева В.С. Отец и сын. Юношеские годы князя П.А. Вяземского (По неизданным материалам Остафьевского архива) // Остафьевский сборник. Вып. 11–12. М., 2009. С. 410–448.

¹ Щербатова Е.А. Письма Щербатовой Екатерины Андреевны (урожд. Вяземской) Вяземскому П.А. // РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 3093. Л. 57.

10. Подбородников Г. Памяти князей Щербатовых URL: <http://www.proza.ru/2016/05/05/1054> (дата обращения: 11.01.2021).

11. Пушкарёва Н. Гендерная теория и историческое знание / Наталья Пушкарёва. СПб.: Алетейя, 2007. 495 с.

12. Щербатов А.Г. Мои воспоминания / Вступ. ст. и коммент. О.И. Киянской, подготовка текста А.А. Ширяевой. СПб.: Нестор–История, 2006. 275 с.

<https://doi.org/10.29003/m3667.khmelita-18/211-229>

<https://elibrary.ru/kaqkrm>

Научная статья / Research Article

УДК 930.85

ББК 63.2

This is an open access book
Distributed under the Creative
Commons Attribution-NoDerivatives
4.0 (CC BY-ND)

ВЛАДЕНИЯ ДВОРЯН БЕЛКИНЫХ В ВЯЗЕМСКОМ УЕЗДЕ

© 2023. *Н.Г. Гурская*

Аннотация: В состав Государственного историко-культурного и природного музея-заповедника А.С. Грибоедова «Хмелита» входит село Богородицкое, владельцами которого с 1807 по 1860 г. были Белкины. Работа посвящена исследованию истории этого рода, ее связи с вяземской землей. Архивные материалы из Санкт-Петербурга, Москвы и Смоленска позволяют проследить родословную Белкиных с XIII в. Род в основном связан с Калужскими землями, но некоторые представители Белкиных оставили свой след на Вяземской земле.

Также в статье прослеживается история других усадеб Белкиных: Ризское, Владимирское, Богородицкое, по женской линии Волочек, Овиновщина и Богдановщина. Изложенный материал знакомит с отдельными представителями этого рода, рассматриваются их родственные и семейные связи.

Ключевые слова: история семьи Белкиных, Вяземские владения семьи Белкиных.

Сведения об авторе: Гурская Наталья Георгиевна – член Союза краеведов России, независимый исследователь, г. Москва.

Для цитирования: *Гурская Н.Г.* Владения дворян Белкиных в Вяземском уезде // А.С. Грибоедов и его эпоха: Хмелитский сборник № 18 / отв. ред. Е.В. Аблогина, М.В. Скороходов. М.: ООО «МАКС Пресс», 2023. С. 211–229. <https://doi.org/10.29003/m3667.khmelita-18/211-229>.

THE PROPERTY OF THE BELKIN NOBLES IN THE VYAZEMSKY UYEZD

© 2023. *Natalia G. Gurskaya*

Abstract: The State Historical, Cultural and Nature Museum-Reserve Named after A.S. Griboedov “Khmelita” includes the village of Bogoroditskoye which was owned by the Belkins from 1807 to 1860. The work is devoted to the study of the history of this genus, its connection with the Vyazma land. Archival materials of St. Petersburg, Moscow, Smolensk made it possible to trace the Belkin family tree from the 18th century. The genus is mainly associated with the Kaluga lands, but some representatives of the Belkin left their mark on the Vyazma land. The history of other Belkin estates is traced: Rizskoe, Vladimirskoe, Bogoroditskoe, along the female line of Volochek, Ovinovschina, Bogdanovschina. The presented material acquaints with individual representatives of this genus, their kinship and family ties are considered.

Keywords: History of the Belkin family, Vyazma possessions of the Belkin family

Information about the author: Natalia G. Gurskaya – member of the Union of Local Historians of Russia, independent researcher, Moscow.

For citation: Gurskaya, Natalia G. The Property of the Belkin Nobles in the Vyazemsky Uyezd. *Aleksandr Griboedov and His Epoch: Khmelitsky Sbornik No. 18*. Ex. ed. Evgeniia V. Ablogina, Maxim V. Skorokhodov. Moscow: MAX Press Publ., 2023. pp. 211–229. (In Russian). <https://doi.org/10.29003/m3667.khmelita-18/211-229>.

Во времена расцвета Хмелиты, при А.Ф. Грибоедове, его ближайшими соседями были Белкины из села Богородицкого. Сейчас Богородицкое входит в состав музея-заповедника «Хмелита». Богородицкое с деревнями принадлежало Белкиным около 50 лет, почти всю первую половину XIX в. Но были ли у них и их родственников другие владения в Вяземском уезде – попробуем ответить на этот вопрос в данной работе.

Род Белкиных прослеживается с XIII в. В восьмом поколении этого рода Григорий Иванович, сидел на московской «осаде против короля Владислава и польских и литовских с ним людей и черкесов

стоял крепко и мужественно и на всех приступах бился не щадя головы своей и на все королевские прелести не крестился и <...> службу и правду к отцу нашему и великому князю и всему Московскому государю показал и будучи в осаде оскудение и нужду терпел...»¹. Михаил Федорович пожаловал Григория Белкина с поместного оклада «с 5 сот четвертью со ста по 20 четвертей» (поместный оклад – норма, определяющая максимальное количество четвертей поместной земли, которой мог пользоваться помещик при его настоящем служебном положении. Четверть – в старинной русской системе мер мера площади пахотных земель, на которую делилась соха. Определялась как 0,5 десятины) в Галицком уезде в Туркове стану деревнями Безрядовой и Высокою. А «7157 года 2 августа ему же Григорию Белкину за службу против литовского короля, кроме поместного оклада, пожалованы земли в Галицком уезде Царем и Великим князем Алексеем Михайловичем Григорию Ивановичу жаловали Белкину, за его службу против врагов польских с поместного его оклада 500 четьи, 100 по 20 итого 100 четьи из старого его поместья в Ярославском уезде Малого в Суходревской волости жеребьем пустоши, что было село Дол»². Тимофею Григорьеву апреля 1672 Белкину за многолетнюю его службу с поместного оклада, пожалованы земли в Кашинском, Галицком уездах, в Малоярославецком уезде сельцо Дол³.

В XVIII в. Дольским (Дол) владеет «капитан флота-полковник» Гавриил Иванович Белкин, который, уволившись в запас в 1744 г., начинает строительство усадьбы и разбивает регулярный парк. В 1733 г. он строит в селе церковь Успения Пресвятой Богородицы с приделом Введения в храм Пресвятой Богородицы [Гавриил Белкин]. В селе Дольское в семье дьяка Введенской церкви 1 марта 1737 (или 1738) г. родился архитектор Василий Иванович Баженов и был крещен в этом храме [Церковь Успения Пресвятой Богородицы в селе Дольское].

Усадьба Дольское на Калужской земле, в которой выросло несколько поколений дворян Белкиных, находится в 8 километрах

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1343. Оп. 17. Д. 2420. Л. 3–4 об.

² Там же.

³ Там же. Д. 2422. Л. 29–29 об.

от станции Суходрев Малоярославецкого района. Давно разоренная, она и поныне поражает своей планировкой: рядом с остатками разрушенного двухэтажного дома – сохранившийся каменный флигель и Успенская церковь с колокольней. Недалеко – речка Рожня, к которой каскадом спускались три пруда. На старом плане усадьбы – аллеи регулярного парка, сад, оранжереи. В дальнейшем Дольское, так же как и Богородицкое, перейдет к Храповицким [Белкины].

У Григория Ивановича был брат Богдан. У Богдана сын Михаил, у него – Данила, далее Иван, у него сын Степан. У Степана три сына: Федор, Александр и Нил, который связан с Вяземской землей. А Федор Степанович – отец контр-адмирала, героя Синопского сражения и обороны Севастополя Михаила Федоровича Белкина. Это другая калужская ветвь Белкиных.

У Григория Ивановича – сын Тимофей, у него – Иван, затем Гаврила. У Гаврилы два сына: Иван и Николай. У Николая сын Михаил, у Михаила – Александр и Федор. Вот эта ветвь рода Белкиных тесно связана с Вяземской землей¹, но приписаны они к Калужскому дворянству².

В 1792–1793 гг. И.Г. Белкин и Ф.С. Белкин подают прошение о записи их рода в шестую часть Дворянской родословной книги Калужской губернии. Для доказательства своей родословной Иван Гаврилович предоставляет копии грамот XVI–XVII вв., заверенные вяземским окружным судом³. Известны несколько родословных таблиц рода Белкиных, но они имеют некоторые расхождения⁴.

Белкины появляются на Вяземской земле в XVIII в. Иван Тимофеевич был в Вязьме в 1716–1717 гг. ландратом, обер-комендантом Смоленска. Ему были пожалованы земли в Вяземской округе⁵.

У Гаврилы Ивановича, кроме сыновей Николая и Ивана, были дочери Екатерина (Ермолаева) и Анна (Левшина) [Гавриил Белкин].

Прапорщик Николай Гаврилович Белкин был женат на Екатерине Романовне Тургеневой. Их дети – Вера Николаевна и Михаил Николаевич [Николай Гаврилович Белкин].

¹ РГИА. Ф. 1343. Оп. 17. Д. 2422. Л. 48–49; 99.

² Там же. Л. 50–51.

³ Там же. Л. 2–7.

⁴ Там же. Д. 2425; Там же. Д. 2422. Л. 28–28 об.

⁵ Там же. Д. 2420. Л. 2.

Белкины помнили и роднились с Тургеневыми. Будучи мальчиком, И.С. Тургенев посещал в Москве дом троюродного дяди отставного полковника Ф.М. Белкина [Чернов].

Сын Гаврилы Ивановича – Иван родился около 1725 г.¹ Иван Гаврилович Белкин в службу вступил в 1742 г., служил в Лейб-гвардии Семеновском полку, 15 декабря 1755 г. уволен по болезни поручиком.

«Каптернамус Семеновского полка, уволен по болезни, ему 28 лет, отпущен домой. Дом его в Малоярославском уезде сельце Дольском. За свою беспорочную службу был дан ему ранг армейский полковой поручик»; отмечают, что И.Г. Белкин обид и утеснений никому не чинил. Добрый и честный верноподданный².

Проходит всего несколько лет, и мы видим Ивана Гавриловича владельцем довольно крупного имения в Вяземском уезде.

В 5 километрах от Вязьмы на реке Бебре расположено село Ризское, некогда большое. В центре села несколько лет назад установили памятный знак, на котором значится, что село было основано в 1762 г. поручиком Иваном Григорьевичем Белкиным (ошибка в отчестве). Откуда в Ризском взяли эту дату, выяснить не удалось. Но она близка к действительности.

Ризское (ранее сельцо Телепнево, Телепово, Телевово) входило в приход села Красного – Подгородного, метрические книги которого, начиная с 1765 г., хранятся в ГАСО. Первые записи за 1765 г. показывают Ивана Гавриловича Белкина владельцем сельца Телепнева и деревень Горнево, Жипино, Андреевской³.

Иван Гаврилович строит за короткое время в округе три храма. В селе Красном на месте деревянной Николаевской церкви был построен целый архитектурный ансамбль. Недалеко друг от друга стояли два храма: теплый Иоанна Воина, холодный Никольский и отдельно располагалась колокольня. В разных источниках И.Г. Белкин указан как строитель одной или другой церкви, построенных примерно в одно и то же время. Наиболее вероятно, что он был создателем обоих этих храмов.

¹ Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. 48. Оп. 1. Д. 266. Л. 321. 1811 г.

² РГИА. Ф. 1343. Оп. 17. Д. 2422. Л. 29; 41 об. – 42.

³ ГАСО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 266. Л. 1–4. 1765 г.

До наших дней церковных построек в селе Красном не сохранилось, приведем здесь их описание за 1910 г.:

Николаевская церковь каменная однопрестольная, снаружи оштукатурена, побелена, покрыта железом, окрашенным зеленой масляной краской.

Длина церкви 11 сажень 1 аршин 7 вершков, ширина 4 сажени 9 аршин 2 вершка, высота до верха карниза 4 сажени 1 аршин 8 вершков. На церкви одна большая глава и одна маленькая на алтаре. Окон 16, дверей наружных, обитых железом – 2, внутренних – 2, все створчатые, наружные окрашены зеленой масляной краской, внутренние – коричневой.

Иконостас длиной 10 аршин и вершков 10, высотой 12 аршин и 13 вершков (оценен в 700 рублей). Церковь построена в 1768 г. Строение сохранилось хорошо. Вся церковь оценена в 7000 рублей.

Церковь в честь мученика Иоанна Воина, теплая, отдельно стоящая, однопрестольная, снаружи оштукатурена и побелена, покрыта железом, окрашенным зеленой масляной краской. Длина церкви 10 сажень, 2 аршина, высота 3 сажени. На церкви одна небольшая глава, окон 10, дверей наружных 1, обита железом, папертная одноприкладная, внутренних две, одна тоже обита железом, вторая – стеклянная. Печей две, из них одна кафельная, другая – унтрамарковая. Иконостас длиной 13 аршин, 8 вершков, высота 4 аршина, 4 вершка (оценен в 2600 рублей).

Церковь построена в 1779 г. Строение сохранилось хорошо. Оценена с иконостасом в 2000 рублей.

Колокольня отдельно стоящая от церквей, каменная, трехъярусная, покрыта железом, покрашенным зеленой масляной краской, высота до верха карниза 8 сажень 4 вершка, и длина по 2 сажени 1 аршин и 13 вершков (квадратная), оценена в 1000 рублей¹.

В своем сельце Телепнево И.Г. Белкин разворачивает крупное строительство. В его архитектурный ансамбль входила и домовая церковь, освященная в честь положения Ризы Богородицы в 1774 г. [Свод памятников, с. 356]. С этого времени сельцо называется Ризское, Телепнево тож, а потом просто Ризское.

По четырем нарядам генерального межевания, которые проводились в вяземском уезде, можно представить, как выглядело сельцо Рижское, Телепнево тож, в конце XVIII – начале XIX вв.

В 1776–1779 гг. – «Сельцо Рижское Телепнево тож з деревнями Жебриковой... Горней... Ржевской... Ивана Белкина в споре з де-

¹ РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 1869. Л. 22–29; Смоленские Епархиальные ведомости. 1899. № 16.

ревней Щепулиной Григорья ковалева». 253 души мужского пола, 228 душ женского пола. Земли всего 1881 десятина 1926 сажень¹.

В 1782 г.:

Сельцо Рижское Тепелнева тож владения порутчика Ивана Гаврилова сына Белкина. В селении два пруда с саженою рыбою карасями Щуками и линиями из оных на одном состоит мучная мельница о двух поставах на господской содержании действие имеет не во весгод а толко в половую воду на которой мелитца разной хлеб для господина а отчасти ина крестьян доходу помещику с оной збирается в год от петнатцати и до два тцети рублей. В том сельце дом господской каменной и вооном домашния каменная ж церковь во имя Положения чесных риз. При нем священник состоит на господском жалованье. сад регулярной с плодовиными деревьями яблонными вишенными дулями и сливными черною и красною смородиною с котораго собираемые плоды употребляются для господскаго домашнего расхода подле онаго саду зверинец в которм олени и зайцы деревня Горънева при дву[x] копаны[x] прудах [...] крестьяне состоят на издельи земли на помещика пашут семдесят десятин а остальную всю на себя промышляют хлебопашеством а некоторые содержанием пчел².

В 1799 г.:

Село Рижское Тепелнево порутчика Ивана Белкина. 265 душ м.п., 261 душа ж.п. 1881 десятин 1926 сажень. Во оном селе домовая церковь каменная, во имя положения честных риз Господних, господской дом каменной, с садом и две мушных мельницы каждая о дву[x] поставах на речке Бебре.

Земля иловатая с песком³.

1801–1803 гг.:

Село Рижское Тепелнево тож что было сельцо и деревни: Жабрикова с пустошми Горнева Лучки Аршевская тож Ржевская прежде именовалась Порутчика Ивана Белкина». 265 душ м.п., 261 душ ж.п. 1881 десятин 1925 сажень.

...в селе церковь каменная Положения ризы Господней. Дом господской каменной при нем сад регулярной с плодовиными деревьями. На речке два у прудов и две мучния мельницы каждая о двух поставах действие имеют во весь год кроме полой воды⁴.

¹ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1453. Л. 9 об. – 10. 1799 г.

² Там же. Д. 1455. Л. 111–113 об. 1782 г.

³ Там же. Д. 1453. Л. 9 об. – 10. 1799 г.

⁴ Там же. Д. 1457. Л. 5 об. 1801–1803 гг.

В сельце Ризском находился обширный каменный дом с домовою церковью размером 6×8 сажень, устроенной в 1774 г. Дом представлял собой вытянутую с севера на юг перевернутую букву «Г», посередине которой расположился второй этаж с двумя арочными окнами и дверным проемом посередине, выходящим на балкон, который поддерживали четыре колонны с восточной стороны [Дворянские усадьбы Вяземского уезда, с. 289].

С южной и северной сторон по краям возвышались четверики, выше центральной части, между ними расположена была двухскатная железная крыша. С северной стороны находилась домовая церковь, остатки которой сохранились. Ее северный фасад был полностью открыт, с трех сторон к ней примыкал дом до уровня карниза над вторым ярусом окон, конек двухскатной кровли дома южной стороны достигала венчающего храма карниза. Низкая алтарная апсида и западная паперть (ныне утраченные) были более чем в два раза ниже четверика. Их односкатные кровли продолжали крышу дома.

Архитектура храма характерна для переходного периода от барокко к классицизму. Высокий объем на подклете завершала четырехскатная крыша, на которой расположилась главка купола на шейке. На северном фасаде – два яруса окон, над верхними сделаны ниши. В простенках и по углам церкви размещены тосканские пилястры, карниз под высоким аттиком обходит здание с трех сторон, кроме южной.

Церковь сообщалась с первым этажом посредством двух проемов в южной стене. Из верхнего этажа дома через чердак был выход на хоры через арочный проем. Подклет перекрыт коробовым сводом [Свод памятников, с. 357].

В имении были, кроме главного дома, следующие постройки: дом каменный с железной крышей размером 4×7 сажень, флигель деревянный с железной крышей, 3×5 сажень, скотный двор вместе с конюшней, сарай инвентарный, амбар, ледник, два сенных сарая, рига, баня, и другие хозяйственные постройки.

С западной стороны дома был разбит парк. Липовые аллеи из одной точки расходились на восемь сторон [Дворянские усадьбы Вяземского уезда, с. 289–290].

О семейной жизни Ивана Гавриловича сведений нет. Если он и был женат, то детей у него не было, поскольку наследником стал его племянник Михаил Николаевич Белкин¹.

У лейб-Гвардии прапорщика Николая Гавриловича сын Михаил родился в 1749 г.²

М.Н. Белкин был женат на Анне Федоровне Маневской [Вотчина шляхтичей Маневских].

У Михаила Николаевича и Анны Федоровны Белкиных было два сына и три дочери. Женой старшего из сыновей Александра была дочь генерал-майора Василия Алексеевича Кара Екатерина Васильевна [Екатерина Васильевна]. В 1793 г. Михаил Николаевич подает прошение в Калужское дворянское депутатское собрание, о занесении в Калужскую дворянскую книгу его сына Александра³.

В «Списке помещикам и их именьям по Малоярославецкому уезду 1824 года» за гвардии подпоручиком Александром Михайловичем Белкиным значилась в селе Дольском 71 душа, в деревне Бобровка – 94 души, в деревне Столбовка – 38 душ, в деревне Барановка – 63 души, в Ананьинской – 39 душ. Этот молодой человек имел владения в Медынском, Перемышльском и Калужском уездах, хотя своим родовым поместьем считал расположенную рядом с Полотняным Заводом Барановку, в которой провел большую часть жизни.

В 1824 г. он был подпоручиком, в 1829-м уже упоминался в источниках как штабс-капитан [Ипполитов].

Другой сын Федор Михайлович в 1817 г. женился на владелице села Овиновщина Дорогобужского уезда Екатерине Ивановне Энгельгардт.

Екатерина Михайловна в 1815 г. вышла замуж за Николая Матвеевича Нахимова, владельца села Волочек Сычевского уезда. Николай Матвеевич, будучи предводителем дворянства в своем уезде, в 1812 г. организовал отпор захватчикам, фактически начав народную партизанскую войну в губернии против французских войск. Имя его было впоследствии занесено на памятную доску отличившихся в войне 1812 г., которая установлена в храме Христа

¹ ГАСО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 266. Л. 322. 1811 г.

² Там же. Св. 166. Д. 349. Л. 294.

³ РГИА. Ф. 1343. Оп. 17. Д. 2422. Л. 28.

Спасителя в Москве. Император Александр I наградил его орденом св. Владимира.

Анна Михайловна вышла замуж за П.Я. Энгельгардта.

Младшая из дочерей Варвара Михайловна стала женой Семена Яковлевича Унковского (1788–1882), видного мореплавателя, соратника и близкого друга адмирала М. П. Лазарева, под командованием которого он участвовал в 1813–1816 гг. в четвертом российском кругосветном плавании на шлюпе «Суворов» [Вотчина шляхтичей Маневских]. Венчание происходило в селе Богородицком Вяземского уезда¹.

Поручик Белкин был болен обложной болезнью 4 недели, умер с покаянием 17 марта 1811 г. в возрасте 86 лет². Наследник Ивана Гавриловича, его племянник – Михаил Николаевич, стал следующим владельцем имения Ризского.

Видимо, в 1814 г. выходит замуж Анна Михайловна, дочь Михаила Николаевича, и Ризское в 1815 г. передается во владения молодой семьи.

Муж Анны Михайловны – Петр Яковлевич Энгельгардт (1782 – не ранее 1860), в Отечественную войну служил в чине гвардии поручика, а в 1815 г. являлся предводителем Духовщинского дворянства. П.Я. Энгельгардт был помещиком Духовщинского и Бельского уездов [Дворянские усадьбы Вяземского уезда, с. 284].

В метрических книгах сел Богородицкого и Красного остались записи о рождении детей П.Я. и А.М. Энгельгардтов.

С. Красное. 23 октября 1815 г. у П.Я. Энгельгардта и его жены Анны Михайловны родилась дочь Надежда. Восприемники при крещении полковник Федор Михайлович Белкин и госпожа Анна Федоровна Белкина³. Там же, в с. Красном, был крещен, родившийся 27 октября 1816 г. сын Владимир. Восприемники полковник Ф.М. Белкин и госпожа А.Ф. Белкина⁴.

В с. Богородицкое крестили родившуюся 24 октября 1817 г. дочь Александру. Восприемники отставной полковник Ф.М. Белкин и вдова А.Ф. Белкина⁵.

¹ ГАСО. Ф. 48. Св. 166. Д. 349. Л. 310 об. 1817 г.

² ГАСО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 266. Л. 321. 1811 г.

³ ГАСО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 266. Л. 378. 1815 г.

⁴ Там же. Л. 390. 1816 г.

⁵ ГАСО. Ф. 48. Св. 166. Д. 349. Л. 306. 1817 г.

Остальных детей крестили в с. Красном. 22 января 1819 г. родилась Екатерина. Восприемники Порецкого уезда помещик Лев Яковлевич Энгельгардт и госпожа вяземского уезда с. Богородицкого А.Ф. Белкина¹.

24 июля 1820 г. родилась Варвара. Восприемники Владимир и Анна Петровы (брат и сестра). 13 апреля 1822 г. Варвара умерла².

8 родился и 12 крещен марта 1822 г. родился сын Дмитрий. Восприемники Владимир Петрович Энгельгардт (брат) и вдова помещица с. Богородицкого А.Ф. Белкина³.

На 1858 г. село Ризское принадлежит А.М. Энгельгардт. Крестьян мужского пола – 235. Дворовых – 20, из них женщин – 16. Фабричных – нет. Грамотных в имении 47 человек. Всего женского пола 225 душ, 255 душ мужского пола Земли 2388 десятин 187 сажень. Лошадей 193. Рогатого скота 168. Мелкого скота 238⁴.

После Анны Михайловны владельцем Ризского стал ее сын Дмитрий Петрович Энгельгардт, затем его сын Дмитрий Дмитриевич. Женой Дмитрия Дмитриевича была Ксения Дмитриевна⁵.

В 1900 г. в имении было построек 17, на 27850 рублей, лошадей 10 на 1500 рублей, рогатого скота 40 на 1000 рублей, инвентаря на 350 рублей, хозяйство велось счет владельца. Работала мельница.

Имение было несколько раз заложено и продано 7 марта 1909 г.⁶

В 1911 г. имение Ризское приобрела купеческая дочь Зинаида Николаевна Вашкова для открытия в ней женской общины. Указом Государя Императора от 5 июня 1912 г. Ризоположенская Алексеевская (в честь царевича Алексея) община была утверждена. В это время в ней было 56 насельниц [Дворянские усадьбы Вяземского уезда, с. 290].

В XX в. в Ризском был крупный совхоз «Вяземский», в 1990-е гг. стал приходить в упадок и в 1999 г. прекратил свое существование. В главном усадебном доме работала школа до Великой Отечественной войны.

¹ ГАСО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 266. Л. 443. 1819 г.

² Там же. Л. 462. 1820 г.; Л. 562 об. 1822 г.

³ Там же. Л. 510. 1822 г.

⁴ ГАСО. Ф. 10. Оп. 5. Д. 1396. Л. 887; 891 об. 1858 г.

⁵ ГАСО. Ф. 48. С. Красное. Метрические книги. 1901 г. 22 июля.

⁶ РГИА. Ф. 593. Оп. 14. Д. 202. Л. 4; Л. 54.

Усадебный парк был уничтожен в годы оккупации немецкими войсками. Тогда же вокруг главного дома образовалось кладбище. Немцы при отступлении подожгли дом, он очень сильно пострадал.

После войны встал вопрос о восстановлении дома, но из-за разраставшегося вокруг кладбища, решили этого не делать. Постройки постепенно разрушались.

В конце XX в. село окончательно пришло в упадок. От усадьбы сохранились только руины церкви Ризоположения и неизвестной хозяйственной постройки.

В начале XXI в. жители Ризского построили часовню и колодец. Приехал митрополит Кирилл в 2004 г., освятил колодец. И как бы с этого и началось возрождение села Ризское. Тогда жители Ризского попросили нынешнего Патриарха стать покровителем села. Владыка согласился. Село Ризское – место единственное на всю страну, где Патриарх Московский и всея Руси Кирилл является почетным гражданином.

В 2012 г. жители Ризского отметили 250 лет своего села. В его центре установили памятники поручику И.Г. Белкину, Патриарху Кириллу, генералу полководцу, Герою Советского Союза П.А. Курочкину, уроженцу д. Горнево, простой русской крестьянке Прасковье Захаровне Каретниковой, которая в 1941 г. вытащила своих плечах с поля боя 14 бойцов и односельчанам, погибшим в годы войны.

Не порывали Белкины вяземские связи с Калужской землей и калужскими родственниками. Так, уже упомянутый, дальний родственник (Михаилу Николаевичу шестиюродный брат), калужский помещик, ротмистр Белкин Нил Стефанов женился на соседке И.Г. Белкина, с отцом которой тот был некогда в споре, девице, помещице Агриппине Григорьевне Ковалевой¹. Ей принадлежало сельцо Владимирское на реке Бебре, граничащее с вотчиной Ризское Белкина².

Родители Нила Степановича Степан Иванович и Мария Федоровна имели владения в Калужской и Тульской округах. Основные их имения находились в Малоярославецком уезде, главное из них находилось в 12 километрах от Полотняного Завода А.Н. Гончарова [Ипполитов].

В многодетной семье Н.С. и А.Г. Белкиных двое из детей были крещены в церкви с. Красного.

¹ ГАСО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 266. Л. 207. 1800 г.

² Там же. Л. 201 об. 1800 г.

20 июля 1801 г. у майора Нила Степановича Белкина с женою Агриппиной Григорьевной родилась дочь Мария. Восприемниками были Калужского наместничества Илья Иванович Белкин и Юхновской округи вдова Ковалева Мария Александровна¹.

Мария Ниловна Белкина выйдет замуж за Николая Гавриловича Мезенцова, помещика вяземской усадьбы Рыхлово. Их внук, генерал Сергей Петрович Мезенцов, владеец вяземского имения Ершино, женится на внучке Пушкина Наталье Александровне [Мезенцова, с. 194].

В 1862 г. в Рыхлово на средства М.Н. Озеровой была построена на месте деревянной каменная Николаевская церковь. Под церковью устроили слеп – семейную усыпальницу [Санковский, с. 163].

28 ноября 1802 г. у майора Н.Ст. Белкина с женою Агриппиной Григорьевной родился сын Сергей. Восприемники при крещении – генерал Евдоким Федорович Киприанов и вдова М.А. Ковалева².

Дочь Белкиных – Александра Ниловна выйдет замуж за соседа Белкиных по калужским имениям – Петра Илларионовича Беклемишева. Александра Ниловна Белкина, в замужестве Беклемишева станет следующей владелицей сельца Владимирское, Дор тож.

Петр Илларионович Беклемишев – губернский секретарь, заседатель уездного суда Жиздринского уезда Калужской губернии 16.12.1817 – 17.01.1821. В 1848 г. губернский секретарь, проживал в Москве в Пятницкой части, у Николы Пупышского на Водоотводном канале, в доме Макаровой.

Александра Ниловна, дочь премьер-майора Нила Степановича Белкина, в 1825–1835 гг. губернская секретарша, в 1876 г. – вдова губернского секретаря, помещица Вяземского уезда Смоленской губернии [История родов русского дворянства, 209–212]³.

Детей Беклемишевых, которые родились во Владимирском, крестили в церкви с. Красного.

28 апреля 1827 г. родился Ларион. Восприемники при крещении полковник Павел Александрович Иванов и вдова майорша А.Г. Белкина⁴.

¹ ГАСО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 266. Л. 215. 1801 г.

² ГАСО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 266. Л. 223. 1802 г.

³ См. также: РГАДА. Ф. 1209. Оп. 449. Л. 319 об.

⁴ ГАСО. Ф. 10. Оп. 1. Св. 589. Д. 1569. Л. 130. 1827 г.

27 февраля 1829 г. родился Нил. Восприемники Калужской Губернии Массальского уезда сельца Владимирское поручик и кавалер Ампилий Петров Суходольский и майорша вдова А. Гр. Белкина¹.

21 сентября 1831 г. родился Владимир. Восприемники Юхновского уезда майор Гр.Гр. Ковалев и Юхновского уезда поручица жена Николая Гавриловича Озерова Мария Ниловна.

В марте 1833 г. родилась Александра², 24 сентября 1834 г. родилась Анна³, 24 июня 1840 г. родился Петр⁴.

10 января 1831 г. сельца Владимирского вдова майорша Агриппина Григорьевна Белкина умерла от чахотки, 57 лет. Похоронена в с. Рыхлово, рядом с сестрой⁵.

Последним владельцем сельца Владимирского станет дворянин Калужской губернии, корнет Петр Нилович Беклемишев, жена Вера Семеновна. Они здесь жили постоянно. Здесь же, в селе Красном крестили своих детей.

17 июня 1900 г. родилась Наталья. Восприемники потомственный дворянин Калужской Губернии Аркадий Нилович Беклемишев и потомственная дворянка Калужской губернии Анастасия Павловна Беклемишева⁶.

1 сентября 1901 г. родился Нил. Восприемники Аркадий Нилович Беклемишев и жена московского присяжного поверенного Александра Ниловна Алексеева⁷.

Нил Петрович Беклемишев учился в Вяземской мужской гимназии. Стал военным, танкистом. Полковник Н.П. Беклемишев брал Берлин. Среди его наград орден Александра Невского.

8 октября 1902 г. родился Илларион⁸.

Главный дом двухэтажный, деревянный и усадебные постройки сохранялись до середины XX в. После войны дом, где жили работники совхоза Андреевский, опустел и стал постепенно разрушаться.

¹ ГАСО. Ф. 10. Оп. 1. Св. 589. Д. 1569. Л. 201. 1829 г.

² Там же. Л. 376 об. 1833 г.

³ Там же. Л. 427. 1834 г.

⁴ ГАСО. Ф. 48. Метрические книги с. Красное. 1840 г. Л. 545 об.

⁵ ГАСО. Ф. 10. Оп. 1. Св. 589. Д. 1569. Л. 287. 1831 г.

⁶ ГАСО. Ф. 48. Метрические книги с. Красного 1900 г. Л. 17 июня.

⁷ ГАСО. Ф.48. Метрические книги с. Красного 1901 г. Л. 1 сентября.

⁸ ГАСО. Ф. 48. Метрические книги с. Красного 1902 г. Л. 8 октября.

Ныне от сельца Владимирского ничего не осталось. Теперь только немногие старожилы могут показать место, где оно располагалось.

О Богородицком написано несколько исследовательских работ, поэтому коснемся кратко того периода, когда владельцами села были Белкины.

Дочь владельцев села Богородицкого Анна Федоровна Маневская, в замужестве Белкина, после смерти родителей, в 1807 г., унаследовала Богородицкое с деревнями [Филиппов, с. 225].

Ее супруг М.Н. Белкин умер скоропостижно, без покаяния, 67 лет, 30 ноября 1816 г.¹

Следующим владельцем Богородицкого с деревнями стал его сын Федор Михайлович Белкин.

В это время его сестры были уже замужем, кроме младшей – Варвары. История сватовства к Варваре Михайловне известны по запискам С.Я. Унковского, ее будущего мужа. Кратко он описывает и членов семьи своей невесты. До свадьбы он бывал и в Богородицком и в Москве, в доме Федора Михайловича на Малой Никитской, где постепенно ближе узнавал и свою будущую невесту, и членов ее семьи, ее мать Анну Федоровну, брата Федора Михайловича, которые решали судьбу этого брака [Унковский, с. 172–179].

24 июня 1817 г. венчались в с. Богородицком в Одигитриевской церкви Калужской губернии Перемышлевского уезда сельца Колышова Семен Яковлев, 29 лет и коллежского советника помещика с. Богородицкого М.Н. Белкина девица Варвара, 23 лет².

Владельцы Богородицкого были восприемниками при крещении у детей и своих родных, и священнослужителей, которых крестили в храме их села.

Так 8 ноября 1810 г. у священника с. Богородицкого о. Иоанна Гальковского с женой Настасьей Илларионовой родился сын Михаил. Восприемники при крещении поручик Федор Михайлов Белкин и Анна Федоровна Белкина³.

У дьякона Стефана Михайловича Соловьева и жены его Ефросиньи Илларионовны родилась дочь Варвара 5.12.1822 г. Восприем-

¹ ГАСО. Ф. 48. Св. 166. Д. 349. Л. 294. 1816 г.

² ГАСО. Ф. 48. Св. 166. Д. 349. Л. 310 об. 1817 г.

³ Там же. Л. 224. 1810 г.

ники при крещении полковник Ф.М. Белкин и коллежская советница, вдова А.Ф. Белкина¹.

Белкин Федор Михайлович (1785 – ?) – ротмистр Кавалергардского полка. 26 марта 1803 г. Белкин из пажей был переведен эскадронером в Кавалергардский полк, 17 октября 1804 г. произведен в корнеты, 23 октября 1806 г. в поручики. Участвовал в сражениях при Аустерлице и в походах 1807 г. В 1809 г. произведен в штаб-ротмистры. В 1812 г. произведен в ротмистры. В Отечественную войну 1812 г. и походах 1813 г. был в сражении под Полоцком (6 октября 1812 г.), где «во время следования его полка на место сражения откомандирован был со взводом для спасения подбитой нашей пушки, что исполнил под сильными выстрелами, не допустил неприятельских стрелков овладеть оною, и вывез с места сражения; в атаках находился всегда впереди и подавал собою пример, а когда у полковника Ершова убита была лошадь, то он (Белкин) несколько времени командовал эскадронем и собрал оный под неприятельскими выстрелами», и награжден орденом св. Георгия 4-степени; в делах при Чашниках (1 и 2 ноября), при Батуре (11 ноября), Борисовке (15 ноября) и Студенке (16 ноября), где «с начала дела командовал Кавалергардским эскадронем и подкреплял Конногвардейский эскадрон во время атаки на кавалерию, и первый бросился на неприятельских стрелков с отличною храбростью, подавая собою пример подчиненным, где легко ранен в руку пулею», и получил орден св. Владимира 4 степени с бантом и в 1813 г., командуя 2-м эскадронем, за границей – участвовал в сражении под Кульмом и награжден орденом св. Анны 2 степени и вслед за сим принял 2-й эскадрон. 18 февраля 1814 г. был откомандирован в Варшаву к генералу Кологривову для формирования резервных эскадронов.

31 января 1816 г. Белкин был уволен от службы «за болезнью» полковником, с мундиром. Вскоре он снова поступил на службу и был в течение нескольких лет старшим полицмейстером в Москве. В 1821 г. был награжден орденом св. Владимира 3 степени «за отличное усердие и труды по производству следственного дела о поимке в Москве делателя фальшивых ассигнаций Карпова» [Сборник биографий кавалергардов, с. 128].

¹ Там же. Л. 372. 1822 г.

В первой половине XIX в. Федор Михайлович Белкин был известнейшим в России псовым охотником. В своих вяземских имениях Белкин вывел свою особую породу борзых. «Императорское Общество Правильной Охоты» даже учредило приз на садках «Белкинский», или «В память Ф.М. Белкина». Этот приз по достоинству следовал за призом «Великокняжеским» и был равен призу «Мачеварианскому» (учрежден также в честь известнейшего псового охотника).

Настоящие псовые охотники не только травили зверя, но еще занимались и улучшением породы своих собак, выводили все более резвых и сильных борзых и гончих [Псовая охота].

Женой Федора Михайловича была Екатерина Ивановна Энгельгардт (1798–1860). Ее отец был родным братом Петру Яковлевичу Энгельгардту, который женился на дочери Белкиных Анне Михайловне, сестре Федора Михайловича [Екатерина Ивановна Энгельгардт].

Екатерине Ивановне Белкиной принадлежало село Овиновщина (Духовщинский уезд, ныне Сафоновский район), доставшееся ей в наследство от отца [Дворянские усадьбы Вяземского уезда, с. 284]. В Вяземском уезде Екатерине Ивановне принадлежала вотчина Богдановщина, Еськово тож¹.

В 1858 г. в с. Богдановщина с деревнями Е. И. Белкиной насчитывалось 106 дворов, 588 душ мужского пола крестьян, 62 дворовых. По всей видимости, хозяйка и переосветила кладбищенский храм во имя Всех Святых, так как в другом селе – Овиновщина – она устроила в 1848 г. каменный кладбищенский храм, освященный также во имя Всех Святых.

Брак Федора Михайловича и Екатерины Ивановны был бездетным. Все их владения достались их родственникам.

Овиновщина и Богдановщина перешло к княгине Урусовой Екатерине Петровне (дочери Петра Яковлевича и Анны Михайловны Энгельгардтов) по духовному завещанию от полковницы Е.И. Белкиной в 1860 г.²

Княгиня Урусова (1817–1902) – супруга генерал-лейтенанта от кавалерии, сенатора, нижегородского губернатора (1843–1854), Ви-

¹ ГАСО. Ф. 48. Оп. 1. Св. 599. Д. 1659. Л. 276. 1838 г.

² РГИА. Ф. 577. Оп. 37. Д. 836. Л. 231 об.; Л. 335.

тебского, Могилевского и Смоленского генерал-губернатора (1854–1856) князя Михаила Александровича Урусова (1802–1883). Их семья была дружна с А.С. Пушкиным [Дворянские усадьбы Вяземского уезда, с. 284], [Богдановщина].

Богородицкое, так же, как и Калужские владения Белкиных, переходит к родной племяннице Белкиных Варваре Александровне Храповицкой.

После середины 1860-х гг. фамилии Белкиных уже не встречаются среди владельцев имений в Вяземском уезде. По женской линии Белкины остались в имениях Ризское (Энгельгардты), до начала XX в., Владимирское (Беклемишевы) до 1917 г., Овиновщина и Богдановщина (Урусовы), ныне Сафоновский район, до начала XX в., Волочек (Нахимовы) Вяземского, потом Сычевского уезда, ныне Холм-Жирковского района до 1917 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белкины (дворяне; Ярославская, Калужская губ.) // Форум Ярославского историко-родословного общества. URL: <http://forum.yar-genealogy.ru/index.php?showtopic=11197> (дата обращения: 10.02.2021).

2. Богдановщина (Еськово) / Сафоново (как это было) // Одноклассники. URL: <https://ok.ru/safonovoka/topic/65133980109662> (дата обращения: 10.02.2021).

3. Вотчина шляхтичей Маневских // Poisk-ru. URL: <https://poisk-ru.ru/s10477t8.html> (дата обращения: 10.02.2021).

4. Вотчина шляхтичей Маневских // Poisk-ru. URL: <https://poisk-ru.ru/s10477t8.html> (дата обращения: 10.02.2021).

5. Гавриил Белкин // Гены. URL: https://www.geni.com/people/Гавриил_Белкин/6000000021675649710 (дата обращения: 10.02.2021).

6. Дворянские усадьбы Вяземского уезда: материалы научно-практической краеведческой конференции (10–11 октября 2008 г.) / Э.В. Богомолова, Д.Е. Комаров. Вязьма: Смоленская гор. тип., 2009. 481 с.

7. Екатерина Васильевна (ум. 1841) – капитанша // Википедия: свободная энциклопедия. URL: [https://wiki2.org/ru/Список_похороненных_в_некрополе_Донского_монастыря.Белкина_\(ур.Карр\)](https://wiki2.org/ru/Список_похороненных_в_некрополе_Донского_монастыря.Белкина_(ур.Карр)) (дата обращения: 10.02.2021).

8. Екатерина Ивановна Энгельгардт // Российский Родословный Фонд. URL: <https://rgfond.ru/person/85166> (дата обращения: 10.02.2021).

9. Ипполитов С. Шутка гения? Как мог познакомиться Александр Сергеевич Пушкин с Иваном Петровичем Белкиным // Сетевое издание «Электронный научно-исторический журнал «Родина». URL: <https://rg.ru/2015/10/07/rodina-belkin.html> (дата обращения: 10.02.2021).

10. История родов русского дворянства / сост. П.Н. Петров: в 2 кн. М.: Современник, 1991. Кн. 2. 320 с.

11. Мезенцова Н.С. «В них обретает сердце пищу...»: Из записок правнучки А.С. Пушкина. М.: Русский путь, 1999. 210 с.

12. Николай Гаврилович Белкин // Rodovid. URL: <https://sr.rodovid.org/wk/%D0%9F%D0%BE%D1%81%D0%B5%D0%B1%D0%BD%D0%BE:ChartInventory/800022> (дата обращения: 10.02.2021).

13. Особенности национальной охоты // SmolBattle : Поисково-исторический форум. URL: <https://smolbattle.ru/threads/%D0%9E%D1%81%D0%BE%D0%B1%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8-%D0%BD%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D0%B9-%D0%BE%D1%85%D0%BE%D1%82%D1%8B.599/> (дата обращения: 10.02.2021).

14. Санковский А.В. Краткое описание церквей Смоленской епархии. Смоленск, 1898. Вып. 1. 354 с.

15. Сборник биографий кавалергардов / под ред. С.А Панчулидзева. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1906. Т. 3. 1801–1826. 402 с.

16. Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Смоленская область. М.: Наука, 2001. 644 с.

17. Унковский С.Я. Записки моряка. 1803–1819 гг.: служба в англ. флоте, путешествие вокруг света на корабле «Суворов», женитьба и жизнь в деревне. М.: Изд. им. Сабашниковых, 2004. 269 с.

18. Филиппов Д.А. Усадьба Богородицкое Вяземского уезда в XVIII–XXI веках // Усадьбы Смоленщины и Беларуси. Смоленск: Свиток, 2016. С. 223–229.

19. Церковь Успения Пресвятой Богородицы в селе Дольское // Urban3p.ru URL: <https://urban3p.ru/object16077> (дата обращения: 10.02.2021).

20. Чернов Н.М. Исторические предания рода Тургеневых // TurgenevLit. URL: http://turgenev-lit.ru/turgenev/biografiya/chernov_niya.htm (дата обращения: 10.02.2021).

<https://doi.org/10.29003/m3668.khmelita-18/230-239>

<https://elibrary.ru/lbkkhd>

Научная статья / Research Article

УДК 929.52

ББК 63.2

This is an open access book
Distributed under the Creative
Commons Attribution-NonCommercial
4.0 (CC BY-NC)

ИЗ ИСТОРИИ ВЛАДИМИРСКОЙ ВЕТВИ РОДА ГРИБОЕДОВЫХ

© 2023. Э.В. Фролова

Аннотация: Генеалогия владимирской ветви рода Грибоедовых известна с первой половины XVII до середины XIX в. Родословная роспись включает 8 поколений и 34 представителей. Род Грибоедовых внесен в VI часть дворянской родословной книги Владимирской губернии в 1792 г. В статью проанализировано родство Грибоедовых с другими фамилиями владимирского дворянства, установленное на основе ранее неизвестных документов Государственного архива Владимирской области. Имена Грибоедовых во Владимирской губернии находились во Владимирском, Суздальском, Вязниковском, Гороховецком, Ковровском, Покровском и Судогодском уездах. Особое внимание уделено находке надгробного памятника дворянской бабке А.С. Грибоедова Анны Владимировны Грибоедовой в Ковровском районе Владимирской области. Найденный памятник находится у Никольского храма села Алачино Ковровского района, в приходе которого состояло сельцо Высоково, где жила А.В. Грибоедова, в замужестве Трусова. На сегодняшний день это единственное сохранившееся надгробие представителя рода Грибоедовых в России.

Ключевые слова: род Грибоедовых, дворянство, Владимирская губерния, генеалогия, родство, усадьба, архив, уезд, помещик.

Информация об авторе: Фролова Элла Владимировна – кандидат исторических наук, директор Историко-краеведческого музея Ковровского района Владимирской области.

E-mail: krivoy-bor@yandex.ru

Для цитирования: Фролова Э.В. Из истории владимирской ветви рода Грибоедовых // А.С. Грибоедов и его эпоха: Хмелитский сборник № 18 / отв. ред. Е.В. Аблогина, М.В. Скороходов. М.: ООО «МАКС Пресс», 2023. С. 230–239. <https://doi.org/10.29003/m3668.khmelita-18/230-239>.

FROM THE HISTORY OF THE VLADIMIR BRANCH OF THE GRIBOEDOV FAMILY

© 2023. *Ella V. Frolova*

Abstract: The genealogy of the Vladimir branch of the Griboedov family is known from the first half of the 17th and mid-19th centuries. The pedigree painting includes 8 generations and 34 representatives. The Griboedov genus was included in the 6th part of the noble pedigree book of the Vladimir province in 1792.

The article analyzes the affinity of the Griboedov family with other surnames of the Vladimir nobility, established on the basis of previously unknown documents of the State Archives of the Vladimir region. The estates of the Griboedovs in the Vladimir province were located in Vladimirsky, Suzdal, Vyaznikovsky, Gorokhovetsky, Kovrovsky, Pokrovsky and Sudogodsky districts. Particular attention is paid to the discovery of the tombstone of A.S. Griboedov's great-aunt Anna Griboedova in the Kovrov district of the Vladimir region. The found monument is located near the Nikolsky church of the village of Alachino, Kovrovsky district, in the parish of which the village of Vysokovo was located, where A.V. Griboedov, married Trusov. To date, this is the only surviving tombstone of a representative of the Griboedov family in Russia.

Keywords: the Griboedov family, nobility, Vladimir province, genealogy, kinship, estate, archive, county, landowner.

Information about the author: Ella V. Frolova – PhD in History, director of the Local History Museum of the Kovrov district of the Vladimir region.

E-mail: krivoy-bor@yandex.ru

For citation: Frolova, Ella V. From the History of the Vladimir Branch of the Griboedov Family. *Aleksandr Griboedov and His Epoch: Khmelitsky Sbornik No. 18*. Ex. ed. Evgeniia V. Ablogina, Maxim V. Skorokhodov. Moscow: MAX Press Publ., 2023. pp. 230–239. (In Russian). <https://doi.org/10.29003/m3668.khmelita-18/230-239>.

Владимирские Грибоедовы – старинный дворянский род, известный с первой половины XVII в. и внесенный в VI часть дворянской родословной книги Владимирской губернии в 1792 г. Именно к этому роду принадлежал А.С. Грибоедов. На владимирской земле прошло его детство, здесь находился его родительский дом, тут проживали его многочисленные родственники и друзья. История владимирской ветви рода Грибоедовых требует дополнительных разысканий.

Первым достоверным предком автора «Горе от ума» по отцовской линии (в VII поколении) является Лукьян Грибоедов, живший в конце XVII – начале XVIII в. Его вдова Пелагея вместе с детьми в 1645 г. получила во владение имение мужа половину деревни Назарово Карачаровской волости Владимирского уезда с прилегающими к ней землями¹ (эта деревня до сих пор существует неподалеку от Владимира близ поселка Энергетик). У Лукьяна было два сына: Семен и Михаил, и первый из них, женатый на Аграфене Мякишевой, является непосредственным предком писателя.

У Семена Лукьяновича Грибоедова известны три сына. Никифор служил в армии в царствование Петра I прапорщиком. Михаил был владельцем деревни Назарово Владимирского уезда и деревни Щапово Суздальского уезда, а Леонтий, женатый на Анне Михайловне Бакиной, – совладельцем этих деревень². Двоюродный брат и тезка Леонтия Семеновича Леонтий Михайлович Грибоедов при Петре I служил драгуном в Невском драгунском полку. К 1719 г., будучи 59-ти лет, он уже находился в отставке³.

Представители следующего поколения данной фамилии были детьми прапорщика Никифора и двух Леонтиев. У Никифора был сын Иван, который ничем особенным себя не проявил. У Леонтия Семеновича было три сына: недоросль Алексей (упом. 1719 – ум. после 1745), отставной капрал Никифор (прадед писателя) (упом. 1719 – ум. между 1754 и 1762) и земский комиссар Владимир (упом. 1719 – ум.

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 445. Оп. 1. Ед. хр. 988. Л. 1.

² Там же. Л. 1, 1 об., 3 об., 4; ГАВО. Ф. 301. Оп. 5. Ед. хр. 1. Л. 188; Ед. хр. 130. Л. 74.

³ Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. 301. Оп. 5. Ед. хр. 1. Л. 201; Ед. хр. 3. Л. 686.

после 1762) [Овчинников, с. 20]¹. А сын Леонтия Михайловича – дворянин Леонтий Леонтьевич Грибоедов (ум. до 1771), о службе которого ничего не известно, унаследовал после родителя сельцо Сущёво и часть сельца Назарово Владимирского уезда².

Дальше род Грибоедовых разветвляется всё больше. У капрала Никифора Леонтьевича Грибоедова от брака с Марией Кузьминичной Внуковой было два сына: владимирский помещик коллежский асессор Михаил Никифорович и секунд-майор Иван Никифорович – дед А.С. Грибоедова [Адрес-календарь, с. 86; Месяцеслов, с. 154; Николаев и др., с. 77–78]³.

Иван Никифорович Грибоедов родился еще в правление Петра I в 1721 г., в 20-летнем возрасте начал службу в лейб-гвардии Преображенском полку, в составе которого сразу же принял участие в Русско-шведской войне. В 1755 г. гвардеец в чине капитана перешел в Сибирский гренадерский полк, откуда три года спустя вышел в отставку секунд-майором. Позднее он служил по «подушному сбору» в Переславле-Залесском и Арзамасе, а закончил службу товарищем воеводы Владимирской провинции – административно-территориального образования, существовавшего до учреждения Владимирской губернии. В 1781 г. И.Н. Грибоедов в возрасте 60 лет окончательно отошел от дел с гражданским чином надворного советника. Он был женат на дочери капитана Прасковье Васильевне Кочуговой. Супруги Грибоедовы имели двух сыновей и дочь.

Их первенец Никифор Иванович, названный в честь деда, родился в 1756 г. и уже в 17-летнем возрасте был зачислен в Конную гвардию, откуда в 1780 г. вышел в отставку поручиком, после чего служил во Владимире заседателем уездного и верхнего земского судов. Умер он в 1806 г. в чине титулярного советника [Месяцеслов, с. 78]⁴. У этого единственного дяди А.С. Грибоедова по отцу была дочь Анна, в 1816 г. вышедшая замуж за Андрея Петровича Протопопова, отстав-

¹ ГАВО. Ф. 301. Оп. 5. Ед. хр. 1. Л. 203; Ед. хр. 3. Л. 685 об. – 686; Ед. хр. 11. Л. 569 – 570 об.; Ед. хр. 12. Л. 504; Ед. хр. 49. Л. 12, 20, 310–316, 416–417; Ед. хр. 73. Л. 1045.

² ГАВО. Ф. 301. Оп. 5. Ед. хр. 97. Л. 768; Ф. 556. Оп. 10. Ед. хр. 15. Л. 1286 об.

³ ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. Ед. хр. 1592. Л. 215 об.; Ф. 92. Оп. 4. Ед. хр. 134. Л. 6–6 об.; Ф. 301. Оп. 5. Ед. хр. 97. Л. 762; Ф. 556. Оп. 10. Ед. хр. 15. Л. 1620.

⁴ ГАВО. Ф. 556. Оп. 10. Ед. хр. 15. Л. 1286 об.

ного капитана 2-го пешего казачьего полка Владимирского ополчения, в молодости воевавшего с турками и награжденного боевым орденом, богатого помещика Покровского уезда Владимирской губернии. В 1825 г. Анна Протопопова, двоюродная сестра писателя, умерла еще совсем молодой, а ее супруг пережил и жену, и А.С. Грибоедова, причем в год гибели последнего А.П. Протопопов занимал почетный пост покровского уездного предводителя дворянства [Владимирское народное ополчение, с. 80; Предводители, с. 41, 65]¹.

Вторым ребенком у Ивана Никифоровича и Прасковьи Васильевны Грибоедовых была дочь Екатерина – тетка писателя. Она родилась в 1758 г. и вышла замуж за судогодского помещика отставного капитана Ефима Ивановича Палицына, который в 1810-е гг. был избран депутатом Владимирского губернского дворянского собрания [Предводители, с. 66]².

Наконец, третьим ребенком в семье Ивана Никифоровича Грибоедова стал сын Сергей Иванович – отец классика. Он появился на свет в 1761 г. и с 1775 г. состоял на военной службе: сначала в Смоленском драгунском, а потом в Кибургском драгунском и Ярославском пехотном полках; некоторое время служил адъютантом при генерал-поручике князе Юрии Никитиче Трубецком и в 1785 г. в возрасте 24-х лет вышел в отставку в чине секунд-майора. С.И. Грибоедов был известен неумеренными пристрастиями к картежной игре и амурными похождениями [Николаев и др., с. 77–89].

Он вступил в брак с дочерью отставного бригадира Анастасией Федоровной Грибоедовой. Считается, что владимирские и смоленские Грибоедовы принадлежат к одному роду, однако общие предки владимирских и смоленских Грибоедовых не установлены до сих пор. Мать писателя была на 7 лет моложе супруга и принадлежала к дворянству Смоленской губернии, причем ее семейство было богаче и считалось более знатным.

У Сергея Ивановича и Анастасии Федоровны Грибоедовых известны трое детей: знаменитый Александр, Мария – официально она родилась в 1792 г. и была старшей сестрой писателя, и единственный брат классика Павел, появившийся на свет в Москве в 1795 г. и умер-

¹ ГАВО. Ф. 243. Оп. 1. Ед. хр. 80. Л. 833–834; Оп. 2. Ед. хр. 22. Л. 15; Ф. 556. Оп. 111. Ед. хр. 306. Л. 23 об., 103 об.

² ГАВО. Ф. 243. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 125 об.

ший младенцем. Мария Сергеевна Грибоедова вышла замуж за своего ровесника помещика Алексея Михайловича Дурново, выпускника пансиона при Московском университете, музыканта-любителя. Она пережила своего брата на 27 лет и скончалась в 1856 г.

Мария Дурново стала последней представительницей владимирской ветви рода Грибоедовых, так как остальные линии этой фамилии во Владимирской губернии пресеклись еще раньше. Еще одной из последних владимирских Грибоедовых можно считать Наталью Федоровну Грибоедову (1761 – ум. после 1811), по мужу Лачинову, дочь корнета Федора Леонтьевича Грибоедова и внучку Леонтия Леонтьевича Грибоедова (о нем говорилось выше). Наталья Грибоедова-Лачинова была помещицей деревни Сергейцево Ковровского уезда [Предводители, с. 58, 60]¹.

Данный экскурс в родословие Грибоедовых показывает, что Владимирский край был для А.С. Грибоедова истинной малой родиной, где из поколения в поколения рождались, жили и умирали его предки и ближайшая родня. Во Владимирской губернии Грибоедовым принадлежали имения в семи уездах: Владимирском, Вязниковском, Гороховецком, Ковровском, Покровском, Судогодском и Суздальском. Но ни одна из грибоедовских усадеб во Владимирской области не сохранилась, и музея знаменитого соотечественника здесь, к сожалению, нет.

Одним из самых известных владимирских биографов А.С. Грибоедова был кандидат филологических наук, заместитель директора по научной работе ГАВО Георгий Дмитриевич Овчинников (4 декабря 1947 – 15 ноября 2010), отдавший изучению творчества писателя более 20 лет. Он пролил свет на многие, ранее остававшиеся неизвестными подробности жизни писателя и его семьи. Неудивительно, что в ГАВО отложилось множество документов, непосредственно относящихся к предкам Грибоедова, его родственникам и ему самому. Долгое время эти источники оставались неизвестными, из-за чего в биографии Грибоедова осталось множество «белых пятен», особенно в части его детских лет. Исследователи искали следы пребывания Грибоедова-ребенка в Москве, но никак не могли их найти. Как оказалось, их невозможно было обнаружить, потому что дет-

¹ ГАВО. Ф. 32. Оп. 2. Ед. хр. 16. Л. 3 об.; Ф. 243. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 137; Ф. 301. Оп. 5. Ед. хр. 130. Л. 74–75; Ед. хр. 273. Л. 639; Ф.556. Оп. 10. Ед. хр. 15. Л. 1286 об.

ство писателя прошло во Владимирском уезде, а целенаправленная работа по поиску данных материалов в нашем областном архиве началась примерно в 1986–1987 гг. во многом как следствие намерения кинорежиссера Н.С. Михалкова снять художественный фильм о жизни Грибоедова. Был даже написан сценарий, но для съемок требовалось собрать подробные фактические данные о главном герое. Поэтому во Владимир приехал коллега и соратник Михалкова режиссер Е.В. Цымбал, который начал соответствующие архивные изыскания. Вместе с ним в эту работу включился Г.Д. Овчинников и знаток владимирской старины краевед Б.П. Николаев. Результатом их совместных трудов стала статья о владимирских Грибоедовых.

В процессе архивных разысканий рода Грибоедовых выясняются подчас достаточно курьезные подробности. Например, первое в истории города Владимира «дорожно-транспортное происшествие» было зафиксировано 6 июня 1813 г. около Гостиного двора, когда запряженная четверкой лошадей карета Анастасии Федоровны Грибоедовой, матери писателя, сбила некую дворянскую девицу Анну Кольшкину. У последней была «левая рука повыше локтя переломлена и грудь раздавлена» проехавшим по ней каретным колесом. Впрочем, пострадавшая осталась жива. Чем закончилась эта история, документы не сообщают.

Родовой дом А.С. Грибоедова находился в сельце Сущёво Владимирского уезда (сегодня это место – рядом с объездной автодорогой вокруг Владимира). Там стоял небольшой одноэтажный деревянный дом, в котором в советское время долго размещалась школа. В середине 1980-х гг. этот домик еще существовал. А потом его сломали, как еще ранее снесли находившуюся рядом грибоедовскую беседку. Таким образом, настоящее «дворянское гнездо» Грибоедова во Владимире оказалось уничтожено.

В библиотеке ГАВО имеются не только первые печатные издания самого известного произведения Грибоедова комедии «Горе от ума», но и рукописные копии комедии, выполненные еще до ее опубликования. Сам Грибоедов разрешал переписывать готовый труд друзьям, от которых во Владимир и попали тетради с тщательно скопированным текстом. Если в первых изданиях «Горе от ума» имелись пропуски – цензура не пропустила ряд особенно критических по отношению к власти мест, то в рукописях дан полный вариант.

Поэтому нет сомнений в том, что во Владимирской губернии комедию земляка хорошо знали без купюр еще до того, как она вышла в виде отдельной книги.

Нынешний вариант родословия владимирской ветви Грибоедовых насчитывает 34 представителей в восьми поколениях, с первой половины XVII до середины XIX в. [Фролов, 2008, с. 126–130]. Однако, несомненно, в будущем будут выявлены и другие члены этого семейства, которые пока остаются неизвестными. В частности, летом 2000 г. сотрудники Историко-краеведческого музея Ковровского района в селе Алачино за алтарем Никольской церкви нашли плиту с именем Анны Владимировны Грибоедовой, скончавшейся в 1805 г. Сегодня это единственное сохранившееся надгробие Грибоедовых в России.

Любопытна история алачинского храма. Он стал первым храмом-памятником в память наполеоновских войн, сооруженным во Владимирской губернии. Его строительство началось в 1807 г. на месте ветхой деревянной Никольской церкви. Устроителями нового каменного сельского храма стали помещики приходского сельца Высоково секунд-майор Михаил Васильевич Бабкин, один из первых вязниковских предводителей дворянства, его супруга Агафья Владимировна, урожденная Грибоедова, и их сын отставной подпоручик Полтавского мушкетерского полка Гавриил Михайлович Бабкин, бывший впоследствии ковровским уездным предводителем дворянства¹. Строилась новая церковь в память о сыне и старшем брате – капитане Пермского мушкетерского полка Василии Михайловиче Бабкине [Ковровский исторический сборник вып. 2, с. 9], который погиб в 1807 г. в битве при Прейсиш-Эйлау, имея от роду 27 лет. 19 сентября 1810 г. Никольский храм был освящен благочинным священником ковровской городской Христорождественской церкви Александром Широкогоровым².

В деле об освящении алачинской Никольской церкви с теплым приделом в честь Владимирской иконы Божией Матери отмечалось: «при церкви колокольня каменная, на образец выстроенная готической архитектуры» [Фролов, 1994, с. 162–164]. Позднее при церкви были выстроены каменная сторожка и невысокая каменная же

¹ ГАВО. Ф. 301. Оп. 5. Ед. хр. 98. Л. 313.

² Там же. Ф. 556. Оп. 108. Ед. хр. 329.

ограда с воротами. Никольский храм в селе Алачино был закрыт решением Ивановского облисполкома 5 марта 1940 г. и полностью razорен¹. Десятилетия сельская церковь стояла в запустении, и лишь в 2000 г., после находки могильного памятника, к ней вновь было привлечено внимание. Памятник представляет собой вросшую в землю и покрытую мхом белокаменную прямоугольную плиту. На ней просматривается высеченный крест, по краям которого сделана надпись: «Тело Анны Влад<имировны> Трусовой <погребено> 1805 года». В метрической книге Никольской церкви за 1805 г. имеется запись о кончине и погребении Анны Трусовой. Она умерла в сельце Высоково Ковровского уезда 23 ноября 1805 г. в возрасте 60 лет от чахотки². А.В. Трусова, урожденная Грибоедова, приходилась родной сестрой храмоздательницы Агафьи Бабкиной. В Ковровском уезде Грибоедовы владели рядом имений. Среди них и сельцо Высоково в приходе Никольского храма села Алачино [Ковровский исторический сборник 2000, с. 6–7]. Отец Агафьи и Анны Грибоедовых земский комиссар Владимир Леонтьевич Грибоедов, помещик сельца Высоково, был родным братом прадеда А.С. Грибоедова Никифора Леонтьевича Грибоедова [Овчинников, с. 20; Фролов, 2008, с. 126–130]. Сестры Агафья и Анна Грибоедовы впоследствии жили в сельце Высоково. Анна Владимировна вышла замуж за подпоручика Афанасия Ивановича Трусова – потомка старинного владимирского дворянского рода³. Родной брат подпоручика Афанасия Трусова судогодский уездный предводитель дворянства полковник Яков Иванович Трусов известен как первый переводчик на русский язык романа Д. Дефо «Робинзон Крузо».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адрес-календарь Российский на лето от Рождества Христова 1765, показывающий о всех чинах и присутственных местах в государстве, кто при начале сего года в каком звании или в какой должности состоит. СПб.: Имп. Академия наук, 1765, 131 с.

¹ Там же. Ф. 2058. Оп. 4. Д. 12. Л. 43–44.

² Там же. Оп. 110. Ед. хр. 62. Л. 93 об.

³ ГАВО. Ф. 301. Оп. 5. Ед. хр. 129-А. Л. 1195–1204; Ед. хр. 188. Л. 580; Ед. хр. 210. Л. 641; Ф. 556. Оп. 110. Ед. хр. 62. Л. 93 об.; Оп. 111. Ед. хр. 149. Л. 200.

2. Владимирское народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. Владимир: Владимирской кн. изд-во, 1963. 92 с.
3. Ковровский исторический сборник / авт.-сост. Н.В. Фролов, Э.В. Фролова. Ковров: ООО НПО «Маштекс», 2001. 112 с.
4. Ковровский исторический сборник / авт.-сост. Н.В. Фролов, Э.В. Фролова. Вып. 2. Ковров: ООО НПО «Маштекс», 2001. 96 с.
5. Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето 1772 от Рождества Христова. СПб.: Имп. Акад. наук, 1772. 221 с.
6. Николаев Б.П., Овчинников Г.Д., Цымбал Е.В. Из истории семьи Грибоедовых // А.С. Грибоедов. Материалы к биографии. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1989. С. 76–91.
7. Овчинников Г.Д. Грибоедовы в Покровском уезде // Покровская старина / сост. В.Н. Алексеев. Петушки: [б. и.], 1994.
8. Предводители, депутаты и секретари дворянства Владимирской губернии 1767–1887 / сост. и изд. Н.С. Стромилев и В.Н. Акинфов. Владимир: Типо-литография Губернской земской управы, 1887. 70 с.
9. Фролов Н.В. Из истории храмового строительства в дворянских имениях Ковровского уезда Владимирской губернии // Уваровские чтения – II. М.: ИВФ Антал, 1994. С. 84–85.
10. Фролов Н.В., Фролова Э.В. Вокруг Танеевых. Генеалогия их ближайших родственников и окружения. Ковров: ООО «Великоросс», 2008. 280 с.

<https://doi.org/10.29003/m3669.khmelita-18/240-257>

<https://elibrary.ru/mrfxvj>

Научная статья / Research Article

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2 Рос=Рус)

This is an open access book
Distributed under the Creative
Commons Attribution-NoDerivatives
4.0 (CC BY-ND)

О РОДСТВЕННЫХ СВЯЗЯХ СМОЛЕНСКОГО ОКРУЖЕНИЯ ГРИБОЕДОВЫХ

© 2023. А.И. Макаров

Аннотация: В статье представлена история выявления родственных связей окружения Грибоедовых по их смоленскому имению Хмелита. Впервые через роды Лыкошиных и Жегаловых прослежены дальние родственные связи между драматургом А.С. Грибоедовым и адмиралом П.С. Нахимовым, музеи которых расположены рядом, в бывшей усадьбе Хмелита – ныне Государственном историко-культурном и природном музее-заповеднике А.С. Грибоедова «Хмелита». В научный оборот впервые вводятся фотографии и документы представителей родов Лыкошиных и Жегаловых, в том числе фотография Владимира Ивановича Лыкошина, друга детства Грибоедова и его пятиюродного брата.

Ключевые слова: А.С. Грибоедов, П.С. Нахимов, Хмелита, Лыкошины, Жегаловы, Эльмановичи, родственные связи, Смоленская земля.

Информация об авторе: Андрей Игоревич Макаров – ведущий редактор отдела книжных изданий, издательство «Пашков дом» Российской государственной библиотеки, Моховая ул., д. 16, Москва, 125009, Россия.

ORCID: 0000-0002-1103-0219.

E-mail: a.makarov_03@mail.ru

Для цитирования: Макаров А.И. О родственных связях смоленского окружения Грибоедовых // А.С. Грибоедов и его эпоха: Хмелитский сборник № 18 / отв. ред. Е.В. Аблогина, М.В. Скороходов. М.: ООО «МАКС Пресс», 2023. С. 240–257. <https://doi.org/10.29003/m3669.khmelita-18/240-257>.

ABOUT KINSHIP RELATIONS OF THE SMOLENSK MILIEU OF THE GRIBOEDOV'S

© 2023. *Andrey I. Makarov*

Abstract: The article presents the history of involuntary identification of kinship relations of the Griboedovs' surrounding in their Smolensk estate Khmelita (now State Historical, Cultural and Nature Museum-Reserve Named after A.S. Griboedov "Khmelita"). For the first time, family ties were traced between the playwright A.S. Griboedov and Admiral P.S. Nakhimov through the Lykoshins and the Zhegalovs. The article also presents a photograph of Vladimir Ivanovich Lykoshin, Griboedov's childhood friend and his fifth cousin.

Keywords: A.S. Griboedov, P.S. Nakhimov, Khmelita, the Lykoshins, the Zhegalovs, the Elmanoviches, kinship relations, land of Smolensk.

Information about the author: Andrey I. Makarov – Senior Editor, Pashkov Dom Publishing House of the Russian State Library, Mokhovaya str., 16, Moscow, 125009, Россия.

ORCID: 0000-0002-1103-0219.

E-mail: a.makarov_03@mail.ru

For citation: Makarov, Andrey I. About Kinship Relations of the Smolensk Milieu of the Griboedovs. *Aleksandr Griboedov and His Epoch: Khmelitsky Sbornik No. 18*. Ex. ed. Evgeniia V. Ablogina, Maxim V. Skorokhodov. Moscow: MAX Press Publ., 2023. pp. 240–257. (In Russian). <https://doi.org/10.29003/m3669.khmelita-18/240-257>.

Музей А.С. Грибоедова (1795–1829) в бывшей смоленской усадьбе Грибоедовых Хмелита расположен в главном усадебном доме, а в отдельном историческом строении размещен музей адмирала П.С. Нахимова (1802–1855). У посетителя, впервые приехавшего в Хмелиту, возникает закономерный вопрос: каким образом связаны между собой эти выдающиеся деятели России? Действительно, Грибоедов и Нахимов были современниками, но подвизались они на совершенно разных поприщах, и нет никаких сведений о том, что когда-либо встречались или общались. Создание музея Нахимова в Хмелите было продиктовано сугубо практическими соображениями: усадьба Нахимовых Городок, в которой предположительно

родился адмирал, находилась сравнительно недалеко от Хмелиты, с созданием в 1990 г. историко-культурного и природного музея-заповедника А.С. Грибоедова «Хмелита» местность, где располагался Городок, вошла в состав заповедника. Однако от бывшей нахимовской усадьбы не сохранилось ничего, восстановить ее чрезвычайно сложно, поэтому целесообразность создания музея Нахимова в 2002 г., к 200-летию со дня рождения адмирала, в центральной усадьбе музея-заповедника «Хмелита» с ее уже налаженной инфраструктурой была очевидна.

И только недавно между литератором-дипломатом и адмиралом была выявлена дальняя родственная связь. Это даже не родство, а дальнейшее свойство – родственная связь через браки. Однако в цепочку этого свойства входят небезынтересные лица – представители родов Лыкошиных и Жегаловых, владевших именьями в тех же местах на Смоленщине, что и Грибоедовы и Нахимовы. К тому же само отыскание означенных связей явило собой увлекательное историко-генеалогическое исследование.

В основе исследования лежали разрозненные, полученные в разное время от разных людей и в различных архивах сведения, в том числе касающиеся прямых предков автора настоящей статьи, что и обусловило его интерес к данной теме. Со временем разрозненные материалы удивительным образом сложились в целостную картину.

«Отправной точкой» исследования стал небольшой устный рассказ, бытовавший в семье автора этих строк. Рассказ находился в череде воспоминаний старшего поколения об ушедшей дореволюционной эпохе и заключался в описании, с элементами приключения, поездки прадеда и прабабушки автора статьи, Михаила Михайловича (1867–1913) и Софьи Васильевны (1882–1959) Жегаловых (см. рис. 1 – схему родственных связей, VIII колена), в некую деревню к «деду Нилу» (именно так героя рассказа называла Софья Васильевна). Нил в повествовании выступал барином – владельцем дома, упоминалась прислуживавшая ему некая Мавра. В целом же речь шла об особенностях деревенской жизни, которые горожанам казались забавными. Например, в конце обеда Нил приказывал: «Мавра, неси пирожные». И та, по словам Софьи Васильевны, приносила простую манную кашу, что считать пирожными никак было нельзя. Действие в рассказе не было привязано ни к определенному времени, ни к месту.

Рис. 1

Но по обстоятельствам жизни супругов Жегаловых всё же можно было предположить, что описываемые события относились к самому рубежу XIX–XX вв. (в 1899 г. Михаил Михайлович и Софья Васильевна заключили брак), и что поездка совершалась из Москвы в западном направлении (в одном из вариантов рассказа, возможно, фигурировала Смоленская земля) к родственникам Михаила Михайловича. Хотя было известно, что М.М. Жегалов происходил из дворянской семьи, но никакие подробности о его происхождении не сохранились: он был офицером, служил не в тех местах, где родился, умер рано, в 46 лет.

Только специальное изучение рода дворян Жегаловых по материалам, хранящимся в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА), Российском государственном историческом архиве (РГИА), Государственном архиве Смоленской области (ГАСО) и в других учреждениях, позволило обнаружить, что Жегаловы жили на Смоленской земле с 1610–1620-х гг. и владели там многими именьями. Представителям прямой линии предков Михаила Михайловича принадлежали деревни Агибалово, Родионово, Бейково, Ерютино и другие, компактно расположенные в верховьях Днепра, в основном на территории современного Холм-Жирковского района Смоленской области. В соседнем селе Белый Берег (территория современного Сафоновского района Смоленской области; само село не сохранилось) Жегаловы последовательно – в XVII и в XIX в. – построили два храма, возле которых образовалась их родовая усыпальница. Названные населенные пункты находятся примерно в 20 км по прямой к западу от Хмелиты, которая, как известно, с конца XVII в. принадлежала Грибоедовым. За 300 лет (с начала XVII в. и до революционных событий начала XX в.) проживания на Смоленщине Жегаловы породнились со многими соседскими помещиками: Повало-Швыйковскими, Якушкиными, Нахимовыми, Граблиными. В частности, выяснилось, что бабушка Михаила Михайловича Жегалова, Евгения Васильевна (VI колено в представленной схеме родственных связей), происходила из рода Нахимовых и приходилась троюродной сестрой адмиралу Павлу Степановичу Нахимову (VI колено). Подробнее о роде Жегаловых и их родственных связях на Смоленщине см.: [Макаров. Перекрестки судеб, 2017; Макаров. Смоленский род Жегаловых, 2017; Макаров, 2021].

Выяснилось также, что существовал представитель рода Жегаловых по имени Нил – Нил Аполлонович (род. 23.12.1858¹) (VIII колена), который приходился Михаилу Михайловичу двоюродным братом (сын старшего брата его отца). Никаких других Нилов среди Жегаловых не отыскивалось, следовательно, в легендарном рассказе фигурировал именно этот Нил – весьма близкий родственник Михаила Михайловича. Называние его со стороны Софьи Васильевны «дедом» вполне оправдано: на рубеже XIX–XX вв. Нилу Аполлоновичу, когда его видела Софья Васильевна, было 40 с небольшим лет, и ей, 18–19-летней, он представлялся «дедом», помещиком в глухомани, ведущим патриархальный образ жизни.

Отец Нила, Аполлон Павлович Жегалов (11.12.1821² – после 1860) (VII колена) окончил юридический факультет Московского университета, во 2-й половине 1850-х гг. в чине титулярного советника состоял почетным смотрителем Поречского уездного училища [Памятная книжка, с. 78] (Поречье – ныне город Демидов, районный центр Смоленской области). В хранившемся в Департаменте герольдии Сената дворянском деле Жегаловых значится, что женой Аполлона Павловича была некая Миропия Владимировна, без указания девичьей фамилии³.

Родовым жегаловским гнездом являлось сельцо Агибалово (к настоящему времени от него ничего не осталось), которое располагалось на правом берегу Днепра, рядом с деревней Телебукино (существующей и ныне в Холм-Жирковском районе). Но Аполлон Павлович Жегалов, согласно всем документам, проживал в имении Ерютино (Эрютино)⁴ [Приложения, с. 16–17], которое находилось несколько выше по течению Днепра по отношению к Агибалову, рядом с селом Воскресенское-Щербатовщина – одной из главных вотчин Нахимовых (также Холм-Жирковский район). Очевидно, Ерютино перешло к Жегаловым от Нахимовых в качестве приданого Евгении Васильевны, урожденной Нахимовой, матери Аполлона Павловича, который и унаследовал это имение от родителей. Кроме сельца

¹ РГИА. Ф. 1343. Оп. 21. Д. 1735. Л. 93. В настоящей статье все даты до 1918 г. приводятся по Юлианскому календарю (по «старому стилю»).

² ГАСО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 691. Л. 274.

³ РГИА. Ф. 1343. Оп. 21. Д. 1735. Л. 94.

⁴ См.: ГАСО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 2446. Л. 120 об. – 121.

Ерьютино, он владел располагавшимися недалеко от него деревнями Ларино, Заболоцкое, Стешино (?), Аладьино, сельцом Спасское¹.

От Аполлона Павловича имение Ерьютино перешло к его сыну – Нилу Аполлоновичу. Известно, что по состоянию на 1911 г. у последнего в имении было 872 десятины земли, которые использовались под хлебопашество и сенные покосы². Стало быть, именно в Ерьютино к «деду Нилу» и ездили М.М. и С.В. Жегаловы. Ко времени заключения между ними брака в 1899 г. Нил Аполлонович оставался на Смоленщине последним помещиком из потомков своих деда и бабки – Павла Ивановича и Евгении Васильевны, урожденной Нахимовой (VI колено), и самым близким родственником М.М. Жегалову, поскольку последний владелец родового жегаловского сельца Агибалово Иван Павлович (VII колено) скончался 28 марта 1899 г. бездетным³ [Руженцев, 1900. № 11, с. 569–571; Руженцев, 1900. № 14, с. 731–737]. Так что после 1899 г. М.М. Жегалов мог ехать на Смоленщину только к своему кузену Нилу. Согласно рассказу, та поездка совершалась в зимнее время; в таком случае нижней границей ее датировки следует считать зиму 1899/1900 гг. Можно думать, что Михаил Михайлович возил молодую жену в свое родовое гнездо на рождественские праздники 1899/1900 гг. Или поездка была совершена в какую-нибудь из ближайших следующих зим.

Таким образом, в результате многолетнего накапливания сведений из различных источников герой легендарного рассказа «дед Нил» стал реальным лицом, определились время и место описанных в рассказе событий.

Следующим этапом на пути произвольного выяснения родственных связей П.С. Нахимова и А.С. Грибоедова стало обнаружение в отделе рукописей Российской государственной библиотеки (РГБ) нескольких дел, относящихся к смоленским Жегаловым, причем трех из них – к имению Ерьютино и его владельцам.

В одном из дел оказались две университетские студенческие тетради Аполлона Павловича Жегалова по истории с пометами историка М.П. Погодина. Записи в первой тетради датированы 1841 г.,

¹ См.: ГАСО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 2306. Ч. 4. Л. 30 об., 34 об.; Д. 2444. Л. 1062 об., 1063 об.; Д. 2451. Л. 755 об.

² Там же. Ф. Р-653. Оп. 7. Д. 106. Л. 3–6.

³ РГИА. Ф. 1343. Оп. 21. Д. 1735. Л. 49 об.

содержание второй тетради, вероятно, тоже относится к этому времени, на ее последнем листе имеется водяной знак «1838». На бумаге, в верхних правых углах страниц тетрадей, имеется вдавленный штемпель с двуглавым орлом и нечитаемой надписью. Наличие штемпеля, вероятно, свидетельствует о том, что бумага предназначалась для неких официальных документов¹.

Пометы Погодина касаются личности Аполлона Павловича. Так, на титульном листе первой тетради (видимо, некое отчетное сочинение А.П. Жегалова под названием «Биография князя Галицкого Владимира Ярославича», 10 листов) Погодин написал: «Такой студент мог (?) получить полный аттестат при Гр. Строганове в юридич. факультете. 1841 [следующее слово неразборчиво. – А.М.] года. <Подпись Погодина>»² (рис. 2, 3). На второй тетради (вероятно, студенческий конспект лекции по истории о правлении московского князя Ивана Калиты объемом 6 листов) прочитывается помета: «Строгановский студент»³ (рис. 4).

Из этой информации можно заключить, что Погодин, вероятно, преподавал у А.П. Жегалова, что по неизвестным нам основаниям он связывал студента Жегалова с попечителем Московского учебного округа, благотворителем в сфере образования графом С.Г. Строгановым. Возможно, Жегалов был грантополучателем от Строганова или его протеже. Известно, что в указанный период отношения Погодина и Строганова были очень натянутыми. Можно также заключить, что университет Аполлон Павлович окончил в начале 1840-х гг.

Во втором деле находилась фотография усадебного дома в Ерютине с сопроводительным описанием⁴. На фото запечатлен двухэтажный деревянный дом с двумя покосившимися входами, в левом нижнем углу снимка стоит деревенская женщина в белом платке и белом

¹ За консультации относительно штемпеля автор статьи благодарит старшего научного сотрудника научно-исследовательского отдела редких книг (Музея книги) Российской государственной библиотеки Ю.И. Вишнякову.

² ОР РГБ. Ф. Пог. 231/III. К. 4. Ед. хр. 60. Л. 1. За помощь в прочтении записей М.П. Погодина автор статьи благодарит своих коллег – Н.С. Буракову и И.И. Шестопалова.

³ ОР РГБ. Ф. Пог. 231/III. К. 4. Ед. хр. 60. Л. 11.

⁴ Там же. Ф. 743 (Коллекция единичных поступлений архивных материалов). К. 18. Ед. хр. 19.

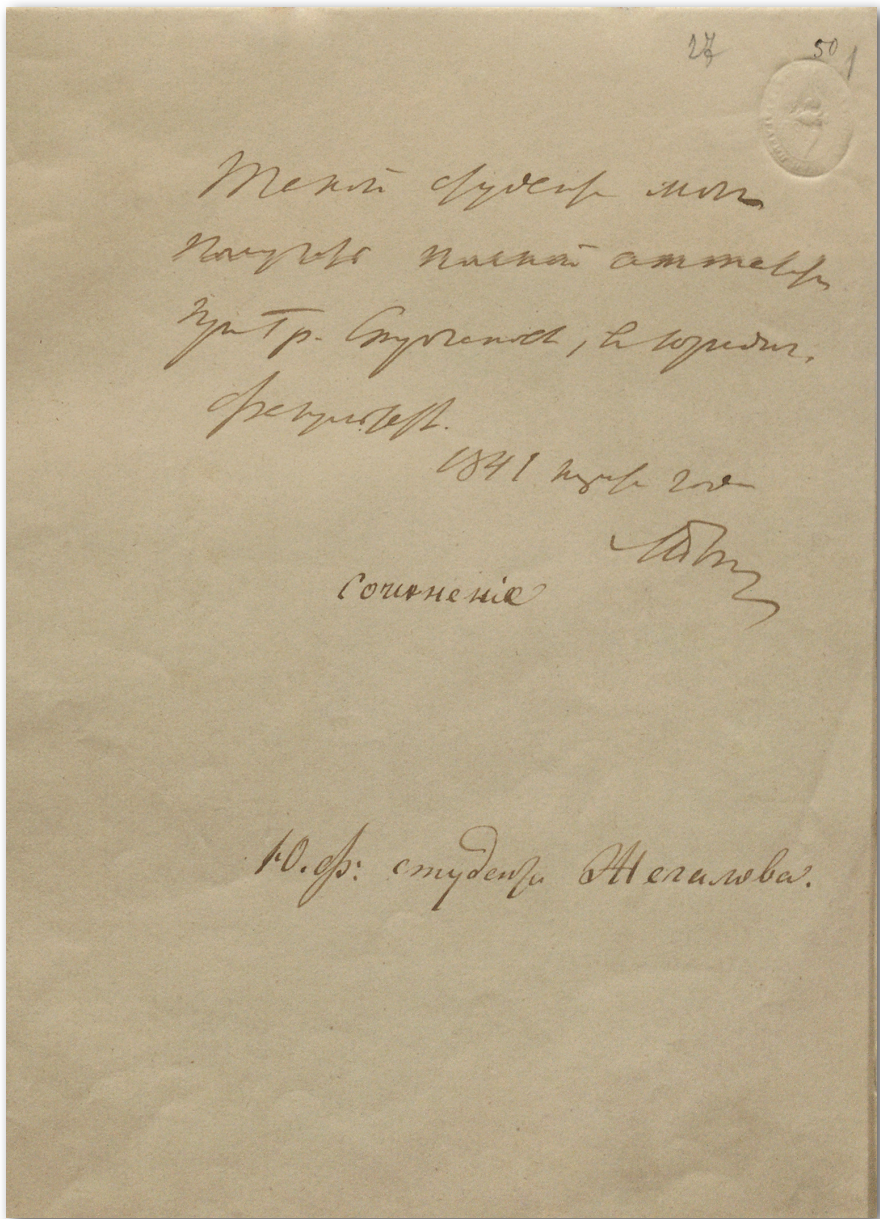

Рис. 2

28 51 2

Биография. —

Князя Тимуровича Владимира Ярославича,

Владимиръ Ярославичъ Чичевъ Великий
былъ внукомъ Владимира Володаревича,
и современникомъ великаго князя Владими-
ромъ Всеволодомъ, отецъ его Ярославъ
Владимировичъ именованъ въ синодикахъ
всехъ добрыхъ людей Володаромъ, отъ се-
не очень любимъ, отъ не родима Владимиръ
Ярославичъ, отъ добръ очень любима отъ не
матери, и добръ его любима, но не нечестно
его отъ очень несправедливо возмущенъ,
отецъ мало заботился о его воспитаньи, Вла-
димиръ часто дурными своими поступками

Рис. 3

Алу приять. Императрица Александра.
Стурганский титул 35 58 11
Госуде Кашмира поугривъ Вакхис кня.
жени, Царь Узбекъ отдалъ Соану
Даниловну, Ноброфодъ и Коетросу а Алексан.
Дру отдалъ Владимироу а Деловофе, что емоу
мофно сакиноривъ что Канъ и все вемне
кметеме отдалъ Соану, что отъ отдалъ
Владимироу а Деловофе Александру, не аяромъ
кметеме все вемне кметеме коседо мо-
ривовъ въ суровъ Соана Даниловну, что емоу
спеню Владимироу неметивъ сово суаривовъ,
иентъ, и Москва париваетъ иривъ кавну
ривъ, неспаведливо нехоривъ что вно, мие
вемкано кметеме Соана неперививна, что
Ноброфода въ Киевъ, что Киевъ а Владимироу

Рис. 4

переднике, рядом с ней птица, похожая на индюка. Эта фотография представляет собой лицевую сторону почтовой открытки. При этом фотография явно любительская. Таким образом, на фото запечатлено место, которое посещали, согласно семейному рассказу, М.М. и С.В. Жегаловы (рис. 5).

На обороте открытки имеется датированное концом 1909 г. рождественское поздравление хозяина Ерютина Нила Аполлоновича Жегалова директору гимназии города Коломны Дмитрию Павловичу Эльмановичу. Как удалось выяснить, Д.П. Эльманович родился в 1853 г., был сыном священника из города Сычевка Смоленской губернии, учился в Смоленской духовной семинарии и Смоленской гимназии, окончил Московский университет, на 1907 г. состоял инспектором гимназии в городе Белый Смоленской губернии [Цезаревский, с. 43], до 1913 г. являлся директором гимназии в Коломне [Гимназистки Коломны [сайт]], в 1913–1918 гг. – директором Смоленской мужской гимназии [Смоленская гимназия: директора [сайт]].

К открытке приложена пояснительная записка, автором которой, как указано в описи фонда отдела рукописей, была О.Д. Эльманович. По инициалам можно предположить, что она – дочь получателя открытки Д.П. Эльмановича. Содержание пояснительной записки

Рис. 5

удивительным образом подтверждает подробности из семейного рассказа о доме «деда Нила» и знаменует собой следующий этап исследования – проливает свет на родственную связь Жегаловых с окружением Грибоедова:

Ерютино – имение Аполлона Павловича Жегалова, в котором поселилась Мирра, выйдя замуж за Жегалова. В этом доме родились Машенька и Варя. Впоследствии Мирра переселилась жить в Белый, в дом своих родителей, Владимира Ивановича Лыкшина и Елены Павловны.

Слева птичница Мавра, которую кто-то из родных задушил. Ее Нил Аполлонович похоронил в саду за домом. Нил Аполлонович стал владельцем Ерютина после смерти отца. Он владел имением вплоть до 1916 года, когда скоропостижно умер.

Этот текст подтверждает сведения о владении Ерютиним последовательно Аполлоном Павловичем и его сыном Нилом Аполлоновичем, добавляет год смерти последнего – 1916-й, что согласуется со всеми прежде найденными документами.

Представленная на фотографии женщина в белых платке и переднике названа в записке птичницей Маврой. По всей видимости, это никто иная, как та служанка в доме Нила, которая упоминалась в семейном рассказе. Судя по тексту записки, судьба Мавры оказалась трагичной: женщина «кем-то из родных» была лишена жизни. Можно думать, что преступниками были родственники самой Мавры, а не Нила Аполлоновича.

Таким образом, на фотографии и в пояснительной записке есть всё, что присутствовало в коротком легендарном семейном рассказе, – дом, его хозяин Нил, служанка Мавра.

В третьем деле из фондов отдела рукописей РГБ представлена, в том числе, фотография самого Нила Аполлоновича¹, т. е. найдено изображение главного действующего лица легендарного рассказа. Правда, на фото он запечатлен мальчиком лет десяти. Отсюда можно предположить, что фото сделано в 1860-е гг. (рис. 6).

Из фондовых описаний фотографии дома в Ерютине и фотографии Н.А. Жегалова известно, что в отдел рукописей РГБ они поступили в 1978 г. И, судя по всему, передала их, сопроводив своим пояснением, О.Д. Эльманович.

¹ ОР РГБ. Ф. 743 (Коллекция единичных поступлений архивных материалов). К. 18. Ед. хр. 8.

Из пояснительной записки О.Д. Эльманович к фото ерютинского дома следует, что женой Аполлона Павловича Жегалова была дочь «Владимира Ивановича Лыкшина и Елены Павловны» Мирра. Под родителями жены, конечно же, следует понимать В.И. Лыкошина и его супругу Елену Павловну, урожденную Соколовскую (VI колено в родословной схеме).

Владимир Иванович Лыкошин (1792–1876) был участником Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов, владел пером – писал стихи, публицистику, мемуары. Он известен как близкий друг детства и юности А.С. Грибоедова (VI колено), с которым его объединяло и кровное родство: по роду Лыкошиных они приходились друг другу пятиюродными

Рис. 6

братьями (см. схему родственных связей). Известно, что в конце 1770-х гг. расположенное рядом с Хмелитой и также принадлежавшее Грибоедовым имение Григорьевское приобрел у Федора Алексеевича Грибоедова (IV колено) его троюродный брат Богдан Васильевич Лыкошин (IV колено), которые были, соответственно, дедами А.С. Грибоедова и В.И. Лыкошина. После дедов Хмелита и Григорьевское отошли не родителям, а дядям А.С. Грибоедова и В.И. Лыкошина. Юные Александр Грибоедов и Владимир Лыкошин встречались в этих имениях своих предков, затем вместе учились в Московском университете.

На Смоленщине Лыкошины с XVII в. владели, помимо прочих имений, расположенным недалеко от жегаловских владений селом Казулино (существует и ныне), т. е. были с Жегаловыми соседями. В.И. Лыкошин после выхода в 1818 г. в отставку с военной службы жил в своих смоленских имениях, в 1820 г., после кончины своего отца, стал полноправным хозяином Казулина. В 1827 г. Владимир Иванович

заклучил брак с Еленой Павловной Соколовской. В 1830-е гг. состоял предводителем дворянства Бельского уезда, к которому относилась часть его имений. К Бельскому уезду относились тогда и имения Жегаловых. В 1820–1830-е гг. в учреждениях Бельского уезда служил отец Аполлона Павловича Жегалова – Павел Иванович, который был буквально сверстником В.И. Лыкошина: оба родились в 1792 г. П.И. Жегалов участвовал в кампаниях 1805–1807 гг.¹, в Отечественную войну 1812 г. состоял в Вяземском ополчении, «был в сражении», проходил действительную военную службу и в отставку вышел в 1819 г., через год после отставки В.И. Лыкошина, в 1820 г. женился на троюродной сестре будущего адмирала Нахимова, был судьей Бельского уезда, «попечителем предохранительного от холеры комитета», «посредником любовных размежеваний»².

Как соседи по имениям, сослуживцы по уездным учреждениям, люди одного круга Лыкошины и Жегаловы явно знали друг друга, возможно, и тесно общались. Например, известно, что еще в 1778 г. бабушка В.И. Лыкошина, Мария Ивановна (жена Богдана Васильевича Лыкошина, IV колена), и дядя П.И. Жегалова, Сергей Степанович Жегалов, были восприемниками при крещении сына соседского помещика – Николая Храповицкого³. Поэтому заключение брака между сыном П.И. Жегалова и дочерью В.И. Лыкошина вполне правдоподобно.

В родословной росписи Лыкошиных, хранящейся в фондах Государственного архива Смоленской области, перечислены дети В.И. Лыкошина с годами рождений: Миропия (1828), Николай (1829), София (1830), Ольга (1836)⁴. Так что упомянутая в пояснительной записке к фото ерютинского дома дочь В.И. Лыкошина Мирра – это, конечно же, его старшая дочь Миропия, а Мирра – ее домашнее уменьшительное имя. И это полностью согласуется со сведениями из дворянского дела Жегаловых о том, что женой Аполлона Павловича была Миропия Владимировна. Вероятно, она была назва-

¹ ГАСО. Ф. 1236. Оп. 1. Д. 1. Л. 325 об. – 326, 412 об. – 413.

² РГИА. Ф. 1343. Оп. 21. Д. 1735. Л. 124.

³ ГАСО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 266. Л. 76. За предоставление этой информации благодарю Н.Г. Гурскую.

⁴ ГАСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 160. Л. 211 об., 213. За предоставление этих сведений благодарю Ю.Н. Шорина.

на в честь матери В.И. Лыкошина, которую также звали Миропией (Миропия Ивановна, урожденная Лесли; см. схему родственных связей). Год рождения Миропии Владимировны – 1828-й, вполне подходит для жены Аполлона Павловича Жегалова, родившегося в 1821 г. Кроме того, в датированном 1859 г. документе о разделе имущества В.И. Лыкошина и его жены между их детьми среди наследников значится титулярная советница Миропия (?) Владимировна Жегалова¹. Хотя имя в документе прочитывается неявно, но фамилия и чин ее супруга явно указывают на Аполлона Павловича Жегалова, который, как отмечалось выше, в 1850-е гг. имел чин титулярного советника.

Таким образом, нет сомнений, что Миропия, старшая дочь близкого друга и пятиюродного брата А.С. Грибоедова В.И. Лыкошина, была женой старшего сына Павла Ивановича Жегалова, Аполлона Павловича, владельца имения Ерютино. Брак мог быть заключен во 2-й половине 1840-х гг. И Аполлон Павлович Жегалов в результате этого брака оказался в дальнем свойстве с Грибоедовым. В результате, друг и родственник Грибоедова В.И. Лыкошин оказывается дедом героя легендарной семейной истории о Ниле. Через Аполлона Павловича Жегалова в дальнем свойстве с Грибоедовым оказывается и адмирал Нахимов.

Эти семейные связи драматурга и адмирала, впервые выявленные нами, запечатлены в представленной родословной схеме. Они дают дополнительное обоснование для расположенных в Хмелите музеев А.С. Грибоедова и П.С. Нахимова.

Ныне в экспозиции музея А.С. Грибоедова в Хмелите на почетном месте помещен портрет В.И. Лыкошина (рис. 7). Портрет был сохранен правнучкой В.И. Лыкошина и С.Н. Бегичева, другого близкого друга А.С. Грибоедова, Ольгой Степановной Бегичевой [История музея [сайт]] (стало быть, имелось родство и между потомками В.И. Лыкошина и С.Н. Бегичева). Насколько можно судить, другие изображения В.И. Лыкошина неизвестны.

Рис. 7

¹ ГАСО. Ф. 10. Оп. 6. Д. 427. За предоставление этой информации благодарю О.Н. Лесли.

Рис. 8

Однако среди переданных О.Д. Эльманович в отдел рукописей РГБ фотографий обнаруживается и фотография Владимира Ивановича Лыкошина. На обороте надпись: «Владимир Иванович Лыкшин¹ (ослеп и умер в 1869 году)»² (рис. 8). Нам неизвестны какие-либо другие введенные в научный оборот фотографические изображения В.И. Лыкошина, так что этот артефакт уникален.

В пояснительной записке к открытке с фотографией дома в Ерютине сообщается также, что Миропия Владимировна после заключения брака переехала к мужу в Ерютино и что там родились Машенька и Варя. Это актуализирует вопрос о том, какие

дети происходят от брака А.П. Жегалова и М.В. Лыкошиной. К сожалению, в записке не говорится о Ниле Аполлоновиче как родившемся именно в этом браке, но нужно думать, что его матерью всё же была Миропия Владимировна. Для выявления родившихся в браке А.П. Жегалова и М.В. Лыкошиной детей необходимо обратиться к изучению соответствующих метрических книг.

Открытым пока остается вопрос, состояли ли в родстве с Жегаловыми–Лыкошиными Эльмановичи. Но, по крайней мере, О.Д. Эльманович сберегла фотографии представителей этих родов и передала их на государственное хранение, возможно, понимая значимость этих документов как свидетельств о близких Грибоедову людях.

Таким образом, череда открытий, начавшаяся с незатейливой семейной истории о поездке к «деду Нилу», привела к пополнению наших представлений о родственных связях окружения А.С. Гри-

¹ Такое же написание фамилии Лыкошина без «о» после «к», как и в пояснительной записке к фотографии дома в Ерютине.

² ОР РГБ. Ф. 743 (Коллекция единичных поступлений архивных материалов). К. 18. Ед. хр. 12.

боедова, о соседях Грибоедовых по имению Хмелита. В результате исследований в научный оборот вводятся новые артефакты из окружения драматурга-дипломата.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гимназистки Коломны: [фотография] // Большой русский альбом. URL: <http://www.rusalbom.ru/photo/default/42333> (дата обращения: 10.05.2022).

2. История музея // Хмелита. Музей-заповедник А.С. Грибоедова. URL: <https://khamelita.com/o-muzee/istoriya-muzeya/> (дата обращения: 10.05.2022).

3. Макаров А.И. Материалы к генеалогии рода Жегаловых // Смоленское дворянство. 2021. № 17. С. 12–24.

4. Макаров А.И. Перекрестки судеб: К вопросу о родственных связях Нахимовых на Смоленщине // Край Смоленский. 2017. № 8. С. 14–23.

5. Макаров А.И. Смоленский род Жегаловых // Край Смоленский. 2017. № 12. С. 12–15.

6. Памятная книжка Смоленской губернии на 1857 г. Смоленск: Смолен. губ. стат. ком., 1857. Ч. 1. 228 с.

7. Приложения к трудам редакционных комиссий для составления положения о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости: Сведения о помещичьих имениях. Т. 4. Извлечение из описаний помещичьих имений в 100 душ и свыше. Смоленская губерния. СПб.: В тип. В. Безобразова и комп., 1860. 385 с.

8. Руженцев А., священник. Ктитор храма села Белого Берега Бельского уезда Иван Павлович Жегалов (некролог) // Смоленские епархиальные ведомости. 1900. № 11. С. 569–571.

9. Руженцев А., священник. Ктитор храма села Белого Берега Бельского уезда Иван Павлович Жегалов (некролог) // Смоленские епархиальные ведомости. 1900. № 14. С. 731–737.

10. Смоленская гимназия: директора // Учебные заведения. URL: http://www.russer.ru/a/a/smolenskaya_gimnaziya_imeni_n_m_prjevalskogo_-_direktora (дата обращения: 10.05.2022).

11. Цезаревский П.В. Страничка из истории смоленской духовной семинарии. Смоленск, 1907. 48 с.

<https://doi.org/10.29003/m3670.khmelita-18/258-280>

<https://elibrary.ru/mteowg>

Научная статья / Research Article

УДК 930.85

ББК 63.3(2)521

This is an open access book
Distributed under the Creative
Commons Attribution-NoDerivatives
4.0 (CC BY-ND)

ДЕЛА III ОТДЕЛЕНИЯ ОБ ОППОЗИЦИОННОМ СМОЛЕНСКОМ ДВОРЯНСТВЕ ГРИБОЕДОВСКОГО ВРЕМЕНИ

© 2023. Я.В. Леонтьев

Аннотация: Попытка создания Смоленской управы нового тайного общества после роспуска Союза благоденствия была предпринята вяземским помещиком И.Д. Якушкиным вместе с М.А. Фонвизиным, П.Х. Граббе и М.Н. Муравьевым, в результате в общество был принят ельнинский предводитель дворянства, отставной генерал П.П. Пассек. Круг лиц, которых можно условно назвать «Обществом Фонвизиных – Якушкина», организовал помощь голодающим крестьянам, создавал крестьянские школы, собирал вокруг себя оппозиционное дворянство. В имени Пассека неоднократно бывали декабристы (Якушкин, П.Г. Каховский, В.К. Кюхельбекер) и оппозиционеры, из которых составилась кружок «смоленских вольнодумцев». В 1828 г. в III Отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии поступил донос от известного своей предательской ролью в деле декабристов И.В. Шервуда-Верного, который утверждал, что если бы не преждевременная смерть Пассека весной 1825 г., то аресты коснулись бы многих местных дворян, отличавшихся своей политической фрондой. В назначенном А.Х. Бенкендорфом расследовании выяснилось, что действительно некоторые дворяне, отставные офицеры опасались арестов. Часть из них состояла в близком родстве с декабристами, как, например, Я.М. Повало-Швейковский и А.П. Черкасов. В итоге за ними был учрежден полицейский надзор.

Ключевые слова: И.Д. Якушкин, декабристы, русская усадьба, дворянская оппозиция, П.П. Пассек, III Отделение, политический сыск.

Информация об авторе: Ярослав Викторович Леонтьев – доктор исторических наук, профессор, Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, факультет государственного управления, 119234 г. Москва, Россия.

E-mail: leoyar@mail.ru

Для цитирования: *Леонтьев Я.В.* Дела III Отделения об оппозиционном смоленском дворянстве грибоедовского времени // А.С. Грибоедов и его эпоха: Хмелитский сборник № 18 / отв. ред. Е.В. Аблогина, М.В. Скороходов. М.: ООО «МАКС Пресс», 2023. С. 258–280. <https://doi.org/10.29003/m3670.khmelita-18/258-280>.

CASES OF THE THIRD SECTION OF HIS IMPERIAL MAJESTY'S OWN CHANCERY ON THE OPPOSITION SMOLENSK NOBILITY OF GRIBOEDOV'S TIME

© 2023. *Yaroslav V. Leontiev*

Abstract: An attempt to create a new secret society in Smolensk after the dissolution of the Union of prosperity was made by the Vyazemsky landowner I.D. Yakushkin together with M.A. Fonvizin, P. H. Grabbe and M.N. Muravyov. As a result, the yelninsky leader of the nobility, retired General P.P. Passek, was accepted into the society. A circle of people who can be called the «Fonvizin –Yakushkin Society» organized assistance to starving peasants, created peasant schools, and gathered the opposition nobility around them. The Passek estate was repeatedly visited by Decembrists (Yakushkin, P.G. Kakhovsky, V.K. Küchelbecker) and the opposition, of which the composition of the group «Smolensk free thinkers». In 1828, the Third Department Of His Imperial Majesty's own Chancellery received a denunciation from I.V. Sherwood-Verny, known for his treacherous role in the Decembrist case, who claimed that if not for the premature death of Passek in the spring of 1825, the arrests would have affected many local nobles who were distinguished by their political Fronde. In the investigation appointed by A.H. Benckendorff, it turned out that indeed some nobles and retired officers were afraid of arrests. Some of them were in close relationship with the Decembrists, as, for example, J.M. Povalov-Shveikovskiy and A.P. Cherkasov. As a result, police supervision was established over them.

Keywords: Ivan Yakushkin, Decembrists, Russian manor, noble opposition, Peter Passek, Third Department, political investigation.

Information about the author: Yaroslav V. Leontiev – DSc in doctor of History, Professor, Lomonosov Moscow State University, 27 Lomonosovsky Prospekt, building 4, faculty of public administration, 119234 Moscow, Russia.

E-mail: leoyar@mail.ru

For citation: Leontiev, Yaroslav V. Cases of the Third Section of his Imperial Majesty's Own Chancery on the Opposition Smolensk Nobility of Griboedov's Time. *Aleksandr Griboedov and His Epoch: Khmelitsky Sbornik No. 18*. Ex. ed. Evgeniia V. Ablogina, Maxim V. Skorokhodov. Moscow: MAX Press Publ., 2023. pp. 258–280. (In Russian). <https://doi.org/10.29003/m3670.khmelita-18/258-280>.

В исследовании академика М.В. Нечкиной [Нечкина, 1945] и в ее еще более обширной монографии [Нечкина, 1947] тема декабристских связей писателя, казалось бы, достаточно хорошо изучена, однако еще далеко не все возможные связующие нити с декабристскими и околодекабристскими кругами в Смоленской губернии выявлены и раскрыты. В том числе интересен не отмеченный в специальной литературе факт дислокации в Вязьме и уезде Гродненского гусарского полка 1-й армии под командованием члена Союза благоденствия полковника П.Х. Граббе. Между тем, в соответствии с квартирным расписанием войск 1-го пехотного полка с «1-го Января 1821 года» входившая в его состав 2-я бригада 1-й гусарской дивизии дислоцировалась в Вяземском и Дорогобужском уездах, причем 3-й эскадрон Гродненского гусарского полка располагался на квартирах в Хмелите¹. Задача историков и краеведов теперь досконально выяснить, с кем из фигурантов дел III Отделения, о которых идет речь в данной статье, мог быть знаком Грибоедов.

Тогда же, в начале января 1821 г., в Москве состоялся съезд членов Союза благоденствия. С инициативой съезда выступили члены его Коренной управы М.А. Фонвизин и И.Д. Якушкин. В Первопрестольную прибыли делегаты из Петербурга, Тульчина и Кишинева [Порох, с. 52–59]. Перед съездом стояли две основные задачи: реорганизация Союза благоденствия и необходимость принятия мер кон-

¹ РГВИА. Ф. 14414. Оп. 2. Д. 152.

спирации в условиях начавшейся политической слежки за членами Союза благоденствия.

На общем собрании членов Союза, находившихся в Москве, председатель съезда Н.И. Тургенев «объявил всем присутствующим, что Союз благоденствия более не существует». Однако, по авторитетному свидетельству М. Фонвизина, упразднение Союза «было мнимое, и он оставался тем же, чем был» [Фонвизин, с. 188].

Якушкин в «Записках» сообщает, что на следующих заседаниях было решено «изменить не только устав Союза благоденствия, но и самое устройство и самый состав Общества» [Якушкин, с. 45]. Новый устав был отредактирован И.Г. Бурцовым и Тургеневым и подписан всеми делегатами. Было решено учредить четыре управы с центрами в Петербурге, Москве, Смоленске и Тульчине. Решением о реорганизации тайного общества и принятием окончательной редакции нового устава съезд закончил свою работу. Членам-учредителям нового тайного общества было предписано «стараться покрывать существование Союза непроницаемой тайною».

В историографии движения декабристов имеют место несколько точек зрения при оценке событий, происходивших на съезде 1821 г., и тех перемен в структуре декабристских организаций, которые произошли после съезда. Большинство историков рассматривали попытки реорганизации распущенного Союза в Петербурге и Москве как начальный этап складывания Северного общества. Такая оценка представляется нам спорной. Ее можно объяснить недостаточной изученностью типологии тайных обществ первой четверти XIX в.

Следует учесть и вытекающее отсюда несовершенство применяемой исследователями терминологии. Широко распространенный в ряде источников – показаниях декабристов на следствии, агентурных донесениях, мемуарах – термин «тайное общество» часто употреблялся обобщенно, без необходимой конкретизации. Поэтому декабристоведы не всегда могли четко определить, о какой именно организации сообщается в источнике. Манипулируя термином «тайное общество» в рамках устоявшейся схемы развития декабристских и связанных с ними организаций, они не всегда верно раскрывали его значение. Например, в специальной литературе неоднократно указывалось на принадлежность М. Фонвизина и Якушкина к Северному обществу.

В понимании самих декабристов и их современников понятие «тайное общество» включало в себя все многообразие различных обществ и организаций. В ряде источников, когда речь шла о деятельности Союза благоденствия и более поздних организаций, не делалось различия между ними. Исходя из этого, необходимо уточнение термина «тайное общество» в каждом конкретном случае.

Анализ показаний и мемуаров участников Московского съезда убеждает, что в январе 1821 г. было положено начало особой декабристской организации промежуточного типа. Учитывая, что в историографии применяются такие термины, как «Общество Ф. Глинки», «Общество Глинки – Перетца», «Измайловское общество», «Общество Гвардейского экипажа» и ряд других, организацию, создаваемую по решению съезда, можно условно назвать по имени ее основателей и руководителей – «Обществом Фонвизиных – Якушкина».

В первые месяцы его существования были сделаны шаги по воссозданию Петербургской и Московской управ и по основанию новой – Смоленской управы. С.Н. Чернов отмечал, что «переустройство общества сохранило в нем, по-видимому, довольно много уставной старины Союза благоденствия» [Чернов, 1960, с. 93]. И.В. Порох, анализируя письма Бурцова М.К. Грибовскому с приглашением вступить в общество, пришел к выводу о том, что «учредители нового союза пытались сохранить надежный, на их взгляд, костяк Союза благоденствия в рядах тайного общества» [Порох, с. 59–60].

Нетрудно заметить, что возникновение самостоятельного «Общества Фонвизиных – Якушкина» было своего рода обособлением умеренного крыла в декабризме. Его члены, выступая против радикализма приверженцев П.И. Пестеля на юге и Н.М. Муравьева в Петербурге, в большинстве своем оставались на идейных позициях Союза благоденствия. Неслучайно М. Фонвизин и Якушкин рассматривали свою деятельность в 1821–1822 гг. как продолжение деятельности Союза. Само общество стало носить характер замкнутой конспиративной организации.

Расчеты учредителей «Общества Фонвизиных – Якушкина» на создание в Смоленской губернии отдельной управы строились на ряде взаимосвязанных факторов.

Во-первых, рост оппозиционности поместного дворянства по отношению к правительству, не способному бороться с кризис-

ными явлениями в экономической жизни края. Смоленская губерния была крупным крепостническим центром России. На ее территории находилось свыше 5 тыс. имений, в которых проживало около 750 тыс. крепостных крестьян. Правительственный агент, побывавший в Смоленске в 1820–1821 гг., сообщал, что «много слышал о ропоте дворян на государя, что даже публично ругают государя разными бранительными словами» [Чернов, с. 187]. Крестьянское движение в губернии также отличалось прогрессивным нарастанием и принимало широкий размах.

Во-вторых, смоленское дворянство имело давние революционные традиции, уходящие корнями в XVIII в. В кружок «смоленских якобинцев» А.М. Каховского было вовлечено около 100 местных дворян и офицеров. Исследователь кружка Т.Г. Снытко отмечал, что «так называемое “смоленское гнездо декабристов” территориально и по фамилиям в значительной степени совпадает с составом смоленской организации конца XVIII века» [Снытко, с. 122].

В-третьих, на территории губернии дислоцировались Лубенский и Гродненский гусарские полки, которыми командовали принадлежавшие к кругу «Общества Фонвизиных – Якушкина» П.Х. Граббе и Ф.Ф. Гагарин.

Первая попытка декабристов утвердиться в Смоленской губернии была предпринята еще осенью 1820 г. От имени смоленского дворянства губернский предводитель дворянства С.И. Лесли обратился с письмом к Александру I, в котором сообщал о недовольстве дворян губернатором бароном К.И. Ашом¹. Воспользовавшись этим обстоятельством, М. Фонвизин через дежурного генерала Главного штаба А.А. Закревского выразил желание выйти в отставку «по расстроенному здоровью» и возглавить администрацию Смоленской губернии. Император отклонил его кандидатуру ввиду политической неблагонадежности Фонвизина. Во время встречи с А.П. Ермоловым тот сообщил Фонвизину, «что я на щету Карбонари в Петербурге»².

Несмотря на неудачную попытку Фонвизина стать губернатором, влияние тайного общества в губернии росло. Во многом это связывалось с деятельностью его членов по ликвидации неурожая

¹ Русский архив. 1873. Кн. I. С. 180–183.

² Восстание декабристов. М.-Л., 1927. Т. III. С. 74.

и голода в 1821 г. Справедливо мнение И. Пороха о том, что «вновь создаваемое общество должно было унаследовать от Союза благоденствия не только некоторые программные установки, значительную часть состава организации, но и отдельные незавершенные мероприятия» [Порох, с. 60]. К числу таких мероприятий, в первую очередь, относится оказание помощи голодающим смоленским крестьянам. Активное участие в этом принимали И.А. Фонвизин, Д.А. Давыдов, П.П. Пассек и другие люди из круга «Общества Фонвизиных – Якушкина». Усилиями членов общества были собраны пожертвования на сумму 30 тыс. руб., составлен список деревень, нуждающихся в помощи. Один из авторов «Зеленой книги» – устава Союза благоденствия, свояк Якушкина рославльский помещик М.Н. Муравьев обратился к правительству с петицией о необходимости помощи, на которой поставили подписи десятки смоленских дворян. Опасаясь крестьянских волнений, правительство было вынуждено оказать помощь голодающим [Якушкин, с. 48].

Летом 1821 г. Якушкин приступил к созданию Смоленской управы. Первыми членами он принял в нее П.Я. Чаадаева и Пассека. Остановимся подробнее на личности Петра Петровича Пассека. Начало Отечественной войны 1812 г. отставной генерал-майор Пассек встретил в Смоленске. Он принимал активное участие в формировании ополчения, а затем сам вступил в него. Командовал Московским оборонительным отрядом, в который входили три егерских полка. С этим отрядом Пассек принимал участие в Бородинском сражении и заграничных походах, затем еще в четырех сражениях, а также в «разных делах авангарда при преследовании и выгнании неприятеля за границу», в арьергардных боях¹. С 9 июля 1813 г. он числился в отпуску «до излечения болезни». Наконец, 16 мая 1815 г. он был уволен «за болезнью» из службы с мундиром, в третий раз в жизни, на этот раз уже окончательно.

По выходе в отставку Пассек жил в Париже, откуда вернулся в Россию, и в 1817 г. поселился в Смоленской губернии. По словам Якушкина, он «жестоко порицал все мерзости, встречающиеся на всяком шагу в России, в том числе и крепостное состояние». С этого времени Пассек жил в своих смоленских имениях Крашневе

¹ РГВИА. Ф. 395. Оп. 226. 1817. Д. 2736. Л. 2–2 об.

и Яковлевичах, изредка выезжая в Москву и Смоленск. Он был женат на Наталье Ивановне Олениной, брак был бездетным. В 1819–1820 гг. Пассек сблизился с жившим по соседству Якушкиным и его другом и соратником полковником Граббе. Вместе с другими смоленскими дворянами он принимал самое активное участие в ликвидации последствий голода. Вскоре после этого Якушкин принял Пассека в члены общества. Это был человек, который пользовался немалым авторитетом в дворянских кругах губернии. В 1820–1822 гг. он занимал должность предводителя дворянства Ельнинского уезда¹. Это обстоятельство сыграло большую роль в деле формирования общественного мнения в пользу деятельности тайного общества на Смоленщине. На следствии Якушкин показал, что принял Пассека в общество, «имевшее целью введение представительного правления»².

Исключительный интерес вызывают пока мало изученные попытки преобразований в деревне, предпринятые смоленскими декабристами. Наиболее известна в этом отношении деятельность Якушкина [Якушкин, с. 27–31]. Пассек со времени вступления в общество посвятил крестьянам «свое существование, и все его старания клонились к тому, чтобы упрочить их благосостояние» [Якушкин, с. 49]. Задуманные им преобразования можно характеризовать как попытку организации крестьянского самоуправления. Его крестьяне имели свой выборный суд, в их распоряжении находились мирские сборы и рекрутские наборы. По воскресеньям старейшины разбирали тяжбы. Пассек разрешил крестьянам работать по найму.

Одним из основных направлений практической деятельности членов общества была просветительская работа. Ланкастерские школы взаимного обучения для крестьянских детей функционировали в имениях Якушкина, Пассека, И. Фонвизина. Созданная Пассеком школа находилась в его ельнинском имении – Яковлевичах. Читать мальчики учились по запрещенной в царствование Александра I книге «О правах и обязанностях гражданина». Племянница Пассека С.М. Салтыкова писала: «С удивлением видишь успехи, которые они делают» [Модзалевский, с. 19]. По примеру Пассека и других декабристов-смолян ланкастерские школы завели в своих имени-

¹ Список губернских и уездных предводителей дворянства Смоленской губернии. Смоленск, 1909. С. 21.

² Восстание декабристов. М.-Л., 1927. Т. III. С. 145.

ях помещики Тютчев, Левашев, Шестаков. Известный смоленский краевед, основатель «Общества изучения Смоленской губернии» В.Н. Добровольский выяснил, что местными помещиками в Ельне был организован хор певцов для народного театра. «Сюжетом для представления служили... рассказы о 1812 годе» [Добровольская, с. 38]. На смоленской земле было немало культурных центров, оказавших влияние на формирование общественных взглядов местного дворянства. Достаточно вспомнить Хмелиту Грибоедовых или Новоспасское Глинок.

В тесном контакте с Якушкиным и Пассеком действовал командир Лубенского гусарского полка Граббе, полк которого стоял в Дорогобуже. Как указывал С. Чернов, «в 1-й армии он вообще едва ли не стал центральной фигурой и старого, и нового общества» [Чернов, 1960, с. 217]. Граббе был организатором агитационной работы в армии. Ему удалось создать ячейку общества в полках своей бригады. На это, в частности, указал автор доноса на Союз благоденствия М. Грибовский в разговоре с командиром гвардейского корпуса И.В. Васильчиковым¹. Никакими другими сведениями об ее численном и персональном составе историки не располагают. Можно лишь предположить, что Граббе действовал в соответствии с решениями Московского съезда Союза.

Агент начальника штаба 1-й армии И.И. Дибича некий Сакс, посетивший Смоленскую губернию в 1821 г., сообщал, что Граббе в большой дружбе с Пассеком, «что часто друг у друга по несколько дней живут, ибо согласны в мыслях насчет осуждения правительства, монарха и закона». Сакс назвал в донесении имена посетителей Пассека. Кроме Граббе, он встретил здесь отставного генерала Аленина (Оленина) и братьев Николаевых, «из которых один служил в 46 полку». Агент обращал внимание Дибича на то, что «обсуждение правительства – единственный предмет разговоров в ихнем собрании». Однако в разговоре с ним об этом не было сказано «ни слова». «Тут легко мог я заметить, – заключил Сакс, – что таковую осторожность внушил им г. полковник Граббе» [Чернов, 1960, с. 186]. Слежка за кругом «Общества Фонвизиных – Якушкина» не была случайной. Это лишь звено той цепочки политического сыска, который развер-

¹ Русский Архив. 1875. Кн. I. С. 344.

нуло правительство в поисках тайного общества. Сильный политический резонанс вызвали беспорядки в лейб-гвардии Семеновском полку в октябре 1820 г. и действия круга «Общества Фонвизиных – Якушкина» по ликвидации голода в Смоленской губернии. В доверительной беседе с начальником Главного штаба П.М. Волконским Александр I отметил: «Эти люди могут кого хотите возвысить или уравнивать в общем мнении; к тому же они имеют огромные средства: в прошлом году во время неурожая в Смоленской губернии они кормили целые уезды» [Якушкин, с. 51]. По свидетельству Якушкина, «император, преследуемый призраком Тайного общества, все более и более становился недоверчивым...» [Там же, с. 53].

В процессе накопления правительством информации о декабристских организациях центральное место занимали данные, сообщенные Грибовским [Рогинский, с. 91]. В армии была развернута энергичная слежка, которую возглавил доносчик, лицо, «достаточно хорошо знающее старые тайны и умеющее улавливать новые» [Чернов, 1960, с. 184]. Из его донесений, относящихся к августу 1821 г., видно, что наблюдение велось за «генералом Ф. В.», то есть за М. Фонвизиним. Смоленскому губернатору был послан запрос о поведении Якушкина. Агентурное наблюдение было установлено за Граббе, Пассеком, другими членами тайных обществ. Последнее из известных нам донесений Грибовского датировано 4 марта 1822 г.

Прямым следствием политического сыска были репрессии против членов тайных обществ, направленные прежде всего на пресечение агитации в армии. В ноябре 1821 г. началось следствие над Граббе, в вину которому ставили неподчинение командиру бригады. Граббе был отстранен от командования полком и в марте 1822 г. выслан в Ярославль. Следующий удар был нанесен по 2-й армии. В течение 1822 г. была разгромлена кишиневская группа декабристов. Покончив с потенциальными мятежными очагами в армии, Александр I решил на очередной шаг – 1 августа 1822 г. на имя министра внутренних дел последовал рескрипт «Об уничтожении масонских лож и всяких тайных обществ»¹.

До этого момента и даже некоторое время спустя круг «Общества Фонвизиных – Якушкина» продолжал собираться. Проводя значи-

¹ Полное Собрание Законов Российской Империи. СПб., 1830. Т. 35. С. 579, 580.

тельную часть времени в деревне, Якушкин временами жил в Москве. Осенью 1822 г. статский советник, тамбовский вице-губернатор М.М. Муромцев (в прошлом полковник, подобно М. Фонвизину и Граббе, прежде бывший вместе с ними адъютантом генерала Ермолова, получивший тяжелое ранение в голову в Смоленском сражении в 1812 г.) посещал вечерние собрания у Фонвизиных, находя всегдашними их гостями Якушкина, М. Муравьева, Граббе (вероятно, все же до его высылки) и Д.А. Давыдова, чиновника по особым поручениям московского военного генерал-губернатора Д.В. Голицына. Как свидетельствует Муромцев: «Разговоры, были тайные: осуждали правительство, писали проекты перемены администрации и думали даже о низвержении настоящего порядка вещей» [Семевский, с. 637].

Ответным шагом членов тайных обществ на действия правительства было усиление конспирации. Но, в отличие от членов Северного и Южного обществ, активизировавших конспиративную деятельность, круг «Общества Фонвизиных – Якушкина» предпочел избрать тактику выжидания. Как свидетельствует Якушкин, «с тех пор, как правительством были запрещены все тайные общества, устав был уничтожен»¹. Общество прекратило свою деятельность. Однако сложившийся вокруг его руководителей кружок либеральной дворянской молодежи продолжал собираться и после 1822 г.

Ко всему прочему приостановка активной деятельности была вызвана в том числе изменившимися обстоятельствами личной жизни учредителей «Общества Фонвизиных – Якушкина». В том же 1822 г. произошли женитьбы старшего Фонвизина и Якушкина. Еще раньше, в апреле 1821 г., младший Фонвизин женился на Е.Ф. Пущиной. М. Муравьев также был женат, еще с 1818 г. У всех четверых один за другим начали рождаться дети, что, конечно, тоже не могло не вносить ограничения в их активность. На это, между прочим, указывал в своих показаниях старший из братьев Фонвизиных.

На следствии по делу декабристов инициаторы «Общества Фонвизиных – Якушкина» заняли позицию отрицания существования организации и своего участия в ней после ликвидации Союза благоденствия в 1821 г. М. Фонвизин, например, показал, что со времени съезда все сношения его с обществом прекратились, и он полагал, что

¹ Восстание декабристов. М.-Л., 1927. Т. III. С. 43.

больше его не существует¹. Полностью все отрицали И. Фонвизин, М. Муравьев и Граббе. Один лишь Якушкин признался на первом допросе, что он остался в новом обществе. Отвечая на вопрос об участии в этом обществе других участников съезда, он подтвердил, что «все вышеупомянутые лица после бывших в Москве в 1821 г. совещаний остались в обществе»². Однако, когда Якушкин понял, что следствию ничего не известно о деятельности его сочленов в 1821–1822 гг., он заявил: «Что происходило в Петербурге и Тульчине, я не знаю, но, сколько мне известно, в Москве и Смоленской губернии предположенные управы никогда утверждены не были»³. Из принятых им членов Якушкин назвал только П. Чаадаева, который находился за границей, и умершего Пассека.

Таким образом, основателям «Общества Фонвизиных – Якушкина» удалось скрыть от следствия существование этой организации. Деятельность ее осталась не раскрытой в 1826 г. Но два года спустя информация о Пассеке и его кружке неожиданно поступила в III Отделение собственной его императорского величества канцелярии.

В доносе, полученном III Отделением весной 1828 г., сообщалось:

Утверждают, что ежели бы не смерть генерала Пассека, многие в Смоленской губернии пострадали, но как Яков Михайлов[ич] Швейковский готовились быть взяты во время производства следствия о злоумышленниках. В конце [1]826 г. помещица Смоленской губернии Александра Даниловна Энгельгардт говорила, что не все еще истреблены злоумышленники, что их еще довольно, и имеют в кабинетах какие-то головы. Г-жа Энгельгардт – женщина в преклонных летах, имеет в Смол[енской] губернии много родных, очень вероятно, что кто-нибудь ей и говорил. Подобные слухи были в [1]827 году в Москве. В конце [1]827 года отставной капитан Филипп Андреев[ич] Воеводский говорил, что он познакомился с Яковом Швейковским, что Швейковский искал с ним сближения как знакомого Шервуда-Верного, которого, говорил Швейковский, надо непременно убить как врага русского дворянства. В то же время Иван Николаевич Аничков, уездный предводитель, в дружеской беседе говорил Воеводскому, что хотя он был приглашен в обще-

¹ Там же. С. 64.

² Восстание декабристов. М.-Л., 1927. Т. III. С. 57.

³ Там же. С. 50.

ство, но что он от всего избавился и что и ныне видел в кабинете Якова Швейковского головы повешенных, покрытые какими-то колпаками. Воеводскому говорили, что до сих пор у Швейковского съезжаются в деревне люди подозрительные (потому подозрительные, что при жизни генерала Пасика оные составляли, как говорят, какое-то общество. – Подстрочное примечание в тексте. – Я.Л.). Капитан Воеводский охотно согласился или, лучше сказать, сам вызвался вступить с Швейковским в связь, но до сих пор не приступил к тому, по-видимому, боится, тем более что в Смоленской губернии слишком много неблагомыслящих, распускающих разные вредные слухи¹.

Далее осведомитель рекомендовал «обратить внимание на военных в дивизии генерала Юшкова»:

Какой-то полковник, квартировавший с полком в Духовщине, поссорился с помещиком Петром Афанасьевичем Соминим. Полковник защищал злоумышленников, Сомин его опровергал. По забратым сведениям, Яков Швейковский в самых тесных связях с бароном Черкасовым и Александром Александровичем Лярским и многими другими, на которых необходимо обратить особенное внимание...²

19 марта 1828 г. шеф корпуса жандармов А.Х. Бенкендорф отправил два секретных предписания начальнику 2-го округа корпуса жандармов генерал-майору А.А. Волкову и начальнику 4-го отделения 1-го округа корпуса жандармов майору Ребиндеру в Смоленск. Волкову предписывалось направить в Смоленскую губернию «ловкого и благоразумного» агента для сбора подробных сведений и представления «всех своих замечаний и соображений». Вторая депеша обязывала майора Ребиндера проверить данные, полученные ранее.

14 апреля генерал Волков доносил, что тайный агент убыл в Смоленскую губернию. Им был канцелярист П. Глебов, управляющий одним из имений княгини Юсуповой. Глебову даны были следующие инструкции:

1-е <...> не теряя времени стараться самым достоверным образом узнать и описать о всех в записке упоминаемых особах все подробности, до них относящиеся, как то: местожительство каждого, состояние, родство, знакомства, поведение, а наипаче образ жизни и суждений их; 2-е, под строжайшею тайною и со всевозможнейшим благоразумием и осмотрительностью, как местные обстоятельства вам покажут, про-

¹ ГА РФ. Ф. 109. 1-я эксп. 1828. Д. 143. Л. 2–2 об.

² Там же. Л. 3.

никнуть цель связи их, в чем она заключается, к чему имеет свое отношение и какими сопровождается явными или тайными признаками; 3-е, удостоверюсь таким образом <...> узнать и о том, какую лица сии пользуются репутациею в обществе, и какого об них мнения другие, не причастные к единомыслию с ними; Но, 4-е, более всего наблюдаю, чтоб почерпаемые вами сведения основаны были на самой истине, без всякого пристрастия и лицемерия¹.

Соответствующие инструкции получил и Ребиндер.

25 мая Бенкендорф получил рапорт Ребиндера о результатах проверки доноса. Ребиндер сообщал:

1. Многие в Смоленске утверждают, что покойный генерал Пасик действительно был первенствующий член какого-то общества и многие молодые люди собирались к нему в дом, крестьяне его, Пасика, имели особые права от прочих помещичьих крестьян в соседстве. Имели свой суд из старейшин, и работали по найму от него. Утверждают, что действительно вот если бы не смерть его постигла, то, вероятно, то многие из молодых людей Смоленской губернии были бы взяты во время производства следствия о злоумышлениях и что Яков Михайлов[ич] Швейковский точно опасался быть взятым, даже, говорят, занемог от страха, и некоторые утверждают, что уже были слухи, будто бы его увезли. 2. На счет разговора смоленской помещицы Александры Даниловны Энгельгардт, что «не все еще истреблены злоумышленники», то, как полагают, основывался оный на мнениях общих, ибо многие думают, что правительство не успело еще открыть всех участников и сообщников злонамеренных людей... К Якову Швейковскому действительно иногда приезжают молодые праздно живущие люди, которые до обнаружения правительством злоумышленников, довольно свободно заключали о делах непозволительных. Люди сии Яков Швейковский, Платон Петрович Энгельгардт, барон Черкасов, Кононов и Арсеньев. Люди сии все были, как сказывают, знакомы с покойным Пасиком... Яков Швейковский по слухам действительно находился в тесных связях с бароном Черкасовым².

Содержание доноса и рапорта Ребиндера было доложено Николаю I. Вскоре после этого в Смоленскую губернию выехал генерал-майор императорской Свиты князь А.Я. Лобанов-Ростовский под благовидным предлогом свидания с детьми. Император лично поручил ему провести «ближайшее под рукою исследование об известных... предосудительных связях некоторых лиц».

¹ ГА РФ. Ф. 109. 1-я эксп. 1828. Д. 143. Л. 9-9 об.

² ГА РФ. Ф. 109. 1-я эксп. 1828. Д. 143. Л. 11-12 об.

1 октября 1828 г. в III Отделение снова поступил донос о слухах насчет существования в Москве и Смоленске тайных обществ. На полях доноса имеется карандашная пометка: «Почерк Шервуда»¹. В доносе сообщалось:

В Смоленской губернии отставной капитан Филипп Воеводский... об объявленном им обществе употреблял все возможные средства к открытию оногo. Ныне сам лично удостоверился, сблизившись с Яковом Швейковским и, подкупивши его, Швейковского, камердинера, был введен к нему в кабинет, куда никого не принимает, кроме известных или в связи с ним особ, и лично удостоверился, что головы или два черепа под колпаками, работанные бисером, находятся у Якова Швейковского в кабинете. Как Воеводский полагает, оне черепа повешенных. Он употребляет все средства быть принят в общество и говорит, что совершенно уверен, что достигнет в скором времени своей цели².

Исходя из того, что оба доноса написаны одним и тем же почерком, можно предположить авторство Шервуда. На это указывает и логическое дополнение первого доноса вторым. В Смоленской губернии находилось имение жены Шервуда, урожденной Ушаковой. Здесь жили его отец и брат. Информация, сообщенная Шервудом для III отделения, вероятнее всего исходила от них. То, что предатель декабристов Шервуд-Верный продолжал сотрудничать с политической полицией в качестве осведомителя, хорошо известно [Троцкий]. В 1828 г. он служил в гвардейском Драгунском полку в чине поручика.

8 октября 1828 г. Бенкендорф в обращении к генералу Волкову предписал направить агента Глебова в деревню к Лобанову-Ростовскому. Курьер императора должен был принять агента III Отделения и получить от него собранные сведения³. Сам же Бенкендорф отправился на почтовую станцию Добрейка Могилевской губернии для «личного объяснения» с майором Ребиндером.

10 октября Волков отправил через графа П.А. Толстого донесение Николаю I, в котором сообщал о возвращении Глебова в Москву. По его сообщению, Глебов, «отправляясь в Смоленскую губернию, под предлогом надобностей, касающихся до имения княгини

¹ ГА РФ. Ф. 109. 1-я эксп. 1828. Д. 410. Л. 1.

² ГА РФ. Ф. 109. 1-я эксп. 1828. Д. 410. Л. 1 об.

³ ГА РФ. Ф. 109. 1-я эксп. 1828. Д. 143. Л. 13–13 об.

(Юсуповой. – Я. Л.), объехал лично все те места, где упоминаемые в выписке лица имеют пребывание и, проникнув во многие связи их, и ныне, по возвращении своем в Москву, представил мне в записках секретные об них сведения»¹. На основании этих записок Волков составил справку, которую и приложил к донесению:

Глебовым дознано, что генерал Пасек к обществу злоумышленников принадлежал без всякого сомнения. Он, проживая в имении своем Смоленской губернии Ельнинского уезда, в селе Яковлевичах, был в тесной связи с преступниками Фон-Визиным, Якушкиным и другими, с которыми вел на французском языке переписку, и оную от жены своей скрывал, а хранил у управляющего его имением Чернявского, но и у сего напоследок взяв, сжег при нем в камине. Чернявский между разговорами сказывал о сем, дополнил еще, что ... Пасек к шайке сей прилепился более после приезда своего в 1818 году из Парижа... Яков Михайлович Швейковский служил прежде во свите, а по отставке жительствует в имении своем на Хмаре в Рославлевском уезде... Летами он около 30; образ мыслей имеет наклонный более к идеям либеральным, и иногда вырываются у него отзывы, изъясняющие неудовольствие, как неодобрение каких-либо распоряжений правительства. Двоюродный брат его отставной штаб-капитан Василий Семенович Швейковский живет в соседстве же; родной брат сего последнего Александр (здесь у Волкова допущена ошибка, декабриста звали Иваном Семеновичем. – Я. Л.) в 1826 году с прочими заговорщиками сослан в каторжную работу. Швейковские были в родстве с покойным генералом Пасеком; по сему некоторые в мыслях, что Яков и Василий Швейковские были в обществе злоумышленников: и статья может, что во время производства следствия имели опасение быть взятыми... По замечанию посланного моего (агента. – Я. Л.), вольномыслие, может быть, в фамилии Швейковских передается от одних к другим².

Далее Волков сообщал:

...не все еще истреблены злоумышленники, толки о сем точно есть по Смоленской губернии... Что же касается до Шервуда, то, сколько по слухам известно, он нелюбим военными: они называют его доносчиком и подлецом... Полковник, квартировавший в Духовщине, по фамилии Чайковский, командир Шлиссельбургского полка, с коим выступил уже в поход же. Говорят, у него точно была размолвка с помещиком Соминим... Яков Швейковский действительно находился в коротких связях и дружбе с бароном Черкасовым и Лярским, из которых

¹ Там же. Л. 13 об.

² ГА РФ. Ф. 109. 1-я эксп. 1828. Д. 143. Л. 17–19 об.

Черкасову он ближайший сосед по рославлевскому его имению... Барон Черкасов имеет от роду 25 лет; служил лейб-гвардии в Измайловском полку; в отставке прапорщиком; в ельненском своем имении живет пятый год. Частые и продолжительные отлучки его подают повод мыслить, что он имеет неблагонамеренные связи и сообщества: ибо с благомыслящими честными дворянами в соседстве своем ни имеет никакого знакомства... и ни к кому, равно и к нему никто не ездит, кроме соседей его Василья и Якова Швейковских, с которыми только и ведет он знакомство и дружбу свою. Посему и нужно как за ним, так и за упомянутыми Швейковскими иметь особенное наблюдение¹.

Командиром Шлиссельбургского пехотного полка являлся полковник Петр Петрович Чайковский – участник Отечественной войны 1812 г., кавалер четырех орденов. Прежде он командовал 9-м егерским полком. Родной дядя композитора П.И. Чайковского был произведен в полковники 27 января 1829 г. и с 4 апреля того же года по 22 августа 1830 г. командовал Шлиссельбургским полком. На Русско-турецкой войне 1828–1829 гг. он был тяжело ранен, и 30 января 1829 г. награжден орденом Св. Георгия IV степени. Каких-то сведений о его связях с кругом «Общества Фонвизиных – Якушкина» либо кружком Пассека пока не обнаружено.

Параллельно с жандармами расследованием занимался Лобанов-Ростовский. Одно только это обстоятельство свидетельствует о повышенном интересе Николая I к смоленскому делу. 19 октября 1829 г. на полях дела около фамилии А.П. Черкасова Николай I сделал карандашную приписку: «Черкасова я выгнал из Измайловского полка, как самого негодного офицера, от которого все дурное ожидать можно. Зная его таким, считаю необходимым иметь за ним надзор самый бдительный»².

3 апреля 1829 г. на имя Бенкендорфа поступил рапорт Лобанова-Ростовского, в котором последний изложил следующие замечания:

1-е, в Смоленской губернии значительное число мелкопоместных дворян, особенно в трех уездах: в Смоленском, Поречском и Ельнинском, они, находясь без дела, в совершенной праздности, сообщают один другому разные нелепые слухи, заключающиеся только в одном пустом рассказе, который по мере распространения разливался по губернии, сам по себе исчезает без всяких последствий неблагоприятных, ибо смею

¹ ГА РФ. Ф. 109. 1-я эксп. 1828. Д. 143. Л. 24 об.

² ГА РФ. Ф. 109. 1-я эксп. 1828. Д. 143. Л. 24 об.

уверить, что в той губернии вообще дух народа хорош; никаких тайных обществ не существует, и искренняя приверженность к престолу, не подвержена никакому сомнению. 2-е, хотя показанные в прилагаемой мною записке лица, обратили на себя подозрение правительства, но из них ни одного нету, который бы своим поведением или свойством давал бы повод мыслить, что составляет какое-либо общество, клонящееся к нарушению спокойствия, и для того, полагаю, из одной лишь предосторожности оставить их под тайным надзором, который ныне над ними существует, будет весьма достаточно, тем паче, что при местном наблюдении г. подполковника Ребиндера, который нравственным поведением своим снискал себе общее уважение и доверие, трудно полагать, чтобы могло что-либо скрыться от глаз правительства¹.

К рапорту была приложена «записка о ближайшем исследовании, относительно разных слухов в Смоленской губернии». В ней говорилось:

Пасек... по всей вероятности, принадлежал к заговору по тайным связям своим с преступниками Якушкиным и Фон-Визиным, держал масонскую ложу сначала в Вяземском уезде в имении Якушкина, а потом у себя в Ельнинском уезде в селе Яковлевичах, и вообще он нескромно обнаруживал свое вольномыслие. Яков Михайлович Швейковский, родственник Пасеку, имеет знакомство большое и обладает умом, ведет себя осторожно... Василий Семенович Швейковский также родственник Пасеку².

О бароне Черкасове он сообщил дополнительно что «общий голос не одобряет... его поведения».

Через несколько дней после получения донесения Лобанова-Ростовского граф Бенкендорф составил «всеподданейший» доклад «о предосудительных связях некоторых жителей Смоленской губернии»³. 8 апреля доклад был подан императору. Николай I «соизволил читать» доклад и согласился с мнением жандармов о надзоре за упомянутыми в нем лицами.

Анализ доносов и донесений лиц, занимавшихся их проверкой, позволяет проследить историю оппозиционного кружка смоленских дворян, сложившегося вокруг Пассека, а затем Повало-Швейковского и Черкасова. Тесные дружеские и родственные связи его участников с некоторыми декабристами позволяют предположить, что су-

¹ Там же. Л. 40 об.

² ГА РФ. Ф. 109. 1-я эксп. 1828. Д. 143. Л. 51–54.

³ Там же. Ф. 109. Оп. 221. Д. 13. Л. 13–16.

ществовал контакт этого кружка с декабристскими организациями. Исходя из этого, можно определить место кружка в освободительном движении. Термин «смоленские вольнодумцы» введен нами для того, чтобы отличить этот кружок от кружка «смоленских якобинцев» А.М. Каховского, условное название которого ввел некогда Т.Г. Снытко.

Никаких данных об организационном оформлении кружка Пассака пока нет. Если информация о масонской ложе верна, то подобные случаи возникновения в провинции масонских лож, действовавших в духе Союза благоденствия, известны. Такие ложи существовали, например, в Полтавской и Нижегородской губерниях. Следовательно, может иметь основание утверждение Лобанова-Ростовского, в прошлом известного масона, о существовании ложи в имениях Якушкина и Пассака. После запрета масонства в 1822 г. И. Фонвизин принимал участие в тайных собраниях масонов теоретического круга [Серков, с. 172].

Помимо материалов, отложившихся в деле III Отделения, существуют два свидетельства о том, что в имениях Якушкина и Пассака происходили собрания членов тайного общества. В.И. Лыкошин, троюродный брат Якушкина, сообщил в своих воспоминаниях, что в имении последнего – Жуково «летом собирались его друзья: Мих[аил] Ник[олаевич] Муравьев... Фонвизин и другие участники тайных обществ того времени» [Чернов, 1925, с. 38]. Племянница Пассака С. Салтыкова среди лиц, живших или бывавших в Яковлевичах летом 1824 г., называет имена П.Г. Каховского, В.К. Кюхельбекера, Якушкина, Швейковского, Черкасова, причем они пребывали там в одно и то же время [Модзалевский, с. 20]. Хотя Каховский с Кюхельбекером еще не были на тот момент членами Северного общества, сам факт этих совместных встреч очень примечателен.

Сам Пассек зимой 1824 г. побывал в Москве и Петербурге. Об этом сообщил Якушкину М. Фонвизин в письме от 19 февраля 1823 г.: «Здесь был Пассек, который поехал в Петербург»¹. Зимой 1824 г. в свое смоленское имение заехал член Южного общества И.С. Повало-Швейковский. В письме от 25 февраля 1824 г. Пассек сообщил Якушкину: «Иван Семенович Швейковский здесь и нездо-

¹ ГА РФ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 101. Л. 28.

ров. Едет, лишь будет ему лучше, в Могилев и в Петербург»¹. Таким образом, можно предположить, что Пассек был хорошо осведомлен о деятельности декабристских организаций на севере и юге.

Весьма любопытными представляются настойчивые слухи о том, что «многие из молодых людей Смоленской губернии были бы взяты» во время следствия о декабристах, если бы был жив Пассек. Он умер за полгода до восстания, в начале 1825 г. В дневнике смоленского священника Н. Мурзакевича есть запись от 1 мая 1825 г. о погребении им Пассека «в его деревне» [Мурзакевич]. Впоследствии возникли слухи о том, что Пассек отравился уже после восстания. Так, например, считал Д.В. Давыдов [Давыдов, с. 461]. Та же молва связала с именем Пассека вероятность арестов среди местных дворян. Эти слухи имели основания, так как волна арестов широко прокатилась по всей России. Смоленский генерал-губернатор арестовал по доносу некоего Заботкина отставного подпоручика Кашталинского, который будто бы предлагал Заботкину зимой 1825 г. «собрать партию противу правления и воли покойного государя»². Кашталинский был доставлен в Петербург и допрошен, но ему удалось оправдаться. 13 марта 1826 г. он вернулся в Смоленск, однако по высочайшему повелению за ним был установлен секретный надзор. В Петербурге по делу декабристов был привлечен смоленский помещик С.П. Энгельгард, у которого жил Каховский³. В смоленском имении сестры У.К. Глинки некоторое время скрывался от ареста Кюхельбекер. Смоленская полиция предприняла розыски Кюхельбекера и М. Муравьева. Полицмейстер Адамович лично побывал в имении Муравьева и допросил его при слугу⁴. Под следствием находились хорошо известные в Смоленске Ф.Н. Глинка, Граббе, Каховский, Якушкин и другие декабристы. Вместе все это и породило слухи о том, что аресты коснулись бы Пассека и лиц из его окружения.

Один из членов кружка – Василий Семенович Повало-Швейковский во время следствия над декабристами поехал в Петербург. 10 июня 1826 г. он обратился с просьбой на высочайшее имя о разрешении на свидание с арестованным братом И. Повало-Швейковским.

¹ Там же. Д. 90. Л. 8–10.

² Восстание декабристов. М.-Л., 1925. Т. VIII. Т. 8. С. 93.

³ Там же. С. 213.

⁴ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Св. 7. Д. 45.

16 июня дежурный генерал Главного штаба А.И. Потапов рапортовал коменданту Санкт-Петербургской (Петропавловской) крепости генералу А.Я. Сукину о «дозволении брату полковника Повало-Швейковскому отставному капитану Василию Повало-Швейковскому увидаться с означенным братом его» в присутствии коменданта. Встреча состоялась на другой день «пополудни в 10-м часу»¹. Другой участник кружка А.П. Черкасов доводился дядей декабристам А.И. и П.И. Черкасовым, первый из которых был осужден к каторжным работам по VII разряду, а второй арестовывался по подозрению в принадлежности к тайным обществам, но был освобожден с оправдательным аттестатом.

Не вызывает сомнений осведомленность лиц из окружения Пасека о заговоре 14 декабря и его участниках. Влияние смоленских декабристов на общественное мнение было неоспоримо велико. Даже через несколько лет после поражения декабристов участники заговора воспринимались в невыгодном для правительства свете не только местными дворянами, но и простыми людьми. Характерна запись агента правительства Глебова. Содержатель постоянного двора в разговоре с ним об участии, постигшей И. Повало-Швейковского, осужденного на вечную каторгу, отметил: «Он пострадал понапрасну; был добрый господин; и что царствие при нынешнем государе самое беспокойное...»². В 1831 г. подполковник корпуса жандармов Вепрейский доложил из Калужской губернии о «разных зловредных слухах», распускаемых на постоялом дворе в имени И.П. Черкасова. В ходе дознания выяснилось, что слухи распространяли дворовые Черкасова. Источником для них, по мнению Вепрейского, были письма сына Черкасова из сибирской каторги. Было также выяснено, что в доме у И. Черкасова часто бывает вернувшийся из архангельской ссылки декабрист С.Н. Кашкин, а в 1830 г. приезжал из Смоленской губернии его двоюродный брат А. Черкасов³.

Некоторые сведения об обстановке в Смоленской губернии после восстания декабристов содержит дело III Отделения об отставном штабс-капитане С.К. Кушлянском⁴. Кушлянский был арестован

¹ РГВИА. Ф. 36. Оп. 4. Св. 15. Д. 67. Л. 30–31, 33.

² ГА РФ. Ф. 109. 1-я экзп. 1828. Д. 143. Л. 19 об.

³ Там же. 1831. Д. 107. Л. 1–2 об.

⁴ Там же. 1828. Д. 376.

в Смоленске осенью 1828 г. При аресте у него были обнаружены подозрительные бумаги и письма. Среди них находилось воззвание «Русского к Отечеству», которое и было главной уликой против Кушлянского. Воззвание было предназначено для военных поселян. На следствии Кушлянский сознался, что написал такое воззвание еще в 1824 г. У его родственника Л. Кушлянского при обыске нашли рукописные копии с предсмертных писем казненных К.Ф. Рылеева и С.И. Муравьева-Апостола¹. Кушлянский тогда же был взят под стражу и заключен в «смоленский тюремный замок». Ему удалось оправдаться, после чего Николай I распорядился выпустить его под надзор полиции². Хотя не удалось установить непосредственного контакта Кушлянского с участниками кружка «смоленских вольнодумцев», сам факт совпадения по времени его оппозиционных настроений с деятельностью кружка свидетельствует о возможности такого контакта. Заодно это лишний раз доказывает, что далеко не все связи декабристов в Смоленской губернии еще изучены.

Кружок «смоленских вольнодумцев», несомненно, можно рассматривать как одну из ячеек декабристской периферии. Его появление связано с усилением влияния тайного общества в провинции. Оппозиционная направленность кружка и тесные контакты с деятелями декабристского движения позволяют отнести его к кружкам декабристского характера и типа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Давыдов Д.В. Сочинения. М.: Гослитиздат, 1962. 611 с.
2. Добровольская Е.Т., Пашков Ю.В. Искатель живой воды. М.: Моск. рабочий, 1987. 78 с.
3. Модзалевский Б. Роман декабриста Каховского. М.: Наше наследие, 1991. 71 с.
4. Мурзакевич Н.А. История города Смоленска. Смоленск: Свиток, 2008. 208 с.
5. Нечкина М.В. А.С. Грибоедов и декабристы. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1947. 597 с.
6. Нечкина М.В. Следственное дело о А.С. Грибоедове. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1945. 95 с.

¹ Там же. Ф. 109. 1-я эксп. 1828. Д. 143. Л. 160–161.

² Там же. Ф. 109. Оп. 221. Д. 8. Л. 60–62.

7. Порох И.В. Деятельность декабристов в Москве (1816–1825 гг.) // Декабристы в Москве: Сб. статей / [под ред. Ю.Г. Оксмана]. М.: Моск. рабочий, 1963. 279 с.

8. Рогинский А.Б., Равдин Б.Н. Вокруг доноса Грибовского // Освободительное движение в России. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1978. Вып. 7. С. 90–99.

9. Семевский В. Якушкин Иван Дмитриевич // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. ХLI-A. СПб., 1904. С. 637.

10. Серков А.И. Российские масоны. 1721–2019. Биографический словарь. Век XIX. М.: Ганга, 2020. Т. IV. 662 с.

11. Снытко Т.Г. Новые материалы по истории общественного движения конца XVIII века // Вопросы истории. 1952. № 9. С. 111–122.

12. Троицкий И.М. III Отделение при Николаев I: Жизнь Шервуд-Верного. Л.: Лениздат, 1990. 318 с.

13. Фонвизин М.А. Сочинения и письма. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1982. Т. 2. 432 с.

14. Чернов С.Н. Отчет о командировке в Москву летом 1924 года. Саратов: [Изд. автора]. 1925. 116 с.

15. Чернов С.Н. У истоков русского освободительного движения: Избранные статьи по истории декабризма [ред. Б.Е. Сыроечковский и И.В. Порох]. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1960. 424 с.

16. Якушкин И.Д. Записки // Записки, статьи, письма декабриста И.Д. Якушкина [ред. и коммент. С.Я. Штрайха]. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1951. 740 с.

**IV. ГРИБОЕДОВ
И МУЗЕЙНОЕ ДЕЛО**

<https://doi.org/10.29003/m3671.khmelita-18/283-304>

<https://elibrary.ru/mtzmcz>

Научная статья / Research Article

УДК 069(091)

ББК 79.147.11

This is an open access book
Distributed under the Creative
Commons Attribution-NoDerivatives
4.0 (CC BY-ND)

ЖИЗНЬ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА А.С. ГРИБОЕДОВА «ХМЕЛИТА» КАК РОССИЙСКАЯ И СЕМЕЙНАЯ ИСТОРИЯ

© 2023. *Н.В. Кулакова*

Аннотация: В статье раскрывается история усадьбы Хмелита, расположенной в Вяземском районе Смоленской области, – уникального памятника елизаветинского барокко, места, с которым связаны детские и юношеские годы А.С. Грибоедова. Материалы по истории родового имения Грибоедовых стали собирать со второй половины XIX в., особенно активно – в период реставрации. К середине XX в. усадебный комплекс пришел в полное запустение, многие постройки были руинированы. В статье характеризуется деятельность П.Д. Барановского и В.Е. Кулакова, направленная на возрождение усадебного комплекса и его музеефикацию. Особое внимание уделяется биографии и трудам В.Е. Кулакова, который руководил работами по реставрации усадьбы, стал основателем музеев А.С. Грибоедова, П.С. Нахимова и «Усадьба Богородицкое», первым генеральным директором Государственного историко-культурного и природного музея-заповедника А.С. Грибоедова «Хмелита». В заключение характеризуется современный этап развития музея-заповедника, векторы его развития, связанные с выявлением, восстановлением и сохранением уникального культурно-исторического наследия Смоленской земли, музеефикацией и возвращением в культурное пространство России усадебных комплексов.

Ключевые слова: А.С. Грибоедов, усадебная культура, усадьба Хмелита, музей-заповедник «Хмелита», П.С. Нахимов, В.Е. Кулаков.

Сведения об авторе: Надежда Викторовна Кулакова – генеральный директор, Государственный историко-культурный и природный музей-запо-

ведник А.С. Грибоедова «Хмелита», 215153, с. Хмелита Вяземского района Смоленской обл.

E-mail: nadiakulakova@gmail.com

Для цитирования: Кулакова Н.В. Жизнь музея-заповедника А.С. Грибоедова «Хмелита» как российская и семейная история // А.С. Грибоедов и его эпоха: Хмелитский сборник № 18 / отв. ред. Е.В. Аблогина, М.В. Скороходов. М.: ООО «МАКС Пресс», 2023. С. 283–304. <https://doi.org/10.29003/m3671.khmelita-18/283-304>.

LIFE AT THE MUSEUM-RESERVE “KHMELITA” AS A RUSSIAN AND FAMILY HISTORY

© 2023. *Nadezhda V. Kulakova*

Abstract: The paper covers the history of the Khmelita estate located in Vyazemsky district, Smolensk region, a unique monument of Elisabethan baroque, the place associated with the childhood and adolescent years of A.S. Griboedov. Materials on the history of the Griboedovs' family estate began to be collected in the second half of the XIX century, the most active part of the period of restoration. By the mid-twentieth century the estate had fallen into complete disrepair, many of the buildings were ruined. The article describes activities of P.D. Baranovsky and V.E. Kulakov aimed at revival of the manor complex and its museumification. Special attention is paid to the biography and labours of V.E. Kulakov who directed the restoration of the estate, founded the museums of A.S. Griboedov, P.S. Nakhimov and “Manor Bogoroditskoye”, became the first general director of the State Historical, Cultural and Natural Museum-Reserve of A.S. Griboedov “Khmelita”.

Keywords: A.S. Griboedov, manor culture, manor Khmelita, museum-reserve “Khmelita”, P.S. Nakhimov, V.E. Kulakov.

Information about the author: Nadezhda V. Kulakova – general director, State Historical, Cultural and Nature Museum-Reserve named after A.S. Griboedov “Khmelita”, 215153, Khmelita village, Vyazemsky district, Smolensk region.

E-mail: nadiakulakova@gmail.com

For citation: Kulakova, Nadezhda V. Life at the Museum-Reserve “Khmelita” as a Russian and Family History. *Aleksandr Griboedov and His Epoch: Khmelitsky Sbornik No. 18*. Ex. ed. Evgeniia V. Ablogina, Maxim V. Skorokhodov. Moscow: MAX Press Publ., 2023. pp. 283–304. (In Russian). <https://doi.org/10.29003/m3671.khmelita-18/283-304>.

История Хмелиты – одной из красивейших усадеб России, в советское время превращенной в руины и почти забытой к 1960-м гг., а потом возрожденной из пепла и забвения, – превратилась в мою личную историю. Однако сначала, значительно раньше, она вошла в жизнь двух других людей – знаменитого архитектора-реставратора Петра Дмитриевича Барановского (1892–1984) и его ученика Виктора Евгеньевича Кулакова (1944–2019), моего отца.

Благодаря П.Д. Барановскому был сохранен собор Василия Блаженного и восстановлены Болдинский и Спасо-Андроников монастыри, Коломенское и десятки других, не менее знаменитых отечественных памятников культуры. В один ряд с ними можно поставить и Хмелиту. На одной из посвященных Барановскому мемориальных досок есть надпись: «Великий реставратор, радетель русской культуры П.Д. Барановский».

Кулаков не только унаследовал дело Барановского по восстановлению памятников Смоленщины, но и главное дело его жизни – рвание о русской культуре. Сейчас, после их ухода, важно, взглянув на историю Хмелиты с некоторой временной дистанции, оценить с позиций сегодняшнего дня то, что было сделано нашими предшественниками, и определить стратегию дальнейшего развития жемчужины Смоленской земли. Это станет лучшей данью памяти людям, благодаря которым Хмелита получила свою вторую жизнь.

* * *

Проблемам русской усадебной культуры в последние десятилетия было посвящено немало работ. Современными исследователями она рассматривается как уникальный историко-культурный феномен, как важная часть российского культурного наследия, к памятникам которого по праву принадлежит и усадьба Хмелита, связанная с именем А.С. Грибоедова и его окружением. В усадебной культуре соединился широкий круг проблем окружающего мира – художественные, философско-культурологические (в лотмановском понимании русская усадьба – «модель, картина мира»), политические, нравственные и экономические, связанные с проблемой гибели, возрождения, сохранения и дальнейшего использования нашего культурного наследия.

Усадьба как символ «родового гнезда» в XIX – начале XX в. стала объектом творчества многих писателей (И.С. Тургенев, А.П. Чехов, И.А. Бунин и др.) и художников (М.В. Якунчикова, В.Д. Поленов, В.Э. Борисов-Мусатов и др.). Спасское-Лутовиново и его окрестности «звучат» в «Записках охотника» и других произведениях Тургенева; любимые Толстым уголки Ясной Поляны читатели узнают в знаменитых толстовских романах и трилогии «Детство», «Отрочество», «Юность».

Нельзя не согласиться с известным исследователем русской усадьбы Н.Н. Врангелем в том, что «культурным было русское дворянство от Екатерины Великой и до освобождения крестьян, берегло и любило красоту жизни» [Врангель, с. 7]. Однако усадьбы, эти маленькие «эдемы» провинции, возведенные с особой любовью и старанием, славились не только архитектурой, природой, изысканными ландшафтами, интерьерами и богатством. Усадебные театры, музицирование и библиотеки, уникальные коллекции произведений искусства превращали их в значимые центры культуры.

К таким усадьбам принадлежала и Хмелита – родовая усадьба Грибоедовых, являющаяся сегодня сердцем Государственного историко-культурного и природного музея-заповедника А.С. Грибоедова «Хмелита». Усадьба расположена в Вяземском районе Смоленской области, в 260 км от Москвы, в 200 км от Смоленска, в 37 км от Вязьмы.

Усадьба Хмелита расположена в центре одноименного села¹, известного с XVI в. Из архивных документов известно, что в 1594–1595 гг. Хмелита принадлежала князьям Василию и Юрию Буйновым-Ростовским и была разорена «литовскими людьми»².

Село получило свое название от речки Хмелитки, берега которой были увиты зарослями хмеля. Это место – у самого подножия холма, известного под именем Поклонной горы, самой высокой точки Смоленщины (до 319 м над уровнем моря) – всегда отличалось невероятной красотой. Недалеко отсюда, на Валдае, в Смоленской области берут начало Днепр, Волга, Западная Двина и другие крупные реки. Здесь течет и берущая начало неподалеку Вазуза – одна

¹ Второе название Хмелиты – Скоробово.

² РГАДА. Ф. 1209. Д. 19/10926. Л. 52.

из чистейших русских рек, описанная в сказке Л.Н. Толстого «Волга и Вазуза» из его знаменитой «Азбуки». Находящиеся среди многочисленных холмов и лесов окрестности Хмелиты представляют собой уникальный географический ландшафт, богатый живописными природными видами.

История Хмелиты – типичная история русского дворянского гнезда. Род Грибоедовых владел Хмелитой с XVII в. Известно, что в 1614 г. царь Михаил Федорович пожаловал грамотой местного землевладельца М.Е. Грибоедова. В 1683 г. «Сенька Федоров сын Грибоедов» бил челом – просил разрешения построить в Хмелите новую деревянную церковь [Низовский, с. 212].

С 1747 г. усадьба принадлежала лейб-гвардии капитан-поручику Преображенского полка Федору Алексеевичу Грибоедову, деду драматурга. Его жена состояла в родстве с А.Н. Радищевым, и в усадьбе хранилась рукопись запрещенного «Путешествия из Петербурга в Москву».

При Ф.А. Грибоедове Хмелита приобретает облик богатой «каменной» усадьбы и переживает расцвет. Дворцово-парковый ансамбль, созданный неизвестным архитектором, возможно, из крепостных, испытавшим сильное влияние Б. Растрелли и столичной архитектуры, состоял, согласно Плану Генерального межевания 1778 г., из «господского каменного дома о двух этажах с четырьмя флигелями, регулярного парка с глухими и открытыми аллеями, двух копаных прудов с саженой рыбой, хороших цветников с каменными статуями»¹, пейзажного парка и разных хозяйственных служб.

Подъездная дорога, пересекая плотину запруженной речки, выводила на парадный двор с большой овальной клумбой. За ней открывался прекрасный вид на дом ярко-голубого цвета, пышно украшенный в стиле елизаветинского барокко, на небесном фоне которого ярко выделялись белоснежные наличники, карнизы и лепнина.

Центральная аллея регулярного парка, начинавшаяся от парадной лестницы дома, вела к каскаду из нескольких прудов, за которыми располагался пейзажный парк, разбитый по всем правилам, предписанным в знаменитом стихотворном «трактате» Ж. Делиля «Искусство украшать пейзажи». Это был один из самых первых де-

¹ Экономические примечания к Вяземскому уезду Смоленской губернии // ЦГАДА. Ф. 1355. Ед. хр. 1454. Л. 306 – 306 об. См. также: [Тархова, с. 50].

коративных садов России, в котором было высажено более 50 видов деревьев и кустарников. Аллеи украшали мраморные скульптуры.

Интерьеры 50 парадных и жилых комнат дома, строительство которого началось в 1753 г., были богато украшены цветным мрамором, лепниной, декоративной росписью, изразцовыми печами. В доме располагались прекрасная библиотека и картинная галерея.

Панораму усадебного ансамбля дополняла построенная Ф.А. Грибоедовым в 1759–1767 гг. каменная церковь во имя Казанской иконы Божией Матери с трехъярусной колокольной, трапезной и двумя приделами – Никольским и Иоанно-Предтеченским.

На рубеже XVIII–XIX вв. в Хмелите было три церкви: Казанская, каменная Алексеевская с колокольной (1794), деревянная Успенская (кладбищенская). Храмы являлись архитектурными доминантами.

Хозяйство Ф.А. Грибоедова включало в себя многочисленные постройки, конный завод с манежем, а также огромное количество дворовых людей, которые должны были обеспечивать все необходимые потребности благополучной усадебной жизни семьи и их гостей вдали от столицы; среди них были: «кондитеры, водошники, <...> кузнецы, слесари, столяры, кухмистеры¹, ткачи, которые работают немецкие скатерти, живописцы, золотари, лаковщики, переплетчики, седельники², сапожники, башмачники, портные мужские и женские, межники, ружейники, колесники, штукатурщики, каменщики, плотники, печники, пивовары, бердовщики³, суконщики, свечники, оконщики, бочкари, кирпичники, кожевники, да женского мастерства золотошвеи манжетные и кружевные плетошницы. Всеми вышеописанными людьми производится работа для господского домашнего расхода»⁴. Такую дворню могли позволить себе содержать только очень богатые помещики.

Именно такой – нарядной и богатой, в период ее расцвета – увидел Хмелиту А.С. Грибоедов. С конца XVIII в. ею владел Алексей Федорович Грибоедов (1767–1833), его дядя, родной брат матери поэта (урожденной Грибоедовой и Грибоедовой в замужестве), участник су-

¹ Повара.

² Мастера, делающие седла.

³ Мастера, изготавливавшие бердо – гребни для ткацкого стана.

⁴ «Экономические примечания Генерального межевания по Смоленской губернии» 1781 г. Цит. по: [Низовский, с. 213].

воровских походов, достойно проявивший себя на службе отечеству. От первой жены, княжны А.С. Одоевской (1767–1791), А.Ф. Грибоедов имел дочь Елизавету Грибоедову (1791–1856), вышедшую в 1817 г. замуж за князя Варшавского графа Ф.И. Паскевича-Эриванского (1782–1856) и унаследовавшую впоследствии Хмелиту.

Отец будущего драматурга С.И. Грибоедов больше времени проводил в своем владимирском имении, а его жена Анастасия Федоровна с детьми Александром и Марией зиму жила в Москве, а на лето они уезжали в Хмелиту. Здесь автор «Горя от ума» бывал на протяжении 15 лет – с детства и до самого окончания университета (вторая половина 1790-х – начало 1810-х гг.), здесь увидел немало типажей для своего знаменитого произведения.

Хмелита в ту пору собирала цвет местного общества, которое было представлено лучшими дворянскими фамилиями того времени. В усадьбе бывали Барышниковы, Шереметевы, Нарышкины, Уваровы, Одоевские, Васильчиковы, Нахимовы, Хомяковы и многие другие. Для проживания гостей выделялся отдельный флигель.

Здесь любили петь и музицировать, в усадебном доме устраивались балы, маскарады, любительские спектакли и концерты, в которых принимал участие и А.С. Грибоедов. Современники свидетельствуют, что в доме располагался театр, в котором выступали крепостные актеры и цыгане, составлявшие усадебный хор.

Впервые внимание к Хмелите, родовому имению Грибоедовых на Смоленщине, привлек Н.К. Пиксанов (1878–1969), в работе «Грибоедов и старое барство» [Пиксанов, 1926] определив важнейшее ее место в биографии поэта. Материал для подобного отношения к Хмелите дали ему воспоминания местного помещика Владимира Ивановича Лыкошина и его сестры Анастасии Ивановны (в замужестве Колечицкой) – родственников и друзей юности А.С. Грибоедова. Их исследователь использовал в своей статье [Пиксанов, 1934, с. 53], позднее мемуары были утрачены, однако в архиве ученого в ИРЛИ остались записи этих воспоминаний и другие материалы, к которым и в наши дни обращаются исследователи¹.

¹ Как свидетельствует реферат М.А. Рыбниковой воспоминаний В.И. Лыкошина, какая-то часть их текста хранилась в Хмелите: Рыбникова читала их у В.П. Волковой, последней владелицы усадьбы (ИРЛИ. Колл. Пиксанова. П. 5. Цит. по: [Тархова, с. 48–61]).

Владимир Иванович Лыкошин (1792 – после 1876) был дальним родственником А.С. Грибоедова. Они общались в Москве и на Смоленщине: имения Лыкошиных Никольское и Григорьевское, куда ходил пешком А.С. Грибоедов, находились вблизи от Хмелиты. До 1805 г. В. Лыкошин воспитывался дома, в имении родителей Казулино Бельского уезда Смоленской губернии, в 1805–1808 гг. учился в Московском университете, где с 1806 г. его соучеником стал А.С. Грибоедов. В войну 1812 г. он служил корнетом в конном волонтерном полку барона Боде, прошел кампании 1812–1814 гг., был награжден орденами св. Анны 3-й и св. Владимира 4-й степеней, участвовал во взятии Парижа. В 1818 г. вышел в отставку и зажил жизнью сельского помещика в своем поместье, селе Трисвятском Бельского уезда.

Фрагменты мемуаров Лыкошина публиковались неоднократно. В своих воспоминаниях он рассказывал об общении с А.С. Грибоедовым в юности во время обучения вместе с ним в Московском университете.

Мы поручены, – писал он, – были родственному надзору его <А.С. Грибоедова. – Н. К.> матери, добрейшей Анастасии Федоровне, у которой большею частью проводили праздничные дни <...>. Тогда же приходили на лекции: кн. Иван Дмитриевич Щербатов и двоюродные его братья Михаил и Петр Чадаевы с гувернером-англичанином, князя Алексей и Александр Лобановы, два брата Ефимовичи <Ефимовские> и другие <...>. Экзамен на степень кандидата я выдержал хорошо; тогда не было таких строгих научных требований, о публичных диспутах и помину не было, Анастасия Федоровна Грибоедова непременно хотела, чтобы и сын ее вместе со мной экзаменовался, и как он ни отговаривался, она настояла на своем. Нас обоих в конференц-зале экзаменовал ректор Гейм в присутствии наших гувернеров – Мобера и Петрозиллиуса; без хвастовства скажу, что я гораздо лучше Грибоедова отвечал, и вместе с ним провозглашены мы были кандидатами [Лыкошин, с. 34, 37–38].

Хмелита и соседние с ней усадьбы составляли ту культурно-историческую среду, которая была благотворна для молодого Грибоедова и позже получила отражение в знаменитой комедии «Горе от ума». Многие черты дяди автора узнаваемы в образе Фамусова, да и другие местные обитатели дали немало поводов Грибоедову для отражения в пьесе. Хотя по признанию Лыкошина, «в ребячестве он нисколько не показывал склонности к авторству и учился посредственно, но

и тогда отличался юмористическим складом ума и какою-то неопределенною сосредоточенностью характера» [Лыкошин, с. 38].

Алексея Федоровича Грибоедова Лыкошин называет «беспечным весельчаком, разорывшимся в Москве на великолепные балы», который «и в деревне жил на широкую руку, без расчета, хотя и не давал праздников» [Лыкошин, с. 32].

Уже при нем Хмелита начала приходить в упадок. Письма его к Н.А. Миленбергу, управляющему домом И.И. Барышникова¹ в Петербурге, написанные осенью 1799 г. из Хмелиты, свидетельствуют об упадке дел в усадьбе – они содержат сведения об улаживании им дел с кредиторами, о выкупе векселей, продаже закладной квитанции. Ему приходилось проявлять особую настойчивость в требовании «оброчных» денег с отпущенных в город крепостных². Эти письма отражают процесс разлада в хозяйстве А.Ф. Грибоедова.

Дело о взыскании с него кредиторами денег рисует довольно неприглядную картину существования А.Ф. Грибоедова и его семьи в 1814–1815 гг. Долги мучают его постоянно. В деле упоминаются семь кредиторов, которые обратились к властям, чтобы получить деньги, одолженные Грибоедову в 1810–1812 гг. и в последующие годы. Это удается им не сразу: должник скрывается от уплаты, о его местопребывании власти вынуждены наводить справки, с него берут подписку о невыезде из Москвы до уплаты долга, и только так, принудительно расплатившись, он на время уезжает в Петербург³.

И все это несмотря на то, что Хмелита, в отличие от множества других смоленских поместий, не пострадала от нашествия французов. Есть сведения о том, что в Хмелите на ночлег останавливался Мюрат. Существует также легенда о том, что Мюрат не позволил уничтожить Хмелиту из-за желания в будущем устроить здесь собственное поместье.

После смерти А.Ф. Грибоедова в 1833 г. имение унаследовала его дочь, княгиня Варшавская, от которой в 1859 г. оно перешло

¹ Смоленский помещик, владелец усадьбы Алексино неподалеку от Хмелиты. Барышниковы были не только соседями, но и хорошими друзьями Грибоедовых.

² Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Колл. 238. Оп. 2. Ед. хр. 271а/269. Семь писем А.Ф. Грибоедова к Н.А. Миленбергу из Хмелиты осенью 1799 г. (обнаружены В.Э. Вацуро).

³ ИРЛИ. 10040/1.

к ее сыну Светлейшему князю Варшавскому, графу Ф.И. Паскевичу-Эриванскому. Новые владельцы, вероятно, не имели необходимых средств на поддержание усадебного хозяйства. В 1860 г. Хмелита была передана князем по дарственной записи его родным сестрам княгиням Волконской и Лобановой-Ростовской, которые в сентябре 1869 г. продали Хмелиту со всеми принадлежащими ей землями сычевскому купцу Сипягину, а тот продал ее немцу Ланге.

Известный историк, издатель журнала «Русская старина» М.И. Семевский (в Хмелите служил управляющим его отец, здесь умерла его мать) впервые упоминает усадьбу в связи с А.С. Грибоедовым. После посещения Семевским усадьбы в 1856 г. в журнале «Москвитянин» появилась его статья «Несколько слов о фамилии Грибоедовых», в которой приводились собранные сведения о предках матери поэта, его сестре Марии Сергеевне, коротко сообщалось о сохранившихся реликвиях и господском доме дворян Грибоедовых.

В 1894 г. Хмелиту купил общественный, судебный и политический деятель граф П.А. Гейден в качестве свадебного подарка красавице-дочери Варваре Петровне (1870–1961)¹, 12 июня 1894 г. вышедшей замуж за В.А. Волкова-Муромцева (1869–1947). Гейден, приехав в Хмелиту, увидел усадьбу в полной разрухе. Дом, в котором никто не жил уже много лет, был в ужасном состоянии: все было запущено, северный флигель снесен, верхний этаж южного флигеля разрушен, в зале на полу сушилось зерно, из скважин паркета росла рожь. Но дом был очень красивый, и Гейден влюбился в эту красоту. В.П. и В.А. Волковы-Муромцевы восстановили верхний этаж южного флигеля, позже – и сам дом, но дополнив его модными, ампирическими, элементами эпохи. Здесь, в Хмелите, 24 ноября (по старому стилю) 1902 г. родился их сын Николай Владимирович Волков-Муромцев (1902–1995), оставивший воспоминания о своей семье и Хмелите.

После пожара в имении Гейденов Глубокое (Псковская губерния) в Хмелиту перевезли 130 картин, собранных князем Н.Н. Дондуковым-Корсаковым в то время, когда он возглавлял Академию художеств.

¹ С 14 ноября 1890 г. до замужества была фрейлиной Марии Федоровны, супруги Александра III.

Среди картин были работы Джорджоне, Гвидо Рени, Рафаэля Менгса, Камиля Коро и других знаменитых мастеров.

Известно, что В.П. Волкова-Муромцева в 1904–1906 гг. занималась модным в ту пору видом спорта – полетами на воздушных шарах. Возможно, живописные просторы Хмелиты способствовали экстремальному хобби хозяйки.хлопоты семейной жизни и модное увлечение не мешали ей активно заниматься общественной деятельностью – работой школ, гимназий и библиотек, а с началом Первой мировой войны – обустройством госпиталей для раненых в Вязьме и Москве.

В советское время началось планомерное уничтожение усадьбы. В отличие от последних владельцев, серьезно интересовавшихся ее прошлым, изучивших историю ее строительства, биографии предыдущих владельцев, собиравших сведения о литературных прототипах «Горя от ума» – бывших обитателях Хмелиты, новая власть совсем не интересовалась ее прошлым.

Первого декабря 1917 г. был составлен первый краткий «Список построек, живого и мертвого инвентаря, а также продуктов, находящихся в имении Хмелита В.П. Волковой». Отметим, что ни в одном документе той поры не упоминается о мемориальной связи Хмелиты с именем знаменитого автора «Горя от ума».

Комиссариат народного просвещения 10 апреля 1918 г. предписал исполкому Хмелитской волости организовать в усадебном дворце Народный дом, в котором разместились театр, читальня и чайная. Однако объект культуры просуществовал здесь недолго – его закрыли уже в 1919 г., а вещи, картины и библиотеку передали в музей и собрания Смоленска, Вязьмы и Москвы.

Судя по сохранившимся фотографиям 1939–1940 гг., усадебные постройки и парк в Хмелите в канун Великой Отечественной войны были еще в удовлетворительном состоянии. По воспоминаниям старожилов, во время оккупации Смоленщины в главном усадебном доме и прилегающих к нему флигелях жили немецкие офицеры и солдаты. В марте 1943 г., во время отступления, они взорвали колокольню Казанской церкви, однако дом уцелел.

В годы войны из Вяземского краеведческого музея исчезли грибоедовские вещи. Конкретного описания предметов, экспонируемых до войны в «грибоедовском уголке» Вяземского краеведческого музея, к сожалению, не сохранилось.

Однако нельзя не согласиться с Врангелем в том, что «не одна судьба зло подшучивала над Россией. Русские люди делали все возможное, чтобы исковеркать, уничтожить и затереть следы старой культуры. С преступной небрежностью, с нарочитой ленью и с усердным вандализмом несколько поколений свело на нет все, что создали их прадеды» [Врангель, с. 7].

Эти слова прекрасно иллюстрирует послевоенная история Хмелиты: в усадебном доме разместили молокоприемный пункт, склады зерна и удобрений. В 1954 г. здесь случился пожар, продолжавшийся несколько дней. После пожара дом не стали восстанавливать, и более десятилетия он стоял, разрушаясь не только от погодных условий, но и от варварства местного населения. Многие фрагменты кладки были разобраны местными жителями для личных нужд. Кроме того, многочисленные искатели мифического «хмелитского клада» внесли свою лепту в разрушение и осквернение усадебных построек.

Лишь незначительная доля смоленских усадеб сохранилась до нашего времени. Основная часть из них стерта с лица земли. В отдельных местах, в том числе в окрестностях Хмелиты, уцелели отдельные фрагменты мемориальных ландшафтов: остатки «темных аллей» – усадебных садов, парков, прудов; разрушающиеся уже в наши дни остовы когда-то прекрасных дворцов и храмов, бывших некогда культурными и духовными центрами местной жизни.

Л.Н. Толстой считал, что зло, совершенное человеком, не только лишает его истинного блага, но умаляет его душу. В одном из индустриальных источников ему понравилась следующая мысль: «Зло в этом мире не тотчас дает плоды, но, как земля, понемногу и в свое время. И плоды эти ужасны». Ее великий писатель не случайно включил в свою книгу афоризмов «Круг чтения» [Толстой, с. 383].

Зло разрушения, коснувшись русских храмов, усадеб, других исторических памятных мест, стерло с лица земли не только архитектурные памятники, оно уничтожило огромный пласт культуры, убило память нескольких поколений. Процесс разрушения исторических памятников привел к оскудению среды обитания: там, где десятилетиями, а то и столетиями кипела крестьянская работа, складывались центры культуры, сегодня едва теплится жизнь.

Но без прошлого для человека и человечества не существует будущего: только то поколение способно созидать, которое способ-

но хранить историческую память. О необходимости «любви к родному пепелищу» и к «отеческим гробам» когда-то писал Пушкин. Известный философ-космист Н.Ф. Федоров, разрабатывая свою уникальную концепцию «общего дела» – воскрешения отцов детьми, главным долгом последних считал долг памяти. Долг памяти стал главным в жизни и Барановского, и Кулакова.

В.Е. Кулаков и создание музея-заповедника А.С. Грибоедова

Приказом Смоленского облисполкома от 25 октября 1966 г. Хмелита была включена в дополнительный список памятников местного значения, подлежащих охране. К этому времени от прежнего великолепия в усадьбе оставался только мрачный скелет. Однако история почти погибшей Хмелиты оказалась счастливее истории многих других русских усадеб.

Сюда 11 ноября 1967 г. приехал известный архитектор-реставратор П.Д. Барановский, уроженец Вяземского уезда, который проводил реставрационные работы в Болдинском монастыре под Дорогобужем и посетил грибоедовскую усадьбу, судьба которой давно волновала его. С ним был его ученик В.Е. Кулаков. В ходе первого натурного обследования усадьбы памятник, несмотря на поздние элементы ампира, был определен ими как пример русского елизаветинского барокко. После этой поездки по инициативе Барановского начались реставрационные работы.

Однако возрождение усадьбы вряд ли могло состояться, если бы не Кулаков. Он посвятил Хмелите всего себя, по словам одного журналиста, «своим талантом, неумной энергией и любовью поднял из руин родовое поместье Грибоедовых, создал и подарил Смоленщине и всей России музей А.С. Грибоедова, музей П.С. Нахимова, воинский мемориал “Богородицкое поле”»¹.

Виктор Евгеньевич Кулаков (8 июня 1944, Андижан – 16 июля 2019, Хмелита) – архитектор-реставратор, историк искусств, лауреат премии имени академика Д.С. Лихачева, всероссийской литературной премии имени Александра Невского, Всероссийской премии «Хранители наследия» в номинация «Хранитель» – за труды

¹ <https://www.rabochy-put.ru/society/39107-smolenskaja-oblast-venchanie-s-khmelitojj.html> Электронный ресурс. Дата обращения: 20.04.2020.

по восстановлению усадьбы Хмелита и созданию первого и единственного в России музея А.С. Грибоедова (посмертно) и др.; член Союза архитекторов Москвы (1985). Автор проекта реставрации родовой усадьбы Грибоедовых Хмелита в Вяземском районе Смоленской области. Основатель и первый генеральный директор Государственного историко-культурного и природного музея-заповедника А.С. Грибоедова «Хмелита». Заслуженный деятель искусств Российской Федерации (1998), почетный гражданин г. Вязьма (2002). Кавалер ордена Почета (2010; за заслуги в развитии отечественной культуры и искусства, многолетнюю плодотворную деятельность) и ордена Дружбы (2004; за многолетнюю плодотворную деятельность в области культуры и искусства).

Кулаков окончил в Москве среднюю школу (1962) и автомобильно-дорожный техникум (1964); в 1980 г. – Институт живописи, ваяния, архитектуры им. И.Е. Репина АХ СССР в Ленинграде. С 1966 по 1988 г. работал в «Моспроект-3», мастерская № 7 – реставрация памятников архитектуры Москвы, в Центральной художественно-реставрационной мастерской им. академика И.Э. Грабаря, в Институте «Росреставрация», пройдя путь от чертежника до главного архитектора проекта.

За этими сухими фактами его биографии остается главное – человек, не думавший когда-то о реставрации, стал не просто достойным учеником Барановского. Он стал продолжателем дела по возрождению и сохранению памятников отечественной культуры и истории: из 19 проектов, внесенных в список творческих работ Кулакова, 11 связаны со Смоленщиной, в основном – с Хмелитой, восстановление которой стало не просто работой, а делом всей его жизни и формой служения отечеству. Не сразу, но со временем созрела мысль, что необходимо насовсем переехать в эти места. И все чаще вспоминались адресованные ему слова другого известного реставратора – С.В. Ямщикова, суть которых в следующем: если не поедешь в Хмелиту и не начнешь там что-то делать, все погибнет. И Кулаков оставил Москву и навсегда поселился в Хмелите.

У него было и особое, очень личное отношение к А.С. Грибоедову, в котором он видел великого гражданина России и «умнейшего человека», всецело поддерживая данную Пушкиным оценку.

Себя Кулаков называл человеком счастливым, потому что, как любил повторять, «жил для Отечества». И эти слова из данного им когда-то интервью не были пафосными, они стали одним из принципов его существования. Возрождение Хмелиты требовало не только невероятной энергии, профессионализма, жажды знаний и стремления ко всему новому, но и в еще большей степени – любви к своему делу и к своей стране.

Когда начались реставрационные работы, территория усадьбы принадлежала совхозу «Хмелитский» и использовалась без соблюдения требований по сохранности памятника. Кулакову как автору и ведущему архитектору проекта реставрации усадьбы Хмелита приходилось вести настоящую борьбу с местными административными органами, неоднократно пытавшимися вести строительство на территории усадьбы, встречаться с чиновниками разного уровня, добиваться финансирования проводимых работ, обращаться с письмами в самые высокие инстанции.

В соответствии с решением Смоленского облисполкома Всесоюзная специальная научно-реставрационная производственная мастерская (ВСНРПМ, с 1980 г. – Всесоюзное специализированное производственное объединение «Союзреставрация») начала работы по исследованию и составлению проекта реставрации усадебного комплекса и приспособлению этих помещений под административно-культурные структуры совхоза «Хмелитский». В 1970 г. в связи со 175-летием со дня рождения А.С. Грибоедова усадьба получила статус памятника федерального значения и была поставлена на государственную охрану.

Проект реставрации предусматривал восстановление грибоедовской усадьбы в ее первоначальном облике на середину XVIII в., т. е. невероятный по масштабу и сложности объем работ. Все архитектурные формы главного дома, декор его фасадов восстанавливались по сохранившимся фрагментам. Фронтоны главного дома, детали овальной парковой лестницы воспроизводились по аналогии. Первоначальная покраска фасадов в бело-бирюзовый тон с охристыми деталями документировалась отдельными сохранившимися фрагментами. В интерьере восстанавливались внутренние лестницы, своды, карнизы, производилась покраска стен в помещениях. Общая направленность исследовательских и проектных работ ав-

торского коллектива ВСНРПМ по усадебному ансамблю в Хмелите, сочетающему в себе выдающееся творение русского зодчества и мемориальный музей А.С. Грибоедова, служила не только реставрации и сохранению отдельных зданий, но и максимально возможному восстановлению исторической среды. Работа была направлена на обеспечение показа памятника в условиях возросшего интереса к культурному наследию страны.

Параллельно разрабатывались и реализовывались проекты охранных зон и реставрации усадебного парка. Постепенно разрушенная усадьба обретала прежние очертания, превращаясь в жемчужину Смоленской области, образуя вокруг себя целый усадебный мир, уникальное по своей природе пространство.

В январе 1985 г. в Хмелите по инициативе Министерства культуры РСФСР, смоленского руководства, Пушкинской комиссии АН СССР и газеты «Советская культура» прошли первые Грибоедовские чтения. Настоящими вдохновителями этого большого собрания ученых стали Кулаков, ленинградский ученый, секретарь Пушкинской комиссии, известнейший исследователь жизни и творчества А.С. Грибоедова С.А. Фомичев и секретарь Вяземского райкома партии В.И. Атрощенко. В Грибоедовских чтениях приняли участие гости из Москвы, Ленинграда, Новгорода, Смоленска; из Украины, Армении, Азербайджана; местные коллекционеры и собиратели. В программу чтений вошли не только доклады и сообщения о биографии и творчестве автора «Горя от ума», но и рассказ режиссера Н.С. Михалкова о задуманном им фильме о Грибоедове, сцены из комедии, сыгранные актерами Малого театра.

При поддержке многих ученых, актеров, общественных деятелей, средств массовой информации, местной интеллигенции Музей-усадьба А.С. Грибоедова формируется с конца 1987 г. как филиал Смоленского музея-заповедника.

Наконец, постановлением Совета Министров РСФСР от 10 сентября 1990 г. на базе уже существовавшего музея-усадьбы был создан первый и единственный в мире музей А.С. Грибоедова – Государственный историко-культурный и природный музей-заповедник А.С. Грибоедова «Хмелита», позже получивший статус музея федерального подчинения. Его директором был назначен основатель музея В.Е. Кулаков.

Вместе с усадебными постройками был восстановлен и усадебный храм во имя Казанской иконы Божьей Матери: были проведены реставрационные работы, заново построены утраченные части храма, перевезен из села Солтаново и установлен деревянный резной четырехъярусный иконостас, восстановлена колокольня. В январе 1992 г. по благословению митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла в Никольском приделе было возобновлено богослужение.

Постепенно налаживалась музейная деятельность. В 1995 г., к 200-летию со дня рождения А.С. Грибоедова, в отреставрированном главном доме усадьбы Хмелита была открыта монографическая историко-культурная экспозиция музея «А.С. Грибоедов и его время». В том же году состоялась юбилейная международная научная конференция, посвященная проблемам творчества и биографии А.С. Грибоедова с последующим выпуском «Хмелитского сборника», ставшего затем серийным изданием.

В музее-заповеднике было сформировано фондовое собрание. Среди наиболее ценных экспонатов – рабочий письменный стол писателя, рукописные списки комедии «Горе от ума» 1820-х гг., первое издание «Горя от ума» 1833 г. и прижизненные издания других произведений Грибоедова, живописные портреты, книги круга его чтения, изображения его современников, виды смоленских усадеб, предметы быта конца XVIII – первой трети XIX вв. и многое другое.

В 2008 г. открылась основная экспозиция «В гостях у А.С. Грибоедова и героев его комедии “Горе от ума”», посвященная пребыванию Грибоедова в Хмелите, его смоленскому окружению, его родственникам и соседям.

Кулаков, у которого болела душа не только за Хмелиту, но и за другие умирающие смоленские усадьбы, начал процесс «собирания» окрестных земель. Его невероятные усилия и знание дела открыли для нас такие памятные места, как родина будущего адмирала и героя Крымской войны П.С. Нахимова и трагическое, доводящее любого человека до слез, до щемящей боли в груди поле воинской славы – «Мемориал Памяти воинов Западного и Резервного фронтов “Богородицкое поле”».

В 2002 г. к 200-летию со дня рождения П.С. Нахимова в Хмелите был создан музей одного из самых выдающихся российских флото-

водцев XIX в. Музейно-мемориальный комплекс, посвященный адмиралу, включает в себя мемориально-ландшафтную зону с усадьбой Городок, где родился Нахимов, погост Спас-Волжинский, в церкви которого он был крещен, а также музей в селе Хмелита с экспозицией «Верный сын России».

Особое место в жизни Кулакова заняла и история Богородицкого поля – одного из мест наиболее жестокого противостояния советских и немецко-фашистских войск в октябре 1941 г., находящегося в 16 км от Вязьмы. Одна из самых трагических страниц истории Великой Отечественной войны, которая много лет замалчивалась историками, не давала покоя директору Хмелиты. 2 октября 1941 г. на вяземском направлении немецкое командование приступило к осуществлению операции «Тайфун». Несмотря на героическое сопротивление советских войск фашистам удалось к 7 октября замкнуть в районе Вязьмы танковые клещи. Немецкая группа армий «Центр» прорвала советскую оборону на вяземском направлении и окружила в районе Вязьмы пять советских армий. Лишь некоторым частям и отдельным отрядам удалось прорваться и впоследствии выйти на соединение с регулярными войсками Красной Армии. Окруженные войска вели ожесточенные бои до 13 октября 1941 г. Бои под Вязьмой вошли в историю Великой Отечественной войны как Вяземский «котел». По примерным подсчетам историков общие потери Красной Армии в ходе Вяземской оборонительной операции составили около 800 тысяч человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Вяземский «котел» стал для Красной Армии одной из самых страшных катастроф в годы Великой Отечественной войны. Основная часть погибших и угнанных в плен до сих пор остается безымянными и числится пропавшими без вести. Однако героическое сопротивление этих безвестных бойцов сковало значительные силы противника, не дав ему быстро продвинуться к Москве.

Здесь по инициативе Кулакова, преодолевшего мощное сопротивление разных инстанций, в 2004 г. был торжественно заложен Военный мемориал Памяти воинов Западного и Резервного фронтов «Богородицкое поле», и на месте будущего мемориала состоялось первое перезахоронение останков бойцов, найденных здесь поисковыми отрядами в ходе Вахты Памяти. 22 июня 2009 г. военный мемориал «Богородицкое поле» был торжественно открыт,

а в 2012 г. в селе Богородицкое, в одной из отреставрированных построек бывшей дворянской усадьбы, была открыта экспозиция «Год сорок первый только ими свят...», посвященная Вяземской операции и памяти погибших. В основе экспозиции – советские и немецкие документы, карты, фотографии, рассказывающие о боях со 2 по 14 октября 1941 г., личные вещи бойцов и командиров, найденные на местах боев. Это единственный музей России, посвященный лишь одной военной операции Великой Отечественной войны, к тому же завершившейся тяжелым военным поражением. На территории мемориала ежегодно в октябрьские дни проходят торжественные захоронения останков воинов Красной Армии, обнаруженные поисковиками на территории Вяземского района, сюда приезжают родственники погибших или безвестно пропавших в этой войне.

Сегодня мемориал входит в состав Государственного историко-культурного и природного музея-заповедника А.С. Грибоедова «Хмелита». Спустя более чем столетие история трагической гибели поэта, русского посла в Персии Грибоедова соединилась с другой трагической страницей истории России.

С 2015 г. в восстановленном северо-западном флигеле усадьбы Грибоедовых работает музейно-выставочный центр. Музей-заповедник ежегодно организует десятки выставок в музее и за его пределами.

Сегодня посетителям музея-заповедника предлагаются экскурсии не только по памятникам заповедника, но и по окрестным усадьбам: Липицы Хомяковых, Волочек Нахимовых, Высокое Шереметевых, Дугино Паниных-Мещерских.

Ежегодно в мае в музее проводится Всероссийский Грибоедовский праздник, 15 января традиционно отмечается день рождения Грибоедова с участием писателей России. Регулярно проводятся международные научно-практические конференции, посвященные Грибоедову, издаются Хмелитские сборники. В Хмелите 4 ноября – престольный праздник. В возрожденном Кулаковым храме во имя Казанской иконы Божьей Матери звучат молитвы, горят свечи и совершается Божественная литургия.

Все это – главное доказательство уверенности основателя музея-заповедника А.С. Грибоедова Кулакова в том, что «Хмелита не погиб-

нет, ее не забудут, потому что это федеральный объект, федеральный памятник, и культура здесь очень сильная»¹.

Историк-архивист, бард, писатель и поэт В.В. Леонидов, автор воспоминаний о Кулакове, написал о нем замечательные слова:

Сумасшедшая какая-то, если вспомнить Льва Гумилева, пассионарная страсть вела его по жизни. Возрождение Хмелиты, память о великих людях Смоленской земли определили его судьбу... У него было много наград. И орден Почета, и орден Дружбы, и орден Сергия Радонежского от Православной церкви, и звание почетного гражданина Вязьмы. Но главной наградой было признание сотен достойнейших людей нашего времени и миллионы тех, кто посетил за эти годы Хмелиту <...> Виктор Евгеньевич сыграл гигантскую роль в нашей культуре. Потому что Хмелита явила пример невероятных возможностей возрождения <...> наших духовных основ. И эта сказка, которую он сотворил, дала пример и надежду очень многим. Тем, кто бьется за подлинную, настоящую культуру².

Хмелита: взгляд в будущее

Усадьба Грибоедовых Хмелита, буквально возрожденная из пепла, как и Государственный историко-культурный и природный музей-заповедник «Хмелита», переживают прекрасную пору своего взросления, становления и перехода на следующий важный этап своего развития.

Сегодня музей-заповедник – один из самых крупных в России. Он включает 19 уникальных строений. В составе музея-заповедника – места, связанные с жизнью и творчеством А.С. Грибоедова, П.С. Нахимова, А.С. Хомякова, М.А. Булгакова, И.Д. Якушкина, С.С. Уварова, В.В. Докучаева. В их числе усадьбы Хмелита, Богородицкое, Григорьевское; урочища Городок, Новоспасское, Косткино, Москвитино; музей П.С. Нахимова и «Богородицкое поле», объекты археологического наследия – городища, селища, курганные могильники, а также уникальные природные объекты – Семеновское и Трасливское болота. Многие из них еще ждут научного исследования.

¹ Виктор Кулаков: «Хмелита не погибнет» // Аргументы и факты. Смоленск. 2013. 31 мая // <https://smol.aif.ru/culture/person/205878> Электронный ресурс. Дата обращения: 20.04.2020.

² Леонидов В.В. [Из воспоминаний о В.Е. Кулакове] // <https://khemelita.com/meropriyatija/onlajn-vystavka-radenie-o-hmelite-kak-smysl-zhizni/> Электронный ресурс. Дата обращения: 20.04.2020.

На территории музея-заповедника расположены 15 памятников федерального значения, так, только в Хмелите находится 9 архитектурных объектов эпохи елизаветинского барокко, регулярный и пейзажный парки.

Сегодня музей успешно реализует стратегию развития, направленную на его продвижение в отечественном и зарубежном социокультурном пространстве, включение в российские и международные туристические маршруты, создание уникальных музейных продуктов и услуг, отвечающих современным общественным и культурным запросам.

Современную туристическую карту Смоленщины давно невозможно представить без музея-заповедника А.С. Грибоедова «Хмелита» и входящих в него объектов, без венка окружающих его усадеб. В планах музея – новые экскурсионные и туристические маршруты, реализация гастрономического проекта «Ужины с Грибоедовым», разработка новых программ для детей, взрослых, для семейной аудитории, инклюзивных программ для «особых» посетителей; летние и зимние школы разной направленности для российской и иностранной аудитории.

Нашей особой заботы требуют и вопросы природоохранного характера, связанные с сохранением уникальных природных объектов, расположенных на заповедной территории.

Не менее значимы задачи научного изучения вопросов, связанных с жизнью и творчеством Грибоедова, его пребыванием в Хмелите, его смоленским окружением, где остается еще немало «белых пятен».

Среди важных задач, стоящих перед коллективом музея, – расширение партнерской сети и развитие волонтерского движения. В числе наиболее значимых партнеров музея-заповедника – административные органы, общественные объединения, музеи, архивы, учебные заведения Смоленска и Вязьмы.

Однако главной нашей задачей остается выявление, восстановление и сохранение уникального культурно-исторического наследия Смоленской земли, расположенных на ней усадебных комплексов, их музеефикация и возвращение в культурное пространство России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виктор Кулаков: «Хмелита не погибнет» // Аргументы и факты. Смоленск. 2013. 31 мая // <https://smol.aif.ru/culture/person/205878> Электронный ресурс. Дата обращения: 20.04.2020.
2. Врангель Н.Н. Помещичья Россия // Старые годы. 1910. Июль – сентябрь. С. 5–79.
3. Леонидов В.В. [Из воспоминаний о В.Е. Кулакове] // <https://khamelita.com/meropriyatiya/onlajn-vystavka-radenie-o-hmelite-kak-smysl-zhizni/> Электронный ресурс. Дата обращения: 20.04.2020.
4. Лыкошин В.И. Из «Записок» // А.С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М.: Художественная литература, 1980. С. 32–38.
5. Низовский А.Ю. Усадьбы России. М.: Вече, 2005. 318 с.
6. Пиксанов Н.К. Грибоедов. Исследования и характеристики. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1934. 334 с.
7. Пиксанов Н.К. Грибоедов и старое барство. М.: Никитинские субботники, 1926. 76 с.
8. Тархова Н.А. Грибоедовская усадьба Хмелита // А.С. Грибоедов. Материалы к биографии. Л.: Наука, 1989. С. 48–61.
9. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 41: Круг чтения (1904–1908 гг.). Том первый. М.: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1957. 610 с.

<https://doi.org/10.29003/m3672.khmelita-18/305-320>

<https://elibrary.ru/swzhm>

Научная статья / Research Article

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2 Рос=Рус)

This is an open access book
Distributed under the Creative
Commons Attribution-NonCommercial
4.0 (CC BY-NC)

УСАДЕБНЫЙ МИР ГРИБОЕДОВА И ЕГО РЕЦЕПЦИЯ В ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ХМЕЛИТЫ

© 2023. *М.В. Скороходов*

Аннотация: Пространство русской усадьбы с раннего детства и на протяжении всей жизни окружало А.С. Грибоедова благодаря летнему пребыванию в родовом имении Хмелита Смоленской губернии и многочисленным путешествиям, во время которых он гостил в усадьбах своих друзей и знакомых. Русская усадьба как средоточие культурной жизни и место непринужденного общения была важна для драматурга и дипломата. Его внимание к усадебному миру, неизменными атрибутами которого были главный дом, храм, хозяйственные постройки, сад, аллеи, пруды, отразилось в путевых очерках, письмах и др. текстах. Возрожденная стараниями архитектора В.Е. Кулакова и его единомышленников грибоедовская Хмелита – ныне Государственный историко-культурный и природный музей-заповедник А.С. Грибоедова «Хмелита» – развивается в начале XXI в. как современная литературная усадьба, сохраняющая память не только о великом драматурге, но и об усадебной культуре в целом. В постоянных экспозициях и выставочных проектах раскрывается специфика усадебной жизни. Как и в XIX в., Хмелита является гостеприимным домом, тем местом, где можно встретиться с художниками и писателями, рассмотреть предметы, рассказывающие о ключевых персонажах русской культуры.

Ключевые слова: А.С. Грибоедов, род Грибоедовых, русская усадьба, музей-заповедник «Хмелита», литературная усадьба XXI в.

Сведения об авторе: Скороходов Максим Владимирович – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой ли-

тературы имени А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25а, 121069, Москва, Россия.

ORCID ID: 0000-0002-6390-5670.

E-mail: msk2002@rambler.ru

Благодарности. Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00051, [https:// rscf.ru/project/22-18-00051/](https://rscf.ru/project/22-18-00051/)

Для цитирования: *Скорыходов М.В. Усадебный мир Грибоедова и его рецепция в литературном пространстве Хмелиты // А.С. Грибоедов и его эпоха: Хмелитский сборник № 18 / отв. ред. Е.В. Аблогина, М.В. Скорыходов. М.: ООО «МАКС Пресс», 2023. С. 305–320. <https://doi.org/10.29003/m3672.khmelita-18/305-320>.*

THE ESTATE WORLD OF GRIBOEDOV AND ITS RECEPTION IN THE LITERARY SPACE OF KHMELITA

© 2023. Maxim V. Skorokhodov

Abstract: Russian estate space has surrounded A.S. Griboedov since his early childhood and throughout his life thanks to the summer residence in the family estate Khmelita in Smolensk province and his numerous travels during which he stayed in the estates of his friends and acquaintances. A Russian estate as a centre of cultural life and a place of socialising was important to the playwright and diplomat. His attention to the world of the estate – the main house, church, outbuildings, gardens, alleys, ponds etc. – was reflected in his travel sketches, letters and other texts. Revived by the architect V.E. Kulakov and his associates, Khmelita, currently called the State Historical and Cultural Museum-Reserve of Aleksandr Griboedov, is developing at the beginning of the 21st century as a modern literary estate, preserving the memory not only of the great playwright, but the entire culture of the estate. Permanent exhibitions and projects reveal the specifics of estate life. Just as in the XIX century Khmelita is a hospitable home, a place where you can meet artists and writers and view the exhibits telling about the key characters of Russian culture.

Keywords: A.S. Griboedov, the Griboedov family, Russian estate, museum-reserve “Khmelita”, XXI-century literary estate.

Information about the author: Maxim V. Skorokhodov – PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: 0000-0002-6390-5670.

E-mail: msk2002@rambler.ru

Acknowledgments. This work was supported in the IWL RAS by the Russian Science Foundation project No. 22-18-00051, <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

For citation: Skorokhodov, Maxim V. The Estate World of Griboedov and its Reception in the Literary Space of Khmelita. *Aleksandr Griboedov and His Epoch: Khmelitsky Sbornik No. 18*. Ex. ed. Evgeniia V. Ablogina, Maxim V. Skorokhodov. Moscow: MAX Press Publ., 2023. pp. 305–320. (In Russian). <https://doi.org/10.29003/m3672.khmelita-18/305-320>.

Для А.С. Грибоедова – одного из наиболее ярких представителей русской культуры первой трети XIX в. – крайне важен мир русской усадьбы, с которым будущий драматург познакомился в раннем детстве, подолгу живя в летнее время в усадьбах своих родственников. Александр Сергеевич отмечал, что происходит «из дворян Владимирской губернии», где находилось родовое имение родителей его отца. Вероятно, в детские и юношеские годы (до Отечественной войны 1812 г.) Грибоедов бывал как во Владимирской, так и в Смоленской губернии. По предположению Н.А. Тарховой, ранние годы Грибоедов провел во Владимирской губернии, именно здесь протекала его жизнь, причем не только в летние месяцы, но в течение всего года. Считая годом рождения Грибоедова 1790-й, исследователь полагает, что в названной губернии Грибоедов вместе с родителями и сестрой Марией прожил несколько лет – с апреля или мая (?) 1795 г. по 1801 или 1802 (?) г.; «...скорее всего, большую часть времени они проводили в деревне Тимерёво (там находились в те годы и дворовые люди Грибоедовых, привезенные из Москвы), но несомненно бывали и в сельце Федоровке, и в Митрофанихе, родовом имении родителей С.И. Грибоедова, Ивана Никифоровича и Прасковьи Васильевны Грибоедовых, неподалеку от Тимирёва в сельце Афанасьеве жила с мужем Ефимом Ивановичем Палицыным

родная сестра Сергея Ивановича Екатерина Ивановна, встречались они и с другими родственниками владимирских Грибоедовых» [Летопись, с. 24]. Семья Грибоедовых могла и в дальнейшем проводить летнее время в усадьбах, расположенных во Владимирской губернии [Летопись, с. 33], хотя в те годы они могли ездить по разным усадьбам. После смерти отца А.С. Грибоедову, его матери и сестре Марии перешло только одно «недвижимое имение, состоящее в Покровском уезде, в сельце Митрофанихе, записанных по шестой ревизии мужеска пола 95 душ, да в Судогодской округе, в деревне Моругине – 49 душ, а всего мужеска пола 144 душ» [Николаев, Овчинников, Цымбал, с. 90]. Настасья Федоровна и ее сын отказались от наследства в пользу Марии. Александр Сергеевич так и не стал владельцем какой-либо усадьбы.

В последующие годы, по данным Н.А. Тарховой, в 1803–1811 (?) гг., а, возможно, и значительно раньше (см., напр., публикуемую в этом сборнике статью Н.В. Кулаковой), летние месяцы Грибоедов с родными проводил в усадьбе Хмелита, принадлежавшей в то время брату его матери Алексею Федоровичу Грибоедову. Подтверждением этому служат, в частности, воспоминания друга детства Грибоедова В.И. Лыкошина, считавшего грибоедовскую Хмелиту «самым любимым родственным домом» для семьи Лыкошиных: «... когда летом приезжало семейство Грибоедовых в Хмелиты, – и мы переезжали в Никольское, <...> после обеда в прогулках наших сходились мы с молодежью Грибоедовых, а по воскресеньям целый день проводили в Хмелите. Алексей Федорович был беспечный весельчак, <...> в деревне жил на широкую руку, без расчета, хотя и не давал праздников» [Лыкошин, с. 316]. Непременным участником дружеских встреч в усадебных интерьерах и парках являлся Грибоедов. Как и во Владимирской губернии, насыщенным и разнообразным было общение с владельцами соседних усадеб, их детьми и гостями. Исследователи неоднократно отмечали, что Алексей Федорович – один из прототипов Фамусова. Хотя Грибоедов не упоминал о Хмелите в сохранившихся текстах, он оставил весьма нелицеприятное описание Алексея Федоровича, озаглавленное «Характер моего дяди»: «... в тогдашнем поколении развита была повсюду какая-то смесь пороков и любезности; извне рыцарство в нравах, а в сердцах отсутствие всякого чувства. <...> у всякого

была в душе бесчестность и лживость на языке. Кажется, нынче этого нет, а может быть и есть; но дядя мой принадлежит к той эпохе. <...> в отставке жил сплетнями» [Грибоедов, т. 3, с. 118].

Сведений об усадьбе Хмелита сохранилась немного. Одними из наиболее содержательных являются воспоминания сына последних владельцев Хмелиты Н.В. Волкова-Муромцева, который застал усадьбу во время ее возрождения после длительного периода запустения, однако и в начале XX в. главный усадебный «дом был очень красивый, ампир, с четырьмя колоссальными колоннами, старинный парк, великолепный скотный и хлебный дворы и масса других построек. Кроме этого, было 5000 десятин полей и леса, два озера, пруд» [Волков-Муромцев, с. 13]. Самой ценной частью воспоминаний Волкова-Муромцева считается изложение рассказов Прокопа (1799–1911), бывшего крепостным еще у А.Ф. Грибоедова, деда драматурга: «У дома было два флигеля и два подъезда – со стороны двора и парка; со стороны парка серповидный пандус вел прямо к зале (к концу века остался только фундамент от этой постройки), во время балов кареты подъезжали через парк, дорога шла через один из прудов, там был мраморный мостик» [Волков-Муромцев, с. 14]. Прокоп вспоминал и о существенной особенности грибоедовской усадьбы – «В верхнем этаже южного флигеля был театр» [Волков-Муромцев, с. 14]. Данные сведения крайне важны для исследователей биографии и творчества Грибоедова. Они подтверждают, что Хмелита в первые десятилетия XIX в. была культурным центром, в котором звучала музыка, было много гостей, ставились спектакли. Такая атмосфера оказала существенное влияние на формирование Грибоедова как творческой личности.

Безусловно, Александр Сергеевич бывал и в усадьбах, расположенных в непосредственной близости от Хмелиты. К сожалению, сохранилось совсем немного данных о них, об их архитектурных особенностях и внутреннем убранстве. Тем ценнее те сведения, которые удалось выявить в архивах исследователям. Краткое, но достаточно емкое описание усадебного дома в селе Козулино оставил уже упоминавшийся Лыкошин:

Дом наш большой деревянный, имевший форму русской буквы П, был по тогдашнему времени отделан прилично: стены, стянутые холстом, были хорошо расписаны разными орнаментами. На выштукатуренных

потолках были мифологические изображения, везде в простенках зеркала в золоченых рамах; люстры из граненых стеклушек и такие же по стенам жирандоли при полном освещении производили волшебный эффект; столы с наклеенными из разноцветного дерева птицами и цветами с бронзовою отделкой. Креслы и диваны, окрашенные белою краскою с позолотой, обиты были какою-то плотною старинною тканью – все это по-тогдашнему было барски роскошно (цит. по: [Балунова, с. 259]).

Интерьеры усадьбы Хмелита, главный усадебный дом которой как во времена Грибоедова, так и сейчас называли дворцом, своим великолепием не могли уступать описанным выше.

В числе других окрестных селений, которые посещал Грибоедов, находясь в Хмелите, – Котлин (Котлино), где жила его бабушка по материнской линии Мария Ивановна Розенберг, Александровское, в котором жила его тетя Анна Федоровна Радзимовская, Федяево и Андрейково под Вязьмой – села, которыми владела семья М.М. Грибоедова, Григорьевское, соединявшееся с Хмелитой проселочной дорогой и принадлежавшее М.Б. Лыкошину [Летопись, с. 32].

Погружению в усадебный мир в период активной творческой деятельности Грибоедов во многом обязан своему старшему современнику С.Н. Бегичеву, которого близкие ему люди считали домоседом. Грибоедов 29 июля 1823 г. выехал из Москвы к Бегичеву в село Дмитровское, Лакотцы тож, Ефремовского уезда Тульской губернии, где провел почти два месяца, до 20 сентября [Пиксанов, с. 46]. Именно здесь, вдали от шумного города (как вспоминал Бегичев, вернувшись с Кавказа, Грибоедов «пустился в большой московский свет, бывал на всех балах, на всех праздниках, пикниках и собраниях, по дачам и проч. и проч.», – [Бегичев, с. 28]), в тиши привычного с детства усадебного мира, Грибоедов работал над своей комедией: «Последние акты “Горя от ума” написаны в моем саду, в беседке. Вставал он в это время почти с солнцем; являлся к нам к обеду и редко оставался с нами долго после обеда, но почти всегда скоро уходил и приходил к чаю, проводил с нами вечер и читал написанные им сцены. Мы всегда с нетерпением ожидали этого времени» [Бегичев, с. 28]. Грибоедов очень ценил возможность дружеского общения на лоне природы. Об этом свидетельствуют, в частности, его слова, обращенные к племяннице Бегичева Е.П. Соковниной: «Лиза, не люби света и его побрякушек; будь деревенской девушкой, ты там

будешь больше любима, а главное, научишься сама лучше любить» [Соковнина, с. 94]. Грибоедов планировал провести в усадьбе друга и следующее лето, однако из-за изменившихся планов последнего это намерение не было реализовано. Только летом 1826 г., в середине августа [Пиксанов, с. 90], но лишь один день Грибоедов провел у Бегичева в деревне Екатерининское [Бегичев, с. 30].

В последний раз Грибоедов приехал к другу в Екатерининское на три дня в середине июня 1828 г. по дороге в Тифлис [Бегичев, с. 30–31]. И уже вместе с Бегичевым отправился в еще незнакомую ему усадьбу – к вышедшей замуж сестре Марии Сергеевны и ее мужу Алексею Михайловичу Дурново. Пребывание там оказалось еще более кратким. Через несколько дней, 24 июня 1828 г., Грибоедов писал А.А. Жандру, находясь уже в Новочеркасске, что сестра «Бог знает в какой глуши, капусту садит», что в усадьбе «чисто, опрятно, трудолюбиво и весело. Зять мой великий химик, садовник, музыкант, успешно детей делает и сахар из свеклы. <...> все это происходит в Чернском уезде неподалеку от Скуратова» [Грибоедов, 2006, с. 149].

Бывал Грибоедов и на дачах, которые в начале XIX в. располагались преимущественно в окрестностях столичных городов. Свое самое яркое «сельское» произведение – очерк «Загородная поездка»¹ – Грибоедов написал под непосредственным впечатлением от посещения дачной местности Парголово², где проходили народные гуляния. В то время, в июне 1826 г., Грибоедов жил или неоднократно посещал дачу Ф.В. Булгарина на Выборгской стороне (дом Калугиной на Сампсоньевском проспекте), где «виделся только с близкими, читал, гулял по окрестностям Петербурга и занимался музыкой» [Летопись, с. 295]. Об этом месте пребывания Грибоедова вспоминал В.Н. Григорьев, именно там познакомившийся с драматургом. Мемуарист отмечал, что Булгарин «нанимал тогда каждое

¹ В данной статье мы не касаемся вопроса об авторстве Грибоедова «Загородной поездки», поскольку на эту тему существует довольно обширная литература (см., напр.: [Фомичев, 201–205]), однако учитываем, что произведение в наиболее позднем и авторитетном на данный момент издании – полном собрании сочинений А.С. Грибоедова в 3 томах – включено в основной корпус произведений драматурга [Грибоедов, 1999, с. 275–278].

² Отметим, что эта местность привлекала жителей Санкт-Петербурга, в том числе и писателей, что нашло отражение в их биографии и творчестве (см., напр.: [Виноградов; Гусенцова, Добрынина, Фурманова; Целикова]). См. также: [Греч].

лето, вместо дачи, деревянный дом с садом на Выборгской стороне, на самом берегу Малой Невки, почти супротив Аптекарского сада» [Григорьев, с. 196]. В целом эта дача напоминала небольшую усадьбу, с той лишь разницей, что она не принадлежала Булгарину, а снималась им на летние месяцы.

Именно с дачи, снимаемой Булгариным, Грибоедов отправился в Парголово, посещению которого посвящена «Загородная поездка». В этом очерке Ю.В. Манн отметил оппозиции, характерные для предромантизма и романтизма: «1) историческое (прошлое) как оппозиция современному (сегодняшнему), 2) народное (сельское, нецивилизованное) как оппозиция светскому (городскому, цивилизованному)» [Манн, с. 310]. Очерк демонстрирует внимание Грибоедова к сельской жизни, которая в его воспоминаниях была связана прежде всего с усадебным миром.

По мере приближения к цели путешествия возникают все новые и новые пейзажи, которые волнуют воображение. Подобные эмоции испытывает в пути человек, отправляющийся в усадьбу – в свою или «дружескую». Грибоедов подчеркивает скудость северной природы, которая особенно заметна для него после среднерусских Владимирской и Смоленских губерний, в которых он жил в детстве и юности, после роскошных пейзажей Кавказа, где он также успел побывать: «печальные ели», «дымный запах, бледное небо, скрипучий песок», «скудная тень», «редкие ветви», «тощая зелень», «бездушные иглы» [Грибоедов, 1999, с. 276]. Лишь характерный для русского сельского пейзажа силуэт церкви, «простота деревенского храма» «возбуждает» у путника «другого рода мысли и чувства». Храм, одухотворяющий однообразный унылый пейзаж, «одинок и построен на разложистом мысе, которого подножие омывает тихое озеро» [Там же]. Тишину и покой дарит созерцание этого храма.

Достигнутая цель вознаграждает путешественников, вызывает у них положительные эмоции и вдохновение: «Вот и край наших желаний. Все выше и выше, места картинные; мирные рощи, дубы, липы, красивые сосны, то по несколько вместе стоят среди спеющей нивы, то над прудом, то опоясывают собою ряд холмов; под их густою сению дорога завивается до самой вершины» [Грибоедов, 1999, с. 276]. И здесь, как и в усадебном детстве, можно наслаждаться недостижимой в городе идиллией: «Под нами, на берегах тихих вод, в переле-

сках, в прямизнах аллея, мелькали группы девушек; мы пустились за ними, бродили час, два; вдруг послышались нам звучные плясовые напевы, голоса женские и мужские. <...> другой хор из мальчиков; мне более всего понравились двух из них смелые черты и вольные движения» [Там же, с. 276–277]. Напомним, что в Хмелите во времена жизни там Грибоедова существовал театр с актерами из числа крепостных, был цыганский хор, причем артисты и певцы жили на территории усадьбы, так что «звучные плясовые напевы» вызывали в памяти автора очерка воспоминания о родовой усадьбе.

Значительно раньше, 26 июня 1814 г., в «Письме из Бреста Литовского к издателю <“Вестника Европы”>» Грибоедов описывал праздник по случаю награждения генерала Кологривова «в версте от Бреста, на даче, где генерал имеет обыкновенное пребывание». Описанный пейзаж:

Усадьбы, города, и селы,
И возвышенности, и доли
С горы рисуются округ, –

И стелется внизу меж вод прекрасный луг [Грибоедов, 1999, с. 243, 244],

– во многом напоминает тот, который будет изображен позже в очерке. Дача, точнее дачка, упоминается в путевом очерке 1825 г. «Крым», который был создан Грибоедовым во время путешествия по полуострову. Окрестности этой дачки отличаются южным колоритом: «Июня 24. Середка. <...> Вверх по Салгиру верхом. Сады, минареты, Перовского дачка – приятной, легкой архитектуры домик» [Грибоедов, 1999, с. 322]. Комментаторы полного собрания сочинений Грибоедова отмечают, что «Перовского дачка» – это «имение “Кильбурун” в 10 верстах к югу от Симферополя <...>, принадлежало Николаю Алексеевичу Перовскому (1784–1858), который был одно время губернатором Тавриды» [Грибоедов, 1999, с. 589].

В названном очерке Грибоедов неоднократно обращается к характеристике довольно просторных имений, которые постепенно становились в Крыму все более и более многочисленными. Крымский колорит проявляется в соединении русской усадебной культуры, характерных для центральной России традиций ведения сельского хозяйства со свойственными для Крыма обычаями. Различия с традиционной усадьбой обусловлены и особенностями местного климата. Грибоедов записывает свои впечатления 9 июля 1825 г.:

«Сенные покосы. Крестьяне в Саблах выведенцы из России. <...> Школа плодовых деревьев; коли слишком растут в высоту, то это плохо для плодов. Столетнее алое. Переезжаем Алму у Карагача; ниже сад Чернова на Алме же; далее лесом, низеньким. Переезжаем Бодрак, налево Мангуш. Вступление вправо в ущелье Бахчисарайское с востока, наполнено садами, строениями, развалины дворца, влево, сверху, торчит Чуфут-Кале, ложбина вправо» [Грибоедов, 1999, с. 334]. Несколько дней спустя, 12 июля, Грибоедов записывает: «Лунная ночь. Пускаюсь в путь между верхнею и нижнею дорогою. Приезжаю в Саблы, ночую там и остаюсь утро. Теряюсь по садовым извитым и темным дорожкам. Один и счастлив» [Там же]. В комментарии отмечено, что речь идет о великолепном фруктовом саде у маленькой деревни Кобаза в долине реки Альмы, в трех верстах от имения Саблы [Там же, с. 601].

Для Грибоедова, как и для многих других русских писателей, живших или гостивших в усадьбах, важны их наиболее значимые элементы, которые вызывают ассоциации с усадьбой и на совершенно иных пространствах. Грибоедов во время своих путешествий наблюдал самые разные пейзажи, которые возвращали его к воспоминаниям о годах, проведенных в усадьбах с их аллеями, прудами и садами. Например, в путевых заметках «<Моздок – Тифлис>» (1818): «Дорога как в саду – грушевые деревья, мелоны, яблони» [Грибоедов, 1999, с. 289].

В письме к Бегичеву, написанном 4 февраля 1819 г. между Тифлисом и Тегераном, Грибоедов характеризовал особенности привлекавшего его внимание пейзажа: «Миновали сады, высокие трикровные кладбища, длинные каменные ограды, за которыми стоят дома, башни и куполы мечетей...» [Грибоедов, 1999, с. 300]. Сады вновь упомянуты в путевом очерке «<Тебриз – Тегеран>»: «Раскинутые сады, тополи, славные квартиры в деревнях, лучше, чем в прежних» [Там же, с. 308]. Чем дальше на юг уезжает Грибоедов, тем больше отличаются сады от привычных ему с детства. В путевом очерке «<Тегеран – Султанийе>» в записи от 8 июня он отмечает: «Бесплодный вид Тегеранских окрестностей. Сады, как острова, уединенно зеленеются среди тощей равнины» [Там же, с. 311]. Порой там, где есть влага, встречаются дикие сады. В записи от 20 июля: «Утром мы едем за агач от орды, в горы, к югу. Вдоль ручья дикий сад. Ручей

проведен водоскатами» [Там же, с. 312]. Путешествие позволяет наблюдать многообразные варианты садов.

В более поздние годы, когда Грибоедов провел на Кавказе и в Персии значительное время, привык к местным пейзажам, мотив сада, являющегося одной из наиболее ярких составляющих «усадебного топоса», часто сопряжен у него с восточным колоритом:

Что волнует молодецку грудь?
Мысль о дальней стороне?
Ах, не там ли воздух чудотворный,
Тот Восток и те сады,
Где не тихнет ветерок проворный,
Бьют ключи живой воды...
(стихотворение «Восток» – [Грибоедов, 1999, с. 218–219]).

Однако и вдали от родины Грибоедов думал о дорогих его сердцу местах, причем таким воспоминаниям и сновидениям способствовало пребывание в саду, пусть даже не в усадебном, а в персидском. Булгарин вспоминал, что «будучи в Персии, в 1821 г., Грибоедов мечтал о Петербурге, о Москве, о своих друзьях, родных, знакомых, о театре, который он любил страстно, и об артистах. Он лег спать в киоске, в саду, и видел сон, представивший ему любезное отечество, со всем, что осталось в нем милого для сердца. Ему снилось, что он в кругу друзей рассказывает о плане комедии, будто им написанной, и даже читает некоторые места из оной. Пробудившись, Грибоедов берет карандаш, бежит в сад, и в ту же ночь начерчивает план “Горя от ума” и сочиняет несколько сцен первого акта» [Булгарин, 26–27].

Такой южный сад, наполненный воспоминаниями о дорогих Грибоедову местах, возникает и в стихотворении «Там, где вьется Алазань...»:

Там, где вьется Алазань,
Веет нега и прохлада,
Где в садах собирают дань
Пурпурного винограда,
Светло светит луч дневной [Грибоедов, 1999, с. 220].

После гибели Грибоедова осталось крайне мало документов и артефактов, связанных с его жизнью и творческой деятельностью. Одно из немногих мемориальных мест, в котором сохраняется память о писателе и дипломате, – родовая усадьба Грибоедовых

Хмелита. Этот уникальный усадебный комплекс имеет богатую историю, некоторые значимые страницы которой с той или иной степенью полноты изучены краеведами, архитекторами, искусствоведами и литературоведами.

Историю села с XVI в. – с того времени, когда оно было упомянуто как принадлежавшее князьям Василию и Юрию Буйносовым-Ростовским, до наших дней прослеживает Н.В. Кулакова [Кулакова, с. 52–55]. О первоначальном названии села – Скоробово (по названию речки Скоробовки) – известно из документа, хранящегося в Российском государственном архиве древних актов дела между наследниками Семена Федоровича Грибоедова – Федором Алексеевичем (дедом Грибоедова) и его двоюродным братом – Михаилом Ивановичем Грибоедовым [Балунова, с. 253].

В начале XIX в., в годы жизни в Хмелите Грибоедова, это село – значимое культурное гнездо. «Резиденция Грибоедовых – Хмелита, – писал Н.К. Пиксанов, – была, как это очевидно из рассказов Лыкошина, одним из главных средоточий “избранного общества” в Смоленской губернии» [Грибоедов и старое барство, с. 53]. Кулакова отмечает: «Здесь любили петь и музицировать, в усадебном доме устраивались балы, маскарады, любительские спектакли и концерты, в которых принимал участие и Александр Грибоедов» [Кулакова, с. 53].

Одним из первых исследователей Хмелиты как родовой усадьбы Грибоедовых и места проживания юного Грибоедова стал М.И. Семевский. Он приехал в Хмелиту в середине 1850-х гг., т. е. примерно через 45 лет после последнего вероятного пребывания здесь Грибоедова. Целью Семевского было изучение сохранившихся в усадьбе бумаг. Сделанное им описание Хмелиты свидетельствует о том, что примерно с середины 1830-х гг. усадьба находилась в запустении и постепенно ветшала, однако исследователю удалось отыскать «фамильные бумаги и грамоты, в небольшом количестве сохранившиеся в одном из подвалов запустелого, более двадцати лет необитаемого, господского дома» [Семевский, с. 310]. Обнаруженные документы позволили прояснить некоторые факты истории рода Грибоедовых. Семевским дано также краткое описание парадного зала и его интерьеров: «Среди множества фамильных портретов, хранящихся в селе Хмелите, этом рассаднике фамилии Грибоедовых, я не нашел портретов ни Сергея Ивановича, ни Александра Сергеевича;

не встретил изображения и Настасьи Федоровны, в то время как портреты всех трех сестер ее украшают стены громадной, пустой залы» [Семевский, с. 319].

О состоянии усадебного комплекса на рубеже XIX–XX вв. известно из цитировавшихся выше воспоминаний Волкова-Муромцева. Некоторые новации начала XX в. негативно отразились на эстетическом восприятии усадебного ансамбля: «В 1906 году по инициативе последней владелицы усадьбы В.П. Гейден-Волковой был разобран второй этаж юго-восточного флигеля и выстроен вновь; одновременно же был надстроен и второй этаж галереи, уравнивший ее по высоте с главным домом. Эта примитивная надстройка чрезвычайно обезобразила памятник» [Кулаков, с. 38].

В книге «Грибоедов и старое барство» Пиксанов раскрывает историю Хмелиты следующего периода – конца 1910-х гг.:

В революционный 1918-й год умерла и старая барская Хмелита. <...> Последняя владелица Хмелиты, фрейлина двора В.П. Волкова, покинула поместье вскоре после октября 1917 года. После ее отъезда дом был доступен для осмотра всем желающим. В январе 1918 г. была произведена ревизия и составлена опись. В феврале Вяземский отдел народного образования открыл в помещениях дома «Народный Дом». В узком зале верхнего этажа была устроена сцена и места для зрителей; одна комната была занята под класс, часть помещений занята библиотекой, чайной, квартирами учителей и сторожа «Народного Дома». Потом в длинном зале верхнего этажа начало производиться военное обучение, продолжавшееся около полутора месяцев. В 1919 году театр, читальня и чайная были закрыты [Грибоедов и старое барство, с. 75–76].

К середине XX в. усадьба пришла в полное запустение. После продолжавшегося несколько дней в главном усадебном доме пожара местные жители стали использовать оставшиеся фрагменты построек как источник строительного материала. Лишь приезд в Хмелиту П.Д. Барановского вместе со своим учеником архитектором В.Е. Кулаковым спас усадьбу от окончательного уничтожения. В 1970 г., в год 175-летия со дня рождения Грибоедова, усадьба была взята на государственную охрану. Научное изучение усадебного комплекса велось в период ее восстановления, с 1970-х гг. Им, как и проектом по реставрации усадьбы и самой этой реставрацией, занимался Кулаков, который стал первым директором организованного по его инициативе музея-заповедника.

В настоящее время усадебный комплекс Хмелита принадлежит к числу наиболее известных литературных ландшафтов России. Здесь полностью восстановлены и введены в культурный оборот главный усадебный дом и четыре флигеля – редкий для русской провинции памятник елизаветинского барокко. Сохранилось историческое зонирование усадьбы, включая систему прудов, регулярный и пейзажный парки, липовые аллеи, насыпные горки парнасы. Памятниками природы являются высаженные еще при Буйносовых-Ростовских мемориальные дубы. Объекты особого внимания – липовые аллеи, старый ясен и другие деревья.

В залах второго этажа главного усадебного дома с использованием типологических предметов XVIII–XIX вв. воспроизведены исторические интерьеры, раскрывается планировка помещений и особенности повседневной жизни богатой дворянской усадьбы. Первый этаж этого здания занимают литературные экспозиции, рассказывающие о жизни и творчестве Грибоедова, основное внимание уделено его комедии «Горе от ума», в том числе многочисленным постановкам этой пьесы в разных городах России и за рубежом.

Выставочные проекты развивают традиции усадебного гостеприимства и всестороннего внимания к различным аспектам культурной жизни, что было характерно для русской усадьбы на протяжении многих столетий ее существования. В выставочной деятельности особое внимание уделяется биографии и творчеству современников Грибоедова, другим писателям XIX в., вопросам усадебной культуры. Выставки художников, пленэры продолжают исторически характерные для русской усадьбы традиции.

Как и во времена Грибоедовых, в усадебных интерьерах звучит музыка, ставятся театральные постановки. Наиболее масштабные представления, когда главной сценической площадкой становится парадная лестница дворца, проходят во время ежегодных Грибоедовских и Нахимовских праздников. В Хмелиту приезжают творческие коллективы Смоленской области, Москвы, регионов России.

Названные мероприятия, а также разнообразные экскурсионные программы по территории музея-заповедника и его окрестностям воссоздают в усадебных интерьерах и историко-культурных ландшафтах культурное, в том числе литературное пространство.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балунова Н.П. Усадьба Хмелита и хмелитское окружение семьи Грибоедовых // Проблемы творчества А.С. Грибоедова / РАН. Отделение литературы и языка, Пушкинская комиссия; отв. ред. С.А. Фомичев. Смоленск: ТРАСТ-ИМАКОМ, 1994. С. 253–262.
2. Бегичев С.Н. Записка об А.С. Грибоедове // А.С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М.: Художественная литература, 1980. С. 23–31.
3. Булгарин Ф.В. Воспоминания о незабвенном Александре Сергеевиче Грибоедове // А.С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М.: Федерация, 1929. С. 21–42.
4. Виноградов В.В. «С вечерним озером я разговор веду...»: А.А. Блок и «петербургские урочища» // Прошлое в настоящем: записки этнографа / ред.-сост., вступ. статья, коммент. Е.В. Хаздан; науч. ред. А.Ф. Некрылова. СПб.: Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, 2020. С. 46–60.
5. Волков-Муромцев Н.В. Юность. От Вязьмы до Феодосии (1902–1920). Париж: YMCA-PRESS, 1983. 426 с.
6. Греч А.Н. Парголово: (в ответ из Заманиловки Ф.В. Булгарину в Карлово близ Дерпта) // Северная пчела. 1848. 5 авг. № 174.
7. Грибоедов А.С. Полное собрание сочинений: [В 3 т.]. Пг.: Изд. Разряда изящной словесности Академии наук, 1911–1917.
8. Грибоедов А.С. Полное собрание сочинений: в 3 т. / Российская академия наук. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) / гл. ред. С.А. Фомичев. Т. 2: Драматические сочинения. Стихотворения. Статьи. Путевые заметки. СПб.: Нотабене, 1999. 617 с.
9. Грибоедов и старое барство / По неизданным материалам составил Н.К. Пиксанов. М.: Никитские субботники, 1926. 76 с.
10. Григорьев В.Н. Заметки из моей жизни // А.С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М.: Федерация, 1929. С. 195–203.
11. Гусенцова Т.М., Добрынина И.Н., Фурманова И.Б. Выборгская сторона в литературных произведениях XIX века // Теория и практика регионоведения. Избранные статьи участников Анциферовских краеведческих чтений. СПб.: Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 2020. С. 294–305.
12. Кулаков В.Е. Исследование усадьбы «Хмелиты» в Смоленской области // Тезисы научных сообщений к творческому отчету в Союзе архитекторов СССР (15 февраля 1973 г.). М.: [Б. и.], 1973. С. 37–41.
13. Кулакова Н.В. «Хмелита будет всегда...»: Жизнь музея-заповедника А.С. Грибоедова «Хмелита» как российская и семейная история // Край Смоленский. 2020. № 4. С. 51–60.

14. Летопись жизни и творчества А.С. Грибоедова (1790–1829) / сост. Н.А. Тархова. М.: Минувшее, 2017. 608 с.

15. Лыкошин В.И. Из «Записок» // А.С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М.: Федерация, 1929. С. 315–324.

16. Манн Ю.В. Поэтика русского романтизма / АН СССР, Институт мировой литературы им. А.М. Горького. М.: Наука, 1976. 375 с.

17. Николаев Б.П., Овчинников Г.Д., Цымбал Е.В. Из истории семьи Грибоедовых (по архивным материалам) // А.С. Грибоедов: Материалы к биографии / сб. науч. тр. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1989. С. 76–92.

18. Пиксанов Н.К. Летопись жизни и творчества А.С. Грибоедова, 1791–1829 / Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН; отв. ред. А.Л. Гришунин. М.: Наследие, 2000. 236 с.

19. Семевский М.И. Несколько слов о фамилии Грибоедовых. Письмо к редактору журнала «Москвитянин» // Москвитянин. 1856. № 12. С. 310–324.

20. Соковнина Е.П. Воспоминания о Д.Н. Бегичеве // А.С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М.: Художественная литература, 1980. С. 93–96.

21. Фомичев С.А. Заметки о грибоедовской текстологии // А.С. Грибоедов. Творчество. Биография. Традиции / отв. ред. С.А. Фомичев. Л.: Наука, 1977. С. 192–205.

22. Целикова Е.В. Пародия А. Сниткина «Поездка в Парголово» и стихотворение А.А. Фета «Деревня» (к проблеме соотношения) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2009. № 3 (22). С. 61–64.

<https://doi.org/10.29003/m3673.khmelita-18/321-331>

<https://elibrary.ru/jswzhm>

Научная статья / Research Article

УДК 069.1

ББК 79.147.11

This is an open access book
Distributed under the Creative
Commons Attribution-NoDerivatives
4.0 (CC BY-ND)

КУЛЬТУРНАЯ СРЕДА МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА А.С. ГРИБОЕДОВА «ХМЕЛИТА»

© 2023. *Е.С. Мертенс*

Аннотация: В статье дается трактовка понятия «культурная среда» в научном мире, которое используется для исследования усадебной культуры, музеефикации объектов культурного наследия. Анализируется культурная среда грибоедовской усадьбы, Государственного историко-культурного и природного музея-заповедника А.С. Грибоедова «Хмелита». Выявляются традиционные и инновационные формы деятельности, используемые в музее-заповеднике. Также в настоящей статье представляются, комментируются и осмысляются результаты мини-исследования, проведенного среди студентов Смоленского государственного института искусств направления подготовки «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия». В заключение делается вывод о том, что культурная среда музея динамично развивается, одновременно сохраняя традиции уникальной исторической территории Смоленской губернии, а также предлагаются векторы развития музея-заповедника А.С. Грибоедова «Хмелита», в том числе и как инновационной интерактивной площадки для творчества.

Ключевые слова: А.С. Грибоедов, культурная среда музея-усадьбы, культурная среда музея-заповедника, анкетирование, музей-заповедник «Хмелита», формы работы в музее, интерактивная площадка для творчества, инновации.

Информация об авторе: Елена Сергеевна Мертенс – кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой библиотечно-информацион-

ной деятельности и музеологии, Смоленский государственный институт искусств, ул. Румянцева, д. 8, 214020 г. Смоленск, Россия.

E-mail: sgii-bid@mail.ru

Для цитирования: *Мертенс Е.С.* Культурная среда музея-заповедника А.С. Грибоедова «Хмелита» // А.С. Грибоедов и его эпоха: Хмелитский сборник № 18 / отв. ред. Е.В. Аблогина, М.В. Скороходов. М.: ООО «МАКС Пресс», 2023. С. 321–331. <https://doi.org/10.29003/m3673.khmelita-18/321-331>.

CULTURAL ENVIRONMENT OF THE MUSEUM-RESERVE «KHMELITA»

© 2023. *Elena S. Mertens*

Abstract: The article gives an interpretation of the *cultural environment* concept in the scientific world which is used for the study of homestead culture, museification of cultural heritage sites. The article analyzes the cultural environment of the State Historical, Cultural and Nature Museum-Reserve Named after A.S. Griboedov “Khmelita”. The traditional and innovative forms of activity used in the museum-reserve are revealed. The results of a survey conducted among students studying at the department of Museology and the protection of cultural and natural heritage sites are presented, commented and addressed. It is concluded that the cultural environment of the museum is developing dynamically, however the traditions of the unique historical territory of Smolensk Province are well-preserved, too. Finally, some vectors of development of the Museum-reserve of A.S. Griboedov “Khmelita”, including as an innovative interactive platform for creativity, are proposed.

Keywords: A.S. Griboedov, cultural environment of the museum-estate, cultural environment of the museum-reserve, questionnaire, museum-reserve “Khmelita”, forms of work in museum, innovative interactive platform for creativity, innovations.

Information about author: Elena Sergeevna Mertens – PhD in Pedagogic Sciences, Associate Professor, Head of the Department of library and information activity and museum studies, Smolensk state institute of arts, Rumyantseva, 8, 214020 Smolensk, Russia.

E-mail: sgii-bid@mail.ru

For citation: Mertens, Elena S. Cultural Environment of the Museum-Reserve «Khmelita». *Aleksandr Griboedov and His Epoch: Khmelitsky Sbornik No. 18*. Ex. ed. Evgeniia V. Ablogina, Maxim V. Skorokhodov. Moscow: MAX Press Publ., 2023. pp. 321–331. (In Russian). <https://doi.org/10.29003/m3673.khmelita-18/321-331>.

Трактовка понятия «культурная среда» в научном мире до сих пор носит дискуссионный характер. Впервые это понятие введено русским социологом, представителем евразийского движения П.Н. Савицким (1895–1968) [Хоруженко, с. 247–248]. Первоначально теоретическая проблема культурной среды прорабатывалась с точки зрения ее пространственной решенности... [Ахиезер]. В настоящее время «культурная среда» рассматривается чаще всего как внутренняя принадлежность понятия «образ жизни». Однако известно, что «социально-экономические, культурные и природные условия формируют и обуславливают «образ жизни» [Кравченко, с. 193]. С этой точки зрения как производная от «образа жизни» культурная среда «характеризует содержание жизни людей, свидетельствующее о мире, о человечности их взаимоотношения, общения и поведения...» [Хоруженко, с. 246].

Культурологический аспект изучения проблемы получил наибольшее полное отражение в трудах А.И. Арнольдова, М.М. Бахтина, А.А. Высоковского, Л.Н. Когана, Ю.Р. Вишневого, Э.А. Орловой, О.В. Ромаха, В.В. Чижикова и других исследователей.

Огромный вклад в разработку теоретической концепции культурной среды внес отечественный ученый 1980-х гг. Л.Н. Коган. Культурная среда, по его мнению, выступает определенным срезом социальной среды, а поэтому является особым аспектом ее изучения. Культурная среда характеризуется воздействием социальной среды на различные стороны культурной деятельности личности. Автор концепции рассматривает культурную среду как «устойчивую совокупность вещественных и личностных элементов, с которыми взаимодействует социальный субъект и которые оказывают влияние на его деятельность по созданию и освоению духовных ценностей и благ, на его духовные потребности, интересы и ценностные ориентации в области культуры» [Коган, Вишневский, с. 70]. Такое деление ис-

ходит из самой природы духовной культуры, которая включает не только предметный мир ценностей и благ культуры, но и саму человеческую деятельность, в том или ином аспекте влияющую на всю духовную жизнь общества. Личностная сторона культурной среды представляет собой «совокупность людей, окружающую данную личность, непосредственно и устойчиво воздействующих на ее культурные потребности, интересы, вкусы и ценностные ориентации». Состояние личностной стороны культурной среды характеризуется степенью развития духовных потребностей и интересов людей; ценностными ориентациями, престижем культуры в сознании данной группы людей; культурой межличностных отношений и т. д. Все эти элементы активно взаимодействуют друг с другом. В системе «культурная среда – личность» не только среда оказывает влияние на личность, но и личность влияет на среду и т. д. [Коган, Вишневский].

Интересна, на наш взгляд, точка зрения Э.А. Орловой, которая характеризует культурную среду как «совокупность культурных объектов, вещей, образов; образцов деятельности, взаимодействия, поведения, критериев оценок, непосредственно используемых в профессиональной области и обыденной жизни» [Орлова, с. 33].

Примечательна позиция культуролога А.И. Арнольдова, который отмечает, что культурная среда включает в себя социально-культурные объекты, связанные с созданием и распространением культурных ценностей (научные и учебные заведения, организации искусства, культурно-просветительные учреждения, художественные промыслы, музеи и др.) [Арнольдов, с. 192]. Значительный вклад в разработку вопросов, отражающих проблемы «культурной среды», внесла О.В. Ромах. Культурная среда в ее работах представлена «качественной характеристикой среды социальной». В силу «длительности своей жизни» культурная среда имеет такие характеристики, которые придают ей чрезвычайную уникальность... «Культурная среда – это живой организм, имеющий свой духовный стержень, который позволяет сохранить известную устойчивость структурных образований и поддерживать состояние постоянной готовности к изменению и восстановлению» [Ромах, с. 50, 55–56]. Культурная среда – это динамичное, подвижное образование. Динамичность объясняется тем, что именно население подчеркивает богатство и вариативность культурной среды. Культурная среда вбирает, за-

крепляет и накапливает те знания, способы, умения, которые традиционно находили применение, преемственно передавались следующим поколениям т. д. Для нее свойственно наличие локальных компонентов, к которым относятся образовательные учреждения и учреждения культуры, преломляющие в себе «средовые ценности» [Ромах, с. 57].

Используемое понятие закреплено в словаре по культурологии, в котором культурная среда определяется как «совокупность социально-культурных объектов, связанных с созданием и распространением культурных ценностей... Различают микро- и макросреду. Культурная среда претерпевает всевозможные изменения: она создается, развивается, расширяется, обогащается, обедняется (истощается), сохраняется, охраняется, воспроизводится» [Кравченко, с. 278].

Дворянская усадьба – это среда с гармоничным взаимодействием природы, искусства, литературы, общением единомышленников, с особым образом жизни. Смоленские дворянские усадьбы впитали в себя длительный опыт и традиции русского социально-экономического и культурного развития, в результате возникло немало уникальных художественно-хозяйственных ансамблей (парк, система прудов, беседки, скульптуры, цветники и т. д.). При обустройстве усадеб соблюдался принцип иерархии: главными сооружениями были усадебный дом или дворец и церковь, которые располагались на более высоком и живописном месте с хорошим обзором [Трофимов, с. 27, 32]. Эстетизации быта в дворянских усадьбах придавалось огромное значение. Для любителей спектаклей содержались театральные труппы, музыкальные оркестры, были свои архитекторы, художники, резчики, садоводы и другие умельцы. Дворяне любили проводить свой досуг за чтением книг, в усадьбах сформировались обширные архивы, богатейшие библиотеки. Дворянские усадьбы представляли уникальную культурную среду с высокими образцами садово-парковой культуры, искусства, литературы. Сохранившиеся и восстановленные усадьбы являются отражением духовной жизни русской провинции.

Грибоедовская усадьба прошла через многие испытания, главным из которых стало ее разрушение в результате пожара. Однако в 1967 г. знаменитый русский архитектор и реставратор П.Д. Барановский,

уроженец Вяземского уезда, в ходе натурного обследования усадьбы определил ее как памятник русского елизаветинского барокко. По инициативе Барановского в грибоедовской усадьбе начались реставрационные работы. Ведущим архитектором проекта реставрации усадьбы Хмелита стал В.Е. Кулаков. Проект реставрации усадьбы предусматривал восстановление ее первоначального облика, т. е. на середину XVIII в. Исследовательские и проектные работы авторского коллектива по усадебному ансамблю Хмелиты были направлены на восстановление исторической среды.

Культурная среда музея-заповедника А.С. Грибоедова «Хмелита» воссоздает усадебный «дух». Основной составляющей культурной среды музея являются экспозиции. Первые экспозиции – небольшие выставки, посвященные Грибоедову, оформлял художник-дизайнер А.А. Тавризов (1991–1993). Экспозиция была посвящена жизни и творчеству автора гениальной комедии «Горе от ума», высокому подвигу его служения Отечеству. К 200-летию со дня рождения Грибоедова в 1995 г. была открыта монографическая историко-культурная экспозиция «А.С. Грибоедов и его время», которая стала точкой отсчета юбилейного события 2020 г. – 25-летия со дня открытия музея А.С. Грибоедова. Концепция экспозиции «В гостях у А.С. Грибоедова и героев его комедии “Горе от ума”» была разработана в 2008 г. Экспозиция второго этажа дома-дворца Грибоедовых всесторонне освещает роль смоленского культурного гнезда в становлении личности и творчества Грибоедова и его современников. В экспозиции отражены: история родовой усадьбы Грибоедовых, культурная среда и быт дворянских усадеб, особенности воспитания, образования, образа общественной и частной жизни смоленского дворянства. В экспозиции представлены портреты А.С. Грибоедова, его друзей, сослуживцев, современников – поэтов, музыкантов, офицеров, декабристов, ученых, издателей, артистов, императоров, министров.

В музее-заповеднике сформирована коллекция гравюр и литографий первой половины XIX в. с видами Москвы, Петербурга, Киева, Тифлиса, Тавриза, пейзажами Крыма, Кавказа, Персии; коллекция часов, выполненных в XVIII в. английским мастером Нортоном. Музей-заповедник приобрел несколько мраморных и бронзовых композиций, подчеркивающих «дух» эпохи первой четверти XIX в.:

«Девочка с гнездышком» и «Мальчик с птичкой» (русские копии с работ французского ваятеля Пигаля). Одной из самых больших и важных коллекций является коллекция редкой книги, насчитывающая более 3000 единиц [История музея]. Архитектурный ансамбль, уникальный природный ландшафт, экспозиции и коллекции, реконструкция библиотеки автора комедии «Горе от ума», инновационные формы работы – все это воссоздает культурную среду усадьбы Грибоедовых.

В ходе контент-анализа деятельности музея-заповедника А.С. Грибоедова были выявлены традиционные формы работы, что позволило отметить важнейшие качественные характеристики его культурной среды. Значимым культурным событием стали прошедшие в Хмелите в январе 1985 г. первые Грибоедовские чтения, их инициировали Министерство культуры РСФСР, Смоленский обком, Пушкинская комиссия АН СССР и газета «Советская культура». Вдохновителями этого события стали архитектор-реставратор В.Е. Кулаков, ленинградский ученый, секретарь Пушкинской комиссии, исследователь жизни и творчества Грибоедова С.А. Фомичев и секретарь Вяземского райкома КПСС В.И. Атрощенко. Традиции Грибоедовских чтений продолжают международные конференции: «А.С. Грибоедов: эпоха, личность, творчество, судьба» (2013); «Ум и дела твои бессмертны в памяти русской...»: к 220-летию великого русского писателя, музыканта и дипломата (2015); «Литературная судьба комедии А.С. Грибоедова “Горе от ума” (история, поэтика, смысл)» (2019); «А.С. Грибоедов и его эпоха» (2020).

Популярностью у смолян и гостей региона пользуются экскурсии и выставки. Среди экскурсий можно выделить следующие: «Летописные страницы церкви Казанской Божьей Матери», «И все-таки я Вас без памяти люблю...»; костюмированные экскурсии «Где время то! Где возраст тот невинный», «На форели в Хмелиту» и др. Организуются выставки, посвященные Дню дипломатического работника, годовщинам со дня гибели Грибоедова, юбилеям Туркманчайского мирного договора; фотовыставки; временные выставки в других музеях Смоленской области и за ее пределами. Популярностью пользовались выставки «“Век нынешний и век минувший” (комедия “Горе от ума” в изданиях, иллюстрациях, эскизах)», «Грибоедовская Хмелита и ее окрестности» (2019) и др.

Проводятся лекции (например, «Иллюстраторы комедии “Горе от ума”»), научно-образовательные лекции-семинары (например, «Культура дворянской усадьбы XVIII–XX вв.» для школьников и студентов). Традиционно отмечается день рождения Грибоедова, проводятся вечера памяти Грибоедова.

Современная культурная среда музея-заповедника динамично развивается, формируется инновационная интерактивная площадка для творчества. В музее проводятся мероприятия памяти Грибоедова; акции «Ночь в музее» (к Международному Дню музеев), «Ночь кино», «Ночь искусств», включающие разнообразные мастер-классы, презентацию новых выставок и др. Распространение получают современные формы деловой коммуникации – круглые столы («Биография и творчество писателя как источник деятельности литературных музеев», «Любовь и время. Литература первой трети XIX века» в рамках международных конференций). Особый интерес для посетителей музея представляют «Театральная неделя в Хмелите»; праздники (в том числе Всероссийский Грибоедовский праздник), концерты (например, «Музыкальный калейдоскоп в ритме вальса» организован кафедрой музыкального искусства Смоленского государственного института искусств) и др. Динамичность событий позволяет ощутить программно-проектная деятельность, в которую активно включился музей-заповедник. Разрабатываются усадебные программы («Осенний календарь Грибоедовского времени», «Осенняя музейная программа», «Усадебные крещенские забавы»); локальные проекты («Усадебный мир России: Хмелита, Григорьевское, Богородицкое, Липицы»; «Хмелита: Взаимодействие»; «Обновленная классика» и др.). Проект «Живые предметы» стал победителем IV Всероссийского конкурса проектов «Культурная мозаика малых городов и сел» Фонда Елены и Геннадия Тимченко.

Развиваются и интерактивные формы музейной работы. У различных групп посетителей пользуются популярностью квесты: литературно-театральный квест-тревел «Крылатые фразы комедии “Горе от ума” и некоторые истории ее бытования», квест «Хранитель Хмелиты» и др.

Культурная среда может качественно и эффективно выполнять свою функцию лишь в том случае, если она соответствует своему времени, социально-культурным процессам, протекающим в об-

ществе. Чтобы получить ответ на вопрос, как должна развиваться культурная среда музея-заповедника А.С. Грибоедова «Хмелита», было проведено анкетирование студентов направления подготовки «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия». Анкета включала 12 вопросов. Возраст респондентов от 17 до 22 лет. Практически все респонденты (1–4 курсы очной формы обучения) посещали музей-заповедник, обучаясь в Смоленском государственном институте искусств. Основной целью анкетирования было выявление предпочтений студенческой молодежи тех или иных культурных продуктов и услуг музея-заповедника «Хмелита». По результатам анкетирования можно сделать некоторые выводы. На вопрос «Какое впечатление у Вас сложилось после посещения музея-заповедника “Хмелита”» мы получили следующие характеристики, выстроенные по степени значимости: 1) красота архитектурного ансамбля усадьбы; интерьер и оформление залов, комнат; 2) узнали много нового и интересного о жизни и творчестве Грибоедова, об образе жизни дворян; 3) впечатлил высокий профессионализм экскурсовода. Ответы на шестой вопрос показали, что не все респонденты знают о том, что Грибоедов был не только писателем и дипломатом, но и проявил себя как композитор. Седьмой вопрос ставил задачу уточнить знание крылатых фраз, произнесенных грибоедовскими героями. Самым популярным у молодежи стало выражение «Счастливые часов не наблюдают». При ответе на восьмой вопрос респонденты выбрали наиболее привлекательные для них культурно-образовательные мероприятия, которые уже проводятся в музее или которые, по их мнению, необходимо включить в план его работы. Среди них выделяются традиционные и театрализованные экскурсии, Всероссийский Грибоедовский праздник, выставки, спектакли, творческие конкурсы, концерты и лекции. Такую современную интерактивную форму как квесты, по мнению респондентов, надо более активно развивать и использовать при проведении экскурсий и других мероприятий.

В перечне культурных потребностей студенческой молодежи не оказалось виртуальных экскурсий и виртуальных выставок (опрос проводился до начала пандемии). Будущие специалисты музейной отрасли объясняют, что реальная культурная среда музея-заповедника «Хмелита» более привлекательна и познавательна по сравнению

с виртуальной. Однако активное внедрение цифровых технологий в деятельность музея-заповедника – дело ближайшего будущего.

Коммуникационную функцию в большей степени выполняет сайт музея, нежели социальные сети (ответ на девятый вопрос). На десятый, ключевой вопрос «Что необходимо сделать, чтобы музей-заповедник «Хмелита» стал еще более посещаемым смолянами и гостями?», респонденты дают корректные советы: расширить партнерские связи; решить проблему транспортного сообщения Вязьма – Хмелита; более активно использовать технологии мультимедиа; увеличить количество театрализованных мероприятий. Отвечая на 11-й вопрос «Какую роль в развитии культурной среды Смоленского региона вы отводите музею-заповеднику «Хмелита»?», участники анкетирования отметили, что музей-заповедник «Хмелита» – это, прежде всего, исследовательский центр по изучению творчества и многогранной деятельности Грибоедова; обозначили важную роль музея-заповедника в сохранении Хмелиты как географического объекта, как центра нравственно-патриотического воспитания; подчеркнули особую роль музея в развитии культурной среды региона. В основном все респонденты (97%) считают, что студенты смоленских вузов обязательно должны посетить музей-заповедник «Хмелита».

Таким образом, культурная среда музея-заповедника «Хмелита» притягивает большинство людей, в том числе студенческую молодежь, музей является местом общения, досуга, рекреации. Именно в культурной среде человек имеет возможность познавать великие ценности мировой культуры, достижения цивилизации, мир философских идей. Культурная среда музея динамично развивается, одновременно сохраняя традиции уникальной исторической территории Смоленской губернии. Разнообразные формы деятельности в культурной среде способны обеспечить самовыражение личности, позволить ей реализовывать свои возможности, положительно влиять на окружающую среду.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арнольд А.И. Человек и мир культуры: введение в культурологию. М.: МГИК, 1992. 240 с.
2. Ахиезер А.С. Оценка пространственно-предметной среды как проблема культуры // Человек и среда: психологические проблемы: Тезисы

конф. Лохусалу (ЭССР), 20–22 янв. 1981 г. / под ред. Т. Нийта. Таллин: ЭООП, 1981. С. 19–22.

3. Бахтин М.М. Эстетика славянского творчества / сост. С.Г. Бочаров. М. Искусство, 1979. 424 с.

4. Высоковский А.А. Субстанциональные свойства среды // Городская среда и проблемы существования. М., 1990. С. 20–49.

5. История музея [Электронный ресурс] // Федеральный Государственный историко-культурный и природный музей-заповедник А.С. Грибоедова «Хмелита». URL: <http://griboedovmuseum.ru/o-muzee/istoriya-muzeya/78-istoriya-muzeya> (дата обращения: 20.10.2021).

6. Коган Л.Н. Культурная среда // Коган Л.Н., Вишневский Ю.Р. Очерки теории социалистической культуры. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1972. Гл. IV. С. 69–82.

7. Кравченко А.И. Культурология: словарь. 2-е изд. М.: Академический проект, 2001. 672 с.

8. Краткий словарь по социологии / под общ. ред. Д.М. Гвишиани, Н.И. Лапина; сост. Э.М. Коржева, Н.Ф. Наумова. М.: Политиздат, 1988. 479 с.

9. Орлова Э.А. Современная городская культура и человек. М.: Наука, 1987.

10. Ромах О.В. Провинциальная культурная среда как фактор формирования досуга молодежи: дис. ... докт. филос. наук. М., 1997. 340 с.

11. Трофимов А.Я. Дворянские гнезда Смоленщины: усадьбы и их владельцы // Край Смоленский. 1994. № 7–8. С. 26–37.

12. Хоруженко К.М. Культурология. Энциклопедический словарь Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. 637с.

13. Чижиков В.В. Дизайн культурной среды: учебное пособие; Мин. культуры РФ; МГУКИ. М.: МГУКИ, 2001. 183 с.

V. IN MEMORIAM

О ВИКТОРЕ ЕВГЕНЬЕВИЧЕ КУЛАКОВЕ (1944–2019)

Писать о близких, наверное, труднее, чем о каких-то, пусть даже великих исторических личностях, с которыми знаком не был. Личное общение всегда нивелирует подлинный масштаб человека, о котором ты хочешь рассказать.

Масштаб личности Виктора Евгеньевича Кулакова чувствовался сразу. Один смоленский журналист писал о нем: «Человечище». И, действительно, энергия Кулакова была просто фантастической.

По-моему, Никита Сергеевич Михалков сказал, что, если бы работоспособность Виктора Евгеньевича использовать для электростанции, света хватило бы на всю Вязьму. Такой сумасшедший напор мало кто мог выдержать. Словно богатырь из былинной сказки, он просто творил то, что никому другому было бы не под силу.

Двадцать пять лет, а может и больше, я приезжал к нему в Хмелиту. Иногда на медленно ползущей электричке, в последние годы – на скоростной «Ласточке». Но чаще всего он, а потом шофер забирали меня из Москвы. Я почти наизусть знал Минское шоссе, все двести с лишним километров до поворота на Вязьму. Мы поворачивали направо и еще километров тридцать ехали мимо ста-

рых, разбитых домов. И вдруг посреди смоленских полей возникло сине-бирюзовое чудо – главный дом, дворец-усадьба. Там, где когда-то, в начале XIX в., провел свои детские годы юный Сашенька Грибоедова. Потом от усадьбы остались лишь сожженные развалины, и кто знал, что появится какой-то Илья Муромец, который сотворит эту сказку.

Можно ли это представить – положить десятки лет жизни на то, чтобы на месте сожженных стен и пепелища возник большой дом в стиле елизаветинского барокко! Это не просто восстановленная усадьба, а музей одного из самых гениальных писателей и дипломатов в русской истории. Музей автора «Горя от ума», который после себя почти ничего не оставил, поскольку большую часть жизни провел в дороге. А на усадьбе, как в фантастическом фильме, выросли флигели, красавец-парк, церковь иконы Казанской Божьей Матери.

С 2002 г. напротив вьется Андреевский стяг, так как Кулаков создал музей героя Крымской войны адмирала Нахимова, который был родом из этих мест. А еще через несколько лет по дороге в Хмелиту появится указатель «Военно-исторический мемориал Богородицкое поле». Сквозь все непонимание и сопротивление любителей лакировки исторической правды возник комплекс, посвященный трагедии «Вяземского котла» осени 1941 г., когда сотни тысяч красноармейцев, попав в окружение, отдали жизни, задержав наступление фашистов на Москву.

«Человек один ни черта не может», – говорил герой Хемингуэя Гарри Морган. Есть пословица: «один в поле не воин». Но мне вспоминается другая, которой Солженицын закончил свой гениальный рассказ «Матренин двор»: «Не стоит село без праведника». И далее добавил: «Ни село, ни вся земля наша».

Вот эти слова более чем подходят к Кулакову. Сумасшедшая, какая-то, если вспомнить Льва Гумилева, пассионарная страсть вела его по жизни. Возрождение Хмелиты, память о великих людях Смоленской земли определили его судьбу.

У него было много наград. И орден Почета, и орден Дружбы, и орден Сергия Радонежского от Православной церкви, и звание почетного гражданина Вязьмы. Но главной наградой было признание сотен достойнейших людей нашего времени и миллионов тех, кто посетил за эти годы Хмелиту.

«Я – человек исторический», – сказал он мне однажды совершенно серьезно. «Вообще я счастливый человек. Я жил для Отечества», – говорил Кулаков в одном из интервью. И в этом не было никакого пафоса.

Виктор Евгеньевич сыграл гигантскую роль в нашей культуре, потому что Хмелита явила пример невероятных возможностей возрождения, не считите за громкие слова, наших духовных основ. И эта сказка, которую он сотворил, дала пример и надежду очень многим. Тем, кто бьется за подлинную, настоящую культуру.

Мне хотелось бы еще раз прикоснуться к этой удивительной жизни. Вспомнить, каким он был, что любил, а что ненавидел. Потому что его жизнь – как факел. Как маяк, который всегда будет показывать дорогу.

* * *

Я познакомился с ним еще во времена Советского фонда культуры. Созданный как знак перемен перестройки, символ новой свободы в творчестве и идеологии, фонд собрал лучшие культурные силы тогда еще существовавшего СССР. И, конечно, Виктор Евгеньевич с его бешеной, страстной натурой подвижника не мог быть в стороне от всего происходящего.

Он удивительно умел заряжать людей. Вообще в Викторе Евгеньевиче было что-то магнетическое. Он ни о чем не мог говорить спокойно. И «зажигал» любого, с кем разговаривал.

И вот в этой поистине сумасшедшей энергии и невероятной убежденности в значимости своего дела, наверное, и был заложен секрет его необыкновенной жизни.

Причем он совершенно не стеснялся ни чинов, ни званий. На любое возражение взрывался с ходу, яростно. Срывался на крик, ненормативная, как сейчас любят говорить, лексика, сопровождала его речь непрерывно. Перебивал чиновников самого высокого ранга, и все ему прощалось. Потому что настолько мощный заряд шел от него. И потому что даже самый закоренелый бюрократ сквозь все идеологические догмы тех времен знал, что надо возрождать память о прошлом. И что именно такие как Виктор Евгеньевич и составляют соль земли. И не останутся ни перед какими преградами.

Его верная спутница жизни Валентина Борисовна, подарившая Виктору Евгеньевичу четверых детей, говорит, что такое стремление биться за правду было у Кулакова еще с 425-й московской школы на Большой Семеновской, где они познакомились. А вообще будущего великого реставратора выгоняли из школ за неуемность характера 12 раз. Он терзал учителей своими вопросами и порой доводил их до белого каления страстью к выяснению истины. Пастернаковское «дойти до самой сути» относилось к нему больше, чем к кому-либо другому.

Виктор Евгеньевич был ребенком войны. Он родился 8 июня 1944 г. в Андижане, где его родители были в эвакуации. Назвали его в честь брата матери Виктора, погибшего в 1942 г.

Интересно, что отец Кулакова, Евгений Николаевич, был совершенно другим. Спокойным, взвешенным. Но обаянием также обладал невероятным. Работал в Министерстве, замом по хозяйству в московском НИИ, был лектором общества «Знание». Те, кто жил в советские времена, помнят, какое порой раздражение вызывали эти обязательные лекции у граждан, особенно после работы. Так вот Евгений Николаевич умудрялся завоевывать аудиторию даже в таких обстоятельствах. И не раз его авторитет спасал сына от того, чтобы непоседливого ученика в очередной раз выгнали из школы.

Мать, Ираида Генриховна, трудилась в химической отрасли. Ее отец за подвиги во время Русско-японской войны получил Георгиевский крест из рук императрицы. Конечно, была немецкая кровь. И это ей доставило немало хлопот в жизни. Так, во время войны ее выгнали с работы и лишили продовольственной карточки, когда она была с ребенком на руках. Вообще советская эпоха круто прокатилась по ней. Первого мужа, военного летчика, арестовали по доносу в 1937 г., сама она чудом избежала той же участи.

Виктор Евгеньевич иногда вспоминал о ее происхождении. «Я немец, – сказал однажды мне, – и поэтому никуда не опаздываю и очень аккуратен в делах». Я не выдержал и улыбнулся. Слишком мало это совпадало с той непрерывной бурей, которую он создавал каждую минуту. «Чего ты, – разозлился он. – Если я что-то делаю, то всегда довожу до конца». Тут возразить было нечего.

После школы был автодорожный техникум, позволявший получить более чем престижную специальность. Однако страсть Виктора

Евгеньевича ко всему запретному и полузапретному, к истории и разрушенным церквям привела его сначала на Соловки, которые произвели на него впечатление просто оглушительное, а затем в Болдин монастырь на Смоленской земле. И произошла решающая встреча – с Петром Дмитриевичем Барановским.

Странно, что Петру Дмитриевичу до сих пор нигде не поставили памятник. Именно он возразил Сталину против сноса храма Василия Блаженного, он накануне взрывов обмерял Казанский собор на Красной площади и Чудов монастырь, поплатившись за это лагерями. Именно благодаря Петру Дмитриевичу сегодня существуют Музей Андрея Рублева и Коломенское, церковь Симеона Столпника и десятки других памятников архитектуры. Этот человек сыграл огромную роль в нашей истории. Да и, не считите за пафос, вообще в мировой культуре.

Глаз у великого реставратора был поразительный. К безмерному сожалению ушедший замечательный исторический публицист Сергей Разгонов в своей книге «Вечера на хуторе близ Хмелиты» сравнил Барановского с крестьянами, которые на Руси искали места, откуда может бить вода. Повинуясь только одним им ведомому знанию или инстинкту, они начинали копать там, где впоследствии возникал колодец. Так и Барановский. За наглухо замурованной стеной он мог увидеть старинную кладку или резьбу. Именно так было с Английским посольским двором, одним из древнейших зданий на Варварке, которое собирались сносить.

И вот этим своим немислимым чутьем Петр Дмитриевич и разглядел в Кулакове будущего спасителя Хмелиты и одного из лучших продолжателей своего великого дела. Произошло это в Болдине монастыре на Смоленской земле.

Сам Барановский был сыном Смоленщины, родился в селе Шуйское Вяземского уезда. Впоследствии Виктор Евгеньевич открыл там мемориальную доску своему учителю. Смоленские памятники архитектуры особенно привлекали великого мастера. Именно поэтому он столько сил отдавал Свято-Троицкому Болдину монастырю. А в Вязьме Барановский бился за красавицу трехшатровую церковь Одигитрии.

Год 1966-й многое определил в судьбе Кулакова. Он сыграл свадьбу со своей одноклассницей Валентиной Харченко, вместе с которой прошел всю жизнь.

Однажды летом того же 1966 г., когда Барановский в очередной раз появился в Болдине монастыре вместе со своим верным помощником Александром Пономаревым, туда приехал и Виктор Кулаков.

Недавно скончавшийся Александр Михайлович Пономарев, известный реставратор, архитектор, краевед и писатель, был другом Кулакова еще с детского сада. По образованию инженер-энергетик, он, как и его друг, очень любил историю и часто приходил на Крутицкое подворье – еще одно место битвы Барановского за русскую старину. Там великий реставратор стал одним из организаторов клуба «Родина» – абсолютно немислимых для того времени собраний, где свободно обсуждалась тема утраты памятников «проклятого» прошлого. И Пономарев прикипел к Барановскому всей душой.

У стен древнего монастыря и произошла эта историческая встреча. Потом они поехали в Хмелиту.

Барановский уже тогда начинал борьбу за усадьбу. Используя имя Грибоедова, он старался любыми способами привлечь туристов и общественность к развалинам Хмелиты, рассказать о погибавшем замечательном памятнике русской культуры. Вот что Петр Дмитриевич писал местному историку Борисову:

С этой запиской приедут к Вам группы туристов из Москвы, чтобы ознакомиться со стариною Вязьмы. Просьба к Вам показать музей и архитектурные ценности Вязьмы, затем они поедут в Хмелиту. Будет, я полагаю, полезно, чтобы они сразу написали впечатления и острую критику на бездействие тех органов, которые никак не отвечают на наши сигналы и воззвания. Пусть напишут, что Вы обращались в научно-методический совет Министерства культуры СССР, откуда должны прислать архитектора, но он уже едет два года и никак не доедет.

То есть Барановский видел будущее Хмелиты. И нашел человека, которому он мог поручить возрождение усадьбы. Причем Виктор Евгеньевич мало того что был молод, так еще никакого отношения к реставрации и архитектуре не имел. Но Петр Дмитриевич ошибался очень редко.

Этот летний день 1966 г. стал для Кулакова Рубиконом. Как Шлиман, он решил найти свою Трою.

Однажды я спросил Кулакова, понял ли он, что этот день определил его жизнь. «Да иди ты», – отмахнулся он. Но своему учителю

оставался верен до конца дней. Провел несколько международных конференций, издавал книги, посвященные Петру Дмитриевичу.

Пушкин, как известно, сетовал, что Грибоедов не оставил записок. Его верный рыцарь Виктор Евгеньевич Кулаков тоже так и не написал воспоминаний, хотя очень многие просили его об этом, в том числе и Ваш покорный слуга. Но прав был Михаил Афанасьевич Булгаков, музей которого, к слову, Кулаков тоже очень хотел создать: «Рукописи не горят». Надя, дочь Виктора Евгеньевича, подхватившая знамя руководства музеем-заповедником, нашла и предоставила автору этих строк рукописную автобиографию своего отца. К сожалению, он довел ее только до конца 1960-х гг. И вот как он писал о встрече с Барановским:

В начале августа 1966 г. я собрался и, конечно, без билета, добрался на перекладных до станции Дорогобуж, ныне Сафоново. Там ранним утром сел в рейсовый автобус, и мы тронулись. Через час езды, подъехав к Болдину, я спросил старушку, где тут Болдин монастырь. Она на меня посмотрела как на прокаженного и что-то прошептала невнятно. Через некоторое время водитель прокричал Болдино. Выйдя из автобуса, я надеялся увидеть такой же ансамбль, как Соловки. Спустившись с косогора, увидел деревянную башню и фрагмент стены...

Встретил меня Саша Пономарев и представил Петру Дмитриевичу. П. Д. сидел на деревянном топчане, как всегда, в темной рубашке с галстуком и каком-то пиджаке, лицо было небритое, и на меня смотрели пытливые глаза из-под очков. Никогда не забуду этот взгляд... Мы все время общались, и тогда П. Д. сказал мне: «Виктор Евгеньевич, Вы прирожденный реставратор. Я устрою Вас в реставрационную мастерскую».

В своих записках Кулаков не упомянул о другом чуде этой встречи, но часто говорил об этом в интервью и во время своих бесчисленных встреч. «По нашей просьбе сколачивают длинную лестницу, ПДБ [так звали за глаза Петра Дмитриевича. – В. Л.] показывает, куда ее поставить, отбиваем штукатурку – и открывается единственный сохранившийся наличник Хмелитского дворца елизаветинского барокко. Вот это нюх, интуиция, знание, опыт и еще Бог знает что».

Этот легендарный наличник Кулаков вспоминал не один раз.

Меня всегда интересовало, планировал ли он такие огромные победы и результаты или, начав чем-то заниматься, просто впрягался во все с такой силой и мощью, что горизонты открывались сами собой. Вряд ли, конечно, в те времена видел будущие музеи и один из

лучших культурно-исторических центров России. Но просто слишком большого масштаба был этот удивительный человек.

Виктор Евгеньевич, уже будучи женат, с детьми, резко поменял жизнь и поступил в Мастерскую по реставрации памятников архитектуры Москвы, которую возглавлял знаменитый реставратор Владимир Яковлевич Либсон.

У Кулакова тогда не было профессионального образования, Институт живописи, ваяния и архитектуры им. И.Е. Репина в Ленинграде он закончил намного позже. Но была удивительная способность всем интересоваться, до всего допытываться. Он впитывал все как губка. Кроме того, общение с реставраторами, людьми высочайшей культуры, добавило к его невероятному таланту самородка еще более высокий вкус к книге, к искусству.

Вообще с ним бывало невероятно трудно. Он яростно срывался, если ему казалось, что что-то сделано не так, кто-нибудь ему мешает. Костерил чиновников всех уровней, а уж сколько вынесли его близкие, особенно верная Валентина Борисовна, просто невозможно представить. Направо и налево распекал своих сотрудников, но все понимали – сердце у него болело за дело. Но, что интересно, – он беспрестанно учился. Вбирал в себя все необычное, а особенно то, что ему было нужно для дела. И всегда восхищался работой других, если считал ее достойной. Помню, с каким восторгом говорил он о таланте печника, сложившего для его дома в Хмелите дивную печь. Или рассказывал о достижениях других реставраторов. Однажды я приехал к нему, когда он лежал в больнице на Россолимо. «Жаль, мой сосед по палате ушел, – встретил он меня. – Слушай, какой интересный мужик. Гидрограф. Такое говорил», – и с энтузиазмом стал что-то объяснять про проблемы рек.

А как вспоминал Кулаков про своего соседа Александра Байдакова. Байдак – называл он его. Этот простой колхозник, поразительно одаренный, не единожды раненный фронтовик, говорил жене, когда выпивал: «Кто ты есть? – Доярка! А я покоритель Европы». Виктор Евгеньевич все делал от души. И посмеяться любил тоже над этой и другими историями. Помню, как мы хохотали, когда свои незабываемые частушки читал нам Сергей Разгонов.

Однако Байдаков был не просто острый на слово крестьянин. В этом самоучке жил дар подлинного художника. Он писал на кле-

енках картины – зарисовки из народной жизни, какие-то сказочные пейзажи, неизвестно откуда являвшиеся ему. Если бы о нем знали искусствоведы, обязательно приписали бы его к школе примитивистов. Чем-то Байдаков напоминал загадочного костромского художника Ефима Честнякова, открытого другим близким другом Кулакова, неутомимым борцом за русское наследие Савелием Ямщиковым. Ныне наследие Александра Ананьевича Байдакова хранится в Смоленском музее.

Ах, как же я любил эти хмелитские утренние часы, когда просыпался в доме Кулакова после вечерних посиделок с хозяином и его гостями, которых всегда было полно. Что-то завораживающее было в этих продуваемых до горизонта смоленских полях, в могучей натуре хозяина. Он, словно магнит, манил к себе людей. Историков, краеведов, художников, актеров, музыкантов, которые охотно приезжали на Грибоедовские праздники. У него бывали все – от министра культуры до простых работяг. Потому что Виктор Евгеньевич всегда ценил в людях не положение, а то, что они смогли сделать.

Я брал с полки книгу – там их было множество, несколько тысяч, полки и шкафы расставлены по всему дому. Издания по архитектуре, литературоведению, русская и западная классика. Причем все книги читаны-перечитаны. Страницы загнуты, где-то подчеркнута. «Я, как человек много и тщательно читающий...», – однажды сказал он. Меня поразило это слово – тщательно. Помню, однажды за столом буквально заставил меня три раза подряд спеть песню Высоцкого «Смотрины» («Там у соседа пир горой...»). И слушал, слушал. «Большой, очень значительный русский поэт», – сказал он. И рассказал, как летел с Владимиром Семеновичем на самолете из Ленинграда. «Что он Вам говорил?», – допытывался я. Но ничего, кроме того, что тот пять раз за этот час выходил выкурить сигарету, Виктор Евгеньевич не сказал.

Но вернемся к нашему рассказу. Началась эта невероятная, феерическая работа. Кулаков мотался из Москвы в Вязьму, Смоленск и Хмелиту, врвался во все кабинеты, убеждал, указывал. Находил рабочих, занимался проектной документацией. И – как в сказке. Сначала возникла кровля, потом стены. По кусочкам собранного, чудом сохранившегося декора, на основе архивных документов, старых гравюр и фотографий собирался облик усадьбы.

Итак, вместо руин входящих встречали изумительные кафельные печи, резные зеркала до огромных потолков, белые с золотом двери, стены оделись в штоф. Невозможное становилось былью.

Кулаков проявил свои фантастические качества самородка. Возрождение Хмелиты – это не просто строительство дома в стиле старой усадьбы. Это была ювелирная реставрация. Архитектурный силуэт дворца, фасад были воссозданы по сохранившимся фрагментам. Однако некоторые архитектурные особенности главного дома, и прежде всего фантастическая овальная парковая лестница, перед которой замирает любой, кто хоть раз ее увидит, были рождены прежде всего неистовым воображением Виктора Евгеньевича и одновременно невероятным знанием истории архитектуры и усадеб тех времен. Он буквально с головой погрузился в прошлое и решил, что только так и должно быть.

Удивительная покраска усадьбы и флигелей в бирюзовый цвет также была исторически обоснована благодаря найденным свидетельствам прошлого. И вот это сочетание досконального владения темой и в то же время таланта импровизатора, художника дало такой поразительный результат.

В 1970 г. Кулаков, уже тогда ведущий архитектор проекта реставрации, добился первого фундаментального, серьезного государственного успеха – Хмелита получила статус памятника федерального значения и была взята на государственную охрану.

Но все шло в беспрестанной войне. С чиновниками, с теми людьми, которые не понимали, зачем все это нужно. И в то же время Виктор Евгеньевич был настоящим лидером. Его поддерживали очень многие. И трудно было нормальному человеку не восхищаться этой невероятной натурой и его борьбой за подлинное святое дело.

Здесь пришлось схватиться с руководством совхоза «Хмелитский». Они все время пытались что-то выстроить на территории будущего заповедника, одно время вообще не понимали, зачем нужен музей. Лучше – усадьба для совхозного клуба. Или, как в свое время рассказывал Виктору Евгеньевичу Барановский, чиновники от культуры нередко любили задавать ему подобные вопросы: «Зачем Вам столько памятников? Чем меньше их будет, тем легче охранять».

Настало время создания Музея Александра Сергеевича Грибоедова.

Надо сказать, что вообще это было дело немислимой трудности. Невероятной. У Грибоедова толком не было собственного дома. Он почти всю жизнь провел в дороге. «Досугу не имею ни одну секунду, – писал он своему верному другу Степану Бегичеву. – Одно спасение – это из постели на лошадь и в поле». «Прощай, мой друг: сейчас опять в дорогу, и от этого одного беспрестанного противовольного движения в коляске можно с ума сойти». В другом письме Александр Сергеевич признавался, что все имущество его – «очки да чернильница». Из Петербурга в Тифлис, опять в Петербург, в Тегеран – из этих дорог складывались годы.

Словом, проблемы для создания музея и в Москве, и в Питере. А что говорить про Хмелиту, затерянную среди смоленских полей. Как туда затащить не только экспонаты, но и специалистов!

Создатель Литературного музея А.С. Пушкина в Москве на Пречистенке Александр Зиновьевич Крейн, с которым мне довелось общаться, говорил, что его музей начинался даже не с нулевой стадии, а с далекой отрицательной отметки. Это в столице! А еще раз повторим – за столько верст?

В общем – задача абсолютно фантастическая. Но только не для Кулакова. И он продолжил свою сумасшедшую деятельность. Закупал экспонаты будущего музея у букинистов, частных лиц, что-то дарили коллекционеры. И снова, как в сказке, стала собираться коллекция портретов Грибоедова и людей его времени, гравюры, литографии. Многочисленные виды Москвы, Кавказа, Персии, сотни редких книг и журналов той эпохи, скульптура, английские часы, которые были у каждого уважающего себя помещика, мебель. Многочисленные предметы быта. И вроде бы возникла возможность создавать, как говорят профессионалы, типологический музей. То есть такой, где нет предметов, принадлежавших самому герою, а воссоздается обстановка его эпохи.

На замечания, что это все не принадлежало Грибоедову, Кулаков отвечал, что стены-то подлинные. Казалось, что-то, а аутентичных предметов Александра Сергеевича не обрести никогда.

Но это опять не про Виктора Евгеньевича! Немисливо, но он сумел раздобыть письменный рабочий стол Александра Сергеевича, рукописные списки «Горя от ума» 1820-х гг., бесценный экземпляр альманаха «Русская Талия», где Фаддей Булгарин впервые опубли-

ковал сцены из великой комедии, ее первое издание 1833 г. Словом, музей просто назревал.

Однако надо было превратить его в центр всесоюзного значения. И в неутомном воображении спасителя Хмелиты возникла новая мечта – организовать праздник, который бы мощно и ярко вошел в сознание. Причем не только смолян и специалистов, но и в сознание элиты высшего уровня.

И этот день настал! В самом начале 1986 г. состоялись Первые Грибоедовские чтения. В Вязьму и Хмелиту съехалось множество знаменитых и влиятельных гостей. Артисты Малого театра играли «Горе от ума», Никита Михалков рассказывал о подготовке к съемкам большого фильма о Грибоедове. Причем он хотел показать прежде всего государственного человека, патриота, пожертвовавшего жизнью ради блага Отечества. Съехались гости из Москвы, Еревана, Ленинграда, Смоленска. Огромную роль в организации научной составляющей сыграл верный соратник Виктора Евгеньевича, один из самых авторитетных специалистов по пушкинской эпохе доктор филологических наук Сергей Александрович Фомичев.

Виктор Евгеньевич любил вспоминать одну историю, связанную с этим эпохальным в истории Хмелиты действием. После, естественно, большого застолья, когда автобус с гостями поздно ночью тронулся к Москве, раздался крик Кулакова: «Стойте! Чацкого забыли». Мороз, Виктор Евгеньевич в майке стучит в стекло. Оказалось, захмелевший исполнитель роли Чацкого мирно заснул за печкой.

А вообще, если говорить серьезно, Кулаков придавал огромное значение научной деятельности музея. Научные конференции, издание докладов и научных разработок, выпуск «Хмелитского сборника» – все это вошло в историю культуры и науки.

Сколько раз, общаясь с яркими, интересными людьми, я корил себя за то, что не записал эти разговоры сразу, по свежим следам. Помню, выйдя от Дмитрия Сергеевича Лихачева в Комарово, я сел на пенек возле калитки и попытался записать свой разговор. Правда, получилось не очень. Но, в течении стольких лет и прекрасно понимая масштаб личности Виктора Евгеньевича, я часто пытался получить от этого замечательного человека то, что только он мог дать, – бесценные суждения о людях и о главном деле его жизни.

Но в разговорах он все время срывался то на разоблачение каких-то чиновников, то на смешные истории. Драгоценные жемчужины воспоминаний или оценок были редки. «Пой», – говорил он мне. Я не помню, чтобы хоть раз приезжал к нему без гитары.

И все же, мне кажется, я хоть немного приблизился к его пониманию Грибоедова.

Ключом к этому, как и вообще ко всему, что связано с нашей культурой и историей, конечно, являются суждения Пушкина. Слова Пушкина из «Путешествия в Арзрум» о встрече на горной дороге повозки с телом Грибоедова настолько феноменальны своей мощью и силой, что каждый раз проходит мороз по коже, когда с ними соприкасаешься: «Рожденный с честолюбием, равным его дарованиям, долго был он опутан сетями мелочных нужд и неизвестности. Способности человека государственного остались без употребления; талант поэта не был признан; даже его холодная и беспримерная храбрость долгое время оставались без употребления...».

Помню, когда я был в Тбилиси, то, конечно, поднялся на холм Мтацминда, чтобы поклониться могиле Грибоедова. Вдруг разболелось колено, подниматься было тяжело, но я не представлял, что скажу Кулакову, если там не побываю. Соврать такому человеку как он было просто невозможно. Стоя у запертой решетки, за которой находится памятник, я позвонил Виктору Евгеньевичу. Тогда не было никаких вайберов и вотсапов, но мысль о том, что этот звонок будет стоить сумасшедших денег, даже не приходила мне в голову. «А чего, ограда заперта?» – спросил Кулаков. «Да», – ответил я. По-моему, все-таки он меня похвалил, что я туда добрался.

Когда-то, сто лет назад, один из бывших соратников Ленина, а впоследствии его противник Петр Бернгардович Струве, уже в эмиграции, выступал на грибоедовском вечере Белградского Союза русских писателей и журналистов. «Лицо и гений», – назвал он свой доклад. «Не как человек, а как патриот и деятель – а таковой всегда является творцом и всегда внушаем гением – Грибоедов был гораздо больше и сильнее, чем писатель». Вряд ли Виктор Евгеньевич мог согласиться с такой оценкой «Горя от ума», но что он преклонялся перед Грибоедовым как патриотом, пожертвовавшим собой ради России, – это могу сказать почти наверняка.

Ему не нравился роман Тынянова, наверное, из-за своей холодности, хотя я и не разделял такой оценки. Но он очень хотел, чтобы вся мощь дипломатической деятельности Грибоедова также вошла в плоть и кровь нашего духовного пространства, как и великая комедия. Вообще, мне кажется, в отношении к главному герою своей жизни у Виктора Евгеньевича было что-то личное, свое. Помню, когда по РТР шел многосерийный фильм о Грибоедове, он даже ни разу не взглянул на экран.

«Грибоедов в Персии был совершенно на свое месте, – он заменял там единым своим лицом двадцатитысячную армию... Он был бескорыстен и умел поработать умы если не одними дарованиями и преимуществами своего ума, то твердостью...», – так писал известный военачальник, дипломат и путешественник Николай Муравьев-Карский.

Виктор Евгеньевич очень переживал за все происходящее в России, крыл воров и жуликов, присосавшихся к власти, и, если я правильно помню, во время чеченской войны вспомнил гениальную фразу Грибоедова: «Борьба горной и лесной свободы с барабанным просвещением... Действовать страхом и щедротами можно только до времени: одно строжайшее правосудие мирит покоренные народы со знаменами победителей». Фраза, конечно, абсолютно невероятная по своей глубине.

В июне 1988 г. Хмелита приобрела статус музея-усадебны А.С. Грибоедова. Казалось, можно было почитать на лаврах и спокойно заниматься своим делом. Но слово *спокойно* совсем не подходило к хозяину Хмелиты. Он непрерывно мотался по полям своего заповедника, яростно требовал от своих сотрудников работы в библиотеках и архивах, примеривался к разрушенным стенам церквей в округе. Бился с попытками построить на заповедной земле дачи, создал парк и пруд, как это было в грибоедовские времена. И, конечно, не мог спокойно смотреть на разбитую церковь во имя иконы Казанской Божией Матери, стоящую возле хмелитского дворца.

Началась трудная реставрация, которая завершилась в январе 1992 г. торжественным благословением Митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла. Церковь снова стала церковью.

Но покоя не давали другие планы. И, кроме организации непрерывных потоков туристов, конференций, грибоедовских праздников,

он взялся за выполнение другой своей мечты – за создание Музея героя Крымской войны адмирала Павла Степановича Нахимова. Дело в том, что великий флотоводец родился в имении Городок, как раз между Вязьмой и Хмелитой. Но прежде чем перейти к этой странице славных дел Виктора Евгеньевича, вспомним еще одну историю, совершенно фантастическую для тех времен.

Начнем издалека. Еще в 1974 г. Александр Исаевич Солженицын после своей насильственной высылки обратился к еще жившим представителям русской эмиграции с призывом писать воспоминания и присылать их ему. Он говорил, что это будет востребовано в новой России. Казалось, это было просто фантастикой и писатель оторвался от реальности. В те годы СССР и коммунистическая идеология воспринимались просто незыблемыми. Но пророки редко ошибаются, и через двадцать лет Солженицын с триумфом вернулся в Россию. А в скором времени коллекция присланных ему рукописей и архивов эмигрантов стала основой будущего Дома русского зарубежья на Таганке.

Так вот, еще во времена изгнания, во время приезда Солженицына в Лондон в гостиницу пришел старый эмигрант, уже долго живший в Англии, – Николай Владимирович Волков-Муромцев. Он предложил писателю рукопись своих воспоминаний. Наталия Дмитриевна Солженицына, присутствовавшая при разговоре, рассказывала мне, что рукопись совершенно не была готова к публикации и ей пришлось достаточно много над ней работать.

К нам вся эта история имеет более чем прямое отношение, потому что Волков-Муромцев был последним дореволюционным хозяином Хмелиты.

Солженицын не только опубликовал воспоминания Николая Владимировича Волкова-Муромцева, но и открыл этим изданием новую серию книг «Всероссийская мемуарная библиотека» с подзаголовком «Наше недавнее». Было это в 1983 г. Книга называлась «От Вязьмы до Феодосии. 1902–1920».

«Для страны, которая переживает (и, надеюсь, переживет) так затянувшуюся всемертвляющую коммунистическую диктатуру, одна из главных духовных целей – сохранение памяти о своем истинном прошлом, без чего нельзя восстановить самих себя духовно. Усилия коммунистических властей от первого дня их господства направлены были на уничтожение вещественных памятников, подлинных

исторических документов, личных свидетельств и особенно – самих носителей этой памяти. В таких условиях один из существенных способов сохранить связь с прошлым – собирать письменные воспоминания старых людей, независимо от того, досталась ли им в жизни заметная историческая роль или рядовая», – писал, предваряя книгу, Александр Исаевич.

Волков-Муромцев познал все ужасы российского «Красного колеса» революции и Гражданской войны. Его чуть не расстреляли в чекистской Москве, он едва уцелел на Смоленщине, когда бежал из своего имения. Дальше были Дон, Белая армия, эмиграция. Но он сумел окончить в Великобритании географический факультет Кембриджского университета, работал инженером, воевал против Гитлера. Потом обзавелся фермой, вел хозяйство. И вдруг в 1986 г. получает письмо от Кулакова. Старик долго не мог прийти в себя – его Хмелита жива!

Сам Виктор Евгеньевич вспоминал, что был совершенно потрясен этой книгой. Начало воспоминаний Волкова-Муромцева касалось именно Хмелиты. Вообще-то знакомство с мемуарами происходило в самом начале перестройки, и за книгу с предисловием Солженицына можно было получить реальный срок. Но, как уже не раз говорилось, Кулакова ничего не могло остановить.

Виктор Евгеньевич тогда работал в Союзреставрации, и одним из его коллег был внук великого поэта Борис Евгеньевич Пастернак. У него были родственники в Англии, и он сумел найти адрес Волкова-Муромцева в городе Медстаун в графстве Кент. Кулаков выбил командировку на Туманный Альбион, и вскоре пред старым хозяином Хмелиты предстал новый.

Конечно, старик со слезами рассматривал фотографии, рассказывал, как и что было в усадьбе, но ехать в Россию категорически не хотел. Он честно сказал, что с него хватит опыта юных лет, когда он несколько месяцев провел в чекистской Бутырке. Однако эта встреча потянула за собой еще одну. Вот что вспоминал об этом сам Виктор Евгеньевич:

В доме у Н.В. Волкова на столе я увидел письмо, в конце которого стояла подпись «Дима». Я понял, что это письмо его младшего брата Владимира Владимировича Волкова, который всегда называл себя Димой. Однако Н.В. Волков за два дня наших бесконечных разговоров ни

словом не обмолвился о том, что его брат жив. У меня мелькнула мысль – отыскать его и поговорить с ним. Через г-на Дэвиса, директора Русского архива в Лидсе, я нашел телефон и адрес Волкова в Стокгольме.

Разговор был фантастический для меня и совершенно неожиданный для Владимира Владимировича, как привет с того света.

Нечего и говорить, что Кулаков через Союз архитекторов сумел организовать приезд Волкова-Муромцева. Тот плакал, войдя в имение, а потом на старом, почти разрушенном местном кладбище. К застолью Виктор Евгеньевич пригласил местных старушек. И вот одна из них, древняя баба Марюта, возраст которой был загадкой для всех окружающих и для нее самой, вдруг выдала: «Владимир Владимирович, а я хорошо помню, когда ты родился и тебя крестили». И, как рассказывал Кулаков, «тут рафинированный русский дворянин падает перед Марютой на колени и начинает плакать и целовать ей руки».

Впоследствии история жизни хмелитского барина Волкова была опубликована в IV «Хмелитском сборнике», в котором увидела свет и книга корреспондента ИТАР-ТАСС в Стокгольме Николая Вуколова «Волков из рода Волковых».

Виктор Евгеньевич иногда рассказывал мне обо всем этом, Владимира Владимировича называл барином. Просто поразительно, как загорался Кулаков от любой возможности как-то расширить поле деятельности. Любая встреча, газетная заметка, цитата могли высечь искру. Современное слово *креативность* более чем подходило к нему. Причем его совершенно не пугал масштаб задач. После фантастического возрождения Хмелиты никто не удивлялся даже самым несбыточным мечтам.

Жаль, что так и не воплотились его идеи о создании в соседних Липицах музея-усадьбы замечательного мыслителя славянофила Алексея Степановича Хомякова. Виктор Евгеньевич добился благословения Алексия II, бомбил чиновников письмами. Причем что это значило? Ни свет ни заря садился в машину, летел две с половиной сотни километров до Москвы, чтобы передать очередное письмо в руки тому или другому важному лицу. И ведь сколько раз это срабатывало!

Также горькой потерей для всех нас стала, если вспомнить слово Ахматовой, «невстреча» с музеем великого Михаила Булгакова.

Гениальный писатель, как известно, работал врачом в Вязьме в роковом 1917 г., и Кулаков несколько раз подступался к созданию музея. Но не сложилось.

Зато очередным чудом стал музей адмирала Павла Степановича Нахимова. Великий флотоводец родился в селе Городок в семье отставного секунд-майора. Поразительно, что все четыре брата Нахимовы, рожденные в этой деревенской глуши, стали моряками, причем трое – адмиралами.

И вот эта сумасшедшая идея просто не давала Кулакову покоя. Он ходил в Белый дом, в штаб ВМФ, в Минобороны, в Минкультуры. Помогла надвигавшаяся дата 200-летнего юбилея со дня рождения бессмертного героя России. И все равно – Виктор Евгеньевич рассказывал, что открытие музея прошло буквально по лезвию ножа – обещанных денег в полном объеме так и не выделили. Но, как и в истории с Хмелитой, он добился своего.

Музей был сделан во флигеле XVIII в., как раз напротив усадьбы. Второй этаж превратился в подобие линейного корабля, остов которого занимал первый этаж. И словно по бортам по стенам были развешены гравюры и картины из жизни адмирала, которого так любили простые матросы. Потому что он никогда не кланялся пулям и главным для него была жизнь подчиненных.

Итак, 5 июля 2002 г. состоялось торжественное открытие нахимовского музея. Можно представить, чего это стоило Кулакову, но в Хмелиту приехали делегации всех флотов России – Северного, Балтийского, Тихоокеанского, Черноморского. Посетили Городок – место, где стояла усадьба Нахимовых, и оттуда будущие адмиралы уезжали в Санкт-Петербург, потом поехали в местечко Спас-Волжинское. Там когда-то была церковь, в которой крестили братьев Нахимовых. Сегодня от нее – один фундамент, восстановленный Виктором Евгеньевичем. Рядом с ним воздвигли огромный Поклонный крест.

Его веревками поднимали несколько здоровенных мужиков, и все-таки сил им не хватало. Директор Хмелиты кинулся с криком: «Православные, помогите!» Десятки рук матросов и офицеров подхватили и поставили крест.

И еще очень многим запомнилась речь митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла, ныне Святейшего Патриарха Москов-

ского и всея Руси. Очевидцы рассказывали, что мало когда слышали такую проникновенную и необыкновенно красивую русскую речь.

Вот как известный исторический писатель Юрий Владимирович Давыдов завершал свою повесть об адмирале Нахимове: «Нахимов служил России. Капитальным в натуре его было чувство чести и долга. Отсюда родилась и окрепла суровая самоотреченность. Отрешаясь от личного, он был Личностью. Так пушечное ядро, канув в пучину, вздымает над морем литой, сверкающий столп».

Именно этим, мне кажется, флотоходец и привлекал Кулакова. Как и Грибоедов, и генерал Лукин, командовавший под Вязьмой окруженными советскими частями страшной осенью 1941-го. Потому что патриотизм был для Виктора Евгеньевича не пустым словом. И сквозь все проклятия, которые он в разговорах сыпал на власти разных уровней, чувствовалась огромная боль за свою страну.

И, конечно, более чем кто-либо другой, Виктор Евгеньевич понимал, по какой земле он ходит. Эти поля Смоленщины просто нашпигованы остатками боеприпасов и человеческими костями. Там в октябре 1941 г. сотни тысяч советских солдат оказались в кольце немецких войск. Большинство из них погибло или было взято в плен. Часть сумела выйти из окружения, но... Главное – бесчисленными жертвами советские солдаты и офицеры сумели задержать наступление на Москву.

Об этой, как говорилось в военной науке, Вяземско-Брянской операции, долгие годы не принято было писать. Начало войны, огромная трагедия нашего народа замалчивалась, царствовала полуправда. Но Кулаков все равно бил в набат.

Ему было мало того, что он еще и еще раз привлек внимание к святой странице истории Великой Отечественной войны. Надо было найти особую интонацию этого мемориала, пронзительную. Как на Пискаревском кладбище.

Больше двадцати лет назад на Богородицком поле была поставлена стела в память бойцов 2-й дивизии народного ополчения г. Москвы и моряков 200-го морского арtdивизиона. Но Кулаков продолжал добиваться своего, другого решения. И такой день наступил. В черную дату, 22 июня, в 2009 г. был открыт «Мемориал Памяти воинов Западного и Резервного фронтов “Богородицкое поле”».

Алея памяти. Ряд черных гранитных плит. Надписи: 16, 19, 20, 24, 32 армии. Рядом – одноименный музей с экспозициями советских и трофейных, как говорят историки, артефактов. Карты, осколки, оружие. Солдатские письма. Здесь проходят перезахоронения найденных останков воинов Красной Армии.

Особенно привлекала Кулакова фигура командующего советскими войсками в «Вяземском котле» генерала Михаила Федоровича Лукина, который в этой адской бойне сумел организовать достойное сопротивление и все-таки вывести часть соединений из окружения. Во время боев он был ранен и попал в плен, а в процессе лечения Михаилу Федоровичу ампутировали ногу. Немцы рассчитывали получить его в свои ряды, есть даже сведения о том, что сам Власов приезжал к нему и уговаривал стать знаменем сопротивления большевизму, но генерал не пошел на предательство. Лукин сумел выжить и, что удивляло многих, после возвращения на Родину избежал лагерей, хотя и прошел долгую проверку. Кулаков встречался с его дочерью, проводил конференции, выставки, посвященные великой трагедии осени первого года войны.

В 2018 г. Виктор Евгеньевич оставил свой пост. Ему было очень трудно, но, как настоящий капитан, он передал корабль наиболее достойному преемнику. Это дочь Надя, получившая европейское музейное образование. Кулаков очень переживал, ждал решения из Министерства культуры, доказывал, что династия – это продолжение подлинных русских традиций. Приводил в пример замечательную историю Поленова, которым сегодня руководит правнучка великого художника. И, как всегда, вышел победителем.

Он был борец, настоящий, какой-то былинный богатырь. Его не согнула даже смерть старшего сына Димы, разбившегося на машине. Помню, он приехал в Фонд культуры через две недели после трагедии абсолютно черный. Но на все соболезнования махнул рукой: «Хватит. Дел невпроворот».

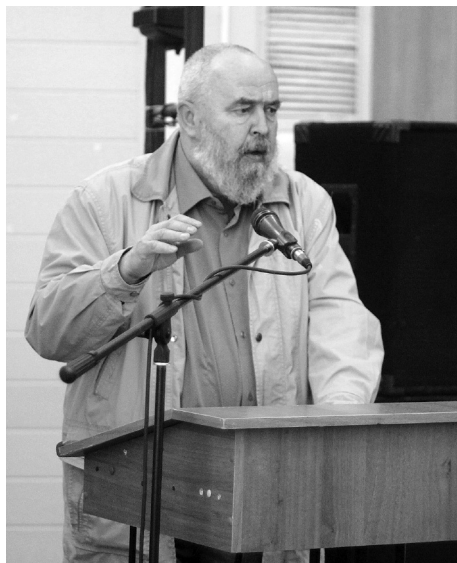
Последние полтора года я видел его редко. 16 июля 2019 г. Виктора Евгеньевича не стало. Он просто вышел на полчаса в свою комнату отдохнуть.

На похоронах вспомнилось его шестидесятилетие и великолепный обед в парадном зале Хмелиты. Виктор Евгеньевич сидел за столом рядом с Валентиной Борисовной и губернатором и морщил-

ся, слушая высокие слова. Я был рядом с Александром Ивановичем Шкурко, многолетним директором Исторического музея, а до этого долго работавшим заместителем министра культуры. Кулаков очень его ценил. Немногословный Александр Иванович часто выручал неугомонного спасителя Хмелиты. «А Вы будете говорить тост?», – спросил я его. «Зачем, – ответил он. – Это же Кулаков. Все и так понятно».

Есть люди, которых называют солью земли. Которые создают, а не потребляют жизнь. Виктор Евгеньевич Кулаков был именно таким. Тем праведником, о которых писал Солженицын. Без которых не стоит ни село, ни вся земля наша.

Виктор Леонидов

ПАМЯТИ ВЯЧЕСЛАВА АНАТОЛЬЕВИЧА КОШЕЛЕВА (1950–2020)

В историю отечественной филологии Вячеслав Анатольевич Кошелев вошел как признанный специалист по золотому веку русской литературы. Однако его внушительное научное наследие, что отмечено коллегами, отличается более широким – и именным, и тематическим – диапазоном: «от Ломоносова до Башлачева»¹.

В «послужном списке» В.А. Кошелева 24 монографии и более 600 научных статей, а кроме того – внушительный ряд подготовленных им к изданию отдельных книг и собраний сочинений русских литературных деятелей: М.М. Хераскова, К.Н. Батюшкова, О.И. Сенковского, А.А. Фета, К.С. Аксакова, И. Северянина...²

¹ Кулагин А.В. Вячеслав Анатольевич Кошелев – пушкинист // Временник Пушкинской комиссии. 2023. Вып. 37. С. 223.

² См.: Опубликованные научные труды В.А. Кошелева // Чужое: мое сокровище!: Сб. статей памяти В.А. Кошелева. Великий Новгород: Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, 2022. С. 402–457.

Трудовая биография профессора В.А. Кошелева прежде всего связана с вузами трех российских городов – Череповца, Великого Новгорода, Арзамаса, и вместе с тем требует сосредоточенного подсчета количества научных локусов ученого, что определяются местами проведения различных конференций, в которых он принимал деятельное участие. Среди них были у Вячеслава Анатольевича, конечно же, и любимые, куда он приезжал неоднократно, каждый раз находя для себя круг единомышленников, в докладах и сообщениях которых воплощались свежие, оригинальные идеи, формировавшие авторитет и вес научным собраниям. И одним из таких мест для В.А. Кошелева была грибоедовская Хмелита.

Вячеслав Анатольевич стоял у истоков серийного научного издания, посвященного проблемам творчества и биографии А.С. Грибоедова. С первого Хмелитского сборника 1998 г., составленного по материалам юбилейной конференции 1995 г., он на протяжении многих лет выступал одним из редакторов и составителей Хмелитских сборников. Он всесильно способствовал научному осмыслению феномена Грибоедова, при поразительной разносторонности научных интересов, всегда находя возможность участвовать в посвященных Грибоедову чтениях, конференциях и научных изданиях.

На протяжении десятилетий в самых разных исследовательских контекстах обращаясь к Грибоедову, Вячеслав Анатольевич выпустил более двух десятков статей, в том числе в Хмелитских сборниках разных лет вышли его статьи «Злоупотребление словом ‘идея’: “грибоедовская” статья Афанасия Фета», «Откуда взялся рыцарь Грибоедов?», «Слушал Чацкого, но только один раз...»: Исторические перипетии бытования частного мнения», «Драматическая жилка” в русской лирике: Грибоедов и Пушкин», «Литературный дебют Грибоедова», «Чего тебе надобно, старче?»: О возрасте русского литературного героя», «Вечные образы: “Репетилов в деревне”» и др. Наиболее полный список научных работ В.А. Кошелева, посвященных жизни и творчеству Грибоедова, составил и опубликовал А.В. Кошелев¹.

Последняя подготовленная Вячеславом Анатольевичем монография, которая вышла уже после смерти ученого, также посвящена автору «Горя от ума» – «Грибоедов в “предлагаемых обстоятель-

¹ Кошелев В.А. Меткий наблюдатель невозможного... // Культура и текст. 2021. № 3(46). С. 80–92.

ствах» (СПб., 2020). Под обложкой, на которой воспроизведены портрет Грибоедова с гравюры Н. Уткина и изображение усадьбы «Хмелита», собраны материалы разных лет о художественном наследии Грибоедова, а также внимательные наблюдения Вячеслава Анатольевича как за персонажами «Горя от ума», так и за самим драматургом. Думается, И. Булкина, предложившая развернутое обозрение этого издания¹, в полной мере сформулировала значение, которая эта книга имеет для грибоедоведов и всех филологов:

...этот посмертный «грибоедовский» сборник в содержательном смысле оказывается тем «целым», что больше простой суммы статей, а «предлагаемые» автором «обстоятельства» помогают понять Грибоедова не только как первого русского театрального писателя и «лидера театральной словесности своего времени», но и как «особенного культурного героя русской нации» <...>, выстраивающего собственную культурную и политическую философию в диалоге с литературой своего времени².

Исследователи, хорошо знакомые с научным творчеством В.А. Кошелева, вероятно, обращали внимание на то, что в заголовках публикаций ученого нередко присутствуют слова «миф» («мифология») и «парадокс»³. Автор мемориальной статьи о Вячеславе Анатольевиче, профессор А.В. Кулагин, размышляя о функциональной роли и семантике слова «миф» в научном дискурсе Кошелева, приходил к выводу о том, что оно чаще всего является знаком «обращения» ключевых фигур русской классики «всевозможными клише – и читательскими, и литературоведческими»⁴. Мифам подобного рода В.А. Кошелев противопоставлял свои «парадоксы», в основе которых неожиданные, неординарные прочтения классических произведений. При этом ученый всегда придерживался проверенных источников и исторически обусловленных, а не вымышленных обстоятельств,

¹ Булкина И. Грибоедов как культурный герой (Рец. на кн.: Кошелев В.А. Грибоедов в «предлагаемых обстоятельствах». СПб., 2020) // Новое литературное обозрение. 2021. № 2 (168). С. 323–325.

² Там же. С. 325.

³ См., например: Кошелев В.А. Онегинский «миф» в прозе Чехова // Чеховиана: Чехов и Пушкин. М.: Наука, 1998. С. 147–154; Кошелев В.А. Афанасий Фет. Преодоление мифов. Курск: Курский гос. ун-т, 2006. 336 с.; Кошелев В.А. Парадоксы русской государственности: монография. Великий Новгород: НовГУ, 2013. 294 с.; Кошелев В.А. Парадоксы Хомякова: заметки и наблюдения. М.: Индрик, 2004. 213 с.

⁴ Кулагин А.В. Вячеслав Анатольевич Кошелев – пушкинист. С. 232.

апеллируя к внутритекстовым, межтекстовым, затекстовым связям литературных творений (здесь полновесно и проявляло себя великое множество обжитых В.А. Кошелевым «творческих территорий»). Так и возникали в исследовательских сюжетах Вячеслава Анатольевича, к примеру, Чацкий как герой ««приснившегося» мира» и Молчалин «с двумя своим симпатичными “талантами”, умеренностью и аккуратностью, – симпатичными на все времена»¹. Как замечает профессор Д.Б. Терешкина, ««Не всё так просто», – часто писал В.А. Кошелев о выводах исследователей-предшественников и приводил новые факты, предлагал новые, часто совершенно неожиданные интерпретации; усложняя, таким образом, подходы к той или иной проблеме, В.А. Кошелев вдруг подводил к простому и ясному выводу – и трудно было не согласиться с ним»². Разумеется, появление таких интерпретаций влекло за собой рождение насыщенного научного диалога, в котором и приветственные, и оппонирующие точки зрения обладали одной несомненной ценностью – становились залогом плодотворного развития филологической мысли.

Памяти Вячеслава Анатольевича с 16 июля 2020 г. по настоящее время посвящаются многочисленные публикации российских и зарубежных филологов, его коллег, учеников, близких и друзей.

Хмелита и те, кого она объединила вокруг себя, также глубоко скорбят о безвременном уходе Вячеслава Анатольевича Кошелева.

Е.В. Аблогина et al.

¹ Кошелев В.А. Грибоедов в «предлагаемых обстоятельствах» / ИРЛИ РАН. СПб.: Росток, 2020. С. 206, 230.

² Терешкина Д.Б. Вячеслав Анатольевич Кошелев: о спетом и сказанном // Чужое: мое сокровище! : Сб. статей памяти В.А. Кошелева. Великий Новгород: Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, 2022. С. 400.

ПАМЯТИ МЭРИ ХОБСОН (1926–2020)

Русский язык открыл для меня целый новый мир.
Новых друзей, новый взгляд на окружающие меня вещи.
Для меня это самое потрясающее, что случилось в моей жизни¹.

Мэри Хобсон – та самая невероятная англичанка, которая начала изучать русский язык в 56 лет, а в 62 поступила на факультет славянских и восточноевропейских исследований Лондонского университета, защитила диссертацию в 74 и занялась переводами русской классики – благодаря ее переводам Грибоедов и Пушкин стали доступнее современным англичанам и всему англоязычному миру.

¹ 91-летняя британка Мэри Хобсон изменила свою жизнь, занявшись переводами русской классики // Культурология.Ру. Ежедневный интернет-журнал. URL: <https://kulturologia.ru/blogs/240318/38333> (дата обращения: 02.03.2023).

За перевод «Горя от ума» Мэри Хобсон присудили Золотую медаль имени А.С. Пушкина и премию «Подвижник» фонда «Новое тысячелетие», а Ассоциация переводчиков и специальная комиссия Оксфордского университета признала ее перевод лучшим англоязычным переводом Грибоедовской комедии. О ней неоднократно восхищенно писала британская и российская пресса, популярнейший оксфордский учебник английского языка на своих страницах ставил ее в пример своим ученикам как живое доказательство того, что изучение иностранного языка может перевернуть всю жизнь.

Биография Мэри Хобсон вряд ли сможет кого-то оставить равнодушным: огромное горе, но и огромная жизнеутверждающая сила, потрясающая работоспособность и безусловный талант. Осталось немало научных и публицистических статей, свидетельствующих о том, как Мэри Хобсон много лет подряд приезжала в Россию, подолгу жила в России, обрела настоящих русских друзей, путешествовала по Сибири, участвовала в научных мероприятиях, посвященных Пушкину, Грибоедову¹ и проблемам перевода... У Мэри Хобсон часто брали интервью; одно из последних вышло на русском языке пять лет назад². Очень трогательные воспоминания о Мэри Хобсон опубликовала И.В. Ковалева³.

* * *

Моя история с Грибоедовым началась с того,
что однажды кто-то мне сказал:
«Есть блестящая комедия Грибоедова в стихах.
Но ее совершенно невозможно перевести»⁴.

¹ Одна из статей М. Хобсон о Грибоедове вышла в Хмелитском сборнике (вып. 10).

² Радова Д. Как начать учить русский в 56 лет и защитить докторскую в 74: рассказывает 91-летняя писательница Мэри Хобсон // ZIMA Magazine. URL: <https://zimamagazine.com/2018/04/meri-hobson/> (дата обращения: 02.03.2023).

³ Ковалева И. Два мира – две судьбы: Мэри Хобсон и Марина Литвинова // Переводчик: научно-художественный журнал / под. ред. О.В. Стельмак. Чита: ЗабГУ, 2021. Вып. 21. С. 178–190.

⁴ Цит. по: Радова Д. Как начать учить русский в 56 лет...

...когда я над текстом работала,
Грибоедова никто здесь не знал.
Даже для диссертации мне во вступлении
пришлось объяснять, кто он¹.

Удивительный опыт Мэри Хобсон, сочетавший исследовательскую и переводческую практику, связан с многолетним погружением в обстоятельства жизни и творчества Грибоедова.

В 1988 г. в возрасте 62 лет она поступила на факультет славянских и восточноевропейских исследований Лондонского университета, где начала изучать русский язык и литературу, а затем в аспирантуре вплотную занялась изучением Грибоедова. В 1995 г. она осуществила перевод «Горя от ума» – в Лондоне он вышел под названием “Too Clever for Comfort, or The Misfortunes of a Thinking Man”². В середине 1990-х гг. Мэри Хобсон посетила один из грибоедовских праздников в Хмелите. В 2000 г. закончила диссертацию «“Горе от ума” Грибоедова в контексте его жизни и других сочинений», а пять лет спустя опубликовала новый вариант перевода комедии – “Woe from Wit, or The Misfortunes of a Thinking man”, снабженный подробнейшим комментарием с библиографией и иллюстрациями. Первостепенная важность комментария постулировалась уже в заглавии издания «“Горе от ума” Александра Грибоедова:

¹ Там же.

² Приведем здесь комментарий самой переводчицы: «Сначала я перевела название так <...> – “Слишком умный, чтобы жить спокойно, или Терзания мыслящего человека”. Вышло точно, но длинно, поэтому во второй редакции пришлось вернуться к выражению “Woe from Wit” – под ним комедия уже переводилась раньше, английский читатель успел к нему привыкнуть, но его нельзя считать адекватным. Согласитесь, что “Горе от остроумия” – совсем не то же самое, что “Горе от ума”! Значение “остроумие” за словом “wit” закрепилось в сознании английских читателей в связи с творчеством Шеридана, Конгрива и Уайльда, которые вывели на сцену целую плеяду героев-остроумцев. В рамках этой литературной традиции под “людьми ума”, “остроумцами” стали подразумевать тех, кто стремится выделиться и отличаться, кому претит практическая деятельность, кто одержим тщеславием, нетерпим к порицанию, жаден до славы. Это франты и весельчаки, соревнующиеся в проделках, в игре утонченного интеллекта, в изобретении новомодных словечек, чтобы издеваться над тупицами. отождествлять Чацкого с лондонским денди или уайльдовским остроумцем было бы неправильно, но именно такая ассоциация рождается у англичан, что, несомненно, обедняет характер главного героя» (Цит. по: Ковалева И. Два мира – две судьбы. С. 185).

комментарий и перевод», которое вышло в Великобритании и США. Обширнейший комментарий, помещенный в девяти главах, историческая справка и биографические сведения, сообщаемые в книге, сделали ее солидным филологическим трудом и незаменимым посредником для всех англоязычных читателей, желающих познакомиться с русским драматургом. Академическую значимость издания отметила американская критика: «Не говорящие по-русски могут найти здесь почти все, что они хотят знать о Грибоедове, собранное в одном томе. Хотя Хобсон и ссылается на источники на английском языке, она в основном опирается на русскую критику – это находка для не говорящих по-русски и студентов старших курсов»¹.

Однако не менее ценно, что для Хобсон перевод Грибоедова на английский язык не ограничился его главной комедией, что является общей практикой (известные нам исключения немногочисленны: на болгарский язык переведена комедия «Студент», на чешский – комедия «Своя семья, или Замужняя невеста», в немецкой антологии о декабристах издан перевод стихотворения «Освобожденный»). Хобсон первой перевела путевые заметки и письма Грибоедова – они вышли отдельным изданием в 2017 г. и впервые стали доступны широкому кругу читателей и исследователей, не владеющих русским языком.

Немаловажным в популяризации перевода видится также его издательская стратегия: перевод Хобсон сегодня не только самый читаемый и переиздаваемый перевод «Горя от ума», но и представленный в различных форматах. Отметим новейшие переиздания «Горе от ума» – “Woe from Wit” и «Путевых заметок и писем» – “The Travel Notes and Letters” в формате en-regard, осуществленные в Москве в 2017 г. Приведенные на одном книжном развороте текст оригинала, как канона, и перевода, как его трактовки и интерпретации, не претендующей на равноправие с подлинником, манифестируют абсолютную ценность оригинала.

Как уже отмечалось, созданный Хобсон перевод «Горя от ума» получил широкое международное признание. Его создательница была награждена Грибоедовской премией и Золотой медалью

¹ Rydel Ch.A. Mary Hobson. Aleksandr Griboedov's Woe from Wit: A Commentary and Translation. Studies in Slavic Languages and Literatures, vol. 25. Lewiston, NY: Edwin Mellen Press, 2005. [Review] // The Slavic and East European Journal. 2007. Vol. 5. No. 3. P. 625.

им. А.С. Пушкина, стала лауреатом международной премии «Подвижник» фонда «Новое тысячелетие» за выдающийся вклад в распространение русской литературы. Британский литературовед и переводчик Д. Рейфилд в своей рецензии на первое издание перевода Хобсон отметил: «Можно понять, почему эта версия была награждена в России Пушкинской медалью, ведь она отвечает российским критериям абсолютной верности смыслу и форме. Она чутко реагирует на все нюансы оригинала, на длину строк, на рифму Грибоедова»¹. Американский славист К.А. Райдел заключила, что «во многих отношениях перевод Хобсон является прекрасной адаптацией “Горя от ума”», а кроме того, по ее наблюдениям, является самым читаемым из поэтических переводов комедии². Множественные, по праву восторженные и благодарные отзывы о переводе принадлежат российским филологам и переводоведам. Не иссякают попытки научного осмысления стратегии Хобсон по преодолению практической непереводимости комедии Грибоедова.

Описывая свою работу над «Горем от ума» и собственно свой переводческий метод, Хобсон постулирует отсутствие в английском языке точных эквивалентов даже для самых простых русских слов. При этом она исповедует принцип максимальной верности оригиналу: сохранить в переводе не только смысл, но и дух сочинения, переданный через рифму, ритм, музыку оригинала. Именно желание преодолеть непереводимость оригинала и при этом стремление максимально глубоко его понять стали исходной установкой: «Настоящим бенефициаром любого перевода является переводчик. Нет лучшего способа оценить произведение, проникнуть в его суть, высосать сок из каждой без исключения строки, чем пытаться перевести его»³.

Пожалуй, не менее чем сам перевод «Горя от ума» ценно для всех практикующих переводчиков и преподавателей этого «высокого искусства» детальное и зримое описание техники взаимодействия с гри-

¹ Rayfield D. Of Aleksandr Griboedov's "Woe from Wit": A Commentary and Translation by Mary Hobson [Review] // The Slavonic and East European Review. 2007. Vol. 85. No. 1. P. 137–138.

² Rydel Ch.A. Mary Hobson. P. 626.

³ Hobson M. Translating Gore ot uma // Mary Hobson / William Hobson. URL: <https://drhobson.wordpress.com/category/uncategorized> (access date: 02.31.2023).

боедовским текстом, которое оставила Мэри Хобсон. Так, создавая свой перевод, она отталкивается от ритма и рифмы грибоедовской строки, ищет на английском фразу, соответствующую этому рисунку и звучащую естественно, затем подбирает лексическое наполнение, отвечающее оригинальному содержанию, а также строгим стилистическим и временным рамкам. Слова должны быть как употребляемы в современном английском языке, так и встречаться в искомом значении в романах Дж. Остин – последние были выбраны переводчицей в качестве своеобразного «возрастного» эталона при отборе лексем синонимического ряда. Далее, неоднократно перечитав оригинал и максимально осознав его наполнение, переводчица стремится уйти от русского языка и буквально помыслить грибоедовскую фразу на английском, стремясь представить, как бы это мог сказать Грибоедов, будь он англичанином. Далее, не менее сложный процесс переводческой работы с комедией представляет передача поэтической формы оригинала. Среди всех подходящих для выражения нужной мысли слов необходимо найти два рифмующихся, чтобы затем подобрать такую грамматическую форму и структуру, при которых данные слова оказались бы в конце строк и были бы зарифмованы. Разумеется, сохранение ритма и рифмы требует порой нестандартных решений. Так, по опыту Мэри Хобсон, стремление к сохранению лаконичности и афористичности требовало предельно избегать артиклей и предпочитать глаголы, а ориентация на максимальную точность – регулярного использования приема компенсации. Иногда, по словам переводчицы, выход находился в визуализации описываемого Грибоедовым и затем воссоздании в переводе увиденной картинки правдоподобными лексическими средствами или же через вербализацию испытываемых персонажем в момент речи чувств – если точный перевод реплики невозможен без модуляций. Особое внимание Мэри Хобсон уделяла финальным строкам каждого акта комедии, стремясь сохранить производимое оригиналом эмоциональное воздействие на аудиторию.

Кратко описанный здесь подход позволил переводчице не только добиться поразительной верности оригиналу, передать его ритм и рифму, но и, насколько это возможно средствами английского языка, воссоздать подтексты и игру слов. Не переводимое лексическими средствами наполнение оригинала Мэри Хобсон в значительной мере

компенсирует обширными комментариями. Так на «ассоциативную запредельность» грибоедовского текста она отвечает всеохватностью своего подхода, выходящего к личности Грибоедова и широчайшему контексту его жизни и творчества.

Единственное признание, которое пока не удалось получить переводу Мэри Хобсон, – на театральной сцене. К сожалению, Лондонский национальный театр не взялся поставить заново переведенную комедию. Однако верится, что однажды этот перевод зазвучит и со сцены – и тогда Грибоедов, воссозданный Мэри Хобсон на английском языке, вновь окажется удивительно актуален для англоязычной аудитории, и вновь будет представлять российскую сторону, но уже в новой дипломатической партии.

Отрадно, что в России имя невероятной переводчицы Грибоедова и Пушкина приобретает черты имени нарицательного. Так, в 2013 г. Фонд содействия развитию науки, культуры и образования «Новое тысячелетие» для популяризации поэтического творчества в школе вручил премию им. Мэри Хобсон. Думается, это могло – и должно бы – стать доброй традицией.

Е.В. Аблогина

* * *

Мне довелось посетить Мэри Хобсон в ноябре 2019 г., перед началом пандемии, когда она еще жила в Mary Feilding Guild, доме для престарелых в Хайгейте – довольно привилегированном районе Лондона. К сожалению, заведение переживало не лучшие времена и в 2021 г. было полностью закрыто после очередной волны скандальных разбирательств. Незадолго до смерти дочь перевезла Мэри в другой пансионат, который находился ближе к ней, чтобы было проще ее навещать, уже в районе Бата, основанного еще римлянами как бальнеологический курорт. Уже после переезда Мэри позвонила и рассказала о том, как она проходила “интервью” по принятию туда. Ее рассказы всегда были занимательны, с неизменным чувством юмора и самоиронии – манера, которая так отличает англичан выше среднего класса. История с интервью заключалась в том, что нужно было понравиться руководству заведения, хотя все было

обставлено так, что это она с дочерью приезжала на смотрины места и условий проживания. “Слава Богу, что мы все понравились друг другу!” – заключила она длинный рассказ, который я не решалась прерывать, в основном потому, что Мэри все равно бы не услышала моих ремарок.

Назначить свидание с Мэри было непросто, поскольку она не пользовалась никакими средствами современной связи, включая электронную почту, а на телефонные звонки она отвечала редко. В основном звонила сама. Но когда мы наконец встретились, все сложности были компенсированы с лихвой. Когда я пришла и консьерж пошла позвать Мэри, она появилась неожиданно быстро. Было видно, что она ждала меня. Я увидела ее издали в совершенно пустом здании, она шла по длинному коридору, маленькая, худенькая, одетая в длинное черное платье, наглухо застегнутое до самого подбородка. Ее седые волосы были уложены совершенно классически назад и, казалось, светились мягким серебром. Шла она невероятно быстро, несмотря на то, что слегка опиралась на трость, которая совсем не мешала тщательно продуманному образу исключительно элегантной женщины. Как раз напротив – черная блестящая трость отсылала в эпоху, в которой, судя по всему, она жила – Пушкина и Грибоедова.

Я очень хотела познакомить с Мэри Дерека Дэвиса, поскольку он также интересовался Пушкиным и со своих студенческих лет в Оксфорде переводил на английский его «Путешествие в Арзрум». Именно об этом переводе по моему настоянию он сделал доклад в Хмелите вскоре после этого. Недавно вышел из печати и сам перевод как отдельный выпуск журнала Королевского Азиатского Общества¹, в Научном совете которого мы тогда с ним состояли.

Мэри вела нас с Дерекком по длинным пустынным коридорам Гильдии, и наконец привела к себе. Она открыла дверь, и случилось чудо – из коммунального, довольно безликого и уже почти нежилого пространства я вошла в прелестную уютную комнату, какую можно увидеть в любом настоящем английском поместье или просто лондонском доме. Стены были прекрасно оштукатурены и выкрашены в пастельно-голубые тона. Небольшая комната, которая совмещала

¹ A Journey to Arzrum during the 1829 Campaign by A. S. Pushkin: Translation with Commentary by Derek Davis // Journal of the Royal Asiatic Society. July 2022. Vol. 32, Suppl. P. 3–117.

и спальню, и гостиную, и даже крохотную кухню, была обставлена с большим вкусом – с домашней антикварной мебелью и чудесными уютными занавесками. На стенах висели картины и фотографии – запомнились Толстой («с которого все начиналось») и Достоевский. Она с гордостью сказала, что заведение разрешило сделать ремонт самим по ее вкусу и желанию – этим занялась дочь до ее переезда, и здесь она чувствует себя исключительно дома.

Она подвела нас к небольшому ломберному столику, на котором была поставлена стеклянная витрина. Оттуда она достала свои главные сокровища – золотые медали Пушкина и Грибоедова. Мы долго говорили о Пушкине, о Грибоедове, о ней, о сложностях в ее семье и о том, как она увлеклась русской литературой. Мы пили чай с белевской пастилой и конфетами, которые я привезла незадолго до этого из Петербурга. Она показала свое рабочее место – маленький письменный стол у окна, из которого был виден сад и большая лужайка. На столе лежала перьевая ручка и стопка бумаги. Мэри не умела пользоваться компьютером и писала все от руки, причем очень крупными буквами, поскольку зрение ее продолжало ухудшаться, а выписывать новые очки было очень долго.

На прощание она сняла с полки свой перевод “Горя от ума” и подарила мне. Я попросила надписать книгу и, если можно – еще один экземпляр – для Хмелитского музея. Она очень воодушевилась, сказала, что с этим музеем у нее связаны самые приятные воспоминания.

Во время пандемии дочь Мэри перевезла ее в другое место, откуда Мэри звонила мне. Казалось, что по телефону она различала мой голос лучше, чем при живом общении. Последний раз, уже незадолго до смерти, она позвонила, когда я, к сожалению, была в отъезде. Она оставила довольно длинное голосовое сообщение, очень просила ответить. Когда я перезвонила, было уже поздно. Я часто вспоминаю Мэри, жалею, что не удалось общаться больше, и упрекаю себя за то, что так и не смогла навестить ее в ее новом и последнем “доме”. Парадоксально, но по-английски такие заведения так и называются ‘home’. Но то, что есть в моей памяти о ней, я буду хранить всегда.

Ф.И. Мелвилл

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аблогина Е.В. 4, 6, 7, 11, 16, 40, 53–67, 69, 71, 85, 88, 97, 107, 120, 132, 141, 154, 178, 190, 197, 211, 231, 240, 259, 356–360
- Аввакум Честной (архимандрит) 183
- Авербах Л.Л. 137
- Адамова А.Т. 159, 173
- Адамович, полицмейстер 277
- Аделунг К.Ф. 185
- Аделунг Ф.П. 171, 184–185, 187
- Азмуде М. 192
- Акинфов В.Н. 239
- Акишина А.А. 41, 51
- Аксаков К.С. 356
- Аксельрод П.Б. 145
- Александр I, имп. 126, 179, 186–187, 220, 263, 265, 267
- Александр II, имп. 145, 180
- Александр III, имп. 292
- Александра Федоровна, имп. 159, 186
- Алексеев В.Н. 239
- Алексей Михайлович, царь 213
- Алексий II (Ридигер), патриарх 351
- Аленин (Оленин) Е.И. 266
- Али-Наки-мирза 170
- Амбургер А.К. 167
- Андреев Л.Н. 110
- Андреева А.Н. 163, 173
- Андреева В.Г. 4
- Анисимов Е.В. 206, 209
- Анисимов П. Д. 146, 149
- Аничков И.Н. 269
- Аринштейн Л.М. 159, 173
- Арнольдов А.И. 323–324, 330
- Арсеньев А. 149
- Арсеньев Н.Д. 271
- Архарова (Васильчикова) А.И. 206
- Асафьев Б.В. 137
- Атросченков В.И. 298, 327
- Аттик Т.П. 203
- Ахвердова П.Н. 45
- Ахиезер А.С. 323, 330
- Ахматова А.А. 351
- Аш К.И. 263
- Бабкин В.М. 237
- Бабкин Г.М. 237
- Бабкин М.В. 237
- Бабкина (урожд. Грибоедова) А.В. 237
- Багратион П.И. 206, 209
- Бадр Н.М. 191–192, 194
- Баженов В.И. 213
- Байдаков А.А. 342–343
- Бакина (в замуж. Грибоедова) А.М. 232
- Балунова Н.П. 310, 316, 319
- Барановская Н. (Baranowski N.) 106, 115, 118
- Барановский П.Д. 283, 285, 295–296, 317, 325–326, 339–341, 344
- Баратынский Е.А. 70, 75
- Барт Н.-Т. 56, 67
- Барышников И.И. 291
- Барышниковы, род. 289, 291
- Батюшков К.Н. 80, 356
- Бахтин М.М. 64, 66, 323, 331
- Бачурина О.А. 129
- Башилов М.С. 129
- Башлачев А.Н. 356
- Бегичев Д.Н. 320
- Бегичев С.Н. 35, 42–44, 46–49, 61, 80, 82, 255, 310–311, 314, 319–320, 345
- Бегичева О.С. 255
- Беджанян О. 161
- Бедный Д. (наст. имя и фам. Придворов Е.А.) 6, 11, 131–140
- Безыменский А.И. 139
- Беклемишев В.А. 161
- Беклемишев Н.П. 224
- Беклемишев П.И. 223
- Беклемишев П.Н. 224
- Беклемишевы, род. 223–229
- Белинский В. Г. 89, 134, 149

- Белкин А.М. 214, 219
Белкин А.С. 214
Белкин Б.И. 214
Белкин Гав. И. 213–214, 228
Белкин Гр. И. 212–214
Белкин Д.М. 214
Белкин И.Г. 214–217, 219, 220, 222
Белкин И.Д. 214
Белкин И.И. 222
Белкин И.С. 214
Белкин И.Т. 214
Белкин М.Б. 214
Белкин М.Н. 214, 219, 220, 225
Белкин М.Ф. 214
Белкин Н.Г. 214, 219
Белкин Н.С. 214, 222, 223
Белкин С.И. 222
Белкин С.Н. 223
Белкин Т.Г. 213, 214
Белкин Ф.М. 214–215, 219, 220, 225–227
Белкин Ф.С. 214
Белкина (в замуж. Беклемишева) А.Н. 223
Белкина (в замуж. Ермолаева) Е.Г. 214
Белкина (в замуж. Левшина) А.Г. 214, 223–224
Белкина (в замуж. Нахимова) Е.М. 219
Белкина (в замуж. Унковская) В.М. 220, 225
Белкина (в замуж. Энгельгардт) А.М. 220, 221
Белкина В.Н. 214
Белкина М.Н. 222
Белкина М.Ф. 222
Белкины, род 6, 211–229
Белосельская (в замуж. Волконская) З.А. 204–205
Белосельский А.М. 204
Белугин П. см. Писарев А.И.
Бенардаки Д.Е. 98, 99
Бенардаки Н.Д. 6, 11, 96–105
Бенардаки, семья 99
Бенкендорф А.Х. 258, 270–272, 274–275
Берже А. 159, 173
Бестужев-Рюмин М.А. 158
Беттузия Н. 41, 51
Биетти, издатель 114
Бичурин Иакинф, архимандрит 182
Блок А.А. 66, 145, 319
Богомолова Э.В. 229
Богушевич Ю.М. 99
Бодэн Р. 199, 207, 209
Бок И.С. 157
Болховитинов Н.Н. 173
Бонамур Ж. 57, 66
Борисов С.И. 340
Борисов-Мусатов В.Э. 286
Бочаров С.Г. 331
Бояркина А.В. 41, 50, 51
Бродский Н.Л. 137
Брокгауз Ф.А. 280
Буйносов-Ростовский В. 286, 316, 318
Буйносов-Ростовский Ю. 286, 316, 318
Букреева Е.М. 6, 11, 120–130
Булатов, домовладелец 82
Булгаков М.А. 110, 116, 302, 341, 351
Булгаков Ф.В. 123–124, 130
Булгаков Я.И. 206
Булгарин Ф.В. 42, 66, 80, 311–312, 315, 319, 345
Булкина И. 358
Бунин И.А. 110, 145, 149, 286
Буракова Н.С. 247
Бурков В.Г. 181, 188
Бурнютян Дж. (Bournoutian G.) 159, 162, 175
Бурцов И.Г. 261–262
Бутеев Д.В. 6, 11, 87–95
Бухаркин П.Е. 41, 51
Валипур А. 191, 194
Васильев А.А. 128
Васильчиков И.В. 266
Васильчиковы, род 289
Вацуро В.Э. 51, 70, 85, 291
Вашкова З.Н. 221

- Веллингтон, герцог 126
Вепрейский Н.В. 278
Вердинуа Ф. (Picche, Пики) 106, 108, 111–113
Веселовский А.Н. (Vesselovskii A.N.) 109–110, 117, 119, 193
Вигель Ф.Ф. 200, 209
Виллок (Уиллок) Г. 154, 164, 166–168, 171
Виноградов В.В. 311, 319
Винокуров С.В. 159
Витте С.Ю. 144
Вишневский В.В. 139
Вишневский Ю.Р. 323–324, 331
Вишнякова Ю.И. 247
Владислав IV Ваза, король, вел. кн. 212
Влангали Г.М. 184
Власов А.А. 354
Влахов С. 103, 105
Внукова (в замуж. Грибоедова) М.К. 233
Воеводский Ф.А. 269–270, 272
Волков А.А. 270, 272–273
Волков-Муромцев В.А. 292
Волков-Муромцев В.В. 350
Волков-Муромцев Н.В. 292, 309, 317, 319, 349–352
Волкова-Муромцева В.П. (в замуж. Гейден) 289, 292–293, 289, 317
Волконский П.М. 267
Волконский С.Г. 204
Воронцов М.С. 169
Врангель Н.Н. 286, 294, 304
Вуколов Н.Н. 351
Высочков Л. 163, 173
Высоковский А.А. 323, 331
Высоцкий В.С. 343
Вяземская (в замуж. Щербатова) Е.А. 6, 12, 197–210
Вяземский А.И. 199, 201–203, 205, 207–208
Вяземский П.А. 6, 12, 73, 197–210
Гагарин Ф.Ф. 263
Гайворонский К.К. 158, 173
Галифф Дж. 209
Гальковская Н.И. 225
Гальковский М.И. 225
Гандольфо Дж. П. 106, 116, 118
Гарин Э.П. 139–140
Гаспаров М.Л. 70
Гвидо Р. 293
Гвишиани Д.М. 331
Гейден В.П. см. Волкова-Муромцева В.П.
Гейден П.А. 292
Гейм И.А. 290
Гельвеций К.-А. 61, 63–65, 67
Герцен А.И. 99, 145, 149
Гессен А. 77, 83, 85
Гёте И.В. (Goethe J.W.) 15, 18, 58, 59, 67
Гиллельсон М.И. 197, 209
Гинзбург Л. (Ginzburg L.) 106, 112, 114, 118
Глебов П. 270, 272–273, 278
Глинка У.К. 277
Глинка Ф.Н. 262, 277
Гнесин М.Ф. 137
Гобетти П. 110
Гоголь Н.В. 98, 105, 110, 112, 135, 138, 148
Голицын Д.В. 268
Голкар А. 191
Гомер 74
Гончаров А.Н. 222
Гончаров И.А. 112
Горчаков А.М. 179
Горький (наст. фам. Пешков) А.М. 138
Граббе П.Х. 258, 260, 263, 265–269, 277
Граблины 244
Грекова Е.В. 29, 37
Греч А.Н. 311, 319
Греч Н.И. 42, 66
Грибовский М.К. 262, 266–267, 280
Грибоедов А.Л. 232
Грибоедов А.Ф. 288, 289, 309
Грибоедов В.Л. 232–233, 237
Грибоедов И.Н. 233–234, 307
Грибоедов Л.Л. 233, 235
Грибоедов Л.М. 232–233

- Грибоедов Л.С. 232
Грибоедов Лукьян 232
Грибоедов М.Е. 287
Грибоедов М.И. 316
Грибоедов М.Л. 232
Грибоедов М.М. 310
Грибоедов М.Н. 233
Грибоедов М.С. 232, 289
Грибоедов Н.И. 233
Грибоедов Н.Л. 232–233, 237
Грибоедов Н.С. 232
Грибоедов П.С. 234–235
Грибоедов С.И. 234, 289, 307, 316
Грибоедов С.Л. 232
Грибоедов С.Ф. 235, 287, 316
Грибоедов Ф.А. 253, 287, 288, 316
Грибоедов Ф.Л. 235
Грибоедова (в замуж. Дурново) М.С.
234–235, 292, 307–308, 311
Грибоедова (в замуж. Лачинова) Н.Ф.
235
Грибоедова (в замуж. Палицына) Е.И.
234, 308
Грибоедова (в замуж. Паскевич) Е.А.
289, 291
Грибоедова (в замуж. Протопопова) А.Н. 233–234
Грибоедова (в замуж. Трусова) А.В.
230, 237
Грибоедова А.Ф. 234, 236, 288, 290, 308,
317
Грибоедова П.В. 308
Григорьев В.Н. 311–312, 319
Григорьева А.С. 41, 51
Григорян К.Н. 70
Гриневская И.А. 21–22, 38
Гришунин А.Л. 38, 67, 320
Гумилев Л.Н. 148, 302, 336
Гурин А. 86
Гурская Н.Г. 6, 12, 211–229, 254
Гурьев Д.А. 163
Гусенцова Т.М. 311, 319
Д'Амелия А. 115, 117
Д'Андрия, герцогиня 110, 111
Давыдов Д.А. 264, 268
Давыдов Д.В. 277, 279
Давыдов З.С. 173, 174
Давыдов Ю.В. 353
Дадашев В. 171
Даль В.И. 62–63, 65, 67
Дамиани Э. (Damiani E.) 109–110, 113,
118–119
Дан Г. 137
Данилевский Р.Ю. 65, 67
де Бенардаки М. 99
де Бенардаки Н. см. Бенардаки Н.Д.
де Виньи А. 74
Делиль Ж. 287
Дельвиг А.А. 70, 73, 75, 80–81
Деманж Ж.-Ф. 184
Державин Г.Р. 75
Дефо Д. 238
Джери А. 116
Джорджоне 293
Дибич И.И. 266
Дмитриев С.Н. 42, 51, 79, 83, 85–86, 159,
173
Добровольская Е.Т. 266, 279
Добровольский В.Н. 266
Добрынина И.Н. 31, 319
Докучаев В.В. 302
Дондуков-Корсаков Н.Н. 292
Достоевский Ф.М. 34, 110, 147–148, 368
Дубенко М.В. 85
Дурново А.М. 235, 311
Дэвис Р. 351
Дэвис Д. 367
Егерева Т.А. 6, 12, 197–210
Екатерина II, имп. 169, 286
Ениколопов И.К. 159, 171, 173
Ентальцевы 82
Ермолов А.П. 71, 148, 154, 162–163, 169,
183, 186, 263, 268
Ермолов П.Н. 46, 75

- Ермолова М.Н. 133–134
Ершов, полковник 225
Есенин С.А. 173, 192, 194
Есенков В. 158, 173
Ефимович (Ефимовский) А.П. 290
Ефимович (Ефимовский) М.П. 290
Ефрон И.А. 280
- Жандр А.А.** 49, 311
Жегалов А.П. 245–247, 252, 254–256
Жегалов И.П. 246, 257
Жегалов М.М. 242–246, 251
Жегалов Н.А. 245–246, 251–252
Жегалов П.И. 246, 254, 255
Жегалов С.С. 254
Жегалова (урожд. Лыкошина) М.В. 252–256
Жегалова (урожд. Нахимова) Е.В. 244–246
Жегалова С.В. 242–246, 251
Жегаловы, род 240–257
Желябов А.И. 148
Жужгина-Аллахвердян Т.Н. 6, 11, 68–86
Жуковский В.А. 73, 89, 185, 199
- Забихян И.** 193
Заботкин С.Ф. 277
Завалишин Д.И. 154, 169
Заварзин А.А. 161
Завелейский П.Д. 168, 171
Загоскин М.Н. 49
Закревский А.А. 263
Зарецкий Н.В. 6, 11, 120–126, 128–130
- Иванов В.В.** 139
Ивинский Д.П. 198
Ильёв С.П. 61, 67
Ильин В.Н. 147–148
Ильинская И. 41, 51
Иоанн Гальковский, о. 225
Ипполитов С.С. 219, 222, 229
Исаков С.Г. 100, 105
- Каверин П.П.** 47
Каганович Б.С. 98, 105
Каджары, династия 161, 186, 189, 193
Калаши Н. 6, 11, 189–194
Калита И., кн. 247
Калугина, домовладелица 311
Каменский Петр, архимандрит 183
Каподистрия И. 180–181
Кар В.А. 219
Кар Е.В. (в замуж. Белкина) 219
Карамзин Н.М. 185, 200, 202, 204, 206–209
Карамзина (урожд. Колыванова) Е.А. 199, 203, 206, 207
Карамзина Н.Н. 206, 208
Каратоццо М. (Caratozzolo M.) 6, 11, 106–119
Каратыгин П.А. 157, 174
Карафа Э.К. см. Д'Андрия
Кардовский Д.Н. 129
Карими-Мотаххар Дж. 191, 193–194
Карнишина Л.М. 199, 209
Карпов, подследственный 226
Карпов Л.В. 160
Катенин П.А. 24, 42, 46, 49, 59, 62, 136
Кафаров Палладий, архимандрит 183
Каховский А.М. 263, 276
Каховский Н.А. 42, 44
Каховский П.Г. 258, 276–277, 279
Кашкин С.Н. 278
Кашталинский, поручик 277
Кваренги Дж. 180
Келли Л. (Kelly L.) 162, 175, 192
Ким Г.Ф. 188
Киприанов Е.Ф. 223
Кирилл (Гундяев), патриарх 222, 348, 352
Киселев Н.Д. 165
Киянская О.И. 210
Кндехцян С. 161
Княжева Е.И. 207
Ковалева (в замуж. Белкина) А.Г. 222
Ковалева И.В. 361–362
Ковалева М.А. 222–223

- Коган Л.Н. 323–32, 331
Кожевникова В.А. 149, 174
Козлов В.И. 70
Кологривов А.С. 43, 226, 313
Кольшкшина А. 238
Комар Н.Г. 12
Комаров Д.Е. 229
Конгрив У. 362
Кондратьев А.С. 146, 149
Конёнков С.Т. 130
Кононов, житель Смоленска 271
Коржева Э.М. 331
Корнель П. 24
Коро Ж.-Б.-К. 293
Короткова О.А. 6, 11, 177–188
Костелло Д. (Costello D.P.) 162, 175
Костеляниц Б.О. 174
Костров Т. (Мартыновский А.Д.) 137
Кочугова (в замуж. Грибоедова) П.В. 233–234
Кошелев А.В. 357
Кошелев В.А. 7, 12, 356–359
Кошны В. (Kosny W.) 158, 162, 175
Крабе (Краббе), жена коменданта 44
Кравченко А.И. 323, 325, 331
Краснов П.Н. 143
Краснов П.С. 173–174
Крёзе де Лессер О.-Ф. (Creuzé de Lesser O.F.) 55–56, 67
Крейн А.З. 345
Крылов И.А. 185
Ксешинская М.Ф. 99–100, 105
Кудина А.Ю. 87, 95
Кузьмин Н.В. 129
Кузьмина Р. 160
Кулагин А.В. 356, 358
Кулаков В.Е. 7, 12, 283, 285, 295–302, 304–305, 317, 319, 326–327, 335–355
Кулаков Д.В. 354
Кулаков Е.Н. 338
Кулакова (урожд. Харченко) В.Б. 338–339, 342, 354
Кулакова И.Г. 338
Кулакова Н.В. 4, 7, 12, 283–304, 308, 316, 319, 341, 354
Куллэ В. 160
Куприн А.И. 110
Кутузов М.И. 159
Кушлянский Л. 279
Кушлянский С.К. 278–279
Кюхельбекер В.К. 6, 11, 42, 46–47, 68–81, 83–85, 179, 258, 276–277
Лазарев М.П. 169, 220
Ланге («немец Ланге») 292
Ланская В.И. 84
Лапин Н.И. 331
Лареда (Лоредо), владелец кофейни 47
Лебедев А.А. 17, 38
Лебедева О.Б. 64, 67
Левашев В.В. 266
Левин С.С. 129
Левкович Я.Л. 41, 51
Легат Н. 99
Ленин (наст. фам. Ульянов) В.И. 347
Леонидов В.В. 7, 302, 304, 335–355
Леонтьев Я.В. 7, 12, 258–280
Леонтьевский З.Ф. 183, 187
Лермонтов М.Ю. 71, 89, 122, 129, 173
Лесков Н.С. 110, 148
Лесли О.Н. 255
Лесли С.И. 263
Леташинский, чиновник 44
Либсон В.Я.
Литвинова М.Д. 361
Лихарев В.Н. 82
Лихачев Д.С. 346
Лишев В.В. 161
Ло Гатто Э. (Lo Gatto E.) 106, 108, 111–112, 116, 118
Лобанов- Ростовский Ал.Я. 290
Лобанов-Ростовский Ал.-др.Я. 271–272, 274–276, 290
Лобанова-Ростовская (в замуж. Нарышкина) М.Я. 204–205, 292
Логунова Н.В. 41, 51

- Локшина Х.А. 139
Ломоносов М.В. 74, 356
Лорер Н.И. 77, 81–82, 84–85
Лукашова Н.Г. 129
Лукин М.Ф. 353–354
Луначарский А.В. 135, 139
Лыкошин Б.В. 253, 254
Лыкошин В.И. 240, 252–256, 276, 289–291, 304, 308–309, 316, 320
Лыкошин М.Б. 310
Лыкошин Н.В. 254
Лыкошина (в замуж. Колечицкая) А.И. 289
Лыкошина (урожд. Лесли) М.И. 255–256
Лыкошина (урожд. Соколовская) Е.П. 252–254
Лыкошина О.В. 254
Лыкошина С.В. 254
Лыкошины, род 240–257, 289, 290, 308
Ляровский А.А. 270, 273
- Мазарович С.И. 42, 45, 182
Мазья М.Г. 77, 80, 85
Майков А.Н. 110
Маймин Е. 19, 21, 38
Макаров А.И. 7, 12, 240–257
Макдональд А. 167
Макдональд Дж.Р. 154, 163–164, 166–170
Макдональд Р. 166, 170
Макнил Дж. 154, 164, 166
Макогоненко Г.П. 41, 51
Малколм Дж. (Malcom J.) 163, 167, 175
Мальцов И.С. 79, 85, 165–166, 171–172
Мальцов И.А. 165, 171
Маневская (в замуж. Белкина) А.Ф. 219–221, 225
Манн Ю.В. 312, 320
Мануйлов А.А. 161
Мария Федоровна, имп. 292
Маркелов Н.В. 173
Марков П.А. 137
Мартинелли М. 106, 116
Мартов Ю.О. 145
- Марюта, жительница Хмелиты 351
Маяковский В.В. 135
Медведева И.Н. 18, 19, 38
Мезенцов Н.Г. 223
Мезенцов С.П. 223
Мезенцова Н.С. 223, 229
Мей Л.А. 89
Мейерхольд В.Э. 6, 11, 131–140
Мелвилл Ф.И. (Melville F.) 6, 7, 11, 153–176, 366–368
Мелкадзе Г. 161
Менгс А.Р. 293
Мерабишвили М. 161
Мертенс Е.С. 7, 12, 321–331
Мещерские, кн. 165
Мещеряков В.П. 80, 84–85, 198
Мещеряков О.П. 82
Миклашевич В.С. 49
Миленберг Н.А. 291
Милорадович М.А. 157
Мильтон Дж. 74, 75
Милюгина Е.Г. 95
Минорский В.Ф. 170, 174
Мирза-Якуб (Маркарьянц Я.) 170, 172
Мирзасалих Голамхоссейн 192–193
Мирский Д.С. см. Святополк-Мирский Д.П.
Михаил Федорович, царь 213, 287
Михалков Н.С. 159, 236, 298, 335, 346
Михневич В. 134
Мичасова О.В. 129
Мобер, губернёр 290
Модзалевский Б.Л. 265, 276, 279
Моин М. 193
Молилари А. 199
Мольер (Поклен Ж.-Б.) 113–114
Мостафави Хоссейн Али 192, 194
Мрочковская-Балашова С. 174
Мстиславский С.Д. 137, 139
Мунштейн Л.Г. 138–139
Муравьев М.Н. 258, 264, 268–269, 276–277
Муравьев Н.М. 262
Муравьев-Апостол С.И. 82, 279

- Муравьев-Карский Н.Н. 71, 348
Мурзакевич Н.А. 277
Муромцев М.М. 268
Мюрат И. 291
Мякишева (в замуж. Грибоедова) А. 232
Мясоедова Н. 171, 174
- Назар-Али-хан Афшарский** 170
Назимов М.А. 82
Наполеон Бонапарт, имп. 206, 237
Нарышкины, род 289
Наумова Н.Ф. 331
Нафиси С. 192
Нахимов Н.М. 219
Нахимов П.С. 240–242, 244, 246, 254–255, 283, 295, 299–300, 302, 318, 336, 349, 352–353
Нахимова Е.В. см. Жегалова Е.В.
Нахимовы, бр. (Николай, Платон, Иван и Сергей) 352
Нахимовы, род 219, 228, 229, 240–257, 289, 301, 352
Некпур С. 193
Некрасов Н.А. 144, 149
Некрылова А.Ф. 319
Нелединский-Мелецкий Ю.А. 205–206
Немзер А.С. 77, 82–85
Нессельроде К.В. 154, 163–165, 167–168, 175, 180–181, 185
Нечаева В.С. 199, 201, 209
Нечкина М.В. 260, 279
Нижникова Л.В. 41, 52
Низовский А.Ю. 287–288, 304
Нийт Т. 331
Никишов Ю.М. 6, 11, 15–38
Николаев Б.П. 233–234, 236, 239, 308, 320
Николаевы, бр. 266
Николай I, имп. 159, 173, 186, 271–272, 274–275, 279–280
Николай II, имп. 220
Ничипоров И.Б. 146, 149
Нортон Э., часовщик 326
- О’Рейли (в замуж. кн. Вяземская) Е.И. 203
Оболенская (урожд. Нелединская-Мелецкая) А.Ю. 205
Оболенский А.П. 204
Оболенский Е.П. 81, 85
Оболенский С.С. 77, 82
Обрескова (урожд. Фаминцина) В.А. 206
Овчинников Г.Д. 233, 235–236, 238–239, 320
Огарев Н.П. 89, 145
Одоевская А.С. 289
Одоевские 289
Одоевский А.И. 6, 11, 45, 48, 68–70, 76–77, 80–84
Одоевский В.Ф. 82
Озеров В.А. 75
Озерова М.Н. 223–224
Оксман Ю.Г. 280
Оленина Н.И. 265
Олеша Ю.К. 139
Орлова Э.А. 323–324, 331
Осинский Н. (Оболенский В.В.) 138
Оссиан 74
Остин Дж. 365
Островский А.Н. 110, 158
Оусли Г. (Узли Г.) 166–167
Охотников С.Р. 70
- Павел Александрович**, вел. кн. 100
Паволини К. 116
Палицын Е.И. 234, 307
Панины-Мещерские род 301
Панчулидзе С.А. 229
Париджи П. 112–113
Пасек см. Пассек П.П.
Паскевич (Паскевич-Эриванские), кнж. (в замуж. Лобанова-Ростовская А.И. и Волконская А.И.) 292
Паскевич (Паскевич-Эриванский) И.Ф. 42, 48, 82, 148, 154, 162–163, 169, 171, 174, 184
Паскевич (Паскевич-Эриванский) Ф.И. 289, 292

- Паскевич (урожд. Грибоедова) Е.А. см.
Грибоедова Е.А.
Пассек П.П. 258, 264–267, 269–271,
274–278
Пастернак Б.Е. 350
Пастернак Б.Л. 338, 350
Пачини Савой Л. (Pacini Savoj L.) 106,
108, 111–114, 117–118
Пашков Ю.В. 279
Перетц Г.А. 262
Перовский Н.А. 313
Пестель П.И. 262
Петр I, имп. 180, 182, 232–233
Петров Д.Ф. (Рудинский В.) 146–147, 149
Петров П.Н. 229
Петрозилиус И.Б. 290
Пигаль Ж.-Б. 327
Пиксанов Н.К. 20, 27, 34, 36–38, 114, 159,
172, 174, 191, 194, 289, 304, 310–311,
316–317, 319–320
Писарев А.И. 80
Писарев Д.И. 147, 149
Плеханов Г.В. 145
Повало-Швейковский В.С. 274, 277–278
Повало-Швейковский И.С. 275–278
Повало-Швейковский Я.М. 258, 269–276
Повало-Швейковские 244
Погодин М.П. 98, 105, 246–247
Подбородников Г.В. 199, 210
Поленов В.Д. 286
Поливанов, скоморох 43
Поляков Ф. 129
Пономарев А.М. 340–341
Попова О.И. 159, 174
Порох И.В. 260, 262, 264, 280
Потапов А.И. 278
Потресов С.В. (Яблоновский С.) 145–147
Прийма Ф.Я. 85
Принцева Г.А. 159, 173
Прокоп, крепостной А.Ф. Грибоедова
309
Проскурин О.А. 85
Просперо А. 110
Протопопов А.П. 233–234
Прудон П.Ж. 145
Пруст М. 105
Пугачев Е.И. 145
Пухляк О.Н. 77, 86
Пушкарёва Н.Л. 200, 207, 210
Пушкин А.С. 24, 30, 38, 51, 67, 70–71, 73,
75, 80–81, 86, 89, 123, 148, 158, 160,
173–174, 179, 201, 223, 228–229, 295–
296, 341, 345, 347, 356–358, 360–361,
364, 366–368
Пушкин В.Л. 73
Пушкин Л.С. 47
Пушкова С.В. 129
Пуцин И.И. 75, 82, 86
Пуцина Е.Ф. 268
Пясецкий П.Я. 173
Пяткин С.Н. 4
Раванди Л.М. (Раванди-Фадаи Л.М.) 161
Равдин Б.Н. 280
Радзимовская А.Ф. 310
Радищев А.Н. 145, 287
Радова Д. 361
Разгонов С. 339, 342
Райдел К.А. 363–364
Райх З.Н. 138
Растрелли Б. 287
Рахбари М. 191, 194
Ребиндер Б.Б. 271–272, 275
Рейфилд Д. 364
Рерих Н.К. 124, 130
Рецептер В.Э. 159
Ривера Д. 137
Рицци Д. 115, 117
Рогинский А.Б. 267, 280
Родофиникин К.К. 165, 181
Розанов И.Н. 59–61, 67
Розен А.И. 82
Розенберг М.И. 310
Ромах О.В. 323–325, 331
Росси К.И. 186
Ростопчина Е.П. 6, 11, 87, 89–95, 158, 174

- Рубини Дж. (Rubini G.) 108–109, 118
Рудикова Н.А. 85
Руженцев А. 246, 257
Рыбникова М.А. 289
Рылеев К.Ф. 70, 75, 80–81, 85, 109, 279
Рыхлевский А.И. 172
Рязанов Д.Б. 138
- Савицкий П.Н. 323
Сакс, агент 266
Салтыкова С.М. 265, 276
Салтыков-Щедрин М.Е. 148, 158
Санковский А.В. 223, 229
Сантароне П. (Santarone P.) 115, 118
Сарабьянов В.Н. 137
Сафонова И.Н. 129
Сахаби Мехди 191
Сахно-Устимович П.М. 65
Сахновский В.Г. 137–139
Сбоева С.Г. 139
Свербеев Д.Н. 125
Святополк-Мирский Д.П. 71, 192
Северянин И. (наст. имя И.В. Лотарёв)
356
Семевский В. 268, 280
Семевский М.И. 292, 316–317, 320
Сенкевич Г. 111
Сенковский О.И. 356
Серков А.И. 276, 280
Серов В.А. 130
Серчевский Е.Н. 164, 173
Синицын С.Н. 87, 94
Сипягин Н.М. 172
Сипягин, купец 292
Сирота Р.А. 159
Скальковский К.А. 98–99, 105
Скороходов М.В. 4, 7, 12, 16, 40, 54, 69,
88, 97, 107, 120, 132, 141, 154, 178, 190,
197, 211, 231, 240, 259, 305–320
Смирин Г. 86
Смирнов Д.А. 100
Сниткин А.П. 320
Снытко Т.Г. 263, 267, 280
- Соковнина Е.П. 310–311, 320
Соколов П.П. 129
Сокуров А.Н. 159
Солженицын А.И. 146–147, 149, 336,
349–350, 355
Солженицына Н.Д. 349
Соловьев В. 20, 28, 38
Соловьева В.С. 225
Соловьев С.М. 225
Соловьева Е.И. 225
Солоневич И.Л. 144
Сомин П.А. 270, 273
Сперанский М.М. 181
Сталин И.В. (наст. фам. Джугашвили)
339
Стельмак О.В. 361
Степанов Л.А. 55, 60, 67
Степанов Н.Л. 41, 52
Степанов-Скворцов И.И. 138
Столыпин П.А. 145
Строганов М.В. 11, 61, 67, 71, 86
Строганов С.Г. 247
Стромилов Н.С. 239
Струве П.Б. 347
Суворин А.С. 105
Сукин А.Я. 278
Сыроечковский Б.Е. 280
- Тавризов А.А. 326
Таиров А.Я. 139–140
Талалай М.Г. 6, 11, 141–149
Танеевы, род 239
Тархова Н.А. 159, 162, 168, 174, 287, 289,
304, 307–308, 320
Тасс (Тассо) Т. 74, 75
Теймури И. 161
Терешкина Д.Б. 6, 11, 39–52, 359
Тесцов С.В. 41, 52
Тизенгаузен В.К. 82
Тимковский В.Ф. 182
Тимковский Е.Ф. 182–183, 187
Тимрот А.Д. 158, 174
Тимченко Г. 328

- Тимченко Е. 328
Тихонов Д. 92–93
Тодд Ш.У.М. 41, 52
Толстая Т.Н. 87, 95
Толстой Л.Н. 34, 110, 116, 122–123, 148, 286–287, 294, 304, 368
Толстой Н.Д. 143, 149
Толстой П.А. 272
Топчибашев Дж., мирза 185
Третьякова Л. 171, 174
Трофимов А.Я. 325, 331
Троцкий И.М. 272, 280
Троцкий Л.Д. 138
Трубецкой Ю.Н. 234
Трусов А.И. 238
Трусов Я.И. 238
Тургенев И.С. 34, 116, 215, 229, 286
Тургенев Н.И. 261
Тургенева (в замуж. Белкина) Е.Р. 214
Тынянов Ю.Н. 52, 71, 86, 154, 158–160, 174, 191, 193, 348
Тютчев Н.И. 266
Тютчев Ф.И. 89
- Уайльд О. 362
Уваров С.С. 302
Уваровы, род 289
Уиллок Г. (Виллок Г.) 154, 164, 166–168, 171, 175
Унковский С.Я. 225, 229
Уолпол Г. 52
Урусов А.И. 134
Урусов М.А. 228
Урусова (урожд. Энгельгардт) Е.П. 227–228
Урусовы, род 225–229
Уткин Н.Н. 358
- Фатх-Али-шах 154, 159, 186, 193
Федоров В.А. 85
Федоров М.Л. 6, 11, 131–140
Федоров Н.Ф. 295
Федотов П.А. 130
- Ферран А. 203
Фесенко Ю.П. 26, 38
Фет (Шеншин) А.А. 320, 356–358
Фетх (Фатх)-Али-шах 154, 159, 186, 193
Фикельмон Д.Ф. 159, 174
Филд Э. 192
Филина М.Д. 149, 174
Филиппов Д.А. 229
Филиппова А.А. 85–86
Фомичев С.А. 22, 37–38, 67, 157, 159, 163, 170–175, 311, 319–320, 327, 346
Фомичева В.С. 170–171, 175
Фон-Визин см. Фонвизин И.А. и Фонвизин М.А.
Фонвизин И.А. 258, 262–265, 268–269, 273–276
Фонвизин М.А. 258, 260–264, 267–269, 274–276, 280
Формиджини А.Ф. 112–114, 118
Фохт А.А. 82
Френ Х.Д. 185
Фролов Н.В. 237–238
Фролова Э.В. 7, 12, 230–239
Фурманова И.Б. 311, 319
- Хаздан Е.В. 319
Хазимуллина Е.Е. 65, 67
Халадж М. 192
Ханлари З. 192
Харден Э. (Harden E.) 162, 166–167, 175
Хемингуэй Э. 336
Херасков М.М. 356
Хобсон М. 7, 12, 360–368
Хованский Г.А. 203, 206
Ходасевич В.Ф. 33, 38, 89, 95
Холодков И. 160
Хомяков А.С. 302, 351, 358
Хомяковы, род 289, 301
Хоруженко К.М. 323, 331
Хосров-мирза 154, 159, 185–186
Храповицкая В.А. 228
Храповицкий Н. 254
Худобашев А.М. 183

- Цезаревский П.В. 251, 257
Целикова Е.В. 311, 320
Цимбаева Е.Н. 19, 25, 31, 38
Цицерон 203
Цымбал Е.В. 233–234, 236, 239, 308, 320
- Чаадаев М.Я. 290
Чаадаев П.Я. 264, 269, 290
Чадаева Д.А. 129
Чайковский П.И. 99, 274
Чайковский П.П. 273–274
Черкасов А.И. 82, 278
Черкасов А.П. 258, 270–271, 273–276, 278
Черкасов И.П. 278
Черкасов П.И. 278
Чернов К.П. 81
Чернов Н.М. 215, 229
Чернов С.Н. 262–263, 266–267, 280
Чернов, землевладелец 314
Чернышевский Н.Г. 149
Чернявский, управляющий 273
Честняков Е. 343
Чехов А.П. 34, 64, 67, 110, 145, 268, 358
Чиж, патер 197, 199, 202
Чижиков В.В. 323, 331
Чистова И.С. 122–123, 130
Чуланова Э.В. 129
- Шаляпин Ф.И. 100
Шармуа Ф.-Б. 184
Шастико П.М. 188
Шаховской А.А. 47
Швейковский А.С. см. Швейковский И.С.
Швейковский В.С. см. Повало-Швейковский В.С.
Швейковский И.С. 273, 276
Швейковский Я.М. см. Повало-Швейковский Я.М.
Шевырев С.П. (Scvireff S.P.) 108, 109
Шеметова М.М. 160
Шервуд (урожд. Ушакова) Е.А. 272
Шервуд (Шервуд-Верный) И.В. 258, 269, 272–273, 280
- Шереметев П.С. 202
Шереметевы 289, 301
Шеридан Р.Б. 362
Шестаков, помещик 266
Шестопалов И.И. 247
Шиллер Ф. 74
Шиллинг фон Канштадт П.Л. 183, 187
Широкогоров А. 237
Ширяев Б.Н. (Алымов А.) 141–149
Ширяева А.А. 210
Шишков А.С. 108
Шкурко А.И. 355
Шлиман Г. 340
Шолохова А.С. 4, 6, 11, 96–105
Шопен Ф. 99
Шорин Ю.Н. 254
Шостакович С.В. 159, 175, 182, 184, 188
Штрайх С.Я. 86, 280
- Щепкин М.С. 134
Щербатов А.Г. 203, 210
Щербатов И.Д. 290
- Эйнауди, издатель 116, 117
Эйхенбаум Б.М. 52
Эльманович Д.П. 251
Эльманович О.Д. 251–253, 256
Энгельгардт (в замуж. Белкина) Е.И. 219, 227
Энгельгардт А.Д. 261–271
Энгельгардт А.М. 220–221, 227
Энгельгардт А.П. 220, 227
Энгельгардт В.П. 220–221
Энгельгардт Д.Д. 221
Энгельгардт Д.П. 221
Энгельгардт Е.И. 219
Энгельгардт Е.П. 220
Энгельгардт Е.П. см. Урусова Е.П.
Энгельгардт К.Д. 221
Энгельгардт Л.Я. 220–221
Энгельгардт Н.П. 220
Энгельгардт П.П. 271
Энгельгардт П.Я. 220, 227

- Энгельгардт С.П. 277
Энгельгардты, род 219–229
Эсхил 74
- Ювенал** 74
Юнеси И. 192–193
Юсупова Т.А. (урожд. Рибопьер) 270, 273
Юшков, генерал 270
- Яблоновский** С.В. 38
Языковы Д.С. и А.С. 43
Яковлев В.И. 161
Якунчикова М.В. 286
Якушкин И.Д. 82, 258, 260–269, 273–277, 280, 302
Якушкины 244
Ямщиков С.В. 296, 343
Янычаркова Ю. 129
Ярцов Я.О. 183
- Alimov A. 141–149
Аудунян А. 158, 175
- Balina** M. 176
Baranowski N. см. Барановская Н.
Barthe N.-T. см. Барт Н.-Т.
Bournoutian G. см. Бурнутян Дж.
Brintlinger A. 158, 175
Bushkovich P. 163, 175
- Caratozzolo M. см. Каратоццоло М.
Cazzola 117, 118
Cerasi L. 112, 113
Costello D.P. см. Костелло Д.
Creuzé de Lesser O.-F. см. Крёзе де Лессер О.-Ф.
- Damiani E. см. Дамиани Э.
Davis D. см. Дэвис Д.
- Dobrenko E. 176
Donini P.G. 117–118
- Forsyth J. 163, 175
- Ginzburg L. см. Гинзбург Л.
- Harden E. см. Харден Э.
Hobson M. см. Хобсон М.
Hobson W. 364
- Kauchtschischwili N. 117–118
Kelly L. см. Келли Л.
Kosny W. см. Кошны В.
- Lo Gatto E. см. Ло Гатто Э.
- Magarotto L. 117–118
Malcom J. см. Малком Дж.
Markoff A. 185, 188
Melville F. см. Мелвилл Ф.И.
Moser Ch.A. 176
- Pacini Savoj L. см. Пачини Савой Л.
Perillo F.S. 117–118
- Rayfield D. см. Рейфилд Д.
Rubini G. см. Рубини Дж.
Rydel Ch.A. см. Райдел К.А.
- Santarone P. см. Сантароне П.
Scarcia G. 117–118
Scevireff (Sceviref) S.P. см. Шевырев С.П.
Senelick L. 162, 176
Stolf L. 117, 119
- Tsygankov A. 176
- Verdinois F. 118
Vesselovskii A.N. см. Веселовский А.Н.

Научное издание

А.С. ГРИБОЕДОВ И ЕГО ЭПОХА

Хмелитский сборник №18

Отв. редакторы:

Е.В. Аблогина, М.В. Скороходов

Подготовка оригинал-макета:

Издательство «МАКС Пресс»

Главный редактор: *Е.М. Бугачева*

Компьютерная верстка: *В.Е. Иванов*

Обложка: *А.В. Кононова*

Подписано в печать 17.11.2023 г.

Формат 60/90 1/16. Усл. печ. л. 24,5.

Тираж 300 экз. Заказ № 191.

Издательство ООО «МАКС Пресс»

Лицензия ИД N 00510 от 01.12.99 г.

119992, ГСП-2, Москва, Ленинские горы,

МГУ им. М.В. Ломоносова, 2-й учебный корпус, 527 к.

Тел. 8(495)939-3890/91. Тел./Факс 8(495)939-3891.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов в ООО «Фотоэксперт»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42,
корп. 5, эт. 1, пом. I, ком. 6.3-23Н